

ВЕСТНИК

МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

MGIMO

Review of International
Relations

• 13(6) • 2020

Журнал индексируется в следующих
системах и каталогах: Web of Science, РИНЦ,
Google scholar, список ВАК, ERIH PLUS, EBSCO.

Вестник МГИМО-Университета

Научный рецензируемый журнал

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Редакционная коллегия:

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО МИД России. Главный редактор (Россия).

Байков А.А. – кандидат политических наук, доцент, проректор по научной работе и международному сотрудничеству МГИМО МИД России. Заместитель главного редактора (Россия).

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, заместитель начальника Управления научной политики МГИМО МИД России. Шеф-редактор (Россия).

Артизов А.Н. – доктор исторических наук, руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации (Россия).

Бусыгина И.М. – доктор политических наук, профессор Департамента прикладной политологии, НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге (Россия).

Вайц Р. – Старший научный сотрудник и директор Центра военно-политического анализа в Институте Хадсона (США)

Войтоловский Ф.Г. – член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН, директор ИМЭМО РАН (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук Университета Аризоны (США).

Гаман-Голутвина О.В. – член корреспондент РАН, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России (Россия).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Де Танги А. – главный научный сотрудник Центра международных исследований (СЕРИ)/Сьянс По, профессор (Франция).

Казанцев А.А. – доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра исследований элит ИМИ МГИМО МИД России (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН (Россия).

Колосов В.А. – доктор географических наук, заведующий лабораторией геополитических исследований, Институт географии РАН (Россия).

Коробков А.В. – профессор политологии Университета штата Теннесси (США).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Лебедева М.М. – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России (Россия).

Липкин М.А. – доктор исторических наук, профессор РАН, директор Института всеобщей истории РАН (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по общим вопросам МГИМО МИД России (Россия).

Михнева Р. – доктор исторических наук, исполнительный директор Национальной ассоциации Болгарское наследие (Болгария).

Печатнов В.О. – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России (Россия).

Пивоваров Ю.С. – научный руководитель ИНИОН РАН, академик РАН (Россия).

Рогов С.М. – академик РАН, научный руководитель Института США и Канады РАН (Россия).

Рутланд П. – профессор Уэслевского университета (США).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Сергунин А.А. – профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Столбов М.И. – доктор экономических наук, заведующий кафедрой прикладной экономики МГИМО МИД России (Россия).

Терзич С. – главный научный сотрудник Института Истории Сербской академии наук и искусств (Сербия).

Уолфорт У. – профессор им. Дэниэла Вебстера Факультета управления Дартмутского колледжа (США).

MGIMO Review of International Relations

Scientific Peer-Reviewed Journal

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Editorial Board:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Academician of the Russian Academy of Sciences. Editor-in-Chief (RAS).

Baykov A.A. – Vice-Rector for Research and Global Engagement MGIMO University, PhD in Political Science, Associate Professor. Deputy Editor-in-Chief.

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Associate professor, World Politics Department, MGIMO University. Editor-in-Charge. (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

Busygina I. – Professor, Department of Applied Politics, National Research University – Higher School of Economics, Saint Petersburg (Russia).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

De Tinguy A. – Senior Research Fellow of the Center for International Studies/Science Po, Professor (France).

Gaman-Golutvina O.V. – Corresponding member of RAS, President of Russian Political Science Association, Head of Comparative Politics Department, MGIMO University (Russia).

Groom J. – Professor Emeritus of International Relations, University of Kent (UK).

Kazantsev A.A. – Doctor of Political Sciences, Senior research fellow of Center for Elite Studies, MGIMO University (Russia).

Kokoshin A.A. – Academician of the RAS (Russia).

Kolosov V.A. – Doctor of Geography, Head of the Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Korobkov A.V. – Professor of Political Science and International Relations' at Middle Tennessee State University (USA).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Lebedeva M.M. – PhD in Psychology, Doctor of Political Sciences, Professor, the Head of the World Politics Department, MGIMO University (Russia).

Lipkin M. – Doctor of Sciences (History). Director of the Institute of World History of the RAS, professor of the RAS (Russia).

Malghin A.V. – PhD in Political Sciences, Vice-Rector for General Issues of MGIMO University (Russia).

Mihneva R. – Executive Director of Bulgarian Heritage National Association, Doctor of Historical Sciences (Bulgaria).

Pechatnov V.O. – Doctor of Sciences (History), Head of Department of History of European and American countries, MGIMO University (Russia).

Pivovarov S.U. – Research Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS, Academician of the RAS (Russia).

Rogov S.M. – Scientific Advisor of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Rutland P. – Professor of Government at Wesleyan University (USA).

Sakwa S. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Sergunin A.A. – Professor, chair of theory and history of international relations, Saint Petersburg University

Stolbov M.I. – Doctor of Sciences (Economics), Head of Applied Economics Department, MGIMO University (Russia).

Terzic' S. – Chief Research Fellow of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia).

Voitolovsky F. – Doctor of Sciences (Politics), Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Corresponding Member of the RAS (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Sciences at the University of Arizona (USA).

Weitz R. – Senior Fellow and Director of the Center for Political-Military Analysis at Hudson Institute (USA).

Wohlforth W.C. – Daniel Webster Professor of Government, Dartmouth College (USA).

© МГИМО МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 г. Перерегистрировано ПИ № ФС77-69112 от 14 марта 2017 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14.
Тел./факс: 8 (495) 234-84-41;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru

e-mail: vestnik@mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.

ISSN-Online 2541-9099.

Дизайн – Волков Д.Е., редакторы – Меден Н.К., вёрстка – Волков Д.Е.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объём 23,7 усл. п.л. Заказ № 932.

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007. Reregistered ПИ № ФС77-69112 14 March 2017.

The Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14.
Phone/fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;

e-mail: vestnik@mgimo.ru.

ISSN-Print 2071 – 8160.

ISSN-Online 2541-9099.

Published by MGIMO University Press. Number of printed copies: 2000.

Содержание • 13(6) • 2020

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Военные и невоенные инструменты влияния в мировой политике

- 7 Истомин И.А. – Миражи инноваций: «вклад» технологического прогресса в военную нестабильность
- 53 Калинин А.А. – Планы США по интернационализации политики сдерживания СССР на Балканах в первой половине 1950-х гг.
- 77 Ребро О.И. – Сигнализирование, сдерживание и принуждение в санкционной политике США в отношении России на начальном этапе Украинского кризиса

Субнациональные акторы мировой политики

- 99 Хахалкина Е.В., Андреев К.П., Мунько А.В. – Новое лицо Евросоюза: феномен правого популизма на примере отдельных стран ЕС
- 133 Зарицкий Б.Е. – Проблемы и перспективы малого и среднего бизнеса в Германии

- 153 Мухаметов Р.С. – Факторы международной активности российских городов

Поворот на Восток

- 175 Байков А.А., Гневашева В.А. – Эконометрические оценки «поворота России на Восток»: опыт многофакторного анализа
- 208 Dhaka A., Dmitrieva M. – Factoring Central Asia in the Russia-India Energy Trade

КНИЖНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

- 228 Filimonov F.Yu. – The Role of Coal in the International Energy Trade

Table of Contents • 13(6) • 2020

RESEARCH ARTICLES

Military and non-military tools in world politics

- 7 Istomin I.A. – Innovation Mirage: The Role of Technological Uncertainty in Military Instability
- 53 Kalinin A.A. – U.S. Plans to Internationalize the Containment of the USSR in the Balkans in the First Half of the 1950s.
- 77 Rebro O. – Signaling, Constraining and Coercing in US Sanctions Policy towards Russia in the Context of the Ukraine Crisis

Subnational actors in world politics

- 99 Khakhalkina E.V., Andreev K.P. Munko A.V. – New Face of European Union: Right-Wing Populism in the EU-Countries
- 133 Zaritskiy B.E. – Problems of Small and Medium Business in Germany

- 153 Mukhametov R.S. – Factors of International Activity of Russian Cities

Pivot to the East

- 175 Baykov A.A., Gnevasheva V.A. – Econometric Estimates of Russia's Turn to the East
- 208 Dhaka A., Dmitrieva M. – Factoring Central Asia in the Russia-India Energy Trade

BOOK REVIEWS

- 228 Filimonov F.Yu. – The Role of Coal in the International Energy Trade

Миражи инноваций: «вклад» технологического прогресса в военную нестабильность

И.А. Истомин

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России
Центр Дэвиса, Гарвардский университет, США

Статья посвящена влиянию технологических изменений на риски военных столкновений между государствами. В настоящее время в экспертном сообществе растут опасения по поводу дестабилизирующего значения новых типов вооружений (включая противоракетные и противоспутниковые средства, гиперзвуковые носители, автономные боевые системы, военное применение искусственного интеллекта). Высказываемые на эту тему предположения зачастую не опираются на солидную теоретическую основу. Автор стремится заполнить существующую лауну, доказывая, что появление новых вооружений негативно сказывается на международной стабильности, но этот эффект слабо связан со специфическими характеристиками технологий. Выдвигаемая теория технологической неопределённости предлагает альтернативу теории соотношения оборонительных и наступательных возможностей. Последняя получила развитие с 1970-х гг., но её положения подвергаются острой критике. Теория технологической неопределённости связывает дестабилизирующий эффект вооружений с их влиянием на расхождение представлений государств о соотношении сил с завышенными ожиданиями относительно способности компенсировать количественные ограничения качественным превосходством, с алармизмом ввиду ощущения утекающих возможностей и растущей уязвимости. Её положения базируются на основе анализа военных столкновений европейских государств с конца XVIII – до середины XX в., а также взаимоотношений сверхдержав в период холодной войны. Выбор эмпирического материала обусловлен тем, что рассматриваемый исторический промежуток был отмечен активизацией качественных гонок вооружений между государствами. Кроме того, именно он чаще всего используется для обоснования альтернативных объяснений роли технологий в инициировании военных столкновений. История последних двух с половиной столетий даёт солидное обоснование теории технологической неопределённости. Она свидетельствует о том, что всем случаям крупномасштабных военных столкновений предшествовали значимые технологические изменения, а периоды мира приходились на время технологического застоя. Автор выявляет следствия из предлагаемой теории для дискуссий относительно изменений в вооружениях на стыке 2010-х – 2020-х гг. Проведённое исследование подтверждает, что опасения относительно их дестабилизирующего значения оправданы, но не по тем причинам, которые выдвигает большинство аналитиков. Толику оптимизма выводам добавляет то, что в настоящее время потенциальные нововведения находятся на различных стадиях развития. Между тем вероятность

УДК: 327.8

Поступила в редакцию: 12.11.2020 г.

Принята к публикации: 10.12.2020 г.

военных столкновений резко возрастает при наложении нескольких источников технологической неопределённости. В этой связи стабилизирующую роль может сыграть увеличение временного лага между их появлением.

Ключевые слова: вооружения, технологии, война, соотношение сил, восприятие, революции в военном деле, окно возможностей, великие державы, вооружённые силы

Влияют ли технологические изменения на вероятность вооружённых столкновений между государствами? Во второй половине XX в. выдвигалась гипотеза, что создание ядерного оружия ввиду его разрушительной мощи резко снизило (если не исключило) риски перерастания политических конфликтов в военное противостояние (Brodie 1946; Waltz 1981; Jervis 1989; Glaser 1990; Караганов 2010). Тем не менее опыт холодной войны свидетельствовал о том, что даже сверхдержавы продолжали испытывать страх за собственную безопасность. На протяжении всей второй половины XX в. они стремились добиться военного превосходства, не надеясь на стабильность взаимно гарантированного уничтожения (Green, Long 2017).

Опасения по поводу возможности крупномасштабного столкновения побуждали СССР и США к разработке новых вооружений – ракет с разделяющимися головными частями индивидуального наведения, систем противолодочной защиты, средств противоракетной обороны (Brooks 1975). Их появление, в свою очередь, приводило к ещё большим страхам относительно дестабилизирующей гонки вооружений. После окончания холодной войны риски, связанные с созданием новых вооружений, продолжали вызывать озабоченность специалистов.

На протяжении 2010-х гг. их внимание фокусировалось на возможных последствиях разработки противоракетной обороны, средств борьбы со спутниками, гиперзвукового оружия, автономных боевых систем, военного применения искусственного интеллекта, вооружений на новых физических принципах (Буренок 2011; Brimley et al. 2013; Есин 2015; Кокошин, Балуевский, Потапов 2015; Влияние технологических факторов... 2017; Speier 2017; Klare 2018; Арба-тов 2018; Sechser, Narang, Talmadge 2019; Johnson 2019; Horowitz 2019). При этом большинство публикаций концентрировалось на специфике отдельных типов вооружений.

Настоящая статья призвана поставить такого рода оценки в контекст теоретического осмысления влияния технологических изменений на вероятность военных столкновений между государствами. При этом под технологиями понимается набор знаний и навыков, обеспечивающих производство инструментов человеческой деятельности, а также собственно создаваемые на их основе артефакты (Skolnikoff 1994: 13). То есть в данном случае не рассматриваются различного рода социальные и управленческие технологии, представляющие собой алгоритмы поведения, не связанные с производством физических объектов.

Автор доказывает, что появление новых вооружений негативно сказывается на международной стабильности. При этом он решает две взаимосвязанные задачи. Во-первых, настоящее исследование подтверждает влияние на вероятность военных столкновений динамики технологических изменений. Во-вторых, оно выявляет психологические эффекты, связанные с появлением новых вооружений, обеспечивающих поддержание установленной зависимости. Соответственно, основным итогом статьи выступает оригинальная теория технологической неопределённости, призванная объяснить логику инициирования войн между государствами.

Анализ влияния новых вооружений на вероятность военных столкновений начинается с обзора дискуссий относительно международно-политического значения соотношения наступательных и оборонительных возможностей. С конца 1970-х гг. специалисты ориентировались на него в оценке рисков инициирования войн. Вместе с тем предположение, что технологические новации оказывают дифференцированный эффект на вероятность агрессии и возможности обороны, уязвимо для критики.

В этой связи автор предлагает оригинальное объяснение инициирования военных столкновений как продукта технологической неопределённости. Он связывает дестабилизирующий эффект вооружений с порождаемыми появлением новых вооружений расхождениями представлений государств о соотношении сил, завышенными ожиданиями относительно способности компенсировать количественные ограничения качественным превосходством, алармизмом ввиду ощущения утекающих возможностей и растущей уязвимости.

Статья обосновывает преимущества теории технологической неопределённости в объяснении опыта военных столкновений европейских государств с конца XVIII – до середины XX вв., а также взаимоотношений сверхдержав в период холодной войны. Выбор эмпирического материала для анализа обусловлен тем, что рассматриваемая историческая эпоха была отмечена интенсификацией качественных гонок вооружений между государствами (Buzan, Lawson 2015). Кроме того, именно она чаще всего используется для обоснования альтернативных объяснений роли технологий в инициировании военных столкновений.

В заключении автор выявляет следствия из теоретических разработок и исторического анализа для дискуссий относительно изменений в вооружениях на стыке 2010-х – 2020-х гг. Проведённое исследование подтверждает, что опасения относительно их дестабилизирующего значения оправданы, но не по тем причинам, которые выдвигает большинство аналитиков. Дело не в специфике новых технологий, а в не просчитываемых и часто неправильно понимаемых последствиях изменений в вооружениях. Статья пытается наметить возможные пути снижения возникающих рисков.

Последующий анализ вносит вклад сразу в два направления международных исследований. В первую очередь он уточняет представления об истоках войн между государствами. Теория технологической неопределённости конкре-

тизирует предшествующие гипотезы о психологических механизмах, обеспечивающих перерастание политического соперничества в военное противоборство (например, Blainey 1973; Jervis 1976; Copeland 2001), выявляя материальные стимулы их запускающие. При этом она полемизирует как с исследователями, акцентирующими дестабилизирующий потенциал отдельных технологий (Quester 1977; Jervis 1978; Lynn-Jones 1995; Van Evera 1998; 1999; Glaser, Kaufmann 1998), так и с авторами, которые концентрируются на соотношении общих потенциалов при объяснении вооружённой борьбы (Waltz 1979; Mearsheimer 2001; Lieber 2005).

Кроме того, настоящее исследование дополняет интенсивно развивавшуюся в последние годы литературу, посвящённую роли технологий в международных отношениях (Ruggie 1975; Skolnikoff 1994; Herrera 2012; Голубев 2015; McCarthy 2017). С 1990-х гг. в центре этой предметной области стоит взаимное конструирование материальных и социальных изменений. Тем не менее изучение истоков вооружённых конфликтов по-прежнему находится под влиянием технологического детерминизма. Настоящая работа демонстрирует применимость положений, разрабатываемых в рамках исследований науки, технологий и общества (STS), к осмыслению проблем международной безопасности.

Влияние технологий на соотношение нападения и обороны

В исследованиях международной безопасности взаимосвязь между господствующими в отдельные исторические периоды средствами вооружённой борьбы и вероятностью военных столкновений вызывает острые дебаты. Объяснение рисков, вызываемых технологическими изменениями, предлагает теория соотношения оборонительных и наступательных возможностей – ТСОНВ (Quester 1977; Jervis 1978; Lynn-Jones 1995; Van Evera 1998; 1999; Glaser, Kaufmann 1998). Её сторонники указывают на изменение интенсивности межгосударственного противоборства в связи с появлением новых вооружений¹. Появление различных технологий по-разному влияет на международную безопасность.

Исследователи утверждают, что в ряде случаев новые вооружения, предоставляя преимущества обороняющейся стороне, повышают издержки наступательных действий. В результате агрессивная политика имеет меньшие шансы на успех, а вооружённые конфликты становятся менее результативными и более продолжительными. Противостояние превращается в борьбу на истощение, а

¹ В ряде случаев представители ТСОНВ выступают за широкий подход к оценке соотношения потенциалов, включая в него такие параметры, как географическая доступность, степень кумулятивности ресурсов, уровень национального единства и политической легитимности правительства, наличие и крепость альянсов, размер вооружённых сил, военные доктрины, организация и развёртывание войск. Включение такого большого числа параметров затрудняет инструментальную операционализацию теории и делает её фактически нефальсифицируемой. Обзор предлагаемых переменных см. (Lieber 2005: 30-32). На эмпирическом анализе сторонники ТСОНВ, в первую очередь, ориентируются на характер господствующих технологий. Дальнейший анализ ориентируется на «узкий» вариант ТСОНВ.

любая победа оказывается пирровой. В частности, в Средние века каменные замки позволяли мелким феодалам сдерживать значительно превосходящие силы. Гарантируя их автономию, оборонительные сооружения консервировали раздробленность в Европе. Аналогичным образом росту возможностей защищающихся в XIX в. содействовало развитие скорострельного оружия. Оно затрудняло преодоление подготовленных позиций наступающей стороной, что подтвердили позиционные сражения Первой мировой войны.

Напротив, другие технологические открытия облегчают задачи нападающих, повышая риски для обороны. Они увеличивают вероятность стремительного разгрома, лишая государство шансов оправиться от первоначального натиска, перегруппироваться и возобновить сопротивление. В таких условиях продолжительность вооружённых конфликтов сокращается, создавая предпосылки для экспансии.

Например, развитие огнестрельного оружия в раннее Новое время существенно упростило взятие замков. Это стимулировало консолидацию монархических владений и возникновение централизованных государств (Parker 1976; Batchelder, Freudenberg 1983). Также преодолению позиционных сражений на завершающем этапе Первой мировой войны способствовало появление танков. Они повысили возможности прорыва обороны и оперативного маневрирования в тылу противника. Преимущества подвижных соединений проявились в ходе Второй мировой войны и в конфликтах второй половины XX в. (Searle 2017).

В международной политике периодам доминирования оборонительных потенциалов должна соответствовать большая стабильность – государства сталкиваются с меньшими угрозами нападения, войны ввиду дороговизны становятся редкостью. Даже игроки, склонные к экспансии, лишены шансов реализовать агрессивные намерения². Напротив, распространение технологий, повышающих наступательные возможности войск, усиливает волатильность в международной системе. Опасность быть застигнутым врасплох побуждает государства, отстаивающие статус-кво, переходить к превентивной агрессии. Нападение становится лучшей обороной, а угроза вооружённых столкновений возрастает.

Хотя теория, ставящая вероятность инициирования войн в зависимость от характера преобладающих технологий, получила широкое признание, она спровоцировала и жёсткую критику³. Слабым местом в аргументации стала задача вычленения того, какие технологии способствуют агрессии, а какие работают на защищающуюся сторону (Jervis 1978). На протяжении истории неопределён-

² Джон Миршаймер обращал внимание, что даже экспансионистски настроенные государства склонны инициировать конфликты лишь в тех случаях, когда они рассчитывают на скорую победу (Mearsheimer 1985).

³ О популярности ТСОНВ свидетельствует то, что в базе Google Scholar содержатся сведения о 28 тысячах статей по ней за период 2010-х гг. В том числе она получила широкое применение для объяснения противоборства в киберпространстве. См., например, (Saltzman 2013; Gartzke, Lindsay 2015; Slayton 2017; Garfinkel, Dafoe 2019).

ность в этом вопросе не раз приводила к дестабилизации на международной арене.

Неспособность государств правильно оценить текущее соотношение возможностей обороны и нападения иллюстрирует опыт и Первой, и Второй мировых войн. В 1914 г. европейские державы, рассчитывавшие на скорую победу, оказались втянуты в позиционное противоборство. В 1939 г., наоборот, Франция и Британия недооценили потенциал подвижных соединений, а соответственно и риски германской агрессии (Christensen, Snyder 1990).

Критики утверждают: само разделение вооружений на оборонительные и наступательные сомнительно. Оно применимо разве что к тактическому уровню противоборства. Государства, ориентированные на вооружённую экспансию, приспособливают для достижения политических целей все доступные средства⁴. Равным образом и защищающаяся сторона способна адаптировать наступательные вооружения под решение оборонительных задач. В результате одни и те же изобретения в различных условиях служат то агрессивной политике, то защите статус-кво⁵.

Так, в конце XIII в. английский правитель Эдуард I развернул обширное строительство замков для покорения Уэльса. Они сформировали сеть опорных баз, обеспечивших контроль над прилежащими территориями и быструю переброску королевских войск (Брауэр, ван Туйль 2016: 116-126). Вопреки предполагаемой роли замков в сохранении раздробленности крепостные укрепления в данном случае выступали инструментом экспансии. Франко-прусская война 1870–1871 гг. также иллюстрирует креативность наступающих – германские войска использовали преимущества возросшего темпа стрелкового огня, создавая заслоны в тылу противника. В результате обороняющимся французам во избежание окружения приходилось прибегать к тактическим атакам на оборудованные позиции. Связанные с этим потери способствовали успеху германского наступления (Lieber 2005: 90-91).

Напротив, в годы Второй мировой войны и Советский Союз, и Германия активно использовали бронетехнику в оборонительных действиях, несмотря на то, что танки традиционно ассоциируются с наступательными операциями. В частности, именно маневрирование подвижными частями спасало германские войска от разгрома в ходе советских контрнаступлений в 1941–1943 гг. В свою очередь Красная армия опиралась на танковые силы, предотвращая попытки разблокирования Сталинградского котла и удерживая оборону под Курском (Izzo 2015; Crow 2015).

Неудивительно, что попытки связать вероятность военных столкновений с соотношением оборонительных и наступательных вооружений наталкиваются

⁴ Наиболее развёрнутая критика (Lieber 2005). См. также (Gray 1993; Betts 1999).

⁵ Например, Джеффри Херрера утверждает, что в войнах 1850-х – 1870-х гг. развитие железных дорог способствовало наступающим, а в ходе Первой мировой войны – уже обороняющимся (Herrera 2004). Увязывание с одной и той же причиной прямо противоположных следствий свидетельствует о логической несостоятельности объяснения.

на многочисленные аномалии. Первая половина XIX столетия, когда вооружения государств фактически не менялись, вместила и наполеоновские войны, и продолжительный мир под сенью «европейского концерта»⁶. На первую половину XX в. пришлось два крупномасштабных столкновения, одно – на период предполагаемого доминирования оборонительных потенциалов, а другое – на время господства наступательных возможностей.

Таким образом, в одном случае уровень военного противоборства изменился, несмотря на сохранение технологических условий, в другом – оставался сопоставимым, несмотря на изменения в вооружениях. Представленные примеры ставят под сомнение объяснительный потенциал ТСОНВ. Они не позволяют рассчитывать на то, что отдельные технологии порождают только стабилизирующие или дестабилизирующие последствия.

Соответственно, априори приписывать какую-то функциональную роль нынешним военным новинкам (гиперзвуковым носителям, автономным ударным системам, противоспутниковому оружию) означает недооценивать спектр их возможного применения. Показательно, что зарубежные публикации рассматривают гиперзвуковое оружие преимущественно как средство контрсилового удара для обезоруживания оппонента. Российские политики и эксперты концентрируются на его вкладе в осуществление гарантированного возмездия агрессору, обладающему развитой противоракетной обороной⁷.

Таким образом, сторона, отставшая в развитии технологии, позиционирует её как наступательную, а создавшее опережающий задел государство – как оборонительную. На деле же появляющееся вооружение имеет различные применения. Причём не все из них изначально очевидны создателям. Неопределённость последствий технологических изменений нередко рассматривается как препятствие для оценки его влияния на риски военных столкновений (Jervis 1978). На деле она-то и определяет его воздействие на международную безопасность.

Технологическая неопределённость и интенсивность вооружённой борьбы

Острота дискуссии вокруг ТСОНВ поляризовала исследовательское сообщество. Сторонники теории яростно отстаивают необходимость разграничения наступательных и оборонительных потенциалов и учёт их соотношения при оценке рисков военных столкновений. Критики исходят из примата поли-

⁶ Для обзора эволюции международных отношений в этот период см. (Schroeder 1994).

⁷ Западный взгляд на гиперзвуковые носители представлен, в частности, в (Speier et al. 2017; Klare 2019). Российские взгляды на ту же проблематику получил отражение в (Караганов, Суслов 2019: 31). См. также: Путин заявил, что выход США из договора по ПРО вынудил Россию создать гиперзвуковое оружие. ТАСС. 19.09.2020. Режим доступа: <https://tass.ru/armiya-i-opk/9501307> (дата обращения 9.12.2020). Более нюансированный анализ значения гиперзвуковых вооружений см. Kofman M. Russia's Avangard hypersonic boost-glide system. *Russia Military Analysis*. 11.01.2019. URL: <https://russianmilitaryanalysis.wordpress.com/2019/01/11/russias-avangard-hypersonic-boost-glide-system/> (accessed 9.12.2020).

тических соображений над технологическими особенностями, отрицая влияние изменений в вооружениях на вероятность межгосударственных столкновений⁸.

Такая поляризация затрудняет выработку объяснений, связывающих обострение конфликтности с появлением новых вооружений, но при этом избегающих дифференцирования различных типов технологий. Между тем обе стороны дебатов игнорируют влияние неравномерности технологического развития на человеческую психологию⁹. Эволюция средств ведения борьбы искажает восприятие текущего и будущего соотношения сил. Неопределённость, вызываемая технологическим развитием, создаёт риски для международной безопасности.

Настоящий раздел призван охарактеризовать недооценённую взаимосвязь между появлением вооружений и инициированием военных столкновений, представив оригинальную теорию технологической неопределённости. Она в том числе позволит объяснить возникновение военных столкновений в отсутствие существенных подвижек в соотношении сил. Дополнительным следствием описываемой зависимости станет вывод о том, что изменения в технологиях создают большие риски дестабилизации, чем наращивание численности армий, организационные или доктринальные новации.

Влияние новых вооружений на вероятность военных столкновений опосредуется тремя психологическими эффектами: расхождениями представлений государств о соотношении сил, завышенными ожиданиями относительно способности компенсировать количественные ограничения качественным превосходством, алармизмом ввиду ощущения утекающих возможностей и растущей уязвимости. Для объяснения логики теоретического подхода стоит остановиться на каждом из них подробнее, прежде чем охарактеризовать воздействия технологических изменений на международную безопасность.

Уже один из пионеров исследований международной безопасности Джэффри Блейни утверждал: «войны обычно начинаются тогда, когда два государства расходятся в оценках соотношения сил между ними» (Blainey 1973: 293). Впоследствии ряд исследователей отмечал неоправданный оптимизм политических лидеров, иницирующих вооружённые конфликты (Lebow 1981; Johnson 2004), а Стивен ван Эвера соглашался, что базовой предпосылкой войн выступают не всегда корректные представления государств о лёгкости завоеваний (Van Evera

⁸ В качестве альтернативы ТСОНВ Кир Либер выдвинул теорию технологического оппортунизма, в соответствии с которой государства ищут возможность использовать все доступные вооружения для достижения своих (как правило, наступательных) политических целей (Lieber 2005: 4-6). Такого рода утверждения трудно признать за самостоятельную теорию. Они вытекают из логики наступательного реализма, который исходит из оправданности наступательных стратегий для государств. Тем не менее исторический опыт даёт множество примеров неоправданного технологического оптимизма.

⁹ Сторонники ТСОНВ указывают на то, что восприятие соотношения наступательных и оборонительных потенциалов может иметь даже большее значение для международной безопасности, чем практические возможности вооружений. Они также признают, что государства нередко придерживаются ошибочных оценок относительно последствий технологических разработок. Тем не менее их объяснение такого рода ошибок основано на апелляции к частным предпочтениям отдельных групп интересов – в первую очередь военных (Van Evera 1999).

1999: 117). Во всех этих случаях специалисты связывали военные столкновения с искажённым восприятием.

Что же выступает источником таких искажений и, в конечном счёте, невозможности синхронизировать представления о соотношении сил? Ответ на этот вопрос нередко увязывают с различием в информированности противоборствующих сторон и неспособностью или нежеланием одной из них раскрыть реальные сведения другой¹⁰. Ещё более проблемной оказывается ситуация, когда ни один из игроков не располагает полной и достоверной информацией, то есть когда возрастает уровень неопределённости в отношениях.

Технологическое развитие выступает мощным источником неопределённости, затрудняющим согласование представлений о соотношении сил. Как подчёркивал Мартин ван Кревельд, технологии на протяжении истории оказывали фундаментальное влияние на войны, обеспечивая материальные основания их ведения (Van Creveld 1989: 1). Изменения в вооружениях формируют новые средства организованного насилия, но выявление характера и глубины их последствий зачастую связано с трудностями.

Физические объекты и общественные отношения взаимно обуславливают друг друга. Вместе с тем как технологическое развитие, так и социальные изменения обладают и внутренними драйверами эволюции, их трансформация не сводится только к реагированию на внешние стимулы (McCarthy 2017: 11-12). В противном случае динамика взаимного конструирования привела бы к устойчивому равновесию, не допускающему отклонений. Социотехнические системы, достигшие внутренней согласованности, теряли бы способность к развитию.

Дуализм взаимовлияния и частичной автономии технологических и социальных изменений означает, что материальные артефакты допускают различные, хотя и не любые интерпретации. Конструирование потенциальных применений технологических достижений – творческий процесс, который с трудом поддаётся просчёту. Последствия нововведений слишком индетерминированы для информированных прогнозов наиболее целесообразных их приложений из многообразия гипотетически возможных.

В этой связи логичными оказываются затруднения военных организаций при внедрении новых вооружений (Van Creveld 1989; Rosen 1991; Horowitz 2010). Их интеграция с ранее созданными средствами, доктринальная и организационная адаптация наталкиваются на сопротивление скептиков. Сами технологические новинки редко демонстрируют впечатляющие результаты в ходе первоначальных применений, страдая от «детских болезней»¹¹. В результате между

¹⁰ См. дискуссии относительно возможности формализации этого тезиса в рамках рационалистских моделей (Morrow 1989; Fearon 1995; Fey, Ramsay 2011; Slantchev, Tarar 2011).

¹¹ Схожий парадокс отмечается в литературе, посвящённой роли подрывных инноваций в бизнесе (Christensen 1997).

разработкой вооружений и получением отдачи от их использования на поле боя нередко проходит длительное время.

Хотя ускорение технологического развития необязательно даёт военные преимущества, оно расширяет спектр возможных предположений относительно существующей ситуации. Трудности в осмыслении последствий применения новых вооружений, а также различия в темпах их разработки и внедрения создают предпосылки к расхождению в оценках текущего соотношения потенциалов и перспектив его изменения в будущем.

Дестабилизирующий эффект, вызванный неопределённостью последствий появления новых технологий, усиливает склонность мышления к обострённому восприятию выделяющихся на общем фоне явлений¹². Демонстрация вооружений способна оказывать мощное психологическое воздействие, формируя запоминающиеся образы. В этом отношении показательна роль парадов военной техники как формы сигнализирования силовых возможностей и внешним контрагентам, и общественности внутри страны¹³. Яркие картинки новейших вооружений призваны укреплять представления о военной мощи и технологическом потенциале страны.

В результате появлению вооружений нередко сопутствует волна завышенных ожиданий относительно предполагаемого качественного превосходства (Fenn, Raskino 2008; Dedehayir, Steinert 2016). Нередко технологические изменения порождают спекуляции относительно перспектив революции в военном деле¹⁴. Хотя нереалистичные представления развенчиваются по мере внедрения вооружений, очередной виток развития технологий вновь создаёт триггеры для ажиотажа. Таким образом, наряду с дивергенцией представлений сторон относительно соотношения сил негативное влияние имеют и возникающие представления о масштабности последствий технологических изменений.

Наконец, на повышение вероятности военных столкновений работает и то, что преимущества, обеспеченные новыми вооружениями, редко оказываются долгосрочными. Они не затрагивают базисные основания военной мощи, а

¹² О влиянии формы подачи информации на восприятие см. (Tversky, Kahneman 1973; Taylor, Thompson 1982; Bordalo, Gennaioli, Shleifer 2012).

¹³ См., например, международную реакцию на парад, посвящённый 70-летней годовщине основания КНР в 2019 г. (Cao Siqi. China to hold largest military parade in two decades to celebrate 70th anniversary of PRC's founding. *Global Times*. 29.08.2019. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1163004.shtml> (accessed 9.12.2020); Fifield A. China rolls out its military firepower with emphasis on 'Cold War-style' nuclear might. *The Washington Post*. 01.10.2019. URL: https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/china-rolls-out-its-military-firepower-with-emphasis-on-cold-war-style-nuclear-might/2019/10/01/243d5302-e168-11e9-be7f-4cc85017c36f_story.html (accessed 9.12.2020); Neill A. China anniversary: Military parade brings out the big guns. BBC. 30.09.2019. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-china-49849858> (accessed 9.12.2020)).

¹⁴ См., в частности, дискуссии 1990-х гг. о революции в военном деле, вызванной высокоточным оружием (Krepinevich 1994; Cooper 1994; Metz 1995; Sloan 2002).

межгосударственное соперничество побуждает других игроков пытаться ликвидировать технологическое отставание, создавая собственные аналоги или находя средства противодействия¹⁵. Развитие вооружений порождает последствия противоположные по направленности, но сходные по характеру результатам политических революций. Последние приводят к краткосрочному ослаблению государства, тогда как технологические изменения – к столь же преходящему усилению¹⁶.

Неустойчивость превосходства, обеспеченного технологическим развитием, формирует представления об ограниченном окне возможностей у стороны, обладающей новыми вооружениями, и окне уязвимости у того, кто ими не располагает. У первых риски распространения эксклюзивных технологий создают стимулы к скорейшей реализации имеющегося преимущества. Отставание побуждает нанести опережающий удар до того, как уязвимость станет очевидной¹⁷. В обоих случаях у государств появляется заинтересованность в инициировании военных столкновений.

Изложенные логические взаимосвязи резюмированы в виде схемы на Рис. 1. Она связывает риски военных столкновений с воздействием технологических изменений на восприятие государствами международной обстановки. Появление новых вооружений стимулирует расхождение представлений о соотношении сил, завышенные ожидания относительно способности компенсировать количественные ограничения качественным превосходством, алармизм ввиду ощущения утекающих возможностей и растущей уязвимости. Эти психологические эффекты могут появляться как синхронно, так и по отдельности, но все они работают на рост вероятности военного столкновения.

Они могут сделать стороны менее готовыми к совершению уступок, необходимых для политического урегулирования противоречий. В результате снижается порог применения насилия. В контексте появления новых вооружений у государства может сложиться впечатление, что противоположная сторона неспособна подкрепить свои претензии военной силой, но при этом существующая ситуация требует безотлагательных решений, потому что в будущем она может измениться к худшему. В этих условиях возрастает готовность к усилению давления на оппонента, применению крайних мер, в том числе военных.

¹⁵ О роли имитации в международных отношениях см. (Waltz 1979:128).

¹⁶ Ср. (Walt 1996).

¹⁷ Подробнее о роли окон возможностей и уязвимости в конфликтах см. (Van Evera 1999: 73-103). Важно отметить, что метафора окон предполагает рост алармизма на различных стадиях. В случае окна возможностей стимулы к эскалации возрастают в тот момент, когда оно закрывается, и государства боятся потерять прежде имевшиеся преимущества. В случае окна уязвимости, наоборот, возникают стимулы упредить его открытие, действовать до того, как государство ослабеет. Во многих случаях закрытие окна возможностей означает одновременное открытие окна уязвимости.

Рисунок 1. Теория технологической неопределённости

Figure 1. Theory of technological uncertainty

Источник: составлено автором.

Описанные взаимосвязи имеют косвенное отношение к реальному соотношению потенциалов. Оно в большей степени зависит не от обеспеченности новыми вооружениями, а от уровня доктринальной и организационной адаптации войск к их применению. Последняя нередко выявляется только в ходе военных столкновений (более того, сам опыт боевого использования способствует лучшему освоению вооружений). Разрыв между восприятием и действительным положением объясняет случаи поражения стороны, инициировавшей военное столкновение¹⁸.

Теория технологической неопределённости ничего не говорит о влиянии специфических характеристик новых вооружений на международную безопасность. Её положения не связывают с ними дестабилизирующих последствий, и в этом отношении она солидаризируется с критикой ТСОНВ. В её основе лежит допущение, что варианты применения технологий потенциально многообразны. Даже если впоследствии вооружение будет использоваться преимущественно

¹⁸ На основе анализа межгосударственных войн с 1816 по 1982 гг. Дэн Рейтер и Аллан Стэм пришли к выводу, что инициаторы вооружённого столкновения оказывались победителями в среднем в двух случаях из трёх (56 против 30). Подобный результат указывает на регулярные ошибки государств, принимающих решение о нападении, в оценке соотношения сил (Reiter, Stam 1998).

но для обороны, в процессе внедрения оно повышает риски подрыва статус-кво в силу своей новизны, возникающих различий в оценках их значения.

Положения теории технологической неопределённости во многом перекликаются с выводами исследований, посвящённых гонкам вооружений (Wallace 1979; Sample 1997; Gibler, Rider, Hutchison 2005)¹⁹. Последние утверждают, что конкуренция государств в наращивании оборонных расходов повышает вероятность войн. При всей солидности эмпирического обоснования эти выводы страдают от дефицита теоретической фундированности (Diehl, Crescenzi 1998) – большинство авторов удовлетворяется предположением, что гонка вооружений подрывает доверие между государствами, не обосновывая связь между взаимными подозрениями и эскалацией конфликтов до стадии военного противостояния. Теория технологической неопределённости даёт развёрнутое объяснение влияния качественных изменений в вооружённых силах на международную безопасность²⁰.

При этом исследования гонок вооружений оперируют преимущественно валовыми показателями расходов на оборону, охватывающими инвестиции не только в технологическую оснащённость, но и в количественное наращивание войск. Между тем увеличение численности не порождает неопределённости сопоставимой с развитием технологий. Количественные изменения сами по себе не порождают серьёзных различий в представлениях относительно соотношения сил, в их отношении также проще калибровать ожидания. Соответственно, их значимость проявляется только в комбинации с трудностями оценки качественных характеристик вооружённых сил.

Резюмируя предшествующее изложение, стоит подчеркнуть, что теория технологической неопределённости предлагает альтернативное ТСОНВ объяснение дестабилизирующих последствий изменений в вооружениях. Она разделяет скепсис в отношении априорного приписывания отдельным технологиям какой-либо функциональной роли, но не поддерживает абсолютизацию политических соображений. Выделение конкретных механизмов, опосредующих влияние новых вооружений на риски военных столкновений, открывает возможность для эмпирической проверки предполагаемой зависимости.

Технологическое развитие и войны Нового времени

Представленное в предыдущем разделе объяснение истоков военных столкновений между государствами существенным образом отличается от существующих теоретических подходов. Теория технологической неопределённости указывает, что анализ исключительно общих структурных характеристик

¹⁹ Более скептические оценки вклада гонки вооружений в развязывание войн см. в (Rider, Findley, Diehl 2011).

²⁰ Показательно, что Барри Бузан указывал на технологические изменения как на один из трёх источников гонок вооружений (Buzan 1987: 105-106).

международной системы и даже динамики их изменений (Waltz 1979; Gilpin 1981; Mearsheimer 2001) недостаточен для прогнозирования случаев перехода государств от политической борьбы к военным столкновениям. В этой связи соперничество, обусловленное сложившейся структурой, может продолжаться длительное время без перерастания в вооружённое противоборство, как это было в период холодной войны.

Предложенное объяснение также отказывается от технологического детерминизма, характерного для ТСОНВ, предписывающего отдельным вооружениям строго очерченные последствия. Теория технологической неопределённости подчёркивает, что влияние новых технологий на вероятность возникновения конфликтов опосредовано тремя психологическими эффектами (расхождением представлений государств о соотношении сил, завышенными ожиданиями относительно способности компенсировать количественные ограничения качественным превосходством, алармизмом ввиду ощущения утекающих возможностей и растущей уязвимости). В этом отношении она развивает предшествующие наработки в изучении роли восприятия государствами международной ситуации и ошибок восприятия (Jervis 1976).

В то же время она не просто воспроизводит уже ранее сформулированные положения, но конкретизирует и дополняет их с учётом достижений исследований науки, технологий и общества (STS). Теория устанавливает возможную причину ошибок и расхождений в восприятиях, связывая их с неопределённостью, порождённой технологическими изменениями. Она также призвана оценить влияние на единственную зависимую переменную – вероятность вооружённых конфликтов, а не на широкие тренды межгосударственного соперничества и сотрудничества. При этом объяснение выбранной зависимой переменной имеет серьёзную ценность ввиду катастрофических последствий межгосударственных войн.

Тем самым теория технологической неопределённости позволяет точнее сфокусировать анализ по сравнению с предшествующими исследованиями, способствуя конкретизации ряда ранее сформулированных теоретических положений и опровержению альтернативных объяснений, в том числе ТСОНВ. В ряде случаев сторонники последней также апеллируют к ошибкам восприятия как к причине вооружённых столкновений. Они часто упоминают такие искажения в тех случаях, когда государства, по их мнению, некорректно оценивают соотношение наступательных и оборонительных возможностей (Van Evera 1998; Van Evera 1999).

Тем не менее сторонники ТСОНВ не дают развёрнутых объяснений причин возникающих искажений и не прослеживают их связь с динамикой технологических изменений. В результате их аргументация относительно влияния ошибок восприятия на дестабилизацию представляется *ad hoc* попытками защитить теоретические утверждения от многочисленных эмпирических аномалий, которые подрывают её валидность. Теория технологической неопределённости

призвана дать более простое, внутренне непротиворечивое и проверяемое объяснение истоков войн, чем ТСОНВ.

Обоснование сформулированных теоретических положений осуществляется на основе анализа опыта изменений в сухопутных войсках и военных столкновений между ведущими державами с конца XVIII по конец XX в. Этот исторический промежуток в наибольшей степени ассоциируется с качественными гонками вооружений, порождёнными технологическими изменениями (Buzan, Lawson 2015). Кроме того, он занимает значимое место в обосновании ТСОНВ (Van Evera 1999: 169).

Фокус на отношениях ведущих военных держав обусловлен тем, что именно они выступают основными локомотивами технологического развития в военной области, подавая пример для имитации остальным государствам. Приоритизация сухопутных армий объясняется их ведущей ролью в столкновениях крупных государств (Mearsheimer 2001). В этой связи последующий анализ позволит продемонстрировать большую объяснительную способность теории технологической неопределённости по сравнению с ТСОНВ в отношении ключевых угроз международной безопасности.

Анализ влияния технологических изменений на риски военных столкновений наталкивается на ряд сложностей. В первую очередь возникают трудности с операционализацией объяснительной переменной ввиду разноплановости изменений, которые она описывает. Насколько сопоставимы, например, такие нововведения, как нарезное оружие, железные дороги, бронетанковые силы?²¹ Критерии для отнесения тех или иных технологических нововведений к числу значимых, а не просто инкрементальных доработок остаются размытыми.

Это создаёт опасность разночтений в определении значимых технологий или отнесении к таковым вооружений постфактум уже после того, как они доказали свой потенциал. В результате изучение влияния технологических изменений на международную безопасность требует подробного качественного отслеживания хода эволюции широкой номенклатуры вооружений, а также впечатлений, которые она оказывала на современников²².

Многообразие технологических изменений препятствует проведению статистически значимых сопоставлений. С похожими вызовами сталкивались и сторонники ТСОНВ, что побудило их полагаться на качественные методы анализа. Этому способствовало документирование эволюции средств организованного насилия в фундаментальных исторических трудах (Howard 1976; McNeill 1982; Van Creveld 1989). Описания трансформации вооружений обеспечивают

²¹ Стоит отметить, что технологические изменения не единственная переменная в современных исследованиях, которая представляет трудности для операционализации. О вызовах в разработке концептов в социальных науках см. (Gerring 1999).

²² См. также подходы к описанию взаимосвязей между технологическими изменениями и появлением новых вооружений (Буренок 2010).

возможность оценки влияния технологических изменений на риски военных столкновений на основе анализа наиболее показательных случаев.

Ввиду фокусирования теории технологической неопределённости на психологических механизмах, опосредующих взаимосвязь между новыми вооружениями и эскалацией конфликтов до стадии военного противостояния, углублённое исследование ограниченного числа случаев оказывается даже предпочтительным перед выявлением обширных статистических корреляций. Оно позволяет лучше проследить микрооснования обосновываемой зависимости и оценить наличие предполагаемых каузальных механизмов²³.

С конца XVIII по конец XX в. Стивен ван Эвера выделял четыре периода, в которые происходили основные военные столкновения между европейскими державами: 1789–1815; 1859–1871; 1890–1918; 1939–1945²⁴. В объяснении такой динамики он опирался на ТСОНВ, хотя и оговаривался, что не во всех перечисленных случаях наступательные вооружения доминировали над оборонительными. Тем не менее ван Эвера утверждал, что в обозначенные периоды государства воспринимали агрессивные действия как имеющие большие шансы на успех (Van Evera 1999: 179).

В отношении периода с конца 1850-х гг. он отмечал, что технологические изменения благоприятствовали обороне, но совокупность иных обстоятельств подталкивала к агрессивной политике. Он также апеллировал к изменениям в численности армий и дипломатической ситуации для объяснения промежутков мира в Европе (1815–1856, 1871–1890, 1919–1939) (Van Evera 1999: 170)²⁵. Ввод множества переменных для объяснения исторического опыта оставляет впечатление попытки *ad hoc* оправдания аномалий, которые противоречат коренным положениям ТСОНВ.

Между тем предложенная периодизация вполне согласуется с положениями теории технологической неопределённости. Каждому периоду обострения в европейской политике предшествовала волна изменений в вооружениях, вызы-

²³ О преимуществах методов качественного анализа см. Eckstein H. 1975. Case Studies and Theory in Political Science. *Handbook of political science*. Vol. 7. Ed. by F. Greenstein N. Polsby. Reading: Addison-Wesley. P. 79–138. (George, Bennett 2005; Gerring 2006; Bennett, Checkel 2015).

²⁴ Представленная периодизация требует небольших уточнений. Во-первых, без подробных обоснований ван Эвера выносит Крымскую войну (1853 – 1856) за рамки второго периода обострения, хотя и указывает, что к её началу наметился рост наступательных возможностей (Van Evera 1999: 172). В этой связи в дальнейшем исторический промежуток, отмеченный интенсивным военным противоборством, расширяется до 1853 – 1871. Во-вторых, начало периода 1890 – 1918 гг. ван Эвера связывает с распадом бисмарковской сети альянсов и обострением противоречий между ведущими военными державами, но до 1904 г. они практически не вступали в прямое военное противоборство друг с другом (и даже тогда одним из участников конфликта выступала неевропейская Япония). Соответственно, период обострения военных противостояний целесообразно ограничить до 1904 – 1918 гг. В-третьих, при выделении периода 1939 – 1945 гг. ван Эвера игнорирует опыт Гражданской войны в Испании (1936 – 1939) и Советско-японских столкновений у озера Хасан и на реке Халхин-Гол. Между тем в обоих случаях в противоборство были вовлечены ведущие военные державы. Исходя из этого, временные границы последнего периода обострения стоит расширить до 1936 – 1945 гг.

²⁵ Таким образом, в данном случае он прибегает к широкой интерпретации ТСОНВ, которая, как уже указывалось выше, представляется априори не фальсифицируемой.

вавшая расхождения в представлениях государств о соотношении сил, формирование завышенных ожиданий относительно возможности компенсировать количественные ограничения качественным превосходством, алармизм ввиду ощущения утекающих возможностей и растущей уязвимости.

Таблица 1. Соотношение технологических изменений и европейских войн конца XVIII – середины XX в.

Table 1. Correlation of technological changes and European wars of the late 18th - mid-20th centuries.

Период военного обострения	Технологические предпосылки	Крупнейшие военные столкновения
1789–1815	мобильная артиллерия;	Война первой коалиции (1792–1797) Война второй коалиции (1798–1802) Война третьей коалиции (1805) Война четвёртой коалиции (1806–1807) Война пятой коалиции (1809) Отечественная война / Война шестой коалиции (1812–1814) Война седьмой коалиции (1815)
1853–1871	нарезное казнозарядное оружие; стальная артиллерия; железные дороги; телеграф;	Крымская война (1853–1855) Австро-итало-французская война (1859) Австро-прусская война (1866) Франко-прусская война (1870–1871)
1904–1918	автоматическое оружие; скорострельная артиллерия; моторизованный транспорт; разведывательная авиация; телефонная связь;	Русско-японская война (1904–1905) Первая мировая война (1914–1918)
1936–1945	бронетанковая техника; штурмовая авиация; моторизованная пехота; радиосвязь.	Гражданская война в Испании (1936–1939) Советско-японские столкновения (1938–1939) Вторая мировая война (1939–1945)

Источник: составлено автором.

В систематизированном виде влияние изменений в вооружениях на риски военных столкновений с конца XVIII по середину XX в. представлено в Табл. 1. За её рамками осталась холодная война, которая предстаёт трудным случаем для объяснения с опорой на теорию технологической неопределённости, так как бурное развитие вооружений в этот период не сопровождалось военными столкновениями сверхдержав. В то же время последующий анализ продемонстрирует, что на деле этот период не содержит серьёзных аномалий с точки зрения предложенного объяснения. При его рассмотрении будет предложена дополнительная систематизация технологических изменений во второй половине XX в. и сопутствовавших им кризисов.

Система Грибоваля против антифранцузских коалиций

Войнам революционной и наполеоновской Франции предшествовали масштабные социально-политические потрясения, получившие развёрнутое отра-

жение в исторических трудах²⁶. Вместе с тем их предвзяли и технологические изменения, затронувшие в первую очередь артиллерию. Этим нововведениям в вооружениях уделяется меньшее внимание в освещении международных отношений конца XVIII – начала XIX в., хотя они оказали серьёзное влияние на международную безопасность в этот период.

Ещё с 1776 г. под руководством Жана Батиста Грибовала Франция осуществляла масштабное реформирование артиллерии²⁷. Была проведена стандартизация калибров, внедрены новые технологии производства орудий, усовершенствованы прицелы, запалы, лафеты, боеприпасы. Эти нововведения уменьшили вес пушек и упростили их использование на поле боя. Технологические изменения дополняла перестройка подготовки профессиональных кадров. Результатом реформ стало повышение надёжности, меткости и мобильности артиллерии (McNeill 1982: 170-174; Berkowitz, Dumez 2017).

Ancien Régime не смог воспользоваться преимуществами системы Грибовала, введение которой завершилось только к концу 1780-х гг. Тем не менее она сыграла значительную роль в борьбе революционной Франции с европейскими державами. Показательно, что будущий император Наполеон начинал карьеру именно как артиллерийский офицер и активно полагался на превосходство французских орудий в своих кампаниях (Kiley 2004). Нововведения конца XVIII столетия оставили продолжительное наследие – принципы системы Грибовала с незначительными корректировками определяли развитие артиллерии до середины XIX в.

Несмотря на впечатляющую роль артиллерии в войнах Франции, период 1789-1815 гг. даёт лишь слабое подтверждение влияния технологических изменений на вероятности военных столкновений. Формирование антифранцузских коалиций породили в первую очередь страхи европейских элит после свержения монархии (Walt 199; Haas 2005). Впоследствии экспансионизм Парижа подпитывал расчёт на республиканскую идеологию, *'levée en masse'* и меритократический способ формирования командного состава (Herrera, Manken 2003).

Наполеон утверждал: «Бог воюет на стороне тех, у кого лучшая артиллерия». Уверенность во французских орудиях сказывалась на его восприятии соотношения сил и готовности вступать в войны с противниками. Тем не менее имеющиеся свидетельства не позволяют утверждать, что изменения в артиллерии играли ведущую роль в инициировании вооружённых столкновений конца XVIII – начала XIX в. Вклад технологических изменений был вторичен по сравнению с неопределённостью, вызванной социально-политическими и организационными трансформациями.

²⁶ См., например, (Schroeder 1994).

²⁷ Французские реформы в значительной степени наследовали нововведениям, которые ещё в середине XVIII столетия внедрял в Австрии князь Иосиф Венцель Лихтенштейн (Грибоваль служил под его началом). Тем не менее австрийские попытки усовершенствования артиллерии не сопровождались таким глубоким пересмотром принципов и форм ведения вооружённой борьбы, как во Франции (MacLennan 2003).

Более существенным свидетельством в пользу проверяемой теории стало прекращение военных столкновений в последующие десятилетия на фоне сравнительного застоя в развитии вооружений. Несмотря на соперничество Австрии и Пруссии в Германии, коммерческую конкуренцию между Британией и Францией, усилившиеся с 1830-х гг. противоречия между либеральными и консервативными державами, на протяжении почти четырёх десятилетий после окончания наполеоновских войн в Европе сохранялся мир.

Этот период характеризовался серьёзным дисбалансом – Россия обладала подавляющим превосходством над другими державами по численности армии. При этом после окончания наполеоновских войн наблюдались преимущественно инкрементальные изменения в вооружениях²⁸. Отсутствие серьёзных нововведений способствовало поддержанию предсказуемости в соотношении сил, отсутствию алармизма по поводу возможного отставания или наоборот завышенным ожиданиям качественного превосходства. Отсутствие значимых изменений в вооружениях способствовало поддержанию стабильности.

Железные дороги, нарезные вооружения, телеграф и войны 1853–1871 гг.

К началу 1850-х гг. распространение новых средств транспорта и связи в комбинации с развитием стрелковых и артиллерийских вооружений повысили риски столкновения между европейскими державами (Showalter 1975; Herrera 2004). Масштабные нововведения поставили под вопрос прежде стабильные представления о соотношении сил и вылились в серию войн. Опыт этого исторического периода соответствует предположениям теории технологической неопределённости и противоречит положениям ТСОНВ.

Старт развитию железных дорог был положен в Британии в 1810-х гг., но перспективы использования нового транспорта в военных целях осознали только в 1840-х в Пруссии. Берлин стал оказывать поддержку строительству коммерческих железных дорог на стратегически значимых направлениях. Другие державы вскоре копировали его опыт (Showalter 1975; Herrera 2012). Впервые железные дороги использовались для доставки войск на поле боя в ходе Австро-итало-французской войны 1859 г. В 1866 г. преимущество в скорости концентрации войск, обеспеченной развитой транспортной сетью, играло значимую роль в расчётах Пруссии, инициировавшей войну с Австрией²⁹.

²⁸ В частности, в 1827 г. французская артиллерия перешла с системы Грибоваля на систему Вале. Другие европейские державы последовали примеру Парижа в 1830-х. Изменения были направлены на дальнейшее повышение мобильности артиллерии, но не предполагали столь же существенных трансформаций в вооружениях как нововведения второй половины XVIII в.

²⁹ См., в частности, Обоснование кампании против Австрии от 20 апреля 1866 г., подготовленное руководителем прусского генерального штаба Хельмутом фон Мольтке (Moltke 1992).

В последующие годы масштабные инвестиции в повышение плотности железнодорожной сети осуществлял Париж, что составило основу уже его планов в преддверии Франко-прусской войны 1870–1871 гг. Франция рассчитывала разгромить более многочисленные силы германских государств до того, как они успеют завершить развёртывание (Howard 1961; Wawro 2005). То есть она также надеялась компенсировать количественное отставание превосходством в мобильности. Серьёзное давление на решения Парижа оказывали опасения, что Берлин сможет догнать его в этой области.

Одновременно с расширением использования железных дорог возросла огневая мощь войск. Ещё в конце 1840-х гг. французский изобретатель Клод-Этьенн Минье предложил расширяющуюся пулю, повысившую скорость стрельбы из дульнозарядных нарезных ружей. Преимущества винтовок в дальности и точности признавались и прежде, но их распространение ограничивали проблемы с заряданием. Пуля Минье решала их, а её широкое применение в Крымской войне подтвердило опустошающий эффект этого оружия (Showalter 1975: 93; Shah 2017).

В тех же 1840-х гг. Пруссия стала экспериментировать с казнозарядным игольчатым ружьём, разработанным Иоганном Дрейзе. Оно существенно превосходило по темпу стрельбы привычные дульнозарядные вооружения, используя также преимущества нарезного ствола. Тем не менее надёжность ружья Дрейзе вызывала сомнения, что замедлило его внедрение. Лишь в 1858 г. Берлин окончательно принял его в качестве основы вооружения армии (Showalter 1975: 99).

Новое оружие зарекомендовало себя в войне 1866 г., побудив соперников Пруссии также переходить на казнозарядное стрелковое вооружение. Париж под влиянием успехов Берлина принял на вооружение винтовку Шасспо, которая в два раза превосходила германский аналог по дальности стрельбы. Такое преимущество, а также появление митральеза (прообраза пулемёта) подпитывали готовность Франции ввязаться в войну с Пруссией в 1870 г. Наряду с расчётом на плотность железнодорожной сети, превосходство в стрелковых вооружениях подпитывало оптимизм Парижа относительно инициированного им столкновения с германскими государствами.

Одновременно с революцией в стрелковом вооружении наметилась новая волна изменений в артиллерии. С конца 1840-х гг. государства начали внедрять нарезные орудия, обеспечившие большую дальность стрельбы. Они также заменяли цельнометаллические ядра разрывными снарядами. Франция продемонстрировала преимущество новых пушек в войне 1859 г. Параллельно германский промышленник Альфред Крупп разработал стальное казнозарядное орудие. Оно отличалось большей дальностью и долговечностью по сравнению с бронзовыми аналогами. Берлин поспешил внедрить новые орудия, в то время как Париж недооценивал нововведение Круппа. Эта разница в оценках проявилась в расчётах сторон в преддверии войны 1870–1871 гг. В ходе кон-

фликта стальные орудия доказали превосходство над французской артиллерией (Showalter 1988).

Менее заметным нововведением середины XIX в. стал телеграф, расширивший возможности управления войсками. Развитие средств связи способствовало ускорению мобилизации войск и совершенствованию координации боевых операций на фоне растущей численности армий (Herrera 2004). Телеграфное сообщение впервые было задействовано в ходе Крымской войны, а впоследствии сыграло значимую роль в франко-прусском столкновении. Тем не менее в имеющихся источниках и литературе отсутствуют свидетельства, что развитие средств связи серьёзным образом влияло на расчёты государств. Наоборот, руководитель прусского генерального штаба Мольтке опасался, что их появление будет приводить к снижению инициативности действий командиров и чрезмерной централизации управления войсками. Он изменил свои представления только уже в ходе Франко-прусской войны.

В целом период 1850–1870-х гг. был отмечен появлением множества технологических новинок в европейских армиях. Их значение по-разному оценивалось отдельными державами, формируя как разницу в оценке соотношения сил, так и представления о неминуемой революции в военном деле. Войны 1853–1871 гг. предоставили многочисленные подтверждения влияния технологических изменений на инициирование военных столкновений. В этот период неоднократно государства вступали в противоборство с оппонентами, заведомо обладавшими численным перевесом, полагаясь на качественное превосходство³⁰. Они нередко связывали с внедряемыми изобретениями завышенные ожидания, приписывая новым технологическим возможностям революционизирующие последствия³¹.

Наконец, они стремились воспользоваться закрывающимся окном возможностей прежде, чем другие успеют их догнать. Показательным примером стало решение Франции объявить войну Пруссии в 1870 г. Париж полагал, что инвестиции в железнодорожное строительство позволят ему развернуть армию до того, как противник, превосходивший по числу подготовленных резервистов, завершит мобилизацию. Он также рассчитывал на преимущества новейших винтовок Шасспо и митральезы. При этом Париж опасался, что в короткое время Берлин сможет компенсировать отставание, а потому стремился форсировать развитие событий. Однако французские расчёты, в конечном счёте, оказались ошибочными.

Таким образом, развитие событий в середине XIX столетия в полной мере соответствует предположениям теории технологической неопределённости. Вклад войн этого периода в её обоснование тем более существенен, что многие

³⁰ Примеры тому дают действия Лондона и Парижа в ходе Крымской войны, Берлина в ходе Австро-прусской войны, Парижа в ходе Франко-прусской войны.

³¹ См., например, комментарии относительно влияния совершенствования огнестрельного оружия на тактику начальника прусского Генерального штаба Хельмута фон Мольтке (Moltke 1992).

из нововведений впоследствии стали ассоциироваться с усилением обороны. Тем не менее в 1850–1860-х гг. рост неопределённости, вызванный их появлением, стимулировал агрессивную политику с опорой на военную мощь.

Скорострельная артиллерия, автоматическое оружие, авиация и Первая мировая война

После окончания Франко-прусской войны в Европе на четыре десятилетия установился мир. Его поддержание нередко объясняют дипломатическим гением Отто фон Бисмарка, связавшего государства сетью взаимных обязательств (McDonald, Rosecrance 1985; Schroeder 2004; Alexandroff 2014). Между тем и после его отстранения от должности в 1890 г. европейские державы не вступали в военные столкновения друг с другом почти четверть столетия. Отказ от них на протяжении длительного временного промежутка может объяснять сравнительная предсказуемость соотношения сил.

Главным изменением в европейских армиях после Франко-прусской войны стала замена однозарядных винтовок на многозарядные, ещё более повысившие скорость стрельбы. Государства начали массово ставить их на вооружение с середины 1880-х гг. (Stevenson 1996: 17). Практически одновременно был открыт бездымный порох, превосходивший по мощности прежние взрывчатые вещества. Однако его использованию для повышения дальности стрельбы мешали проблемы в стабилизации орудий.

В целом в конце XIX в. темпы развития сухопутных вооружений замедлились по сравнению с серединой столетия³². Такое положение способствовало сближению представлений государств о военных потенциалах, отказу от завышенных ожиданий, снижению алармизма относительно утекающих возможностей и растущей уязвимости. При возникновении кризисов государства предпочитали договариваться, а не рассчитывать на силу оружия³³.

В начале XX в. темпы внедрения технологических изменений ускорились. Как и в середине XIX столетия, нововведения возникали в различных областях одновременно, стимулируя возрастание огневой мощи, увеличение масштабов операций, появление принципиально нового пространства противоборства. Они затруднили сопоставление возможностей государств, внося вклад в начало Первой мировой войны.

Наиболее значимые, с точки зрения наращивания военной мощи изменения произошли в артиллерии. В 1897 г. во Франции появилось полевое орудие, оснащённое противооткатным механизмом. Оно обеспечило значительное повы-

³² При этом происходили стремительные изменения в технологическом оснащении флотов (для обзора эволюции военно-морских сил см. (Van Creveld 1989).

³³ Например, в ходе «военной тревоги» 1875, обострения, вызванного Русско-турецкой войной 1877 – 1878, Болгарского кризиса 1885 – 1887, Фашодского инцидента 1898. Обзор политической истории этого периода см. в (Taylor 1955).

шение скорости, точности и дальности стрельбы по сравнению с предшественниками³⁴. Ранее ввиду отдачи после выстрела пушки необходимо было заново выставлять и нацеливать. Безоткатные орудия сделали возможными коррекцию огня и стрельбу с закрытых позиций по информации, поступающей от наблюдателей (Herrmann 1997: 17-18).

На протяжении ряда лет французское изобретение держалось в секрете, но это не принесло Парижу дивидендов. Падение престижа армии на фоне дела Дрейфуса лишило Францию способности проводить агрессивную политику. С 1902 г. орудия с противооткатным механизмом приняли на вооружение другие государства. В последующее десятилетие появились безоткатные гаубицы больших калибров. К началу Первой мировой войны лидером в развитии артиллерии стала Германия³⁵.

Другой важной новацией было появление пулемётов. Перспективную систему автоматического огня предложил ещё в 1884 г. американский изобретатель Хайрем Максим, но европейские державы отнеслись к ней с сомнением. Опыт колониальных конфликтов и Русско-японской войны 1904–1905 гг. постепенно развеял первоначальный скепсис. В десятилетие, предшествовавшее Первой мировой войне, произошло насыщение пулемётами европейских армий (Herrmann 1997: 19-20).

Увеличение скорострельности повысило зависимость войск от снабжения. Это побудило расширить использование моторизованного транспорта для доставки грузов от железнодорожных узлов. С учётом роста армий интерес военных также вызывали новые средства коммуникаций. В первую очередь, это касалось телефонной связи, так как радиостанции оставались слишком сложными, неудобными и дорогими. Тем не менее в Первую мировую войну офицеры для передачи информации на поле боя продолжали часто полагаться на посыльных, а транспортировка вооружений осуществлялась преимущественно на лошадях.

Тенденцией 1900-х гг. стало перенесение противостояния в воздушное пространство. Ещё ранее предпринимались попытки использовать воздушные шары в военных целях, но до появления двигателей внутреннего сгорания сложности вызывало управление аппаратами в полёте (Ziegler 1994). С 1906 г. европейские армии экспериментировали с использованием дирижаблей, а после 1908 начали изучать возможности только появившихся самолётов (Herrmann 1997: 75, 138). Первенство изначально захватила Франция, но к 1914 г. Россия и Германия догнали её. Ограниченная грузоподъёмность аппаратов делала бессмысленными

³⁴ Безоткатные орудия и ранее использовались в корабельной артиллерии. В 1877 г. в России противооткатным механизмом была оборудована скорострельная пушка В.С. Барановского, которая так и не пошла в широкое производство.

³⁵ В том числе она приобрела двенадцать осадных мортир калибра 305-мм и пять не имевших аналогов в арсенале других государств орудий калибра 420-мм (Herrmann 1997: 201).

бомбардировки с воздуха, но они расширили возможности наблюдения за перемещениями войск. Авиация использовалась и для корректировки артиллерии.

Возрастание огневой мощи осложнило взятие подготовленных позиций окопавшегося противника, потребовав серьёзного изменения в тактике и оперативном искусстве. Плотный, настильный огонь пулемётов заставлял атакующих залегать на земле, где их застигал навесной обстрел артиллерии. Проведение наступательных операций в таких условиях требовало освоения тактических приёмов, недоступных для европейских армий в тот период³⁶. Тем не менее государства продолжали рассматривать наступление как предпочтительный вариант военных действия, стараясь приспособить к нему новые технические средства (Van Evera 1984). Дефицит опыта их применения в боевых условиях затруднял доктринальную и организационную адаптацию вооружённых сил.

При этом вооружённые силы России и Франции традиционно превышали по совокупной численности потенциал Германии и Австро-Венгрии. Тем не менее Берлин до середины 1910-х гг. рассчитывал на победу в потенциальном столкновении благодаря скорости мобилизации, лучшей организации и насыщению армии передовыми вооружениями. Его стратегия строилась на компенсации количественного диспаритета качественным превосходством. К 1914 г. Германия догнала Францию в тех аспектах, по которым ранее отставала (обеспечение войск пулемётами, полевыми пушками и авиацией), сохранив превосходство в тяжёлых орудиях.

В то же время Берлин опасался усиления России, увеличивавшей численный состав армии, повышавшей качество её подготовки и оснащённость передовыми вооружениями, сокращавшей сроки мобилизации. Германский военный министр Йозиас фон Хееринген в апреле 1913 г. признавал: «У России достаточно людей, денег и поддержка парламента. Уже сегодня у неё на 400 тысяч больше людей, чем в 1912 г.»³⁷. Германия приходила к выводу, что усиление России в ближайшие годы обеспечит перевес Антанты. Количественный разрыв грозил ещё более возрасти, а качественное превосходство Берлина – сократиться, что повысило бы его уязвимость. Между тем Петербург и Париж исходили из того, что их совместных возможностей уже к 1914 г. должно было хватать для победы (особенно при участии Великобритании). Они рассматривали свои перспективы менее радужно в случае потери балканских союзников (Clark 2012).

В преддверии Первой мировой войны государства уделяли большое внимание числу доступных штыков. И Германия, и Франция поменяли правила призыва для формирования большего пула резервистов и наращивания постоянного контингента. Тем не менее сами по себе размеры армий мало характеризовали соотношение сил. Их конкурентоспособность в значительной степени связывалась с овладением вооружениями, многие из которых не были опробованы в

³⁶ Последствия роста огневой мощи для современной тактики подробно описаны в (Biddle 2004).

³⁷ Цит. по (Herrmann 1997: 183).

боевых условиях. При этом повышение огневой мощи создало неоправданные ожидания на предмет того, что военное противоборство будет принимать форму короткого, высокоинтенсивного столкновения, в котором решающую роль сыграет скорость первоначальной мобилизации. Как и многие другие предположения относительно новых технологий, эти представления не оправдались, но уверенность в превосходстве первого удара побуждала к повышению ставок в противостоянии.

Начало XX в. подтверждает дестабилизирующее влияние технологических изменений в комбинации с другими обстоятельствами, в том числе с ростом размеров армий, уровнем подготовки войск, динамикой взаимоотношения в коалициях. Стремительные изменения в вооружениях затрудняли оценку международной обстановки, провоцируя риски военного столкновения. Крупнейшие европейские державы расходились в представлениях о соотношении сил с учётом не только количественных, но и качественных характеристик. Берлин и Вена особенно сильно делали ставку на способность компенсации недостатка численности технологическим и организационным превосходством. Все противоборствующие стороны, особенно Германия и Австро-Венгрия, испытывали опасения относительно роста уязвимости в будущем в результате модернизации армий их оппонентов. В данном случае объяснительная способность теории технологической неопределённости заметно выше, чем у ТСОНВ, так как появлявшиеся вооружения не облегчали проведение наступательных операций, но искажали восприятие соотношения сил.

Технологические основания блицкрига и Вторая мировая война

Ещё в ходе Первой мировой войны были заложены предпосылки следующей волны технологических изменений. Механизация вооружённых сил, развитие авиации, появление новых средств коммуникации вновь осложнили восприятие соотношения сил в 1930-х гг. В результате очередное столкновение европейских держав произошло спустя всего два десятилетия после предшествовавшего крупномасштабного конфликта.

При обсуждении истоков Второй мировой войны нельзя обойти вниманием агрессивные устремления нацистской Германии, стремившейся к овладению «жизненным пространством» и к европейской гегемонии (Kamenetsky 1961; Koch 1983). Вместе с тем до 1939 г. Берлин действовал осторожно, скрывая свои амбиции и потенциал. Он перешёл к открытой экспансии на фоне роста уверенности в возможностях германских вооружённых сил (Mihalka 1980). При этом, как и в 1914 г., Германия полагалась на качественное превосходство, чтобы компенсировать количественные ограничения.

Важнейшим техническим нововведением в завершающих сражениях Первой мировой войны стало появление танков. Бронированная гусеничная техника помогала преодолевать зону интенсивного огня противника, пробивать бре-

ши в заграждениях из колючей проволоки, подавлять пулемётные точки. Тем не менее ранние образцы танков отличались низкой скоростью, слабой защитой, малой надёжностью. Более того, вооружённые силы так и не смогли разобраться в оптимальных способах их применения на момент окончания военных действий в 1918 г.³⁸

В межвоенный период европейские державы активно экспериментировали с различными дизайнами бронетанковой техники. К концу 1930-х гг. возросли толщина брони, калибр орудий, скорость машин, а от экзотических концепций с множеством башен постепенно отказались. Ещё в середине десятилетия основу арсеналов европейских держав составляли лёгкие танки, обеспечивавшие лишь противопульную защиту (такие как германские Pz. Kpfw. I и II, советский Т-26). Во многих случаях они оснащались пулемётами, а не пушками.

К началу Второй мировой войны ведущую роль стали играть новые средние и даже тяжёлые танки (например, Pz. Kpfw. III и IV, Т-34, KB-1 и KB-2). Они обладали защитой и орудиями. В то же время до 1940 г. большинство государств продолжало рассматривать танки преимущественно как средство усиления пехоты, а не как основу наступательной мощи. Армии так и не сумели адаптироваться к новым техническим возможностям (Murray 1996; Searle 2017)³⁹.

Лишь при подготовке кампании против Франции зимой 1940 г. германские военные выработали концепцию применения подвижных соединений для окружения противника, позднее обозначенную как блицкриг (Mearsheimer 1985; Posen 1984). Проведение подобных операций требовало не только нового подхода к использованию танков, но и повышения мобильности сопровождающей пехоты. Это привело к расширению использования легкобронированной техники для транспортировки войск вблизи поля боя.

Управление подвижными соединениями повышало требования к средствам связи. Они имели меньшее значение в позиционных сражениях Первой мировой войны, но при организации наступления крупных группировок войск потребность в коммуникации возросла многократно. С середины 1930-х гг. германские вооружённые силы в больших объёмах, чем их потенциальные противники стали закупать радиотехническое оборудование, используя его для координации действий на тактическом уровне (Citino 2004).

Ещё одним проявлением технологических изменений стало совершенствование летательных аппаратов. При этом государства шли разными путями в развитии военно-воздушных сил. Британия в большей степени ориентировалась на создание материальной базы для стратегических бомбардировок тыла.

³⁸ Аларик Сиарли, написавший наиболее полную историю бронетанковых войск, утверждает, что они внесли «важный вклад в победу» в Первой мировой войне (Searle 2017: 33). Большинство авторов не разделяют его энтузиазма (Rosen 1991; Childs 1999; Biddle 2004: 34-35).

³⁹ На общем фоне выделялся Советский Союз, в котором идея использования подвижных соединений для прорыва обороны и действий в глубину получила наиболее широкое воплощение (см. Минц 2010).

Это требовало повышения полезной нагрузки самолётов. Она также проявляла значительный интерес к развитию противовоздушной обороны, сформировав к началу 1940-х гг. сеть радиолокационных станций (Meilinger 1996; Overy 2010: 27-28).

Германию, СССР и Францию больше интересовали самолёты, обеспечивавшие сопровождение операций сухопутных сил. В этой связи они сделали упор на развитие штурмовой авиации. Немецкие пикирующие бомбардировщики Юнкерс Ю-87, впервые опробованные в ходе Гражданской войны в Испании, доказали эффективность при поддержке подвижных соединений. При этом Германия отставала в развитии тяжёлых самолётов, что проявилось в ходе Битвы за Британию в 1940 г. (Young 1974; Corum 1996; Muller 1996; Overy 2010: 27-28).

Технологическая неопределённость сыграла значительную роль в иницировании военного столкновения в Европе. К 1939 г. Германия уступала Британии и Франции в том числе по числу танков и самолётов, хотя и превосходила их в качестве вооружений. На момент нападения на Польшу Берлин ещё доктринально не адаптировался к новым технологическим возможностям. Это не помешало ему одержать победу над заведомо слабым оппонентом, но не позволяло рассчитывать на успех в войне с крупными державами.

Британия и Франция в принципе недооценивали значение новых вооружений, рассчитывая на повторение опыта борьбы на истощение 1914–1918 годов. В 1930-х гг. Париж инвестировал в передовую систему укреплений, уповая на преимущества оборонительной стратегии. Между тем Лондон был намерен добиться изматывания противника стратегическими бомбардировками, воспользовавшись превосходством в тяжёлой авиации (Posen 1984). В итоге, объявив войну Германии, западные союзники не смогли реализовать своё количественное преобладание.

К 1940 г. германское руководство разработало новый подход к наступлению, построенный вокруг бронетанковых сил, и применило его против Франции. Ведущую роль в решении о нападении сыграли преимущества в качестве вооружений, а главное – понимание способов их применения. Исходя из потенциала новых технических средств, Берлин рассчитывал окружить и разгромить большие по численности франко-британские силы. На деле успех превзошёл самые смелые германские ожидания (Jackson 2004; Frieser 2005).

В свою очередь нападение на СССР не только вытекало из идеологической программы Гитлера, но также из задачи лишить Британию возможных союзников для продолжения борьбы. На фоне дефицита у Германии ресурсов для длительного противоборства стремление завершить войну на западе парадоксальным образом подтолкнуло её к агрессии на востоке. Первоочередной целью Гитлера в войне с Москвой выступал не столько захват территории, сколько уничтожение военного и промышленного потенциала (Stahel 2009: 38, 54, 61, 71).

С учётом латентных возможностей СССР Берлин вновь полагался на качественное превосходство, рассчитывая на быстрый разгром Красной армии. Не-

дооценка противника определялась, в том числе, представлениями о неполноценности славянских народов и последствиях сталинских чисток командного состава. Вместе с тем весомую роль в расчётах Берлина играла уверенность в превосходстве германского оружия.

Начальник Генерального штаба сухопутных войск Франц Гальдер, готовивший вторжение, отмечал в дневниках, что авиация Красной армии архаична, основу её артиллерии составляют устаревшие образцы, а советские танки заметно уступают Pz. Kpfw. III. В ходе совещания 23 декабря 1940 г. германская разведка подчёркивала недостатки бронетехники потенциального противника в защищённости, скорости, связи и приборах нацеливания (Stahel 2009: 63, 70). Исходя из этих оценок, озабоченность Берлина вызывало не возможное сопротивление Красной армии, а вероятность её отступления вглубь советской территории и, соответственно, затягивание кампании.

Как и перед Первой мировой войной в конце 1930-х гг. технологическая неопределённость влияла на решение об инициировании конфликта в комбинации с другими переменными. В предшествующие годы произошло массированное внедрение новых вооружений. В результате государства существенно разошлись в доктринальной и организационной адаптации к использованию новых технических средств. Недооценка возможностей бронетанковых сил побудила Париж объявить войну, к которой он был не готов, а потом пассивно ожидать германского нападения. Переоценка успехов французской кампании сформировала у германского руководства завышенные ожидания относительно качественного превосходства над Советским Союзом.

В обоих случаях представления государств о соотношении сил оказались ошибочными. На решения Берлина также влияли представления о закрывающемся окне возможностей с учётом большего промышленного потенциала его противников и ресурсных ограничений Германии. Между тем Париж и Лондон исходили из того, что их окно возможностей для противостояния германской экспансии во многом закрылось, и потому фактически отказались от инициативных действий, несмотря на количественный перевес. Наконец, Москва стремилась оттянуть своё вступление в войну, надеясь, что её уязвимость снизится по мере завершения модернизации Красной армии.

Период 1936–1945 гг. даёт ограниченные возможности для сопоставления теории технологической неопределённости и ТСОНВ, сторонники которой связывают с ним рост наступательного потенциала государств и, соответственно, вероятности эскалации конфликтов до стадии военного противостояния. В этих условиях сложно оценить, какая из двух гипотез лучше объясняет начало Второй мировой войны. Вместе с тем в пользу теории технологической неопределённости говорит то, что государства демонстрировали искажённые представления о соотношении сил, а не отдавали единодушно предпочтение наступлению, как можно было бы предложить из характера государствующих вооружений. Кроме того, в рассматриваемый период проявляются и завышенные ожидания,

связанные с технологическими новинками, и алармизм по поводу вероятности быстрого изменения ситуации.

Технологические изменения в период холодной войны

Теорию технологической неопределённости, казалось бы, достаточно сложно приложить к периоду холодной войны. В этот период наблюдалось интенсивное развитие вооружений, но при этом военного столкновения между СССР и США не произошло. Это может подвести к выводу об отсутствии связи между технологическими изменениями и рисками военных столкновений. При этом сторонники ТСОНВ объясняют сохранение мира во второй половине XX в. появлением ядерного оружия, обеспечившим доминирование обороны (Van Evera 1999).

Настоящий раздел призван доказать, что исторический опыт холодной войны не противоречит положениям теории технологической неопределённости. Она позволяет объяснить не только отсутствие военного столкновения, но и случаи обострения соперничества между СССР и США. В этом отношении, по сравнению с ТСОНВ, она обладает большей объяснительной способностью. Вместе с тем опыт второй половины XX в. акцентирует внимание на различиях в неопределённости, порождаемой единичными и множественными технологическими изменениями.

Хотя в ходе холодной войны появилось несколько новых типов вооружений, их внедрение было растянуто в рамках продолжительного исторического периода. Риски, обусловленные технологическими изменениями, не наслаивались друг на друга, а распределились по нескольким десятилетиям. В этом принципиальное отличие второй половины XX в. от середины XIX в., преддверия Первой и Второй мировой войны. Оно обусловило, с одной стороны, меньшую остроту технологической неопределённости в каждый конкретный момент времени, а с другой – неоднократные её всплески.

Сверхдержавы в связи с появлением новых вооружений испытывали периодическое нарастание взаимных опасений, но представления о соотношении сил не расходились настолько, чтобы вызвать военное столкновение. Тем не менее они провоцировали возникновение кризисов, в ходе которых стороны вплотную приближались к порогу применения силы. Таким образом, период холодной войны по большей части не содержит аномалий с точки зрения проверяемой теории, хотя и требует уточнения относительно разницы между случаями единичных и многочисленных нововведений.

Табл. 2 суммирует технологические изменения во второй половине XX в. и сопутствующие им кризисы, грозившие перерасти в военные столкновения⁴⁰.

⁴⁰ В таблице не рассматривается ряд асимметричных конфликтов (таких как Вьетнамская война или война в Афганистане), а также столкновения между клиентами СССР и США (например, на Ближнем Востоке), так как в этих случаях риски прямого военного столкновения оставались низкими.

В этот исторический промежуток наблюдалось четыре волны появления новых вооружений. Они были связаны с возникновением ядерного оружия, развитием ракетных технологий, противоракетной обороны и носителей с множеством боеголовок, созданием высокоточных конвенциональных средств. Три волны из четырёх сопровождались обострением соперничества, ставившим сверхдержавы на порог столкновения.

Таблица 2. Соотношение динамики технологических изменений и кризисов холодной войны

Table 2. Correlation between the dynamics of technological change and the crises of the Cold War

Период военного обострения	Технологические предпосылки	Кризисы с потенциалом перерастания в прямое военное столкновение сверхдержав
конец 1940-х – начало 1950-х гг.	атомное и термоядерное оружие;	Корейская война (1950–1953)
конец 1950-х – начало 1960-х гг.	ракетные технологии;	Второй берлинский кризис (1958–1961) Инцидент с U-2 (1960) Карибский кризис (1962)
конец 1960-х – начало 1970-х	противоракетная оборона; разделяющиеся головные части с индивидуальным наведением;	
1980-е гг.	высокоточное оружие; ракеты средней дальности; стратегическая оборонная инициатива.	Запад – 1981 Сбитый Боинг (1983) Опытный лучник – 1983

Источник: составлено автором.

Появление атомной бомбы на завершающем этапе Второй мировой войны было ознаменовано американскими бомбардировками Хиросимы и Нагасаки. США на короткий срок обеспечили себе монополию в этих вооружениях. Советский Союз произвёл первый заряд лишь в 1949 г., и его прогресс в этом вопросе застал Вашингтон во многом врасплох. Тем не менее США в последующие годы прочно удерживали лидерство по числу ядерных боеголовок. В начале 1950-х обе сверхдержавы испытали термоядерное оружие. Оно обеспечило кратное возрастание масштабов потенциального ущерба⁴¹.

Беспрецедентная мощь нового оружия была очевидна сразу, но наиболее перспективные способы применения и, соответственно, его влияние на соотношение сил оставалось предметом дискуссий (Rosenberg 1983). Соединённые Штаты рассматривали ядерный арсенал как средство компенсации советского превосходства в обычных вооружениях. Вместе с тем на начальном этапе «холодной войны» они были крайне ограничены как в количестве бомб, так и в средствах их доставки.

⁴¹ Мощность бомбы, использованной в Хиросиме, оценивалась в районе 1,5 десятков килотонн в тротиловом эквиваленте, мощность первого взорванного термоядерного заряда превышала 10 мегатонн.

В этой связи в ходе Берлинского кризиса 1948–1949 гг. стороны фактически не рассматривали варианты эскалации конфликтов до стадии военного противостояния (Betts 1987). Впоследствии США нарастили потенциал боевого применения ядерного оружия, увеличив арсеналы и сформировав необходимую инфраструктуру. В ходе Корейской войны они несколько раз рассматривали возможность его использования. В том числе они планировали ядерную бомбардировку Китая на фоне застоя переговоров по перемирию в 1953 г. В первой половине 1950-х гг. американское руководство, опасавшееся роста советского арсенала, также всерьёз рассматривало возможность превентивного удара против Москвы (Trachtenberg 1988).

Неопределённость, вызванная появлением ядерного оружия, не вылилась в столкновение сверхдержав, но осложнила оценки соотношения сил. Новое вооружение породило всплеск ожиданий революционных последствий, а временный характер американского преобладания порождал искушение воспользоваться закрывающимся окном возможностей. В то же время США не ожидали, что их монополия окажется столь краткосрочной. Кроме того, в каком-то смысле появление ядерного оружия порождало меньшую неопределённость, чем развитие ранее рассмотренных вооружений – его разрушительный эффект был очевиден с самого начала. Этим может объясняться готовность Советского Союза идти на односторонние уступки в ходе кризисов ранней холодной войны. Технологические изменения не привели к прямому столкновению сверхдержав в 1950-х гг., но они повышали риски дестабилизации.

Следующий этап обострения был связан с развитием ракетных технологий. Ему предшествовала ограниченная разрядка в отношениях Советского Союза и США, обеспеченная стабилизацией соотношения сил. В 1956 г. сверхдержавы даже продемонстрировали способность сотрудничать в противодействии «тройственной агрессии» Британии, Франции и Израиля в отношении Египта. Тем не менее в конце 1950-х соперничество обострилось.

Успехи Советского Союза в космической гонке стимулировали рост опасений в США о рисках «ракетного отставания». Межконтинентальные баллистические ракеты, которые обе сверхдержавы поставили на вооружение в 1959 г., сделали американскую территорию досягаемой для советских ядерных сил. Более того, Москва нередко приукрашивала успехи в производстве новых вооружений, что дополнительно разжигало американские опасения (Roman 1995).

Возросшие возможности стимулировали рост уверенности советского руководства в своих силах, что проявилось в спорах по Берлину и расширении активности Москвы в Третьем мире⁴². Напряжённость вызвал и инцидент со сбитым новейшими противовоздушными ракетами самолётом-разведчиком U-2 над советской территорией в 1960 г. Такого рода полёты обуславливались стрем-

⁴² О рисках ядерной эскалации в ходе Второго берлинского кризиса см. (Betts 1987).

лением Вашингтона прояснить достижения Москвы в военном строительстве. То есть они также выступали следствием дефицита информации о соотношении сил. Их провокационный характер в отношении советского суверенитета, а также вероятность поражения американских военнослужащих повышали ставки в противоборстве (Geelhoed 2020: 167).

Наиболее ярким случаем дестабилизации в этот период стал Карибский кризис 1962 г., вызванный размещением советских ракет на Кубе. Появление новейших вооружений вблизи американской территории вызвало острую реакцию Вашингтона. В качестве ответа США рассматривали удар по советским установкам, который поставил бы мир на порог военного столкновения сверхдержав. При этом предпосылкой решения Москвы разместить ракеты на Кубе стали опасения относительно аналогичных американских вооружений в Турции (Betts 1987).

Опять же появление новых вооружений предвляло риски военного столкновения сверхдержав. Развитие ракетных технологий повысило сомнения сверхдержав в текущем соотношении сил. Оно, в частности, сопровождалось завышенными ожиданиями возможных сдвигов в пользу СССР в результате появления новых видов носителей ядерного оружия. США особенно опасались роста уязвимости в ближайшем будущем, связывая с ракетными технологиями риски нивелирования их преимуществ. На фоне роста технологической неопределённости сверхдержавы вновь приблизились к черте столкновения, но не перешли её.

Следующий этап качественной гонки вооружений между СССР и США пришёлся на конец 1960-х – начало 1970-х гг. ввиду развития систем противоракетной обороны, а также появления новых средств поражения. Его особенностью стало то, что технологическая неопределённость не вылилась в острые кризисы. Наоборот, в рассматриваемый исторический промежуток произошла стабилизация противостояния, вылившаяся в разрядку международной напряжённости.

Подобная динамика отчасти объясняется временным перенапряжением США, вызванным поражениями во Вьетнаме, ростом советских опасений относительно Китая, признанием обеими сторонами стратегического паритета. Вместе с тем разрядка стала возможна лишь после того, как Советский Союз и США осознали техническую невозможность обеспечения защиты собственной территории от ракетного нападения. На протяжении 1960-х гг. обе стороны разрабатывали соответствующие программы, но в итоге они ограничились развёртыванием систем предупреждения, а также противоракетной обороной отдельных районов. Таким образом, становление контроля над вооружениями стало возможно только после снижения неопределённости, связанной не оправдавшими себя разработками оборонительных средств противодействия стратегическим ядерным силам противника (Cameron 2017).

Последствия появления межконтинентальных баллистических ракет с разделяющимися головными частями индивидуального наведения (МБР РГЧ ИН) вызывает больше вопросов. США первыми испытали их в 1969 г. и поставили на

вооружение в 1970-м (Green, Long 2017). Несмотря на широкое признание негативного влияния технологии на вероятность возмездия в случае нападения, его создание не помешало процессу разрядки. Внедрение такого вооружения отражало попытки стороны обеспечить стратегическое превосходство, но они не привели к существенному расхождению представлений сторон относительно соотношения сил – появление носителей с разделяющимися головными частями индивидуального наведения поколебало, но не подорвало представления о сравнительной устойчивости взаимной уязвимости. Оно не привело к обострению алармизма, вызванного завышенными ожиданиями от разработанной технологии.

Подобная аномалия повторяет прежде описанный случай введения многозарядного оружия в 1880-х гг. И в том, и в другом случае единичные технологические изменения не подорвали существенным образом международную стабильность. При этом появление РГЧ ИН не вписывается и в объяснение, предлагаемое ТСОНВ, так как этой технологии, так же как и противоракетной обороне, приписывается преимущественно наступательное значение. Тем не менее такое изменение не привело к обострению соперничества государств, несмотря на специфические характеристики вооружения.

Наконец, ещё одна волна технологических изменений наметилась на стыке 1970–1980-х гг. в связи с развитием средств космического слежения, наведения, позиционирования, а также разработкой крылатых ракет. Результатом совмещения этих технологий стало появление высокоточного оружия, обеспечившее конвенциональные силы способностью создавать угрозу, сопоставимую с использованием ядерных зарядов. Оно было интегрировано в обновлённые доктринальные подходы и организационные модели⁴³. Технологические изменения рубежа 1970–1980-х гг. предполагали наиболее серьёзный пересмотр прежних подходов к противоборству на ключевом европейском театре потенциального столкновения (Mearsheimer 1985; Posen 1991).

Параллельно Советский Союз и США с конца 1970-х гг. стали принимать на вооружение и развёртывать в Европе новое поколение ракет средней дальности, оснащённых ядерными боеголовками. Они сочетали в себе широкое покрытие целей на региональном театре с малым временем подлёта. Также в начале 1980-х гг. возобновились дискуссии относительно систем противоракетной обороны, в том числе размещаемых в космосе и оборудуемых лазерными средствами поражения (Duric 2003). Подобные прожекты нашли отражение в Стратегической оборонной инициативе Рональда Рейгана, которая так и осталась нереализованной.

Таким образом, в период конца 1970-х – начала 1980-х гг. параллельное развитие получил широкий набор новых видов вооружений. В рамках всей холод-

⁴³ Подробнее о соотношении технологических, доктринальных и организационных нововведений в этот период см. (Palmer 2014).

ной войны этот период характеризовался наиболее плотным наложением нескольких источников технологической неопределённости. В результате в начале 1980-х гг. сверхдержавы подошли максимально близко к порогу эскалации конфликтов до стадии военного противостояния в наиболее значимом регионе их противоборства – в Европе.

Наметившееся превосходство Соединённых Штатов по ряду технологических направлений, обострило ощущение уязвимости в Москве. В частности, публикации начальника Генерального штаба СССР Н.В. Огаркова фиксировали озабоченности советского руководства относительно влияния новых вооружений на соотношение сил (Огарков 1982; Огарков 1985). Более того, советская военная мысль придавала даже большее значение перспективам качественных изменений в конвенциональных силах, чем американские эксперты, первой сформулировав тезис о «научно-технической революции в военной сфере».

Рост неуверенности относительно устойчивости соотношения сил вылился в повышение военной напряжённости (Fischer 1997; Miles 2020). Растущие опасения относительно возможной военной агрессии Запада побудили Москву к систематическому сбору информации относительно возможности ракетно-ядерного нападения на основе разработанной системы индикаторов. Противостояние достигло пика осенью 1983 г., которая была отмечена острым кризисом после того, как советский истребитель сбил южнокорейский авиалайнер, зашедший в воздушное пространство СССР и не реагирующий на запросы. Почти сразу после этого инцидента НАТО провели масштабные учения, отрабатывавшие применение ядерного оружия, с которыми также связывались риски дестабилизации.

Несмотря на то, что на напряжённость начала 1980-х гг. работали также идейные установки администрации Рональда Рейгана, сложно игнорировать влияние на развитие событий роста неуверенности сторон относительно соотношения сил в условиях внедрения качественно новых типов вооружений и ожиданий революции в военном деле. В первую очередь, для советской стороны были характерны опасения относительно возникающего окна уязвимости, вызванного появлением качественного отставания в сфере информатизации и внедрении новых конвенциональных средств борьбы. В условиях ограниченного доступа к архивным источникам по-прежнему трудно оценивать, насколько близко стороны в этот период подошли к порогу военного столкновения.

В целом же опыт холодной войны не опровергает теорию технологической неопределённости как таковую, но требует модификации предшествующей аргументации. Наибольшие риски таит параллельное внедрение нескольких нововведений в ограниченный временной промежуток. Единичные изменения в вооружениях таят меньшую опасность, хотя и они повышают вероятность обострения ситуации. Это положение подтверждается и опытом предшествующих периодов (например, распространения многозарядных винтовок в 1880-х гг.).

На протяжении холодной войны почти все волны новых вооружений подвели сверхдержавы к порогу военного столкновения. Причём каждая из них связывалась с ростом опасений относительно возможной агрессии. Даже ядерное оружие, которое порой характеризуют как преимущественно оборонительное, порождало стимулы к наступательным действиям. Этот эффект противоречит положениям ТСОНВ, но ожидаем, исходя из теории технологической неопределённости.

Предшествующий анализ был призван обосновать теорию технологической неопределённости, установив зависимость рисков военных столкновений от появления новых вооружений и выявив психологические эффекты, опосредующие такое влияние. Валидность разработанного объяснения проверялась на обширном и разнообразном эмпирическом материале в сопоставлении с получившей ранее широкое признание теорией соотношения оборонительных и наступательных возможностей.

Исторический опыт даёт солидное подтверждение теории технологической неопределённости. Изменения в вооружениях действительно воздействуют на восприятие государствами, порождая риски военного столкновения. Их появление, а также различия в доктринальной и организационной адаптации к новым возможностям стимулируют расхождения в представлениях относительно соотношения сил. С такими изменениями связаны завышенные ожидания относительно компенсации качественным превосходством количественных ограничений. Наконец, алармизм ввиду ощущения утекающих возможностей и растущей уязвимости побуждает к превентивным действиям. Всё это порождает мощные стимулы к военной эскалации.

Наибольший вклад в обоснование теории технологической неопределённости вносит опыт середины XIX столетия и начала XX в. В обоих случаях связанные с ней ожидания явно расходятся с оценками соотношения наступательных и оборонительных возможностей. Развитие событий продемонстрировало большую объяснительную силу предложенной теории, по сравнению с ТСОНВ.

Напротив, период конца XVIII в. предсказуемо вносит наименьший вклад в доказательство обосновываемых положений. Этот исторический промежуток в принципе предшествовал интенсификации технологических изменений. Вместе с тем показателен последующий продолжительный период мира, который невозможно объяснить изменением соотношения наступательных и оборонительных возможностей.

В случае середины XX в. предсказания теории технологической неопределённости и ТСОНВ совпадают, что затрудняет проведение дискриминации между ними. Обе они связывают начало Второй мировой войны с появлением новых вооружений. Тем не менее первая превосходит вторую в объяснении расхождений в оценках технологических изменений отдельными государствами.

Наконец, наиболее трудным периодом для теории технологической неопределённости является вторая половина XX в., когда бурные изменения в воору-

жениях не привели к прямым военным столкновениям сверхдержав. Тем не менее холодная война составляет меньшую аномалию, если мы учтём её продолжительность и поочерёдный характер появления новых вооружений. При этом технологическая неопределённость лучше, чем изменения в соотношении наступательных и оборонительных вооружений объясняет обострения в ходе холодной войны.

Важный вклад в обоснование теории вносит выявление не только причин военных столкновений, но предпосылок мира. В этой связи исторический обзор подтверждает, что периодам стабильности соответствовал сравнительный застой в развитии вооружений. Таким образом, исследование избегает обвинений о предвзятом подборе случаев для анализа на основе объясняемой переменной (King, Keohane, Verba 1994), что ещё больше подкрепляет доверие к выводу о влиянии технологической неопределённости на международную безопасность.

Стоит отметить, что предпринятый анализ не утверждает, что изменения в вооружениях выступают необходимым или достаточным условием к военным столкновениям. Они, как правило, действуют в комбинации с другими условиями, такими как рост размеров армий, социально-политические революции, динамика коалиций. Нельзя исключать также возникновение искажений в восприятии государствами соотношения сил даже в отсутствие технологических нововведений. Тем не менее опыт последних двух с половиной столетий свидетельствует, что подобные изменения предшествовали всем случаям крупномасштабных военных столкновений.

Какие же практические следствия вытекают из проведённого анализа для современных международных отношений? Теория технологической неопределённости представляется исключительно актуальной в современных условиях. Рубеж 2010–2020-х гг. отмечен дискуссиями относительно внедрения ряда новых вооружений, включая гиперзвуковые носители, автономные боевые системы, военное применение искусственного интеллекта и квантовых вычислений, новое поколение противоракетных и противоспутниковых систем.

В связи с этими разработками уже формируются ожидания относительно революционных изменений в способах ведения вооружённой борьбы. Ряд государств рассчитывают на возможность с их помощью компенсировать количественные ограничения в численности военнослужащих, насыщении войск традиционными вооружениями, военных бюджетах. Они также рассуждают в терминах вероятных окон уязвимости в недалёком будущем.

Всё это вызывает серьёзные опасения относительно перспектив военного столкновения. В той мере, в какой исторический опыт и теория технологической неопределённости могут служить ориентирами для прогнозов, риски крупномасштабных столкновений возрастают. В этих условиях неочевидно, что государства смогут контролировать развитие событий, так как их восприятие соотношения сил и перспектив вооружённой борьбы оказывается искажённым.

Толику оптимизма выводам проведённого исследования добавляет то, что в настоящее время потенциальные нововведения находятся на различных стадиях развития. В случае гиперзвукового, противоракетного, противоспутникового оружия уже готовы прототипы и даже примеры практического внедрения. Для создания автономных боевых систем, военного применения искусственного интеллекта и квантовых вычислений требуется ещё какое-то время.

С учётом того, что наибольшая вероятность военных столкновений наблюдается в случае наложения источников технологической неопределённости, стабилизирующую роль может сыграть увеличение временного лага между появляющимися нововведениями. Создание новых типов вооружений вряд ли можно остановить вовсе, но если бы государства отложили внедрение части из них на более поздний срок, это способствовало бы поддержанию международной безопасности.

Кроме того, игроки, рассчитывающие на обретение преимуществ благодаря развитию передовых технологий, не должны забывать, что кажущееся качественное превосходство в случаях вооружённых столкновений нередко оказывается недостаточным для победы. Исторический опыт подталкивает к осторожности в оценках возможности обеспечения собственных интересов путём инициирования военного столкновения.

Об авторе:

Игорь Александрович Истомин – кандидат политических наук, доцент кафедры прикладного анализа международных процессов МГИМО МИД России, 119454, г. Москва, проспект Вернадского д. 76; приглашённый исследователь Центра Дэвиса, Гарвардский университет, 1730 Кэмбридж стрит, Кембридж, Масс., МА 02138. E-mail: i.istomin@inno.mgimo.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (номер договора о выделении гранта 14.641.31.0002). Автор выражает признательность И.В. Данилину, М.Г. Миронюку, Е.В. Нечаевой, А.Д. Чекову за их ценные комментарии к ранним версиям исследования.

Received: November 12, 2020
Accepted: December 10, 2020

Innovation Mirage: The Role of Technological Uncertainty in Military Instability

I.A. Istomin

[DOI 10.24833/2071-8160-2020-6-75-7-52](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-6-75-7-52)

Moscow State Institute of International Relations (university) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
Davis center, Harvard University, USA

Abstract: The article examines the impact of technological changes on the risks of military clashes between states. Currently, experts express increasing concerns about the destabilizing effect of new weapons (including anti-missile and anti-satellite weapons, hypersonic missiles, autonomous lethal systems, and artificial intelligence). These assessments are rarely based on solid theoretical foundations. The author seeks to fill this gap, arguing that the emergence of new weapons has a negative impact on international stability, and this effect is weakly related to the specific characteristics of underline technologies. The theory of technological uncertainty offers an alternative to the offense-defense balance theory. The latter developed since the 1970s, but its validity is questionable. The theory of technological uncertainty attributes the destabilizing effect of weapons to the divergence of states' perceptions of the balance of powers, to the hyped expectations regarding the ability to compensate quantitative limitations with qualitative superiority, to the alarmistic sense of closing windows of opportunities and growing vulnerabilities. The article tests the theory against the historical record of military clashes in Europe from the end of the 18th to the middle of the 20th centuries, as well as the crises between superpowers during the Cold War. The empirical cases are selected in order to cover the period marked by the intensification of qualitative arms races between states. In addition, it is also the period most often used to substantiate the offense-defense balance theory. The history of the last two and a half centuries provides a solid foundation for the theory of technological uncertainty. All instances of large-scale military clashes were preceded by significant technological changes, while peace fell on periods of technological stagnation. The author addresses the policy implications of the theory for the discussions on emerging weapons in the 2010s and 2020s. The study confirms that concerns regarding their destabilizing effect are justified, but for the different reasons from those put forward by most analysts. A somewhat optimistic caveat to its conclusions is the fact that currently emerging weapons are at various stages of development. The greatest likelihood of military clashes corresponds to the overlap of several technological uncertainties. Therefore, an increase in the time lag between introduction of various arms can mitigate destabilizing effect.

Keywords: arms; technology; war; balance of power; perception; Revolution in Military Affairs; window of opportunities; great powers; military force

About the author:

Igor A. Istomin – Candidate of Sciences, Associate Professor, Department of Applied International Political Analysis, MGIMO University, 119454, Moscow, prospect Vernadskogo, 76;

Senior Visiting Scholar, Davis Centre, Harvard University, 1730 Cambridge Street, Cambridge, MA 02138 E-mail: i.istomin@inno.mgimo.ru

Conflict of interest:

The author declares the absence of conflict of interests.

Acknowledgments:

This research is funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant agreement number 14.641.31.0002). The author expresses gratitude to Alexander Chekov, Ivan Danilin, Mikhail Mironyuk, and Elena Nechaeva for their valuable comments on preliminary drafts of the article.

References:

- Alexandroff A. 2014. Before the War: Three Styles of Diplomacy. *The Next Great War? The Roots of World War I and the Risk of the U.S.-China Conflict*. Ed. by R. N. Rosecrance, S. E. Miller. Cambridge: MIT Press. P. 5-8.
- Batchelder R.W., Freudenberger H. 1983. On the Rational Origins of the Modern Centralized State. *Explorations in Economic History*. 20(1). P. 1-13.
- Bennett A., Checkel J. T. 2015. Process Tracing: from Philosophical Roots to Best Practices. *Process tracing*. Ed. by A. Bennett, J. T. Checkel. Cambridge: Cambridge University Press. P. 3-38.
- Berkowitz H., Dumez H. 2017. The Gribeauval System or the Question of Standardization in the 18th Century. *Gérer & Comprendre. English Language Online Edition*. №2. P. 20-27.
- Betts R.K. 1987. *Nuclear Blackmail and Nuclear Balance*. Washington: Brookings Institution Press. 240 p.
- Betts R.K. 1999. Must War Find a Way? A Review Essay. *International Security*. 24(2). P. 166-198.
- Biddle S.D. 2004. *Military Power: Explaining Victory and Defeat in Modern Battle*. Princeton: Princeton University Press. 337 p.
- Blainey G. 1973. *Causes of War*. New York: Free Press. 278 p.
- Bordalo P., Gennaioli N., Shleifer A. 2012. Salience Theory of Choice under Risk. *The Quarterly journal of economics*. 127(3). P. 1243-1285.
- Brimley S. et al. 2013. *Game Changers: Disruptive Technology and US Defense Strategy*. Washington D.C.: Center for a New American Security. 32 p.
- Brodie B. 1946. *The Absolute Weapon*. New Haven: Yale institute of international studies. 214 p.
- Brooks H. 1975. The Military Innovation System and the Qualitative Arms Race. *Daedalus*. 104(3). P. 75-97.
- Buzan B. 1987. *An Introduction to Strategic Studies: Military Technology and International Relations*. New York: St. Martin's Press. 325 p.
- Buzan B., Lawson G. 2015. *The Global Transformation: History, Modernity and the Making of International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press. 396 p.
- Cameron J. 2017. *The Double Game: The Demise of America's First Missile Defense System and the Rise of Strategic Arms Limitation*. Oxford University Press. 234 p.
- Childs D.J. 1999. *A Peripheral Weapon? The Production and Employment of British Tanks in the First World War*. Westport: Greenwood Publishing Group. 210 p.
- Christensen C.M. 1997. *The Innovator's Dilemma: when New Technologies Cause Great Firms to Fail*. Boston: Harvard Business School Press. 252 p.

- Christensen T.J., Snyder J. 1990. Chain Gangs and Passed Bucks: Predicting Alliance Patterns in Multipolarity. *International organization*. 44(2). P. 137-168.
- Citino R. 2004. Beyond Fire and Movement: Command, Control and Information in the German Blitzkrieg. *Journal of Strategic Studies*. 27(2). P. 324-344.
- Clark C. 2012. *The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914*. London: Allen Lane. 696 p.
- Cooper J.R. 1994. *Another View of the Revolution in Military Affairs*. Carlisle Barracks: Strategic Studies Institute, U.S. Army War College. 46 p.
- Copeland D.C. 2001. *The Origins of Major War*. Ithaca: Cornell University Press. 322 p.
- Corum J.S. 1996. From Biplanes to Blitzkreig: The Development of German Air Doctrine Between the Wars. *War in History*. 3(1). P. 85-101.
- Crow M.C.L. 2015. *An Operational Level Analysis of Soviet Armored Formations in the Deliberate Defense in the Battle of Kursk, 1943*. Pickle Partners Publishing. 144 p.
- Dedehayir O., Steinert M. 2016. The Hype Cycle Model: A Review and Future Directions. *Technological Forecasting and Social Change*. Vol. 108. P. 28-41.
- Diehl P.F., Crescenzi M.J. C. 1998. Reconfiguring the Arms Race-War Debate. *Journal of Peace Research*. 35(1). P. 111-118
- Duric M. 2003. *The Strategic Defence Initiative: US Policy and the Soviet Union*. Taylor & Francis. Aldershot: Ashgate. 190 p.
- Fearon J.D. 1995. Rationalist Explanations for War. *International organization*. 49(3). P. 390-401.
- Fenn J., Raskino M. 2008. *Mastering the Hype Cycle: how to Choose the Right Innovation at the Right Time*. Cambridge: Harvard Business Press. 237 p.
- Fey M., Ramsay K.W. 2011. Uncertainty and Incentives in Crisis Bargaining: Game-Free Analysis of International Conflict. *American Journal of Political Science*. 55(1). P. 149-169.
- Fischer B.B. 1997. *A Cold War Conundrum: the 1983 Soviet War Scare*. Washington, DC: Central Intelligence Agency, Center for the Study of Intelligence. 37 p.
- Frieser K.H. 2005. *The Blitzkrieg Legend: The 1940 Campaign in the West*. Annapolis: Naval Institute Press. 507 p.
- Garfinkel B., Dafoe A. 2019. How does the Offense-Defense Balance Scale? *Journal of Strategic Studies*. 42(6). P. 736-763.
- Gartzke E., Lindsay J.R. 2015. Weaving Tangled Webs: Offense, Defense, and Deception in Cyberspace. *Security Studies*. 24(2). P. 316-348. DOI: 10.1080/09636412.2015.1038188
- Geelhoed E.B. 2020. *Diplomacy Shot Down: The U-2 Crisis and Eisenhower's Aborted Mission to Moscow, 1959-1960*. University of Oklahoma Press. 315 p.
- George A.L., Bennett A. 2005. *Case Studies and Theory Development in the Social Sciences*. Cambridge: MIT Press. 331 p.
- Gerring J. 1999. What Makes a Concept Good? A Criterial Framework for Understanding Concept Formation in the Social Sciences. *Polity*. 31(3). P. 357-393.
- Gerring J. 2007. *Case Study Research: Principles and Practices*. Cambridge: Cambridge university press. 265 p.
- Gibler D.M., Rider T.J., Hutchison M.L. 2005. Taking Arms against a Sea of Troubles: Conventional Arms Races during Periods of Rivalry. *Journal of Peace Research*. 42(2). P. 131-147.
- Gilpin R. 1981. *War and Change in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press. 272 p.
- Glaser C.L. 1999. *Analyzing Strategic Nuclear Policy*. Princeton: Princeton University Press. 378 p.

- Glaser C.L., Kaufmann C. 1998. What is the Offense-Defense Balance and how Can We Measure It? *International security*. 22(4). P. 44-82.
- Gray C.S. 1993. *Weapons don't Make War: Policy, Strategy, and Military Technology*. Lawrence: University Press of Kansas. 236 p.
- Green B.R., Long A. 2017. The MAD Who Wasn't There: Soviet Reactions to the Late Cold War Nuclear Balance. *Security Studies*. 26(4). P. 606-641. DOI: 10.1080/09636412.2017.1331639
- Haas M.L. 2005. *The Ideological Origins of Great Power Politics, 1789-1989*. Ithaca: Cornell University Press. 232 p.
- Herrera G.L. 2004. Inventing the Railroad and Rifle Revolution: Information, Military Innovation and the Rise of Germany. *Journal of Strategic Studies*. 27(2). P. 243-271.
- Herrera G.L. 2012. *Technology and International Transformation: The Railroad, the Atom Bomb, and the Politics of Technological Change*. New York: SUNY Press. 265 p.
- Herrera G.L., Manken T.G. 2003. Military Diffusion in Nineteenth-Century Europe: The Napoleonic and Prussian Military Systems. *The diffusion of military technology and ideas*. Ed. by E.O. Goldman, L.C. Eliason. Stanford: Stanford University Press. P. 205-242.
- Herrmann D.G. 1997. *The Arming of Europe and the Making of the First World War*. Princeton: Princeton University Press. 307 p.
- Horowitz M.C. 2010. *The Diffusion of Military Power: Causes and Consequences for International Politics*. Princeton: Princeton University Press. 273 p.
- Horowitz M.C. 2019. When Speed Kills: Lethal Autonomous Weapon Systems, Deterrence and Stability. *Journal of Strategic Studies*. 42(6). P. 764-788.
- Howard M. 1961. *The Franco-Prussian War: The German Invasion of France 1870-1871*. Oxon: Routledge. 512 p.
- Howard M. 1976. *War in European History*. Oxford: Oxford University Press. 165 p.
- Izzo L. C.L.L. 2015. *An Analysis of Manstein's Winter Campaign on the Russian Front 1942-1943: A Perspective of the Operational Level of War and Its Implications*. Pickle Partners Publishing. 104 p.
- Jackson J. 2003. *The Fall of France: The Nazi Invasion of 1940*. Oxford: Oxford University Press. 274 p.
- Jervis R. 1976. *Perception and Misperception in International Politics*. Princeton: Princeton University Press. 445 p.
- Jervis R. 1978. Cooperation under the Security Dilemma. *World Politics*. 30(2). P. 167-214
- Jervis R. 1989. *The Meaning of the Nuclear Revolution: Statecraft and the Prospect of Armageddon*. Ithaca: Cornell University Press. 266 p.
- Johnson D.D. P. 2004. *Overconfidence and War: The Havoc and Glory of Positive Illusions*. Cambridge: Harvard University Press. 280 p.
- Johnson J. 2019. Artificial Intelligence & Future Warfare: Implications for International Security. *Defense & Security Analysis*. 35(2). P. 147-169. DOI: 10.1080/14751798.2019.1600800
- Kamenetsky I. 1961. Lebensraum in Hitler's War Plan: The Theory and the Eastern European Reality. *The American Journal of Economics and Sociology*. 20(3). P. 313-326.
- Kiley K. F. 2004. *Artillery of Napoleonic Wars*. Barnsley: Frontline Books. 318 p.
- King G., Keohane R. O., Verba S. 1994. *Designing Social Inquiry: Scientific Inference in Qualitative Research*. Princeton: Princeton University Press. 245 p.
- Klare M.T. 2018. The Challenges of Emerging Technologies. *Arms Control Today*. 48(10). P. 10-16.
- Klare M.T. 2019. An 'Arms Race in Speed': Hypersonic Weapons and the Changing Calculus of Battle. *Arms Control Today*. 49(5). P. 6-13.

- Koch H.W. 1983. Hitler's 'Programme' and the Genesis of Operation 'Barbarossa'. *The Historical Journal*. 26(4). P. 891-920.
- Krepinevich A. F. 1994. Cavalry to Computer: The Pattern of Military Revolutions. *The National Interest*. №37. P. 30-42.
- Lebow R.N. 1981. *Between Peace and War: The Nature of International Crisis*. Baltimore: Johns Hopkins University Press. 350 p.
- Lieber K.A. 2005. *War and the Engineers: The Primacy of Politics over Technology*. Ithaca: Cornell University Press. 226 p.
- Lynn-Jones S.M. 1995. Offense-Defense Theory and its Critics. *Security studies*. 4(4). P. 660-691.
- MacLennan K. 2003. Liechtenstein and Gribeauval: 'Artillery revolution' in Political and Cultural Context. *War in History*. 10(3). P. 249-264.
- McCarthy D.R. 2017. Introduction: Technology in World Politics. *Technology and World Politics: An introduction*. Ed. by D.R. McCarthy. Oxon: Routledge. P. 1-22.
- McDonald H.B., Rosecrance R. 1985. Alliance and Structural Balance in the International System: A reinterpretation. *Journal of Conflict Resolution*. 29(1). P. 57-82.
- McNeill W.H. 1982. *The Pursuit of Power: Technology, Armed Force, and Society Since AD 1000*. Chicago: University of Chicago Press. 405 p.
- Mearsheimer J.J. 1985. *Conventional Deterrence*. Ithaca: Cornell University Press. 296 p.
- Mearsheimer J.J. 2001. *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: WW Norton & Company. 555 p.
- Meilinger P.S. 1996. Trenchard and "Morale Bombing": The Evolution of Royal Air Force Doctrine Before World War II. *The Journal of Military History*. 60(2). P. 243-270.
- Metz S. 1995. *Strategy and the Revolution in Military Affairs: from Theory to Policy*. Carlisle Barracks: Strategic Studies Institute, U.S. Army War College. 38 p.
- Mihalka M. 1980. *German Strategic Deception in the 1930s*. Santa Monica: RAND Corp. 128 p.
- Miles S. 2020. The War Scare That Wasn't: Able Archer 83 and the Myths of the Second Cold War. *Journal of Cold War Studies*. 22(3). P. 86-118.
- Moltke H.G. von. 1992. Moltke: vom Kabinettskrieg zum Volkskrieg: eine Werkauswahl. Bonn: Bouvier, 1992. 646 p. (In German)
- Morrow J.D. 1989. Capabilities, Uncertainty, and Resolve: A limited Information Model of Crisis Bargaining. *American Journal of Political Science*. 33(4). P. 941-972.
- Muller R.R. 1996. Close Air Support: The German, British, and American Experiences, 1918-1941. *Military Innovation in the Interwar Period*. Ed. by W. Murray, A. R. Millet. Cambridge: Cambridge University Press. P. 144-190.
- Murray W. 1996. Armored Warfare: the British, French, and German Experiences. *Military innovation in the interwar period*. Ed. by W. Murray, A. R. Millet. Cambridge: Cambridge University Press. P. 6-49.
- Overy R. 2010. The Air War in Europe, 1939-1945. *A History of Air War*. Ed. by J.A. Olsen. University of Nebraska Press. P. 27-52.
- Palmer D.A.R. 2014. The NATO-Warsaw Pact Competition in the 1970s and 1980s: a Revolution in Military Affairs in the Making or the End of a Strategic Age? *Cold War History*. 14(4). P. 533-573. DOI: 10.1080/14682745.2014.950250
- Parker G. 1976. The "Military Revolution," 1560-1660 – a Myth? *The Journal of Modern History*. 48(2). P. 196-214.

Posen B. 1984. *The Sources of Military Doctrine: France, Britain, and Germany between the World Wars*. Ithaca: Cornell University Press. 283 p.

Posen B. R. 1991. *Inadvertent Escalation: Conventional War and Nuclear Risks*. Ithaca: Cornell University Press. 280 p.

Reiter D., Stam A.C. 1998. Democracy, War Initiation, and Victory. *American Political Science Review*. 92(2). P. 377-389.

Rider T.J., Findley M.G., Diehl P.F. 2011. Just Part of the Game? Arms Races, Rivalry, and War. *Journal of Peace Research*. 48(1). P. 85-100.

Roman P. 1995. *Eisenhower and the Missile Gap*. Ithaca: Cornell University Press. 264 p.

Rosen S.P. 1991. *Winning the Next War: Innovation and the Modern Military*. Ithaca: Cornell University Press. 275 p.

Rosenberg D. A. 1983. The Origins of Overkill: Nuclear Weapons and American Strategy, 1945-1960. *International Security*. 7(4). P. 3-71.

Ruggie J.G. 1975. International Responses to Technology: Concepts and Trends. *International organization*. 29(3). P. 557-583.

Quester G.H. 1977. *Offense and Defense in the International System*. New York: Wiley. 219 p.

Saltzman I. 2013. Cyber Posturing and the Offense-Defense Balance. *Contemporary Security Policy*. 34(1). P. 40-63. DOI: 10.1080/13523260.2013.771031

Sample S.G. 1997. Arms Races and Dispute Escalation: Resolving the Debate. *Journal of Peace Research*. 34(1). P. 7-22.

Schroeder P.W. 1994. *The Transformation of European Politics, 1763-1848*. Oxford: Oxford University Press. 894 p.

Schroeder P.W. 2004. Alliances, 1815–1945: Weapons of Power and Tools of Management. *Systems, Stability, and Statecraft: Essays on the International History of Modern Europe*. New York: Palgrave Macmillan. P. 208-211.

Searle A. 2017. *Armoured Warfare: A Military, Political and Global History*. Bloomsbury Publishing. 269 p.

Sechser T.S., Narang N., Talmadge C. 2019. Emerging Technologies and Strategic Stability in Peacetime, Crisis, and War. *Journal of Strategic Studies*. 42(6). P. 727-735. DOI: 10.1080/01402390.2019.1626725

Shah N. 2017. Gunning for War: Infantry Rifles and the Calibration of Lethal Force. *Critical Studies on Security*. 5(1). P. 81-104. DOI: 10.1080/21624887.2017.1330600

Showalter D.E. 1975. *Railroads and Rifles: Soldiers, Technology, and the Unification of Germany*. Hamden: Archon Books. 267 p.

Showalter D. 1988. Prussian Technology and War: artillery from 1815 to 1914. *Men, Machines and War*. Ed. by R. Haycock, K. Neilson. Waterloo: Wilfried Laurier University Press. P. 121-128.

Skolnikoff E.B. 1994. *The Elusive Transformation: Science, Technology, and the Evolution of International Politics*. Princeton: Princeton University Press. 322 p.

Slantchev B.L., Tarar A. 2011. Mutual Optimism as a Rationalist Explanation of War. *American Journal of Political Science*. 55(1). P. 135-148.

Slayton R. 2017. What is the Cyber Offense-Defense Balance? Conceptions, Causes, and Assessment. *International Security*. 41(3). P. 72-109. DOI: 10.1162/ISEC_a_00267

Sloan E.C. 2002. *Revolution in Military Affairs*. McGill-Queen's Press-MQUP. 188 p.

Speier R.H. et al. 2017. *Hypersonic Missile Nonproliferation: Hindering the Spread of a New Class of Weapons*. Santa Monica: Rand Corporation. 154 p.

- Stahel D. 2009. *Operation Barbarossa and Germany's defeat in the East*. Cambridge: Cambridge University Press. 483 p.
- Stevenson D. 1996. *Armaments and the Coming of War: Europe, 1904-1914*. Oxford: Oxford University Press. 463 p.
- Taylor A.J.P. 1954. *The Struggle for Mastery in Europe, 1848-1918*. Oxford: Oxford University Press. 638 p.
- Taylor S.E., Thompson S.C. 1982. Stalking the Elusive "Vividness" Effect. *Psychological review*. 89(2). P. 155-181.
- Trachtenberg M. 1988. A "Wasting Asset": American Strategy and the Shifting Nuclear Balance, 1949-1954. *International Security*. 13(3). P. 5-49.
- Tversky A., Kahneman D. 1973. Availability: A Heuristic for Judging Frequency and Probability. *Cognitive psychology*. 5(2). P. 207-232.
- Van Creveld M. 1989. *Technology and War: from 2000 BC to the Present*. New York. 342 p.
- Van Evera S. 1984. The Cult of the Offensive and the Origins of the First World War. *International Security*. 9(1). P. 58-107.
- Van Evera S. 1998. Offense, Defense, and the Causes of War. *International Security*. 22(4). P. 5-43
- Van Evera S. 1999. *Causes of War: Power and the Roots of Conflict*. Ithaca: Cornell University Press. 270 p.
- Wallace M.D. 1979. Arms Races and Escalation: Some New Evidence. *Journal of Conflict Resolution*. 23(1). P. 3-16.
- Walt S. 1996. *Revolution and War*. Ithaca: Cornell University Press. 365 p.
- Waltz K.N. 1979. *Theory of International Politics*. Boston: McGraw-Hill. 251 p.
- Waltz K.N. 1981. *The Spread of Nuclear Weapons: More May be Better: Introduction*. London: International Institute for Strategic Studies. 32 p.
- Wawro G. 2005. *The Franco-Prussian War: The German Conquest of France in 1870-1871*. Cambridge: Cambridge University Press. 327 p.
- Young R.J. 1974. The Strategic Dream: French Air Doctrine in the Inter-War Period, 1919-39. *Journal of Contemporary History*. 9(4). P. 57-76.
- Ziegler C.A. 1994. Weapons Development in Context: The Case of the World War I Balloon Bomber. *Technology and Culture*. 35(4). P. 750-767.
- Arbatov A. G. 2018. Osobennosti natsional'noi protivoraketnoi oborony [Specifics of National Missile Defense]. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo*. 11(6). P. 6-20. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-6-6-20 (In Russian)
- Burenok V.M. 2010. Tekhnicheskie i tekhnologicheskie osnovy razvitiia vooruzhenii i voennoi tekhniki [Technical and Technological Foundations for the Development of Weapons and Military Hardware]. *Vooruzhenie i ekonomika*. №4. P. 113-124. (In Russian)
- Burenok V.M. 2011. Bazy sleduiushego pokoleniia voyn [Foundations of the Next Generation of Wars]. *Vestnik Akademii voennykh nauk*. №3. P. 32-37. (In Russian)
- Brauer Iu., van Tuil' Kh. 2016. Zamki, bitvy, bomby: kak ekonomika ob'iasniaet voennuiu istoriiu [Castles, Battles, Bombs: How Economy Explains Military History]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara. 570 p. (In Russian)
- Esin V.I. 2015. Politika SShA v oblasti protivoraketnoi oborony i ee vliianie na strategicheskuiu stabil'nost' [U.S. Missile Defense Policy and Its Influence on Strategic Stability]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniia i mirovaia politika*. 7(3). P. 85-114. (In Russian)

Golubev D.S. 2015. Nauka i innovatsii v teoriyakh mezhdunarodnykh otnoshenii [Science and Innovations in the Theories of International Relations]. *Mezhdunarodnye protsessy*. 13(2). P. 66-80. DOI: 10.17994/T.2015.13.2.41.5 (In Russian)

Karaganov S. 2010. «Global'nyi nol'» i zdravyy smysl [“Global Zero” and Common Sense]. *Rossii v global'noi politike*. 8(3). P. 108-118. (In Russian)

Karaganov S.A., Suslov D.V. 2019. *Novoe ponimanie i puti ukrepleniia mnogostoronnei strategicheskoi stabil'nosti. Doklad* [New Understanding and Prospects of Strengthening Multilateral Strategic Stability. Report]. Moscow: NIU VShE. 55 p. (In Russian)

Kokoshin A.A., Baluevskii Iu.N., Potapov V.Ia. 2015a. Vliianie iadernogo faktora na razvitiie Otechestvennoi voennoi mysli [Impact of Nuclear Factor on the Development of the Domestic Military Thought]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniia i mirovaia politika*. 7(3). P. 3-22. (In Russian)

Kokoshin A.A., Baluevskii Iu.N., Potapov V.Ia. 2015b. Vliianie noveishikh tendentsii v razvitiie tekhnologii i sredstv vooruzhiennoi borby na voennoe iskustvo. [Impact of New Tendencies in Development of Technologies and Means of Armed Struggle on Military Art]. *Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniia i mirovaia politika*. 7(4). P. 3-22. (In Russian)

Kokoshin A.A. ed. 2017. *Vliianie tekhnologicheskikh faktorov na parametry ugroz natsional'noi i mezhdunarodnoi bezopasnosti, voennykh konfliktov i strategicheskoi stabil'nosti* [Impact of Technological Factors on Parameters of Threats to the National and International Security, Military Conflicts and Strategic Stability]. Moscow: Moscow State University. 478 c. (In Russian)

Mints M.M. 2010. “Strategiia sokrusheniia”: strategicheskaya i voenno-tekhnicheskaya kontseptsii budushchei voiny v strukture sovetskoi voennoi doktriny 1930-kh-nachala 1940-kh godov [“Strategy of Crushing”: Strategic and Military – Technical Concepts of Future War in the Structure of the Soviet Military Doctrine in 1930s – early 1940s]. *Rossiiskaya istoriya*. №3. P. 3-18. (In Russian)

Ogarkov N.V. 1982. *Vsegda v gotovnosti k zashchite Otechestva* [Always Ready to Protect Motherland]. Moscow: Voenizdat. 71 p. (In Russian)

Ogarkov N.V. 1985. *Istoriia uchit bditel'nosti* [History Teaches Vigilance]. Moscow: Voenizdat. 96 p. (In Russian)

Khrustalev M.A. 2008. *Analiz mezhdunarodnykh situatsii i politicheskaya ekspertiza* [Analysis of International Relations and Political Expertise]. Moscow: NOFMO. 230 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Арбатов А.Г. 2018. Особенности национальной противоракетной обороны. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 11(6). С. 6-20. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-6-6-20

Буренок В.М. 2010. Технические и технологические основы развития вооружения и военной техники. *Вооружение и экономика*. №4. С. 113-124.

Буренок В.М. 2011. Базис следующего поколения войн. *Вестник Академии военных наук*. №3. С. 32-37.

Брауэр Ю., ван Туйль Х. 2016. *Замки, битвы, бомбы: как экономика объясняет военную историю*. Москва: Изд-во Института Гайдара. 570 с.

Голубев Д.С. 2015. Наука и инновации в теориях международных отношений. *Международные процессы*. 13(2). С. 66-80. DOI: 10.17994/T.2015.13.2.41.5

Есин В.И. 2015. Политика США в области противоракетной обороны и ее влияние на стратегическую стабильность. *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*. 7(3). С. 85-114

Караганов С. 2010. «Глобальный ноль» и здравый смысл. *Россия в глобальной политике*. 8(3). С. 108-118.

Караганов С.А., Суслев Д.В. 2019. *Новое понимание и пути укрепления многосторонней стратегической стабильности*. Доклад. Москва: НИУ ВШЭ. 55 с.

Кокошин А.А. (ред.) 2017. *Влияние технологических факторов на параметры угроз национальной и международной безопасности, военных конфликтов и стратегической стабильности*. Москва: Издательство Московского университета. 478 с.

Кокошин А.А., Балуевский Ю.Н., Потапов В.Я. 2015. Влияние новейших тенденций в развитии технологий и средств вооруженной борьбы на военное искусство. *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*. 7(4). С. 3-22.

Минц М.М. 2010. «Стратегия сокрушения»: стратегическая и военно-техническая концепции будущей войны в структуре советской военной доктрины 1930-х-начала 1940-х годов. *Российская история*. №3. С. 3-18.

Огарков Н.В. 1982. *Всегда в готовности к защите Отечества*. Москва: Воениздат. 71 с.

Огарков Н.В. 1985. *История учения о бдительности*. Москва: Воениздат. 96 с.

Хрусталёв М.А. 2008. *Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза*. Москва: НОФМО. 230 с.

Планы США по интернационализации политики сдерживания СССР на Балканах в первой половине 1950-х гг.

А.А. Калинин

Вятский государственный университет

В статье рассматриваются действия американской дипломатии, направленные на укрепление военно-политического присутствия США на Балканах и в Восточном Средиземноморье в первой половине 1950-х гг. С целью сдерживания возможной советской агрессии США приступили к созданию механизмов мобилизации своих союзников в случае возникновения нового локального конфликта на Балканском полуострове, что предполагало разработку планов его интернационализации. Исследование строится на материалах Национального архива США, Государственного архива России, электронных архивов Центрального разведывательного управления, Североатлантического Альянса и Совета национальной безопасности США, а также опубликованных источников. Особое внимание уделено позиции Объединённого комитета начальников штабов США по вопросам военной стратегии в Восточном Средиземноморье. Начало Корейской войны стало важным рубежом в американской политике не только на Дальнем Востоке, но и в других регионах мира. На Балканах американцы опасались, прежде всего, агрессии советских «сателлитов» против Греции и Югославии. В качестве ответной меры Соединённые Штаты в начале 1950-х гг. создали новую модель безопасности на Балканах на основе дифференцированного подхода: Греция стала членом НАТО, в то время как Югославия вошла в аффилированный с НАТО антисоветский Балканский пакт. Югославия стала «мостом» между странами НАТО – Италией и Грецией. Документы Национального архива США показывают, что американские военные руководители высказывались в пользу членства Югославии в НАТО и настаивали на координации военных планов Италии, Югославии, Греции и Турции. Автор приходит к выводу, что сближение Югославии, Греции и Турции носило ситуативный характер. Позитивные изменения обстановки на Балканах после смерти И.В. Сталина привели к развалу Балканского пакта. Анализ американской политики на Балканах позволил внести вклад в изучение средств и методов, используемых США для интернационализации военных конфликтов в различных регионах мира с середины XX до начала XXI вв.

Ключевые слова: холодная война, региональный конфликт, внешняя политика США, советская угроза, Греция, Турция, Югославия, НАТО, Балканский пакт 1953 г.

УДК: 327.8

Поступила в редакцию: 12.11.2020 г.

Принята к публикации: 10.12.2020 г.

Необходимость изучения средств и методов, используемых Соединёнными Штатами Америки для интернационализации военных конфликтов в различных регионах мира с середины XX в. вплоть до сегодняшнего дня, обуславливает интерес к истории международных отношений на Балканах во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг. В период гражданской войны в Греции 1946–1949 гг. американская администрация разработала и апробировала алгоритмы вмешательства во внутренний гражданский конфликт с его последующей интернационализацией с целью недопущения прихода к власти коммунистической партии, которые впоследствии будут применяться в других странах и регионах. Следующей задачей американской дипломатии стало сдерживание возможной советской агрессии на Балканах. Решение этого кейса вновь потребовало широкого использования инструментов многосторонней дипломатии, которые позволили включить Грецию и Турцию в НАТО, а также оформить в 1953–1954 гг. военно-политический союз Югославии, Греции и Турции. Обладая к началу 1950-х гг. широкой поддержкой на международной арене, США на возможную агрессию СССР или его восточноевропейских союзников, именовавшихся в западных документах «сателлитами», намеревались ответить немедленной интернационализацией военного конфликта, что служило, по их мнению, достаточно эффективным инструментом сдерживания. Настоящая статья посвящена действиям американской дипломатии, направленным на укрепление военно-политического присутствия США на Балканах и в Восточном Средиземноморье в первой половине 1950-х гг. На основании широкого круга источников раскрывается процесс перехода американской дипломатии от участия в интернационализированном локальном конфликте в Греции к реализации долговременной стратегии укрепления оборонного периметра НАТО в этом регионе, частью которой стало создания военно-политических механизмов мобилизации своих союзников в случае возникновения нового локального конфликта в этом регионе.

Вопросы соперничества великих держав на завершающей стадии Второй мировой войны, в процессе генезиса холодной войны и формирования военно-политических блоков на Балканах в первой половине 1950-х гг. затрагивались в работах историков многих стран (Калинин, Юнгблуд 2009; Калинин 2012; Встречными курсами... 2014). Проблема вступления Греции и Турции в НАТО рассматривалась в работах томского историка М.Я. Пелипаса (Пелипас 1988). В современной российской историографии история заключения Балканского пакта раскрывается в ряде работ А.С. Аникеева, А.А. Костина (Аникеев 1994; Аникеев 2002; Костин 2014; Костин 2016).

Американские историки рассматривают американскую стратегию на Балканах в первой половине 1950-х гг. в контексте усилий по созданию южного фланга НАТО. В первом томе «Кембриджской истории холодной войны» С. Раджак высказывает мнение, что югославский лидер И.Б. Тито в начале 1950-х гг. пошёл на сближение с Западом, так как правильно рассчитал, что И.В. Сталин не

санкционирует вторжение в Югославию, если будет убеждён, что это приведёт к войне с Североатлантическим Альянсом (Rajak 2010: 214). Л. Лиис отмечает, что коммунистическая Югославия, не брезгуя помощью со стороны Запада, вовсе не собиралась становиться инструментом американской политики. И.Б. Тито сохранил свои коммунистические убеждения, а уменьшение советской угрозы после смерти Сталина позволило ему отказаться от попыток стать военно-политическим союзником западных стран и обратиться к политике нейтралитета (Lees 1978; Lees 1997). Д. Стоун отвергает прежние оценки Балканского пакта как искусственного продукта американского вмешательства и пытается обосновать весьма спорный тезис о независимом характере действий Греции, Турции и Югославии, которые «довольно эффективно работали над созданием военного союза», несмотря на противодействие США, Великобритании и Франции (Stone 1994).

Стратегию США на Балканах, историю создания Балканского пакта рассматривают в своих работах греческий историк Е. Хатзивасилиу, сербские историки Д. Богетич и Ж. Мирков, болгарские исследователи Й. Баев и И. Боев, венгерский историк П. Вукман (Hatzivassiliou 2004; Hatzivassiliou 2006; Chourchoulis 2015; Богетић 2001; Мирков 2018; Баев 1999; Боев 1986; Vukman 2012)¹.

Цели политики США на Балканах в конце 1940-х – начале 1950-х гг.

После советско-югославского раскола 1948 г. и поражения Демократической армии Греции в августе 1949 г. военно-политическая обстановка на Балканском полуострове изменилась в пользу западных держав (Калинин 2018: 592–593). Закрыв границу с Грецией в июле 1949 г., титовская Югославия оказала содействие Западу в разгроме партизанского движения в этой стране, что создавало базу для дальнейшей нормализации отношений Белграда и стран НАТО.

США считали, что Греция и Югославия остаются в опасности в связи с угрозой агрессии СССР. Американцы мыслили категориями большой стратегии: восстановление советского контроля над Югославией должно было укрепить позиции Москвы в Восточном Средиземноморье и устранить «опасный выступ» на юго-восточном фланге европейской части советского блока. Для Кремля Югославия имела большое стратегическое значение не только как плацдарм для нападения на Грецию и Италию, но так же как важная территория, контроль над которой был важен для успешной борьбы СССР за господство в Восточном Средиземноморье, Чёрном море и Адриатике. Не сбрасывался со счетов и идеологический фактор: дистанцировавшийся от Кремля югославский режим являлся угрозой единоличному контролю СССР над мировым комму-

¹ Мирков Ж. 2018. *Спољна политика Југославије 1948–1956. и питање "Балканског пакта"*: докторска дисертација. Београд: Универзитет у Београду.

нистическим движением². В Госдепартаменте были убеждены, что в советской политике в отношении Югославии наряду со стратегическими соображениями присутствует эмоциональный компонент: желание устранить «еретика» Тито и реабилитироваться за «унизительный провал» в Греции. Особую опасность дипломаты видели в том, что Кремль мог считать возможным захват Югославии без угрозы мирового конфликта, ибо на Западе агрессия воспринималась бы как «семейная ссора» между коммунистическими славянскими режимами³.

Тревожная обстановка на Балканах потребовала от США разработки мер сдерживания возможной советской агрессии в отношении Югославии. Объединённый комитет начальников штабов США (ОКНШ) в меморандуме от 16 ноября 1949 г. пришёл к выводу о целесообразности как экономической, так и военной помощи титовской Югославии⁴. Директива СНБ № 18/4 «Политика США в отношении конфликта между СССР и Югославией» от 17 ноября 1949 г. во многом опиралась на логику «доктрины домино»: советский успех в ликвидации режима И.Б. Тито мог оказать неблагоприятное для Запада влияние на ситуацию не только на Балканах, но и в Западной Европе. Были бы не только утрачены перспективы урегулирования триестского конфликта, но и вновь поставлена под угрозу безопасность Греции. В случае возобновления масштабных партизанских операций с югославской территории в Вашингтоне предрекали советизацию Греции. Поэтому признавались целесообразными поставки оружия режиму Тито в случае агрессии с востока, что позволяло также «приблизить Югославию к Западу», открывало возможности для примирения Белграда и Афин⁵.

Во исполнение директивы рабочая комиссия из представителей США, Великобритании и Франции разработала план накопления запасов в Европе, предназначенных Югославии на случай агрессии с востока. Речь шла, прежде всего, о поставке югославам советской техники, захваченной в Корее, и немецкой техники, захваченной во Франции и в Норвегии, а также устаревшей американской военной техники⁶. Информация о создании таких запасов подлежала публикации в СМИ, что должно было стать ясным сигналом Кремлю. В случае получения информации о подготовке агрессии с востока президент США и главы западноевропейских правительств могли выступить с заявлениями об угрозе миру на европейском континенте, также предлагалось провести демонстрации военной силы в Восточном Средиземноморье и в Адриатике⁷. В то же время

² NIE 7. The Current Situation in Yugoslavia, November 21, 1950. *Central Intelligence Agency Freedom of Information Act Reading Room* (далее – CIA FOIA) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP98-00979R000100070001-3.pdf> (accessed 18.12.2020); NIE 29. Probability of an Invasion of Yugoslavia in 1951, 20 March 1951. *CIA FOIA*. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/DOC_0000273183.pdf. P. 2 (accessed 18.12.2020).

³ *Foreign Relations of the United States* (далее – FRUS). 1951. Vol. 4. Part 2. P. 1717.

⁴ Ibid. 1950. Vol. 4. P. 1339–1341.

⁵ Ibid. P. 1341–1348.

⁶ FRUS. 1951. Vol. 4. Part 2. P. 1706, 1707, 1720.

⁷ Ibid. P. 1717, 1718.

И.Б. Тито не обращался к западным странам с просьбой о военной помощи, но публично заявлял, что в случае советского нападения ему придётся обратиться за оружием к Западу⁸.

Начало Корейской войны 25 июня 1950 г. оказало серьёзное влияние на ситуацию на Балканском полуострове. События в Корее были восприняты за пределами советского мира как готовность СССР использовать силы своих «сателлитов» для военной агрессии. Если до конца июня 1950 г. лейтмотивом политики Белграда была строгая независимость как от Востока, так и от Запада, то после начала войны югославское руководство сделало ставку на опору на Соединённые Штаты как наиболее эффективную военную силу (Юнгблуд, Садаков: 255–256)⁹.

Югославия граничила с несколькими странами народной демократии, которым, как считали в Вашингтоне, Москва могла отдать приказ о нападении. Американские специалисты фиксировали постоянное наращивание военной мощи советских «сателлитов». В результате в начале 1950-х гг. военный баланс изменился явно не в пользу югославов. В то же время марте 1951 г. американские спецслужбы пришли к заключению, что западная материальная помощь позволит Белграду достаточно продолжительное время оказывать сопротивление объединённому нападению советских «сателлитов» (Болгарии, Румынии, Венгрии и Албании), по крайней мере в горных районах Боснии, Герцеговины и Черногории. Наиболее вероятным считалось нападение силами «сателлитов» СССР при «неофициальной» советской помощи¹⁰.

По западным данным, правительства Румынии, Венгрии и Болгарии с молчаливого одобрения Москвы грубо нарушали военные положения Парижских мирных договоров 1947 г. К лету 1951 г. венгерская армия насчитывала 200 тыс. чел. (вместо разрешённых 70 тыс.). Ещё примерно 50 тыс. чел. служили в подразделениях, подчинённых Министерству внутренних дел. Румыния могла обладать вооружёнными силами численностью 138 тыс. чел., однако она имела под ружьём 290 тыс. В подразделениях, подчинённых МВД, служили 140 тыс. чел. Болгария вместо армии численностью в 65,5 тыс. чел., в 1951 г. имела 220 тыс. чел. Вместо разрешённых 90 самолётов, Болгария обладала примерно 400 самолётами, в том числе бомбардировщиками, прямо запрещёнными мирным договором. В распоряжении Софии были 400 танков.

Эти страны концентрировали крупные контингенты войск в районе югославской границы, проводили масштабные учения с участием авиации и танков. В течение 1951 г. почти все болгарские войска были сосредоточены вблизи югославской границы, проводилось расселение приграничных районов, расширение

⁸ Ibid. P. 1694–1695.

⁹ Ibid. P. 1795–1796.

¹⁰ NIE 29. Probability of an Invasion of Yugoslavia in 1951, 20 March 1951. CIA FOIA [Электронный ресурс]. URL: https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/DOC_0000273183.pdf (accessed 18.12.2020).

дорог, ведущих в Югославию, строились и расширялись аэродромы. Венгры спешно улучшали укрепления, построенные во время режима Хорти¹¹. В целом, по американским данным, Албания, Венгрия, Румыния и Болгария суммарно обладали приблизительно двукратным превосходством в живой силе и боевой авиации над югославской армией¹².

Место Югославии в планах интернационализации политики сдерживания коммунизма

На фоне этой угрозы 2 февраля 1951 г. в меморандуме для министра обороны США председатель ОКНШ О. Брэдли высказался за военные поставки Югославии, не дожидаясь агрессии со стороны СССР или его «сателлитов»¹³. К сотрудничеству с Белградом американцев всячески подталкивали и Афины. Греческий Генеральный штаб настоятельно предлагал США принять меры для обеспечения военного сотрудничества Югославии с Западом¹⁴. 16 апреля Г. Трумэн проинформировал палаты Конгресса США о своём решении использовать до 29 млн долл. в рамках Закона о взаимной защите 1949 г. для помощи Югославии материалами и снаряжением, необходимыми её вооружённым силам¹⁵. Американская экономическая помощь Югославии призвана была поддержать на «желаемом с точки зрения стратегических и политических целей Соединённых Штатов» (то есть высоком) уровне военные расходы страны¹⁶.

Также в апреле Министерство обороны США санкционировало начало американско-югославского диалога по военным вопросам¹⁷. Важным шагом к налаживанию американско-югославского военного сотрудничества стал визит в мае – июне 1951 г. в Вашингтон начальника штаба Югославской армии генерал-полковника К. Поповича, который провёл переговоры с представителями ОКНШ. 13 июня он подписал с американцами соглашение, предусматривающее быструю доставку военной техники в Югославию и консультации между военными двух стран. 28 июня югославское правительство направило официальную просьбу США о предоставлении военной помощи¹⁸. По пути домой Попович останавливался в Лондоне и Париже для проведения переговоров, которые, однако, показали отсутствие у Великобритании и Франции возможности внести

¹¹ Balkan Military Preparations. 17 May 1952. *CIA FOIA* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP80-00809A000700060259-7.pdf> (accessed 18.12.2020).

¹² IE 29/2. Probable Developments in Yugoslavia and the Likelihood of Attack upon Yugoslavia through 1952, 4 January 1952. *CIA FOIA* [Электронный ресурс]. URL: https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/DOC_0000269266.pdf (accessed 18.12.2020).

¹³ FRUS. 1951. Vol. 4. Part 2. P. 1719–1721.

¹⁴ Ibid. Vol. 3. Part 1. P. 595, 603, 604.

¹⁵ Ibid. Vol. 4. Part 2. P. 1783.

¹⁶ Ibid. P. 1871, 1872.

¹⁷ Ibid. P. 1786–1788.

¹⁸ Ibid. P. 1815.

существенный вклад в укрепление обороноспособности Югославии. Белграду оставалось рассчитывать главным образом на США¹⁹.

7 августа 1951 г. в Вашингтоне начались двусторонние военно-технические переговоры между военными представителями Соединённых Штатов и Югославии, которые продолжались до октября²⁰. В результате 14 ноября в Белграде И.Б. Тито и американский посол Дж. Аллен подписали двустороннее соглашение о военной помощи, в соответствии с которым югославское правительство соглашалось принять американский персонал для наблюдения за его исполнением²¹. Стоимость первой поставки военных материалов в соответствии с Законом о взаимной защите 1951 г., состоящей главным образом из боеприпасов, составила 77,5 млн долл.²². В январе 1952 г., указывая на растущее сотрудничество Югославии и Запада, ЦРУ высказало предположение, что СССР в 1952 г. не решится санкционировать нападение в связи с угрозой дальнейшей интернационализации конфликта²³.

В Вашингтоне теперь всё чаще задумывались о необходимости включения Югославии в западную систему стратегических союзов. Национальная разведывательная оценка от 21 ноября 1950 г. «Текущая ситуация в Югославии» характеризовала Югославию как жизненно важное звено при обороне Восточного Средиземноморья, Ближнего и Среднего Востока, а её включение в антисоветский военно-политический блок позволяло поставить под угрозу южный фланг советских войск в случае возникновения угрозы для Западной Европы с их стороны. Контроль над Югославией оказывался полезен и при проведении наступательных операций: она рассматривалась как «ключевой член потенциального балканско-ближневосточного бастиона западноориентированных государств», с территории которого могут быть атакованы страны народной демократии и СССР²⁴.

В случае нападения советского блока на Югославию США планировали интернационализацию югославского конфликта. Американцы приняли решение приступить к проработке возможных действий НАТО на случай агрессии против Югославии²⁵. 1 августа Североатлантический совет одобрил резолюцию об экономической помощи Югославии, представленную США, Великобританией и Францией²⁶. Последние выделили в 1951/1952 финансовом году, который закон-

¹⁹ Ibid. P. 1837.

²⁰ Ibid. P. 1829.

²¹ Military Assistance Agreement with Yugoslavia (Released to the press November 14). *Department of State Bulletin*. 25(648). November 26, 1951. P. 863–864.

²² FRUS. 1951. Vol. 4. Part 2. P. 1858.

²³ IE 29/2. Probable Developments in Yugoslavia and the Likelihood of Attack upon Yugoslavia through 1952, 4 January 1952. *CIA FOIA* [Электронный ресурс]. URL: https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/DOC_0000269266.pdf (accessed 18.12.2020).

²⁴ NIE 7. The Current Situation in Yugoslavia, November 21, 1950. *CIA FOIA* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP98-00979R000100070001-3.pdf>. P. 3 (accessed 18.12.2020).

²⁵ FRUS. 1951. Vol. 4. Part 2. P. 1791, 1792, 1814, 1827–1828.

²⁶ NATO document D-D(51)189. Resolution sur l'assistance economique a la Yougoslavie [Электронный ресурс]. URL: https://archives.nato.int/uploads/r/null/3/1/31758/D-D_51_189_FRE.pdf (accessed 18.12.2020); FRUS. 1951. Vol. 4. Part 2. P. 1835, 1836.

чился 30 июня 1952 г., в качестве экономической помощи Югославии 10,35 млн долл. и 5,4 млн долл. соответственно. Американская помощь составила около 105 млн долл.²⁷.

Укрепление оборонного периметра НАТО в Восточном Средиземноморье. Югославский кейс

В Вашингтоне считали важным окончательно исключить Югославию из сферы советского господства, руководствуясь при этом интересами безопасности не только Соединённых Штатов, но и стран Организации Североатлантического договора. 14 февраля члены НАТО согласились, что «стратегические преимущества, вытекающие из разногласий Тито и Сталина, значительны». Дальнейшее сохранение раскола было признано «вопросом политической важности для западных держав»²⁸.

В то же время американские попытки привлечь к переговорам итальянцев первоначально не увенчались успехом. В январе 1951 г. генерал Д. Эйзенхауэр, которому вскоре предстояло вступить в должность главнокомандующего объединёнными силами НАТО в Европе, задал премьер-министру Италии А. Де Гаспери и министру иностранных дел К. Сфорца вопрос, что они думают о целесообразности помощи Югославии в интересах защиты южного фланга НАТО. Итальянские руководители признали, что предпочитают видеть своим ближним соседом «Тито, а не Кремль», однако указали на серьёзные психологические препятствия для развития сотрудничества двух стран, а также на проблему Триеста²⁹.

С марта 1951 г. начались встречи американских и британских военных по вопросу помощи Югославии. Британская позиция была сформулирована в меморандуме от 21 июня и на военно-политических переговорах 12 ноября 1951 г. Лондон выступил против любых обязательств по использованию американо-британских сил в случае нападения на Югославию, а также не согласился с американским предложением о том, что военное планирование на случай нападения на Югославию должно осуществляться НАТО. Англичане не поддержали и американское предложение запланировать отправку в Югославию «символических сил» в случае, если она станет объектом нападения. США согласились с точкой зрения англичан не брать на себя заранее конкретные обязательства в связи с неясностью политических и других обстоятельств предполагаемой агрессии. США и Великобритания одобрили планы предоставить Югославии в случае вторжения с востока военную технику и авиационную поддержку для защиты территории страны, а также для действий в воздушном пространстве

²⁷ FRUS. 1952–1954. Vol. 8. P. 1267, 1268.

²⁸ Negotiating Paper for Politico-Military Discussion with British on Planning for Yugoslavia. Washington, DC. April 8, 1952. US National Archives and Records Administration, Archives-II, College Park, MD (далее – NARA). RG 59. General Records. Decimal File, 1950–1954. Box 3978A. 768.5/4-852. P. 1.

²⁹ FRUS. 1951. Vol. 3. Part 1. P. 442, 443.

нападающей стороны. По вопросу планирования помощи Югославии в рамках структур НАТО в марте 1952 г. Вашингтону и Лондону удалось найти компромиссную формулу. Министерство обороны и Госдепартамент США согласились принять британскую точку зрения с оговоркой, что военное планирование помощи Югославии будет осуществляться НАТО «как только это будет признано политически осуществимым»³⁰. Председатель ОКНШ О. Брэдли в итоге признал преждевременным вовлечение НАТО, в связи с возможной агрессивной реакцией СССР и сложностью в деле достижения консенсуса среди союзников по данному вопросу. В то же время ОКНШ и Госдепартамент согласовали кандидатуру адмирала Роберта Карни, главнокомандующего силами НАТО в Южной Европе, в качестве представителя США на переговорах по югославской проблеме, что явно намекало на перспективы участия Североатлантического Альянса в обеспечении безопасности Югославии³¹.

По итогам американско-британского военно-политического совещания в Вашингтоне 16 апреля 1952 г. было принято решение немедленно привлечь к переговорам французов. С этой целью Соединённые Штаты направили официальное предложение правительствам Великобритании и Франции о проведении трёхсторонних военно-политических переговоров по стратегическому планированию на случай нападения на Югославию. После обмена мнениями с французами предполагалось через послов трёх стран в Белграде сообщить И.Б. Тито об их желании начать военные переговоры с представителями Югославской народной армии. В случае положительного ответа Тито, следовало проинформировать итальянцев о намерении трёх держав вступить в военные переговоры с югославами. В перспективе к переговорному процессу могли быть подключены Греция и Турция. Британские военные указывали на возможные логистические и другие проблемы, связанные с отправкой в Грецию «символических сил», которые к тому же вряд ли смогут оказать существенное влияние на ход военных действий. США согласились оставить это вопрос открытым. В итоге стороны договорились не принимать в настоящее время никакого решения об отправке сухопутных войск в Югославию в случае начала военных действий³².

По замыслу американцев, адмирал Карни должен был действовать в качестве представителя США, Великобритании и Франции и отчитываться перед тремя

³⁰ Mr. Barbour to Mr. Perkins. Current Matters Regarding Yugoslavia before the Joint Chiefs of Staff. Washington, DC. January 15, 1952. NARA. RG 59. General Records. Decimal File, 1950–1954. Box 3978A. 768.5/1-1552; Mr. Barbour to Mr. Matthews. Status of Political-Military Talks with the British on Yugoslavia. Washington, DC. January 28, 1952. NARA. RG 59. General Records. Decimal File, 1950–1954. Box 3978A. 768.5/1-2852; Negotiating Paper for Politico-military Discussion with British on Planning for Yugoslavia. Washington, DC. April 8, 1952. NARA. RG 59. General Records. Decimal File, 1950–1954. Box 3978A. 768.5/4-852.

³¹ FRUS. 1952–1954. Vol. 8. P. 1274–1276.

³² Ibid. P. 1276–1290; Memorandum of Conversation. Military Planning for Yugoslavia. Participants: Ch. Steel (Minister, British Embassy), G. Perkins (Assistant Secretary for European Affairs), J. Campbell. Washington, DC. April 30, 1952. NARA. RG 59. General Records. Decimal File, 1950–1954. Box 3978A. 768.5/4-3052; The Department of State. D. Acheson (Secretary) to American Embassy in UK; American Embassy in France. Washington, DC. May 12, 1952. NARA. RG 59. General Records. Decimal File, 1950–1954. Box 3978A. 768.5/5-1252.

правительствами, а не перед НАТО. Французы 28 мая сообщили американцам о своём одобрении инициативы США, однако выступили против кандидатуры адмирала Карни, который слишком тесно отождествляется с НАТО. Эту точку зрения поддержал и Лондон, предложив назначить на переговоры офицера, не имеющего прямого отношения к руководству Альянса. Англичане и французы выдвинули предложение создать для ведения переговоров постоянную группу представителей военных штабов трёх стран. В Вашингтоне высказывались опасения, что другими странами такое назначение будет воспринято как использование военной организации НАТО для вступления в военные отношения со страной, не входящей в Альянс³³.

13–14 июля Югославию посетил помощник министра обороны по вопросам международной безопасности Ф. Нэш, который провел переговоры с И.Б. Тито. Югославский лидер выразил готовность начать военные переговоры с США, Великобританией и Францией, но дал понять, что не хотел бы обсуждать военные вопросы непосредственно с руководством НАТО. Нэш был уверен, что это предложение будет «с энтузиазмом принято правительством США». Тито также сообщил, что Югославия хотела бы рассмотреть вопрос о военном сотрудничестве с Грецией и Турцией³⁴.

На трёхстороннем совещании в Вашингтоне 30 июля американские, британские и французские представители согласовали повестку дня военных переговоров с югославами. США пока стремились избежать вовлечения в переговоры греков и турок, чтобы завершить их как можно быстрее. Попытки же пригласить Италию могли привести к неудаче военных переговоров из-за итало-югославских разногласий³⁵. ОКНШ США пришёл к выводу, что участие этих стран затруднило бы создание прочной основы для военной координации между Югославией и западными державами. Это также придало бы особый «наатовский колорит» переговорному процессу, который в свете неприязни со стороны Югославии к любому военному союзу с Западом мог бы поставить под угрозу успех всего проекта. Представители трёх держав должны были убедить югославов рассматривать Северо-Восточную Италию, Югославию и Грецию как единый оборонительный район. Американские военные планировали для оказания помощи Югославии использовать базы и объекты на территории Италии и Греции. Они также считали неизбежным подключение позднее к военному планированию с Югославией Италии, Греции и Турции либо непосредственно через представителей, либо через командную структуру НАТО в зависимости

³³ Background Paper. Present Status of US Proposal to UK and France to Initiate with the Yugoslavs Staff Talks for Military Planning on a Contingency Basis. Washington, DC. June 17, 1952. NARA. RG 59. General Records. Decimal File, 1950–1954. Box 3978A. 768.5/6-1752.

³⁴ FRUS. 1952–1954. Vol. 8. P. 1297, 1298.

³⁵ The Department of State. Mr. Barbour to Mr. Matthews. Expedition of JCS action on papers having to do with military talks with Yugoslavia. Washington, DC. August 27, 1952. NARA. RG 59. General Records. Decimal File, 1950–1954. Box 3978A. 768.5/8-2752; FRUS. 1952–1954. Vol. 8. P. 1298.

от развития политической и военной ситуации. Вместо адмирала Карни представителем трёх стран на переговорах с югославами был назначен заместитель главнокомандующего Объединённых вооружённых сил НАТО генерал Т. Хэнди³⁶.

Военно-политический пакт Греции, Югославии и Турции в геополитических конструкциях США 1951 – 1953 гг.

С 17 по 23 сентября состоялся визит министра иностранных дел Великобритании Э. Идена в Белград. Югославские руководители охарактеризовали итоги визита как «огромный успех». Правда, вопросы военного сотрудничества во время визита практически не затрагивались³⁷.

С 16 по 20 ноября в Белграде состоялись военные переговоры трёхсторонней группы США, Великобритании и Франции во главе с генералом Т. Хэнди и заместителя начальника Генерального штаба Югославской народной армии генерал-полковника П. Дапчевича. Результаты переговоров были с удовлетворением восприняты западными державами: впервые состоялся диалог с Югославией о военных планах, было получено много полезной информации о военном потенциале страны. Правда, югославская сторона неоднократно указывала, что обмен информацией был по большей части односторонним с целью выяснить военные возможности Белграда³⁸. Генерал Дапчевич сообщил Хэнди во время переговоров, что югославы хотят получить от Запада гарантии того, что в случае нападения им будет оказана военно-воздушная и морская, а также материально-техническая поддержка. Он выразил обеспокоенность тем, что западные державы склонны рассматривать возможное нападение советских «сателлитов» на Югославию как изолированный инцидент, а не как прелюдию к новой мировой войне. Дапчевич также не выразил стремления к вступлению в НАТО или к заключению какого-либо пакта с Альянсом, не упомянул он и о возможности прибытия наземных сил западных союзников на югославскую территорию в случае войны. Белград не готов был на текущем этапе к военному сотрудничеству с Италией³⁹. В целом, на этих переговорах обе стороны занимали осторожную позицию. Необходимость для американцев согласования позиции со своими союзниками существенно сдерживала переговорный процесс. В то же время балканским государствам удалось продвинуться в оформлении союзнических отношений гораздо дальше.

³⁶ Memorandum for the Secretary of Defense. Tripartite Military Conversations with Yugoslavia. September 10, 1952. NARA. RG 59. General Records. Decimal File, 1950–1954. Box 3978A. 768.5/9-1552.

³⁷ FRUS. 1952–1954. Vol. 8. P. 1311, 1312.

³⁸ Ibid. P. 1316–1322.

³⁹ Ch. E. Wilson (U. S. Secretary of Defense) to J. F. Dulles (Secretary of State). Washington, DC. February 27, 1953. NARA. RG 59. General Records. Decimal File, 1950–1954. Box 3978B. 768.5/2-2753.

Идея заключения военного пакта Греции, Югославии и Турции вызревала в греческих военных кругах ещё в конце 1940-х гг. Окончание гражданской войны и вывод британских войск из страны побудили Афины начать поиски новых форматов обеспечения безопасности. Наряду с предложениями о включении в систему обороны Запада, то есть фактически о принятии Греции в НАТО, греческое правительство рассматривало и другие варианты военных пактов. 28 октября 1949 г. министр иностранных дел К. Цалдарис и посол Греции в Соединённых Штатах В. Дендрамис передали государственному секретарю Д. Ачесону подготовленный греческими военными меморандум с предложением создать «оборонительный пакт» на Балканах, утверждая, что «создание ... Балканского блока, состоящего из Турции, Греции и Югославии, внесёт значительный вклад в поддержание мира во всем мире». Цалдарис настаивал, что по заключению греческих военных специалистов, безопасность западных держав будет под угрозой без создания Балканского блока, который бы в случае войны мог бы предотвратить захват Балкан коммунистическим блоком. Ачесон прохладно отреагировал на это предложение, пообещав только, что Соединённые Штаты рассмотрят варианты действий на Балканах (Stone 1994: 393–394)⁴⁰. Ответ на предложения греков был фактически дан в телеграмме Ачесона посольству в Греции от 21 ноября. Любые попытки вступить в переговоры с Югославией по вопросу заключения военного пакта оценивались как «абсолютно преждевременные», но США приветствовали бы нормализацию отношений Афин и Белграда, а также не возражали против греко-турецких военных переговоров⁴¹.

Корейская война ускорила принятие Греции и Турции в НАТО. Пентагон рассматривал эти две страны как связующие звенья между европейской (атлантической) структурой безопасности НАТО и системой безопасности ближневосточного региона. Эта точка зрения была зафиксирована в директиве СНБ-103/1 от 14 февраля 1951 г. «Позиция Соединённых Штатов в отношении Греции»⁴². Посол США в Греции Дж. Пьюрифой указывал также на то, что неопределённость с включением Греции и Турции в систему обороны Запада мешает вовлечению в военно-политическое сотрудничество Югославии⁴³. Отдел политического планирования Госдепартамента считал письменные гарантии со стороны США по обеспечению безопасности Турции необходимым предварительным условием для получения согласия Анкары на участие в любых региональных военно-политических пактах, в том числе с Грецией и Югославией. Американская разведка была убеждена, что без конкретных обязательств США

⁴⁰ FRUS. 1949. Vol. 6. P. 447–449.

⁴¹ Ibid. P. 460–461.

⁴² Ibid. 1951. Vol. 5. P. 463–466; National Security Council. A Report to the President by the National Security Council on the Position of the United States with Respect to Greece, NSC 103/1, February 14, 1951 [Электронный ресурс]. URL: http://gateway.proquest.com/openurl?url_ver=Z39.88-2004&res_dat=xri:dnsa&rft_dat=xri:dnsa:article:CPD00248 (accessed 18.12.2020).

⁴³ FRUS. 1951. Vol. 3. Part 1. P. 508, 509.

на случай советской агрессии Турция не будет вмешиваться в военные действия при нападении СССР или его «сателлитов» на Югославию, Иран или Грецию⁴⁴.

В мае США приняли окончательное решение о включении Греции и Турции в НАТО. 23 мая Совет национальной безопасности утвердил директиву СНБ-109 «Позиция Соединённых Штатов в отношении Турции». На следующий день, 24 мая, документ одобрил Трумэн. Директива характеризовала Турцию как «самую сильную антикоммунистическую страну на периферии СССР и единственную страну в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке, способную оказать существенное сопротивление советской агрессии», и рекомендовала принять её в НАТО⁴⁵.

На 7-й сессии Совета Североатлантического Альянса (15–20 сентября 1951 г.) в Оттаве это решение было согласовано⁴⁶. В феврале 1952 г. Греция и Турция официально стали частью южного фланга вооружённых сил НАТО в Европе.

Американцы всячески поощряли нормализацию югославо-греческих отношений, убеждая Белград и Афины сделать это, несмотря на различные подходы к македонскому вопросу⁴⁷. В результате в январе 1951 г. с подписания соглашения о железнодорожном, почтовом, телефонном и телеграфном сообщении процесс полномасштабной нормализации был запущен (Laković, Tasić 2016: 55). Также в январе 1951 г. во время ужина в резиденции американского посла главнокомандующий греческими вооружёнными силами А. Папагос обратил внимание советника посольства Ч. Йоста, что объединённая армия Югославии, Греции и Турции стала бы наиболее мощной военной силой на периферии советского блока и в случае нападения СССР на Западную Европу сможет нанести фланговый удар, развернув наступление в направлении Дуная⁴⁸. В апреле 1951 г. госсекретарь Д. Ачесон дал указание послу США в Греции Пьюрифою донести до греческого премьер-министра С. Венизелоса американскую точку зрения о необходимости заранее согласовать действия на случай советского нападения на одну из двух стран, включая возможные военные меры. Югославская сторона предложила вовлечь в переговорный процесс Турцию. Однако весной 1951 г. США отклонили это предложение из-за явной неготовности Анкары к такому шагу. Венизелос сообщил американцам о согласии Греции начать военно-политические переговоры с Югославией по вопросу оказания помощи в случае

⁴⁴ Ibid. Vol. 5. P. 1117–1126.

⁴⁵ FRUS. 1951. Vol. 3. Part 1. P. 524–525; Vol. 5. P. 1148–1162.

⁴⁶ Ibid. Vol. 3. Part 1. P. 574–575, 691–692; Results of Meeting of NAC, Ottawa, September 15–20. *Department of State Bulletin*. Vol. 25. No. 640. October 1, 1951. P. 523; Participation of Greece and Turkey in NATO. *Department of State Bulletin*. Vol. 25. No. 641. October 8, 1951. P. 571.

⁴⁷ FRUS. 1950. Vol. 4. P. 1430; Memorandum of Conversation. Greek-American Relations. Participants: J. Politis (Greek Permanent Under Secretary for Foreign Affairs), A. Politis (Greek Ambassador), G. McGhee (Assistant Secretary), N. Anschuetz (Officer in Charge, Greek Affairs). Washington, DC. November 27, 1950. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950–1954. Box 2849. 611.81/11–2750.

⁴⁸ Ch. Yost (Minister in Greece) to the Department of State. Current Status of the “Papagos Solution”. Athens, Greece. January 4, 1951. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950–1954. Box 4045. 781.00/1–451.

агрессии. Афины выразили готовность помочь Белграду по решению ООН⁴⁹. В феврале и апреле 1951 г. в интервью газетам «Дейли Мейл» и «Нью-Йорк Таймс» Венизелос озвучил идею союза Греции, Турции и Югославии, способной организовать «оборону Балкан» и обладающей военным превосходством над Болгарией (Hatzivassiliou 2006: 13)⁵⁰. Папагос публично заявлял, что должна быть создана система безопасности на Балканах в рамках Североатлантического союза с участием Греции, Турции и Югославии, имеющих хорошо обученные армии в составе 60 дивизий⁵¹.

Однако в 1951 г. Тито публично заявил о незаинтересованности Югославии в союзе с Грецией и Турцией (Stone 1994: 397). Только в следующем году югославское руководство стало демонстрировать заинтересованность в сотрудничестве с балканскими членами НАТО, надеясь заручиться поддержкой Запада на случай советского нападения. ОКНШ США настаивал на необходимости совместного военного планирования Греции и Югославии⁵². К тому же после вступления в НАТО и турецкое руководство склонялось к сближению с Югославией.

В феврале 1952 г. вице-премьер и министр иностранных дел С. Венизелос во время визита в Анкару договорился с турецкой стороной совместно добиваться более тесного сотрудничества с Югославией с целью достижения в перспективе соглашения о военной координации на случай коммунистической агрессии. США полностью поддержали эту инициативу⁵³.

Белград в целом позитивно, хотя и с осторожностью, отнесся к этому предложению. Югославские официальные лица постоянно подчёркивали, что инициатива проведения военных переговоров должна исходить от греческой и турецкой стороны. Начальник генерального штаба национальной обороны Греции генерал-лейтенант Т. Григорулуос в апреле провёл переговоры с югославским военным атташе и сообщил ему о готовности немедленно начать штабные переговоры. Югославская сторона заявила о целесообразности таких переговоров только в случае реальной угрозы, греческая же сторона настаивала на скорейшем начале военного диалога, ссылаясь на то, что Советский Союз может нанести удар без предупреждения. В Афинах считали, что Тито готов к военным переговорам, но опасается негативной реакции внутри страны. Поэтому Греция и Турция готовы были вести диалог в «совершенно секретном» режиме и не требовать заключения формального договора⁵⁴.

В то же время, поддерживая сближение трёх балканских государств, в Государственном департаменте США опасались выдвижения Грецией и Турцией преждевремен-

⁴⁹ FRUS. 1951. Vol. 4. Part 2. P. 1779–1781; Vol. 5. P. 486.

⁵⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 12596. Л. 321.

⁵¹ Там же. Л. 180.

⁵² FRUS. 1952–1954. Vol. 8. P. 1275.

⁵³ Ibid. P. 590, 591.

⁵⁴ Ibid. P. 592, 593.

ных инициатив о включении Югославии в НАТО, считая, что «ситуация ещё не созрела», а прямой отказ может нанести ущерб трёхстороннему диалогу⁵⁵. Также американские дипломаты указывали, что любые военные обязательства перед Югославией должны заранее согласовываться с НАТО. США выступали за скорейшее начало совместного военного планирования трёх стран, но против юридических обязательств Греции и Турции перед Югославией. Конкретные решения об оказании помощи югославам должны были приниматься «при возникновении чрезвычайной ситуации», то есть агрессии советского блока на Балканах, по согласованию с союзниками по НАТО⁵⁶. Югославы должны были понять, что их собственные интересы неразрывно связаны с совместными усилиями западных стран по обороне от советской угрозы⁵⁷.

В июне состоялся визит греческой парламентской делегации в Югославию. Сербский историк Ж. Мирков отмечает, что этот символический шаг открыл новый этап в отношениях двух стран⁵⁸. В том же месяце генерал П. Дапчевич впервые согласился принять греческого военного атташе, до этого в течение 18 месяцев безуспешно добивавшегося беседы. Он представил греческой стороне югославское видение альянса государств, который станет особым механизмом европейской безопасности и ослабит советское влияние (Dajc 2013: 114-115).

В первой половине 1952 г. наметились признаки заметного потепления отношений Турции и Югославии. Белград официально выразил готовность принять делегацию членов Великого национального собрания Турции. Министр иностранных дел М.Ф. Кёпрюлю 2 июля проинформировал посла США в Турции Дж. Макги о полученном им согласии Югославии вступить в военные переговоры, но при условии готовности Турции участвовать в обороне Фракии. Анкара, сообщил Кёпрюлю, склоняется к необходимости организации такой обороны, так как в противном случае войска советского блока могли легко прорваться к морю, и оборона Проливов была бы поставлена под угрозу⁵⁹.

Осенью 1952 г. сближение Греции, Турции и Югославии вылилось в обмен визитами военных делегаций. В сентябре югославская военная делегация посетила сначала Афины, а затем Анкару. При этом югославы не ставили вопрос о подписании формального соглашения о военном сотрудничестве. Греческая военная делегация совершила ответный визит в Белград в ноябре. В декабре состоялись визиты военных делегаций Турции в Белград и Югославии в Грецию (Dajc 2013: 115-116)⁶⁰. Турецкие военные были тепло встречены югославскими коллегами. Туркам показали военные объекты, заводы, учебные заведения и бронетанковую дивизию. Состоялся обмен разведывательной информацией об

⁵⁵ Ibid. P. 595.

⁵⁶ Ibid. P. 597–600.

⁵⁷ Ibid. P. 599.

⁵⁸ Мирков Ж. 2018. *Спољна политика Југославије...*: 152.

⁵⁹ FRUS. 1952–1954. Vol. 8. P. 895, 896.

⁶⁰ Ibid. P. 596.

СССР и его «сателлитах», было решено, что такие обмены будут производиться в будущем регулярно. Анкара оценивала итоги этого визита как значительный шаг вперед⁶¹. Первый декабрьский визит продемонстрировал готовность Анкары присоединиться к греко-югославскому военному соглашению. Тогда же в беседе с послами западных стран министр иностранных дел Югославии Э. Кардель выразил надежду, что его стране не придётся защищаться в одиночку⁶².

27 декабря прибывшая в Афины югославская военная делегация поставила вопрос о скорейшем подписании трёхстороннего соглашения о совместной обороне в случае войны. Дж. Пьюрифой сообщил в Госдепартамент о некотором недоумении греческих властей по поводу столь быстрой перемены в настроениях югославов. В то же время греко-югославские переговоры продемонстрировали наличие серьёзных препятствий для реализации американских планов подключения к военному сотрудничеству балканских государств Италии. Югославские высокопоставленные военные единодушно осуждали «итальянские имперские амбиции». При этом новый премьер-министр Греции А. Папагос публично выразил надежду, что Италия в перспективе будет участвовать в балканском военном соглашении. Греческое правительство сообщило американцам, что подпишет соглашение об обороне с югославами, только если оно не вступит в противоречие с его обязательствами по НАТО. Афины готовы были постоянно консультироваться с американцами при работе над текстом соглашения⁶³.

Посол США в Югославии Дж. Аллен связывал готовность югославского руководства пойти на открытый союз с Западом со сложившейся благоприятной для режима Тито внутренней и внешней ситуацией, что дало возможность перешагнуть через идеологический барьер. Теперь Югославия в качестве условия дальнейшего прогресса военных переговоров продвигала идею подписания письменных соглашений, содержащих конкретные обязательства, что в итоге позволяло югославам спрятаться под «зонтиком» НАТО⁶⁴.

Венгерский историк П. Вукман считает, что желание Белграда быстро подписать договор с Грецией и Турцией было связано с провалом военных переговоров генералов Т. Хэнди и П. Дапчевича. Несмотря на все усилия, югославская сторона так и не смогла добиться от Хэнди конкретной гарантии оказания прямой военной помощи Югославии в случае нападения на неё стран советского блока. Британский посол в Турции А.К. Хелм, комментируя этот поворот, отмечал: «Возможно, Тито думал, что ему будет легче достичь своей цели (гарантий безопасности со стороны Запада – А.К.), играя с турками и греками» (Vukman 2012: 28).

⁶¹ Ibid. P. 604.

⁶² Ibid. P. 1322, 1323.

⁶³ Ibid. P. 600–602.

⁶⁴ Ibid. P. 603.

В январе 1953 г. турецкий министр иностранных дел М.Ф. Кёпрюлю совершил визиты в Белград и Афины. В беседе с американским послом в Турции Макги он высказался за скорейшее принятие Югославии в Североатлантический Альянс, считая, что это можно осуществить в течение двух–трёх месяцев. Если вступление Югославии в НАТО невозможно, то турецкая сторона предлагала заключить трёхсторонний военный договор балканских государств, связанный взаимными гарантиями с НАТО⁶⁵. Ведущие западные державы оценили эти предложения как явно преждевременные. Лондон считал, что время для вступления Югославии в НАТО ещё не настало. Англичане высказывались за проведение военных переговоров Югославии, Греции и Турции, но без политических обязательств. Близкой точки зрения придерживались Вашингтон и Париж. Госдепартамент отказался давать окончательный ответ на вопрос о возможности присоединения Югославии к НАТО. США по-прежнему настаивали на «условном» характере военного планирования с Югославией, то есть подготовленные заранее военные планы могли быть введены в действие в случае начала войны не автоматически, а на основании политического решения⁶⁶.

В Госдепартаменте предвидели серьёзные трудности при согласовании с членами Альянса обязательств по обеспечению безопасности Югославии. Географическое положение Югославии делало её уязвимой для агрессии, и гарантии безопасности Белграду могли привести к «цепной реакции», которая вовлекла бы в конфликт все страны НАТО. Дипломаты не исключали даже раскола в НАТО по вопросу помощи Югославии. Перспективы принятия Югославии в Альянс американцы оценивали сдержанно, предвидя многочисленные препятствия на этом пути. Опыт принятия в НАТО Греции и Турции показал, что получить согласие всех членов Альянса очень непросто. «Продать» странам НАТО принятие Югославии было бы ещё сложнее. Требовалось, прежде всего, заручиться полной поддержкой в этом вопросе Великобритании и Франции. Наряду с «итальянской проблемой» (которая не ограничивалась только вопросом о Триесте, фактически Рим опасался югославской угрозы Северной Италии), серьёзное противодействие могло вызвать распространение действия договора НАТО на страну с коммунистической диктатурой, не связанной ни этнически, ни духовно, ни исторически с Атлантическим сообществом. Попытка включения Югославии в НАТО могла быть воспринята и как «распродажа» ценностей, на которые опирался Североатлантический договор, и сведение Альянса к чисто военному союзу. В то же время демонстрация возможности для коммунистической страны жить в гармонии с демократическим Западом стала бы новым психологическим ударом по СССР и его «сателлитам»⁶⁷.

⁶⁵ Ibid. P. 596, 603–605.

⁶⁶ Ibid. P. 607–610.

⁶⁷ Memorandum. The Question of Security Commitments between the United States and Yugoslavia, with Particular Reference to the North Atlantic Treaty. Washington, D. C. February 21, 1953. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1950–1954. Box 3978A. 768.5/1–2153.

Находясь в Афинах, 28 января Кёпрюлю сообщил американскому, британскому и французскому послам о достигнутой на переговорах с Тито договорённости подписать договор о дружбе между Грецией, Турцией и Югославией. Турецкий министр представил западным дипломатам дело так, что инициатива заключения подобного договора якобы принадлежала Тито. Однако греческий премьер Папагос сообщил Пьюрифою, что в действительности предложение заключить именно трехстороннее соглашение исходило от М.Ф. Кёпрюлю, который таким образом надеялся облегчить налаживание югославо-турецких военных контактов. Глава турецкого МИДа также сообщил Тито, что рассматривает эту договоренность в качестве промежуточного шага к возможному членству Югославии в НАТО. Югославская сторона не выражала при этом никакого желания вступить в Альянс: Попович сказал Кёпрюлю, что такой шаг принесёт «больше вреда, чем пользы» (Богетић 2001: 187). Ещё одним вопросом стало возможное участие в перспективе в этом договоре Италии. Тито допустил такую возможность, отметив сохраняющееся недоверие в итало-югославских отношениях, связанное, по его мнению, со скрытыми итальянскими устремлениями к контролю над побережьем Далмации.

Кёпрюлю высказался за скорейшее подписание договора, предложив организовать в ближайшее время встречу трёхсторонней рабочей группы в Афинах для подготовки его текста. Предлагаемый договор не должен был содержать никаких конкретных обязательств и, следовательно, затрагивать обязательства Греции и Турции как членов НАТО⁶⁸. Соединённые Штаты сочли удачной предложенную «формулу Кёпрюлю», которая создавала базу для совместного военного планирования балканских стран, не расширяя при этом обязательства других членов НАТО. Подписание такого пакта должно было укрепить политические, экономические и культурные связи между странами-участниками, предложенная «формула» позволяла продолжить «психологическое наступление» против СССР и его «сателлитов», а положительное отношение американцев к инициативе своих союзников оказало бы благотворное влияние на отношения с ними. К тому же такой пакт, вполне оправданный как самоцель, оставлял открытым вопрос о возможном принятии Югославии в НАТО, что сохраняло для США свободу рук⁶⁹. ОКНШ рассматривал сближение Югославии, Греции и Турции как «важный шаг в укреплении южного фланга НАТО»⁷⁰.

3–7 февраля министр иностранных дел Греции Ст. Стефанопулос провёл переговоры в Белграде, на которых согласовали характер будущего документа как договора о дружбе и ненападении⁷¹. Проект договора был согласован на

⁶⁸ FRUS. 1952–1954. Vol. 8. P. 613, 614.

⁶⁹ Ibid. P. 615, 617.

⁷⁰ Ch. E. Wilson (U. S. Secretary of Defense) to J. F. Dulles (Secretary of State). Washington, DC. February 27, 1953. NARA. RG 59. General Records. Decimal File, 1950–1954. Box 3978B. 768.5/2-2753. P. 3.

⁷¹ FRUS. 1952–1954. Vol. 8. P. 596; Мирков Ж. 2018. *Спољна политика Југославије*. ...: 158.

встрече министров иностранных дел в Афинах, которая открылась 20 февраля. На первом заседании югославская сторона представила проект, в соответствии с которым «соглашения или рекомендации, касающиеся сотрудничества в военной области, принятые по общему согласию начальниками генеральных штабов (или их полномочных представителей)», признавались после утверждения правительствами трёх стран, «неотъемлемой частью настоящего Договора». Греческий проект в преамбуле признавал важность организации совместной обороны в случае советского нападения. Такой поворот вызвал серьёзную озабоченность новой администрации Д. Эйзенхауэра. В телеграмме посольству США в Греции от 21 февраля, подписанной госсекретарем Дж.Ф. Даллесом, указывалось, что югославский и в меньшей степени греческий проект предлагают как раз то, чего хотели бы избежать американцы: превращают договор о дружбе и консультациях в пакт о взаимной помощи. Госдепартамент рекомендовал ограничиться политическим соглашением, и Греция и Турция как страны НАТО не должны были брать конкретные обязательства по оказанию военной помощи⁷².

26 февраля текст Договора о дружбе и сотрудничестве между Грецией, Турцией и Югославией был парафирован, 28 февраля состоялось его подписание в Анкаре⁷³. После парафирования трёхстороннего соглашения глава греческого МИД Ст. Стефанопулос сообщил американскому послу Пьюрифою о разочаровании министра иностранных дел Югославии К. Поповича в связи с изменением формулировок важнейших пунктов договора по настоянию США и Великобритании. Пьюрифой считал, что Папагос и Стефанопулос также вряд ли полностью удовлетворены итоговым вариантом договора с учётом внесённых изменений. Поэтому, писал Пьюрифой, ведущим западным державам следует определиться в главном вопросе: могут ли быть даны Югославии гарантии безопасности в случае нападения⁷⁴.

* * *

Анкарский договор предусматривал политическое и военное сотрудничество стран-участниц в мирное и военное время, предполагалось проведение регулярных консультаций между участниками, в том числе по вопросам безопасности. Но он не был договором о коллективной безопасности. На случай агрессии стороны должны были «изучать» возможные меры по совместной обороне. Договор содержал ссылку на статью 51 устава ООН о неотъемлемом праве суверенного государства на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдёт «неспровоцированная агрессия», однако юридически обязывающие военные статьи в документе отсутствовали. Статья 8 специально об-

⁷² FRUS, 1952–1954. Vol. 8. P. 623–625.

⁷³ Ibid. P. 596, 627.

⁷⁴ Ibid. P. 625, 626.

говаривала, что «договор не затрагивает в какой бы то ни было форме права и обязанности Турции и Греции, вытекающие из Североатлантического пакта от 4 апреля 1949 г.»⁷⁵. Госсекретарь Дж.Ф. Даллес приветствовал подписание трёхстороннего договора, назвав его «шагом в правильном направлении»⁷⁶.

Подписание договора практически совпало со смертью И.В. Сталина. Эти два события существенно изменили ситуацию на Балканах. Советский Союз в 1953 г. развернул «мирное наступление» во внешней политике, угроза Югославии с востока значительно снизилась. Военно-политический союз Греции, Турции и Югославии в итоге оформил Договор о союзе, политическом сотрудничестве и взаимной помощи между тремя странами, подписанный в Бледе (Югославия) 9 августа 1954 г.⁷⁷. Договор признавал приоритет обязательств Греции и Турции в рамках НАТО над обязательствами, вытекающими из Балканского пакта. Югославия, таким образом, стала «мостом» между странами НАТО – Италией и Грецией.

Следует отметить, что реакцией Вашингтона на Корейскую войну стало наращивание вооружений и выстраивание непрерывной цепи региональных блоков вдоль советской сферы влияния. На Балканах с помощью инструментов многосторонней дипломатии Соединённые Штаты приступили к реализации системной стратегии выстраивания новой модели безопасности, которая предполагала участие в ней Югославии. Ситуация на полуострове была очень напряжённой как из-за непрекращающейся гонки вооружений, так и «психологической войны» советского блока против Югославии и Греции. Вашингтон не исключал возможность агрессии стран народной демократии на Балканах. На этот случай США разрабатывали планы интернационализации военного конфликта, предполагая немедленное вовлечение в него ООН и стран Запада. Однако трудности согласования ведущими западными державами параметров военного диалога с Белградом не позволили к началу 1953 г. существенно продвинуться в обсуждении военных планов. С военной точки зрения, наилучшим вариантом было включение Югославии в НАТО, что позволяло окончательно оформить южный фланг Альянса. Но американцы столкнулись с множеством препятствий на этом пути: от неготовности самой Югославии к такому шагу до возражений собственных ближайших союзников. Военное планирование на случай агрессии против Югославии к началу 1953 г. носило «условный» харак-

⁷⁵ Documents on American Foreign Relations. 1953 / Ed. by P. V. Curl. N. Y.: Harper, 1954. P. 286–288; Treaty of Friendship and Collaboration Between the Turkish Republic, The Kingdom of Greece, and the Federal People's Republic of Yugoslavia, February 28, 1953 [Электронный ресурс]. URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/eu001.asp (accessed 18.12.2020), <http://www.mfa.gov.rs/en/diplomatic-tradition/historical-diplomatic-papers/39-ugovor-prijateljstvo-1953> (accessed 18.12.2020); FRUS. 1952–1954. Vol. 8. P. 627; ГАПФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 14473. Л. 163, 171; Оп. 28. Д. 1543. Л. 33–36.

⁷⁶ FRUS. 1952–1954. Vol. 8. P. 1342, 1343.

⁷⁷ Treaty of Alliance, Political Cooperation, and Mutual Assistance between the Turkish Republic, the Kingdom of Greece, and the Federal People's Republic of Yugoslavia (Balkan Pact), August 9, 1954 [Электронный ресурс]. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/eu002.asp (accessed 18.12.2020).

тер, что сохраняло «свободу рук» Запада. Отсутствовал и согласованный ответ на ключевой вопрос: останется ли агрессия против Югославии ограниченным военным конфликтом или же он перерастёт в мировую войну.

Контакты военных и дипломатов Югославии, Греции и Турции оказались более продуктивными и позволили договориться о заключении Договора о союзе, однако в силу глубокого расхождения интересов трёх стран, он оказался недолговечным. Это обстоятельство наводит на мысль о ситуативном характере сближения трёх стран, связанном со страхами перед «советской угрозой».

Об авторе:

Александр Александрович Калинин – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и политических наук Вятского государственного университета. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36. E-mail: usr11328@vyatsu.ru, prof_kalinin@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 19-18-00501.

Received: November 12, 2020
Accepted: December 10, 2020

U.S. plans to Internationalize the Containment of the USSR in the Balkans in the First Half of the 1950s.

A.A. Kalinin
[DOI 10.24833/2071-8160-2020-6-75-53-76](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-6-75-53-76)

Vyatka State University

Abstract: The article examines the actions of the US diplomacy aimed at strengthening the US military and political presence in the Balkans and the Eastern Mediterranean in the first half of the 1950s. The United States began creating mechanisms for mobilizing its allies to contain possible Soviet aggression in the event of a new local conflict on the Balkan Peninsula. This policy led to the need to develop plans for internationalization of alleged conflict. The author uses materials from the US National Archives, the State Archive of the Russian Federation, the electronic archives of the Central Intelligence Agency, North Atlantic Treaty Organization and the US National Security Council, as well as published sources. Special attention is paid to the position of the United States Joint Chiefs of Staff on military strategy in the Eastern Mediterranean. The outbreak of the Korean War became an important mile-

stone in American politics not only for the Far East, but also for other regions of the world. In the Balkans, the Americans were mostly afraid of the aggression of Soviet "satellites" against Greece and Yugoslavia. In response, in the early 1950s the United States formed a new security model in the Balkans, which based on a differentiated approach: Greece became a member of NATO, while Yugoslavia entered the anti-Soviet Balkan Pact affiliated with NATO. Yugoslavia became a bridge between the NATO countries – Italy and Greece. Documents held in the US National Archives show that American military leaders spoke out in favor of Yugoslavia's membership in NATO and insisted on coordinating the military plans of Italy, Yugoslavia, Greece and Turkey. The author concludes that the rapprochement of Yugoslavia, Greece and Turkey was situational. The improvement of the situation in the Balkans after the death of Joseph Stalin led to the collapse of the Balkan Pact. The analysis of American policy in the Balkans made it possible to contribute to the study of the means and methods used by the United States to internationalize military conflicts in various regions of the world in the mid-twentieth and early twenty-first centuries.

Keywords: Cold War, regional conflict, US Foreign Policy, Soviet threat, Greece, Yugoslavia, Turkey, NATO, Balkan Pact of 1953.

About the author:

Alexander A. Kalinin – Doctor of History, Associate Professor, Professor at the Department of History and Political Science, Vyatka State University. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov, Russia. E-mail: usr11328@vyatsu.ru , prof_kalinin@mail.ru

Conflict of interest:

The author declares the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

The reported study is funded by RSF, project No. 19-18-00501.

References:

- Chourchoulis D. 2015. *The Southern Flank of NATO, 1951–1959: Military Strategy or Political Stabilization*. Lanham (Maryland): Lexington Books. XXXIII, 251 p.
- Dajc H. 2013. Balkan Pact 1953 and Yugoslavia. *Geopolitical Magazine*. №1. P. 111–122.
- Hatzivassiliou E. 2004. From Adversity to Alliance: Greece, Yugoslavia and Balkan Strategy, 1944–1959. *Balkan Studies*. Vol. 45. P. 123–133.
- Hatzivassiliou E. 2006. *Greece and the Cold War. Frontline State, 1952–1967*. London; New York: Routledge. XVI, 229 p.
- Laković I., Tasić D. 2016. *The Tito-Stalin Split and Yugoslavia's Military Opening toward the West, 1950–1954: in NATO's Backyard*. Lanham (Maryland): Lexington Books. XIV, 285 p.
- Lees L. 1978. The American Decision to Assist Tito, 1948–1949. *Diplomatic History*. 2(4). P. 407–422.
- Lees L. 1997. *Keeping Tito afloat: the United States, Yugoslavia, and the Cold War*. University Park: Pennsylvania University Press. XVIII, 246 p.
- Rajak S. 2010. The Cold War in the Balkans, 1945–1956. *The Cambridge History of the Cold War*. Ed. by M.P. Leffler, O.A. Westad. Vol. 1: Origins. Cambridge; New York: Cambridge University Press. P. 198–220.
- Stone D.R. 1994. The Balkan Pact and American Policy, 1950–1955. *East European Quarterly*. 28(3). P. 393–407.

Vukman P. 2012. The Balkan Pact, 1953–58: an Analysis of Yugoslav-Greek-Turkish Relations Based on British Archival Sources. *Mediterrán tanulmányok* [Mediterranean Studies]. № 22. P. 25–35.

Anikeev A.S. 1994. K istorii formirovaniya voenno-politicheskikh blokov v Evrope (Balkanskiy pakt 1950–1954 gg.) [To the History of the Formation of Military-Political Blocs in Europe (the Balkan Pact of 1950–1954)]. *Edinaya Evropa: ideya i praktika* [United Europe: Idea and Practice]. Moscow: RAS Institute of World History. P. 90–126. (In Russian)

Anikeev A.S. 2012. *Kak Tito ot Stalina ushel: Yugoslaviya, SSSR i SShA v nachal'nyy period «kholodnoy voyny» (1945–1957)* [How Tito Goes Back from Stalin: Yugoslavia, the USSR and the USA at the Beginning of the Cold War]. Moscow: RAS Institute of Slavic Studies. 310 p. (In Russian)

Vstrechnymi kursami: politika SSSR i SShA na Balkanakh, Blizhnem i Srednem Vostoke v 1939–1947 gg. 2014 [Collision Courses: the Policy of the USSR and the USA in the Balkans, the Near and Middle East in 1939–1947]. Kirov: Vyatka State Humanities University Publ. 510 p. (In Russian)

Kalinin A.A. 2012. Grecheskiy krizis v kontekste sovetsko-amerikanskogo sopernichestva na Balkanakh (1945–1953 gg.) [The Greek Crisis in the Context of Soviet-American Rivalry in the Balkans (1945–1953)]. *Rossiya i Soedinennyye Shtaty: istoriya otnosheniy* [Russia and the United States: history of relations]. Kirov: Raduga-PRESS Publ. P. 205–222. (In Russian)

Kalinin A.A., Yungblyud V.T. 2009. *Gretsiya v amerikano-britanskikh otnosheniyakh v 1939–1945 gg.* [Greece in American-British Relations in 1939–1945]. Kirov: Vyatka State Humanities University Publ. 366 p. (In Russian)

Kalinin A.A. 2018. *Na perednem rubezhe holodnoi voyny: SShA, SSSR i grazhdanskaya voina v Gretsii (1944–1949 gg.)* [Forefront of the Cold War: USA, USSR, and Greek Civil War (1944–1949)]. Kirov: Vyatka State University Publ. 616 p. (In Russian)

Kostin A.A. 2014. Politika SShA po podklyucheniyu Yugoslavii k sredizemnomorskoy strategii NATO (1950–1954 gg.) [US Policy to tie Yugoslavia to NATO's Mediterranean Strategy (1950–1954)]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta* [Bulletin of Vyatka State Humanities University]. № 12. P. 77–85. (In Russian)

Kostin A.A. 2016. Yugoslaviya v voenno-politicheskoy strategii SShA v pervoy polovine 1950-kh godov [Yugoslavia in the Military and Political Strategy of the USA in the First Half of the 1950 s.]. *Novaya i noveyshaya istoriya* [Modern and Contemporary History]. № 5. P. 79–87. (In Russian)

Pelipas M.Ya. 1988. Politika SShA po ukrepleniyu pozitsii amerikanskogo imperializma v Vostochnom Sredizemnomor'e i вовлечениyu Gretsii i Turtsii v NATO (1949–1952 gg.) [US Policy to Strengthen the Position of American Imperialism in the Eastern Mediterranean and Involve Greece and Turkey in NATO (1949–1952)]. *Istoricheskie i istoriograficheskie voprosy vseobshchey istorii* [Historical and historical questions of general history]. Tomsk: Tomsk State University Publ. P. 68–87. (In Russian)

Yungblyud V.T., Sadakov D.A. 2018. Diplomaticeskoe obespechenie vmeshatel'stva SShA v Koreyskuyu voynu: Opyt krizisnogo reagirovaniya [Diplomatic Support of US Involvement in the Korean War: Crisis Response Experience]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO Review of International Relations]. 4(61). P. 241–261. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-4-61-241-261 (In Russian)

Bogetic D. 2001. Sjediñene Americhke Drzhave i formirañe Balkanskog pakta 1952–1955 [The United States of America and the Establishment of the Balkan Pact 1952–1955]. Arhiv [Archive]. Year II. No 2. (In Serbian)

Baev J. 1999. Strategiyata na NATO na Balkanite (1949–1969 g.) [NATO strategy in the Balkans (1949–1969)]. *Voenoistoricheski sbornik* [Military-Historical Collected Articles]. Year LXVIII, Issue 5. September – October 1999. P. 86–106. (In Bulgarian)

Boev I. 1986. *Balkanite v globalnata politika na SAShch: 1945–1975* [The Balkans in the Global Policy of the United States: 1945–1975]. Sofia: State Publishing House of Science and Art. 368 p. (In Bulgarian)

Список литературы на русском языке:

Аникеев А.С. 1994. К истории формирования военно-политических блоков в Европе (Балканский пакт 1950–1954 гг.). *Единая Европа: идея и практика*. Отв. ред. М.М. Наринский. Москва: Институт всеобщей истории РАН. С. 90–126.

Аникеев А.С. 2002. *Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957)*. Москва: Институт славяноведения РАН. 310 с.

Встречными курсами: политика СССР и США на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке в 1939–1947 гг. 2014. Отв. ред. В. Т. Юнгблюд. Киров: Издательство Вятского государственного гуманитарного университета. 510 с.

Калинин А.А. 2012. Греческий кризис в контексте советско-американского соперничества на Балканах (1945–1953 гг.). *Россия и Соединённые Штаты: история отношений: сборник научных статей*. Отв. ред. Т.А. Воробьева, А.А. Костин. Киров: Издательство ООО «Радуга-ПРЕСС». С. 205–222.

Калинин А.А., Юнгблюд В.Т. 2009. *Греция в американско-британских отношениях в 1939–1945 гг.* Киров: Издательство Вятского государственного гуманитарного университета. 366 с.

Калинин А.А. 2018. *На переднем рубеже холодной войны: США, СССР и гражданская война в Греции (1944–1949 гг.)*. Киров: Научное издательство Вятского государственного университета. 616 с.

Костин А.А. 2014. Политика США по подключению Югославии к средиземноморской стратегии НАТО (1950–1954 гг.). *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. №12. С. 77–85.

Костин А.А. 2016. Югославия в военно-политической стратегии США в первой половине 1950-х годов. *Новая и новейшая история*. №5. С. 79–87.

Пелипась М.Я. 1988. Политика США по укреплению позиции американского империализма в Восточном Средиземноморье и вовлечению Греции и Турции в НАТО (1949–1952 гг.). *Исторические и историографические вопросы всеобщей истории: сборник статей*. Под ред. Н.С. Индукаевой. Томск: Издательство Томского университета. С. 68–87.

Юнгблюд В.Т., Садаков Д.А. 2018. Дипломатическое обеспечение вмешательства США в Корейскую войну: Опыт кризисного реагирования. *Вестник МГИМО-Университета*. 4(61). С. 241–261. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-4-61-241-261

Список литературы на сербском языке:

Богетић Д. 2001. Сједињене Америчке Државе и формирање Балканског пакта 1952–1955. *Архив*. Година II. Број 2. С. 186–197.

Список литературы на болгарском языке:

Баев Й. 1999. Стратегијата на НАТО на Балканите (1949–1969 г.). *Военноисторически сборник*. Година LXVIII, Кн. 5. С. 86–106.

Боев И. 1986. *Балканите в глобалната политика на САЩ: 1945–1975*. София: Държавно издателство наука и изкуство. 368 с.

Сигнализирование, сдерживание и принуждение в санкционной политике США в отношении России на начальном этапе Украинского кризиса

О.И. Ребро

Консалтинговое агентство «Евразийские стратегии»

Особенности формирования внешнеполитического инструментария США на протяжении XX в. обусловили становление санкций в качестве наиболее удобного механизма по реализации задач администрации в международной среде, а также эффективного средства во внутривнутриполитической борьбе. Институционально оформленный в рамках исполнительной власти, обеспеченный доминированием США в мировой экономике и воспринимаемый как «гуманный» способ воздействия на международные элиты, он не требует от президента политических затрат, а следовательно, стратегической проработки условий его использования.

Современная политика США в отношении России основывается на каркасе санкционного режима, созданного администрацией Барака Обамы в 2014 г. Санкции, вводимые в условиях экстренного реагирования на стремительно развивающуюся ситуацию на Украине, сегодня приобрели инерционный характер и ещё долгое время будут определять допустимые границы и методы политики американской администрации в отношении России вне зависимости от приоритетов текущего руководства страны. Цель настоящего исследования – рассмотреть процесс формирования основ санкционного режима и объяснить логику принятия решений администрацией Обамы по этому вопросу.

Опираясь на исследования Франческо Джумелли по оценке логики введения санкций, автор показывает, что главной движущей силой санкционной политики США в отношении России являлась реакция на запрос демонстрации мирового лидерства и приверженности обеспечению безопасности Восточной Европы. Периферийность украинского вопроса в политике США, а также низкая политическая стоимость такой эскалации привели к тому, что санкции подменили собой внешнеполитическую стратегию и не сопровождалась осмыслением причин сложившейся ситуации, постановкой целей и определением критериев успешности проводимой политики. Некритичность такого подхода подчёркивается сопоставлением с действиями европейских лидеров, которые платили большую цену за санкционную политику и, вопреки распространённому в России понятию единого «Западного мира», не только отказывались подчиняться пожеланиям Вашингтона, но и имели сдерживающий эффект на политику США.

УДК: 327.8

Поступила в редакцию: 10.10.2020 г.

Принята к публикации: 20.11.2020 г.

Ключевые слова: санкционная политика США, логика введения санкций, принуждающие санкции, ограничивающие санкции, сигнальные или символические санкции, российско-американские отношения, европейские санкции в отношении России, украинский кризис

Меры экономического давления являлись неотъемлемым компонентом международных отношений с древних времён. Принимая различные формы и преследуя различные цели, экономические санкции тем не менее до начала XX в. рассматривались как вспомогательный компонент военных действий (Alexander 2009: 9). Их формирование в качестве самостоятельного инструмента внешней политики пришлось на вторую четверть XX в., и если статья 16 Устава Лиги Наций предусматривала автоматический разрыв «экономических и финансовых отношений» со страной, применившей военную силу в нарушение международных норм, то Устав ООН уже чётко разделяет экономические и военные действия, наделяя Совет Безопасности правом «решать, какие меры, не связанные с использованием вооружённых сил, должны применяться для осуществления его решений».

Такое обособление и сопутствующий рост популярности санкций непосредственно связан с кардинальной переоценкой отношения к использованию вооружённой силы (Kunz 1960: 326). Запущенные после Первой мировой войны процессы «криминализации» межгосударственных конфликтов и «коллективизации» международной безопасности заставили государства искать новые более гуманные инструменты для наказания нарушителей и невоенные средства для продолжения политики, когда одной дипломатии было недостаточно.

За последние сто лет международное сообщество накопило значительный опыт использования санкций, сопровождавшийся растущим академическим интересом к данной проблематике. По мере формирования правовой основы для введения санкций распространение получили исследования о месте экономических инструментов в системе международного права (Jack 1940; Kunz 1960; Рыке 1915). Развитие глобализации и сопутствующее этому повышение взаимозависимости экономик спровоцировало внимание к изучению санкций как комплексного явления, лежащего на пересечении экономики, международных отношений, политики и социологии (Baldwin 1985). Подобный междисциплинарный подход породил пласт работ в области стратегии использования санкций, в том числе с набравшим популярность в течение 1990-х гг. ответвлением – оценкой эффективности санкций (Allen 2005; Ang, Peksen 2007; Baldwin, Pope 1998; Dashti-Gibson et al. 1997; Hufbauer et al. 2009; Pape 1997).

Введение масштабных санкций в отношении России в 2014 г. стало мощным стимулом для углублённого изучения санкционной тематики российскими экспертами. Помимо обращения к таким «насущным» прикладным вопросам как оценка влияния санкций на российскую экономику (Екимова 2018; Гурвич, Прилепский 2016; Pestova, Mamonov 2017) или уроки международного опыта выжи-

вания в условиях санкций (Кнобель, Багдасарян, Лощенкова 2019), появились комплексные исследования, помещающие тематику санкционного воздействия на Россию в более широкий контекст изучения санкций как явления в международной политике (Likhasheva 2019; Тимофеев, Махмутов 2018; Тимофеев 2018; Фитуни 2019).

Существуют различные подходы к определению понятия санкций (Gosnell 2018: 153), однако обязательными атрибутами являются наличие двух сторон («инициатора» и «адресата»), ограничивающий характер данного действия, что отличает санкции от дипломатии, а также цель изменения поведения или условий международной среды, что отличает санкции от экономической деятельности. В этом плане санкции представляют собой довольно интересный феномен: само по себе введение санкций является актом «вовлечения» адресата, направленным на побуждение к действию, в то время как ограничение торговых, финансовых, а при более широкой трактовке дипломатических и политических отношений по своему содержанию ведут к отчуждению объекта санкций. Баланс между этим двумя аспектами лежит в основе большинства рекомендаций по увеличению эффективности санкций. Так, предложенные Хафбауэром и его коллегами «заповеди» санкционной политики предписывают ограничиваться умеренными, четко сформулированными целями, избегать уже изолированные авторитарные режимы, дополнять «кнутом» «пряником» и по возможности действовать коллективно (Hufbauer et al. 2000). «Как дорогой костюм, санкции должны быть искусно скроены под поставленные цели. Более того, вдумчивые лидеры должны заранее продумать, каким образом они или их преемники смогут избавиться от костюма или перешить его, когда он перестанет сидеть», – заключают эксперты (Hufbauer et al. 2009: 178).

На первый взгляд, вводя санкции в отношении России в 2014 г., США нарушили все принципы эффективности санкционной политики, что особенно заметно в сравнении со следовавшим всем «правилам» Европейским союзом. Вашингтон не сопровождал санкции критериями отмены, временными ограничениями и попытками вовлечения России, сделав отчуждение объекта санкций самоцелью. Американская администрация требовала увеличения санкций в мае, когда Москва предпринимала шаги по деэскалации ситуации, и заморозила санкционное нормотворчество вскоре после ноябрьских выборов, несмотря на продолжающийся конфликт на востоке Украины. В результате санкционная политика США, так и не заставившая Россию изменить курс, была повсеместно признана неудачной¹.

Можно предположить, что изменение поведения Москвы хоть и было желательным, но не являлось главным мотивирующим фактором, а американское

¹ Hearing: Evaluating the Effectiveness of U.S. Sanctions Programs. *Subcommittee on Monetary Policy and Trade (House Financial Services Committee)*. November 30, 2017. URL: <https://financialservices.house.gov/calendar/eventsingle.aspx?EventID=400988> (accessed 17.12.2020).

руководство в условиях быстро развивающейся ситуации, используя наиболее удобные инструменты, отвечало на эмоциональный запрос по демонстрации лидерства. В таком случае действия Вашингтона выглядят вполне логичными². Украинский кризис имел относительно низкий уровень в иерархии внешнеполитических интересов и не представлял жизненно важной угрозы для Вашингтона. Однако присоединение Крыма, воспринимаемое американскими элитами как нарушение международных норм, стимулировало запрос на демонстрацию ведущей роли США в качестве гаранта мирового порядка. Реализация данной цели предполагала, с одной стороны, мобилизацию коллективного ответа, с другой – наказание нарушителя. Обе задачи были решены, когда Европейский союз пошёл на введение секторальных санкций в июле. После расширения санкций в сентябре, приуроченных к визиту в США украинского президента, администрация заморозила санкционную политику, объяснив это необходимостью дождаться, когда санкции подействуют. В этом плане действия Вашингтона были вполне успешными: неслучайно в исследовании проекта по изучению санкций Женевского института международных отношений отмечается, что «наибольшего эффекта [от введения санкций – прим. автора] удалось достичь в сигнализировании России и всему миру о возможных последствиях нарушения норм территориальной ценности, правил ведения войны и необходимости разрешения конфликта посредством международных переговоров» (Moret et al. 2016: 11).

Данный подход обуславливает временные рамки исследования: с марта по декабрь 2014 г. Происходившие впоследствии случаи расширения санкционных списков являлись, скорее, частью технической имплементации существующего санкционного режима, нежели показателем трансформации политики руководства страны по данному вопросу. Следующим качественным изменением санкционной политики стало принятие Закона о противодействии противникам Америки посредством санкций в 2017 г., однако это произошло в иной политической среде, как с точки зрения отношений с Россией, так и внутривнутриполитической ситуации в США, а следовательно, заслуживает отдельного исследования.

Таким образом, задача данной статьи – проанализировать процесс принятия решений о введении санкций администрацией Обамы в 2014 г. для того, чтобы определить логику введения санкций. С точки зрения методологии, хронологическое рассмотрение событий сочетается с сопоставлением действий США и ЕС, для которого большая политическая и экономическая стоимость санкционной политики в отношении России означала необходимость поиска стратегии по разрешению кризиса. Чтобы понять, почему в США введение санкций не сопровождалось аналогичным критическим осмыслением ситуации, в работе

² Такой подход к объяснению иррациональности внешней политики США, например, был предложен Т. Соломоном, добавившим в анализ принятия решения о начале «войны с терроризмом», помимо традиционных структурных предпосылок, фактор эмоциональной реакции на теракты 11 сентября 2001 г. (Solomon 2015).

рассматривается вопрос места санкций в американском внешнеполитическом инструментарии.

Анализ логики введения санкций опирается на подход, предложенный Франческо Джумелли. Бросая вызов традиционным исследованиям, оценивающим эффективность санкций на основе эмпирических показателей влияния на реципиента (Giumelli 2011: 19), Джумелли фокусируется на инициаторе санкций, что позволяет учесть такие ситуации, где поведение объекта не имеет прямого отношения к санкционной политике.

Логика введения санкций, по Джумелли, является производной от понимания инициатором проблемы и мотивации субъекта санкций и зависит от таких параметров как чувство угрозы (представляет ли поведение объекта санкций угрозу жизненно важным интересам), приоритета проблемы (помимо угрозы жизненно важным интересам может включать проблемы, рассматриваемые как важные для формирования благоприятной внешнеполитической среды), сложности внешнеполитической ситуации (зависит от количества сторон, длительности, наличия области пересекающихся интересов и проч.), а также оценки мотивов поведения объекта (рациональное, идеологическое или «криминальное»). Данные параметры определяют логику введения санкций, которые могут быть направлены на сдерживание объекта, принуждение к изменению поведения или подачу сигнала.

Принуждающие санкции сопряжены с наибольшим использованием силы и применяются для изменения поведения объекта. Такие санкции предполагают постепенное увеличение давления и, соответственно, сопровождаются растущими рисками для страны их вводящей. Поэтому такие санкции будут оправданы, если на кону стоят жизненно важные или приоритетные вопросы. В основе данных санкций лежит условие, что объект действует рационально, следовательно, он будет готов изменить поведение в условиях сокращения ресурсов.

Сдерживающие санкции преследуют цель ограничить вариативность поведения объекта. В отличие от «принуждения», здесь объекту ничего делать не надо, но он должен воздержаться от нежелательных действий в будущем. В данной ситуации бывает достаточно угрозы, например, посредством наделения Конгрессом администрации полномочиями введения санкций в определённой ситуации. Поскольку они не предполагают отказа от предыдущих решений, такие санкции связаны с меньшими репутационными потерями для объекта и могут оказаться эффективными, когда речь идёт об идеологическом акторе, который восприимчив к сокращению ресурсов, но основывает свою легитимность на продолжении конфронтации.

Сигнальные (также встречается «символические») санкции стоят особняком от первых двух видов и не поддаются стандартным эмпирическим подходам оценки эффективности (Whang 2011: 788). Как правило, такие санкции носят не материальный, а репутационный характер (который, впрочем, не исключает косвенных материальных потерь). Реципиентом такого сигнала является не

столько сам объект санкций, сколько «третьи» лица (внутренняя аудитория, союзники, другие потенциальные нарушители). В данном случае поведение объекта имеет косвенное отношение к логике принятия решений и формирует информационный контекст, определяющий запрос на подачу сигнала, от остроты которого и зависит степень давления. Поскольку изменение поведения не является целью, такие санкции, согласно Джумелли, используются, когда речь идёт о низкоприоритетных вопросах, связанных с низким уровнем угрозы, а также трудноразрешимых конфликтах или «криминальных» акторах, для которых нарушение нормы является условием выживания.

Хотя с точки зрения данной классификации, реагируя на украинский кризис, Вашингтон мог остановиться на подаче сигнала, он пошёл дальше и, позиционируя увеличение давления на Россию как переход от сигнальных к сдерживающим и, в конечном итоге, принуждающим санкциям, на практике принимал решения в результате возрастающего запроса. Данный запрос актуализировался произошедшим в рамках внутривнутриполитической борьбы скатыванием нарратива к шаблонам противостояния времён холодной войны, что превратило Россию в глазах американских политических элит из рационального субъекта в «нарушителя» мирового порядка, с которым не о чем разговаривать и который необходимо изолировать.

Отсутствию критического осмысления данной эскалации также способствовала низкая политическая цена использования санкций. В то время как для США характерна относительно высокая роль Конгресса по ограничению деятельности администрации на международной арене, «полномочия президента по введению экономических санкций в отношении зарубежных государств в рамках имеющихся статутов остаются практически безграничными» (Coates 2018: 170).

Санкции как инструмент внешней политики США

Созвучные американской традиции, для которой характерны идеи «гуманизации» и детерминизма во внешней политике, когда «каждое внешнеполитическое действие Америки является частью проекта по распространению ценностей, к которым, по её мнению, должны стремиться все народы» (Kissinger 2014: 234), санкции стали естественным предпочтительным инструментом, позволяющим продолжать политику невоенными средствами. На сегодняшний момент США использовали санкции чаще, чем все остальные страны и международные институты вместе взятые (Hufbauer et al. 2009: 17).

Оформление санкций в качестве инструмента внешней политики США произошло в первой половине XX в., одновременно с формированием современных внешнеполитических институтов. Впервые применение экономических мер в отношении иностранных государств было закреплено Законом о торговле с врагами 1917 г., который позволял президенту ограничивать частично или

полностью торговлю с врагами в военные времена. В 1933 г. по запросу президента Франклина Делано Рузвельта Конгресс внёс поправки в этот закон, после чего администрация получила право использовать торговые ограничения не только во время войны, но и «в периоды национального чрезвычайного положения, введённого президентом».

В 1940 г. для реализации санкционной политики, более не ограниченной военным периодом, было создано отдельное ведомство – Офис по контролю над зарубежными активами. Претерпев ряд изменений и переходя от одного министерства к другому, это ведомство в 1962 г. было оформлено в его текущем виде в рамках Казначейства США.

В результате исполнительная власть получила полный контроль в вопросах инициирования и реализации санкционной политики. Это было особенно актуально на фоне ограничения полномочий президента по использованию военной силы, произошедшего с принятием Акта о полномочиях по ведению войны в 1973 г. Хотя существует множество способов обхода данного Акта, запрещающего президенту бессрочно использовать вооружённые силы без разрешения Конгресса, он предусматривает механизм публичных обсуждений, что повышает политическую стоимость данного инструмента внешней политики.

Одновременно законодатели попытались ограничить и санкционную деятельность администрации. В 1977 г. был принят закон, регулирующий введение чрезвычайного положения в связи с международными вызовами. Среди прочего он установил максимальные сроки, ужесточил механизмы оценки целесообразности, а также наделил Конгресс правом его отменить. Несмотря на это, ограничения приобрели формальный характер: чрезвычайное положение продлевается «извещением» Конгресса и не сопровождается публичными дебатами, механизм мониторинга не выполняется, а законодатели ни разу не воспользовались своим правом отмены международного чрезвычайного положения, которое к тому же было ограничено решениями Верховного суда в 1980-х гг. Всего из 59 чрезвычайных положений, введённых после принятия этого закона, 33 действуют до сих пор, а самое продолжительное из них – в отношении Ирана – длится уже более 40 лет³.

Теоретически санкции могут быть инициированы законодательной и исполнительной ветвями власти, однако неповоротливость законодательного процесса в Конгрессе фактически лишает его возможности эффективной реализации санкционной политики. Вмешательство законодателей во внешнюю политику посредством санкций хоть и имеет существенные последствия, зачастую происходит в контексте политических разногласий между двумя ветвями власти «в пику» президенту (Тама 2019).

³ The International Emergency Economic Powers Act: Origins, Evolution, and Use. CRS Report. *Congressional Research Service*. July 14, 2020. P. 17. URL: <https://fas.org/sgp/crs/natsec/R45618.pdf> (accessed 17.12.2020).

За последние три десятилетия значительные трансформации претерпела логика введения санкций. В 1990-х гг. цель заключалась в ослаблении экономики страны для изменения поведения его руководства, для чего использовались «всеобъемлющие санкции», близкие к экономическому эмбарго. Данная логика, фактически возвращающая принципы XIX в. и отождествляющая благосостояние государства с благосостоянием лиц, принимающих решения, проявила свою несостоятельность. На фоне роста количества исследований о неэффективности санкций тяжёлые экономические последствия санкций ООН в отношении Ирака 1990 и 1991 гг. подорвали тезис о «гуманности» экономических инструментов давления по сравнению с военной силой (Cortright, Lopez 1999).

Ответом на такое разочарование стала распространившаяся в 2000-е гг. концепция таргетированных или «умных» санкций, цель которых заключается в оказании максимального давления на ответственных чиновников (правящие элиты) при сокращении негативных последствий для населения. Значительную роль в данном переходе сыграла трансформация ключевых угроз безопасности США. Вышедшая на первый план после 2001 г. проблема терроризма с его транснациональным характером стала толчком для разработки механизмов борьбы с незаконным финансированием, в рамках которой были существенно ужесточены требования по раскрытию информации финансовыми учреждениями, что облегчило санкционное «таргетирование» отдельных лиц (Zarate 2009).

Оттачиванию санкционного инструментария также способствовало укрепление фактической монополии Вашингтона на финансовых рынках. В 2016 г. Джейкоб Лью, являвшийся тогда министром финансов, отмечал: «Сила наших санкций напрямую связана с лидерством на мировой арене: нашей позицией в качестве самой большой экономики и ведущим положением американской финансовой системы в мировой торговле»⁴.

В таких условиях применение санкций позволяло оказывать максимальное давление при минимальных рисках для американской экономики, а следовательно, не требовало затрат политического капитала. Количество введённых США санкций, подскочившее в 2001 г., продолжило расти в годы администрации Обамы. На данный момент в США насчитывается порядка 8000 санкционных позиций в рамках почти 30 «санкционных программ»⁵. Однако если Джордж Буш-младший использовал санкции в качестве дополнения к силовым инструментам внешней политики, то при Бараке Обаме санкции стали «предпочтительным инструментом» и спасательным кругом «стратегии из-за спины», позволявшим проявить решительность в ситуации, когда нельзя было ничего не делать.

⁴ U.S. Treasury Secretary Jacob J. Lew on the Evolution of Sanctions and Lessons for the Future. *Carnegie Endowment for International Peace*. March 30, 2016. URL: <https://carnegieendowment.org/2016/03/30/u.s.-treasury-secretary-jacob-j.-lew-on-evolution-of-sanctions-and-lessons-for-future-event-5191> (accessed 17.12.2020).

⁵ Masters J. What Are Economic Sanctions? *Council on Foreign Relations*. August 12, 2019. URL: <https://www.cfr.org/background/what-are-economic-sanctions> (accessed 17.12.2020).

С этим связана ещё одна особенность санкционной политики США – высокая эффективность использования санкций для повышения уровня одобрения руководства страны. Проведённый Таэхи Вэнг анализ внутривнутриполитической динамики в США в 624 случаях использования санкций с 1948 по 1999 г. показал, что в среднем введение санкций приводит к повышению рейтинга одобрения президента на 3,3%. Данное значение сопоставимо с феноменом «объединения под знамёнами» сопровождающим начало военных действий (4%), однако требует несравнимо меньших политических ресурсов (Whang 2011).

Развитие такого «санкционного рефлекса» привело к тому, что санкции стали подменять собой стратегию. Политика санкционного давления на Россию в 2014 г. стала ярким примером такого безответственного подхода. «(Санкции) воплотили в себе философию поиска лёгких ответов, позволяя лицам, принимающим решения, избежать сложных вопросов о том, как структура международных отношений после холодной войны могла привести к тому, что кризис украинской государственности превратился в кризис мирового значения», – отметил в 2015 г. Ричард Саква (Sakwa 2016: 201).

Это особенно заметно при сравнении подходов Вашингтона и Брюсселя, которые зачастую сливаются в единое понятие «Западного мира». В то время как США могли позволить себе инерционное наращивание экономического давления без чётко определённой стратегии, ЕС сопровождал болезненный для себя разрыв отношений с Россией попытками устранения самой причины введения санкций и уже в первых документах, вводящих санкции, обозначил необходимость диалога по поиску решения кризиса.

Санкционная политика в отношении России в 2014 г.

Украинский кризис, несмотря на драматичность его протекания в конце февраля 2014 г., в глазах Вашингтона являлся внутривнутриевропейским делом. Как и в случае с «оранжевой революцией» 2004 г., американская администрация, стремясь использовать ситуацию для продвижения собственных национальных интересов, находилась всё же за спинами европейских союзников. «К декабрю [2013 г. – прим. автора] Украина вернулась в поле зрения правительства Соединённых Штатов, но Вашингтон позволил Европейскому союзу играть первую скрипку. Такой подход казался наиболее логичным, – писал в 2017 г. Стивен Пайфер, бывший посол США на Украине. – Столкновения в Киеве начались из-за Соглашения об ассоциации с ЕС, хотя они и переросли в нечто большее – протесты против растущего авторитаризма и коррупции режима Януковича. Предложенное Украине Соглашение об ассоциации являлось наиболее оптимальным способом интеграции Украины в Европу. Ничего лучше Обама предложить не мог» (Pifer 2017: 300).

Сигнальные санкции

Референдум в Крыму и последовавшее включение полуострова в состав Российской Федерации кардинально изменил данный подход, и кризис в глазах Вашингтона вышел за рамки регионального и превратился в вопрос поддержания мирового порядка⁶. Администрация Барака Обамы оказалась в сложной ситуации: серьёзность нарушений со стороны России требовала решительных ответных мер, однако отсутствие непосредственной угрозы безопасности Соединённых Штатов исключало использование военной силы. Эту дилемму описал 26 марта сам американский президент в своей речи в Брюсселе: «Честно говоря, если мы будем трактовать наши интересы узко, если мы будем следовать холодному расчёту, нам бы следовало просто отвернуться. Наша экономика не имеет глубоких связей с украинской. Наши люди и наше отечество не стали менее безопасными после вторжения в Крым. Нашим границам ничего не угрожает после российской аннексии. Но подобное безразличие игнорирует уроки, написанные на могилах этого континента. Оно позволит старым порядкам закрепиться в этом молодом столетии. И это услышат не только в Европе, но в Азии, Америках, Африке и на Ближнем Востоке»⁷.

Из этих слов следует, что политика США была направлена на подачу сигнала о недопустимости такого поведения, нежели на принуждение России к его изменению. Соответственно, и принятые на данном этапе санкции были призваны подорвать «статус» России как ответственного игрока на международной арене. Реагируя на сообщения о появлении в Крыму российских военных, 1 марта Обама отменил участие в предстоящем саммите «группы восьми» в Сочи, а также предупредил, что «дальнейшее нарушение международного законодательства со стороны России приведёт к более значительной политической и экономической изоляции»⁸. 6 марта американский президент издал указ (Е.О. 13660⁹), провозгласивший «чрезвычайное положение» в связи с событиями на Украине, необходимое для введения санкций. 17 марта, через день после референдума, были заморожены активы 11 российских и украинских официальных лиц, что должно было «послужить сигналом России» о «будущих политических и экономических потерях», «если не будет восстановлена территориальная целостность Украины»¹⁰. Тогда же был издан президентский указ

⁶ Chomsky N. Red Lines in Ukraine and Elsewhere. *Truthout*. May 2, 2014. URL: <https://truthout.org/articles/noam-chomsky-red-lines-in-ukraine-and-elsewhere/> (accessed 17.12.2020).

⁷ Remarks by the President in Address to European Youth. *The White House*. March 26, 2014. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/03/26/remarks-president-address-european-youth> (accessed 17.12.2020).

⁸ Readout of President Obama's Call with President Putin. *The White House*. March 1, 2014. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/03/01/readout-president-obama-s-call-president-putin> (accessed 17.12.2020).

⁹ Executive Order 13660 – Blocking Property of Certain Persons Contributing to the Situation in Ukraine. *Federal Register*. Vol. 79, No. 46. March 10, 2014. URL: https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/ukraine_eo.pdf (accessed 17.12.2020).

¹⁰ FACT SHEET: Ukraine-Related Sanctions. *The White House*. March 17, 2014. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/03/17/fact-sheet-ukraine-related-sanctions> (accessed 17.12.2020).

(Е.О. 13661¹¹), расширивший сферу потенциальных наказуемых лиц до всего «ближайшего окружения» российского президента. 20 марта, за день до официального присоединения Крыма, был расширен список персональных санкций на «ближний круг» Владимира Путина, введены санкции в отношении банка «Россия», позиционируемого как «личный банк высшего руководства»¹².

На данном этапе санкционная политика ЕС, на первый взгляд действующего в унисон с США, уже начала проявлять черты отличия. Состоявшийся 6 марта экстренный саммит ЕС завершился осуждением России за «очевидное нарушение суверенитета и территориальной целостности Украины». Тогда же были приняты первые «дипломатические» санкции («Tier 1»): отменено участие европейских стран в саммите «группы восьми» в Сочи и прозвучали угрозы отмены двустороннего диалога по вопросам выдачи виз и нового соглашения о партнёрстве и сотрудничестве, ежегодно продлеваемого с 2007 г. При этом, однако, Брюссель сопроводил угрозу санкций предложением диалога: «ЕС дорожит отношениями и с Россией, и с Украиной и поэтому готов вести диалог с обеими странами в двустороннем или более широком многостороннем формате»¹³. 17 марта, реагируя на присоединение Крыма, ЕС начал вводить персональные санкции («Tier 2»), заморозив активы 21 гражданина России и Украины, причастных к «подрыву территориальной целостности Украины»¹⁴. В отличие от «бессрочных» американских санкций, действующих до окончания режима чрезвычайного положения, которое продлевается ежегодно простым извещением Конгресса, вопрос о европейских санкциях должен был выноситься на голосование всеми членами ЕС каждые шесть месяцев.

Такое различие санкционной политики США и ЕС связано не только с асимметрией экономических отношений с Россией (в 2012 г. торговый оборот между странами ЕС и Россией в 10 раз превышал российско-американский), но и с большей зависимостью ведущих экономик ЕС от торговли. В то время как в США на торговлю в 2013 г. приходилось 23% ВВП, для Великобритании данный показатель составил 43%, Франции – 45%, Германии – 70%¹⁵. Несмотря на сравнительно небольшую долю России в торговом обороте, сопровождающий санкции эффект бумеранга мог нанести гораздо больший вред европейской экономике, по сравнению с США (Menon, Charap 2015: 122-123).

¹¹ Executive Order 13661 – Blocking Property of Additional Persons Contributing to the Situation in Ukraine. *Federal Register*. 79(53). March 19, 2014. URL: https://home.treasury.gov/system/files/126/ukraine_eo2.pdf (accessed 17.12.2020).

¹² Treasury Sanctions Russian Officials, Members of The Russian Leadership's Inner Circle, And An Entity For Involvement In The Situation In Ukraine. *U.S. Department of the Treasury*. March 20, 2014. URL: <https://www.treasury.gov/press-center/press-releases/Pages/jl23331.aspx> (accessed 17.12.2020).

¹³ Extraordinary meeting of EU Heads of State or Government on Ukraine. *European Council*. March 6, 2014 URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/meetings/european-council/2014/03/06/> (accessed 17.12.2020).

¹⁴ COUNCIL REGULATION (EU) No 269/2014 of 17 March 2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine. *Official Journal of the European Union*. L 78/6. March 17, 2014. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2014:078:0006:0015:EN:PDF> (accessed 17.12.2020).

¹⁵ Merchandise trade (% of GDP) – United States, United Kingdom, France, Germany. *The World Bank*. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/TG.VAL.TOTL.GD.ZS?locations=US-GB-FR-DE> (accessed 17.12.2020).

Особенно отчётливо взаимозависимость европейской и российской экономик наблюдалась в энергетической (газовой) сфере: в 2014 г. 42% поставляемого в ЕС газа приходилось на Россию, и почти 53% российского газа продавалось на европейском рынке¹⁶.

Сдерживающие санкции

20 марта одновременно с персональными санкциями американский президент издал новый указ (Е.О. 13662¹⁷), наделявший его полномочиями по введению секторальных санкций. Формально это представляло собой качественное изменение санкционной политики и служило переходом от «сигнализирования» к «сдерживанию» России. При этом, однако, он не сопровождался чётко прописанными условиями введения и отмены, которые были подменены расплывчатой формулировкой: «Если Россия продолжит эскалацию ситуации (на Украине), то она столкнётся с очень серьёзными последствиями»¹⁸.

Недостатки такой амбивалентности проявились уже в апреле, когда на фоне начала волнений в восточных областях Украины американские военные заговорили о сосредоточении на границах российских войск, что воспринималось как признак скорой военной операции¹⁹. Более того, народные волнения Вашингтон, ссылаясь на косвенные доказательства, связал с вовлечением России, и, таким образом, обвинил её в «эскалации ситуации». Несмотря на растущее давление, Обама медлил с реализацией озвученных ранее угроз.

В апреле вопрос введения вторичных санкций разделил администрацию на два лагеря²⁰. Экономические советники Белого дома настаивали на том, что без Европы односторонние санкции не произведут должного эффекта и только навредят американскому бизнесу. Госдепартамент и Пентагон, напротив, утверждали, что Вашингтон должен показать пример и ввести санкции первым, что подтолкнет наиболее сомневающиеся страны ЕС (Larson 2018: 66). Президент, опасаясь, что такая разобщённость позволит России внести раскол в трансатлантические отношения, поддержал позицию первых (Pifer 2017: 305). Ставка

¹⁶ Siddi M. The EU-Russia Gas Relationship. *The Finnish Institute of International Affairs Briefing Paper* 183. October 2015. P. 4. URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/195367/bp183.pdf> (accessed 17.12.2020).

¹⁷ Executive Order 13662 – Blocking Property of Additional Persons Contributing to the Situation in Ukraine. *Federal Register*. Vol. 79, No. 56. March 24, 2014. URL: https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/ukraine_eo3.pdf (accessed 17.12.2020).

¹⁸ Background Briefing on Ukraine by Senior Administration Officials. *The White House*. March 20, 2014. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/03/20/background-briefing-ukraine-senior-administration-officials> (accessed 17.12.2020).

¹⁹ Gordon M.R. NATO Commander Says He Sees Potent Threat from Russia. *The New York Times*. April 2, 2014. URL: https://www.nytimes.com/2014/04/03/world/europe/nato-general-says-russian-force-poised-to-invade-ukraine.html?_r=1 (accessed 17.12.2020).

²⁰ Baker P., Chivers C.J. U.S. Weighs Harder Line on Russia than European Allies. *The New York Times*. April 28, 2014. URL: <https://www.nytimes.com/2014/04/28/world/europe/a-white-house-split-over-russia.html> (accessed 17.12.2020).

была сделана на угрозу введения секторальных санкций, которая должна была заставить Москву не только отказаться от военных действий, Россия также должна была прекратить «вмешиваться, влиять и финансировать вооружённых повстанцев, которые подрывают усилия украинцев провести реформы, укрепить демократию и улучшить экономику»²¹.

Опасения Барака Обамы были оправданными. По мере эскалации обстановки на востоке Украины перед ЕС встал вопрос о секторальных санкциях («Tier 3»), требующих консенсуса среди стран-членов, который оказался труднодостижимым. Так, за ужесточение давления на Россию активно выступили восточноевропейские союзники (Польша и страны Балтии), для которых сопровождавший украинские события нарратив противостояния «Запад – Восток» стал удобным поводом для увеличения собственной безопасности за счёт США. Тем не менее их амбиции сдерживали трудности, возникшие при проходившем под серьёзным давлением со стороны национального бизнеса обсуждении секторов экономики, на которые санкции будут нацелены.

Великобритания была готова поддержать санкции в военной сфере, однако выгодные контракты ВР делали её осмотрительной в отношении энергетического сектора. Данную позицию поддерживала итальянская нефтегазовая компания Eni²². Франция, заключившая в 2011 г. контракт о поставке ВМФ РФ двух вертолётоносных кораблей-доков проекта «Мистраль», в случае его расторжения могла лишиться сотен рабочих мест и была бы вынуждена выплатить штраф. Пожалуй, в самой сложной ситуации оказался Берлин, где в преддверии визита Ангелы Меркель в Вашингтон 2 мая 2014 г. «высшее руководство компаний оборвало телефоны официальных лиц, с призывами отказаться от мер, которые навредят их интересам в России»²³.

В таких условиях большая цена, которую был бы вынужден заплатить ЕС за переход к секторальным санкциям, диктовала более осмотрительный подход к их введению. После ряда шагов со стороны России по деэскалации (в конце мая Москва не признала референдумы в Донецке и Луганске и назвала президентские выборы 25 мая на Украине легитимными) европейские лидеры предприняли новую попытку запуска диалога. Состоявшийся 4-5 июня саммит «группы семи», призванный продемонстрировать изоляцию неприглашённой туда России, сопровождался празднованиями по случаю высадки союзных войск в Нормандии, в ходе которых, вопреки призывам американского президента и

²¹ Remarks by President Obama and President Komorowski of Poland in a Joint Press Conference. *The White House*. June 03, 2014. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/06/03/remarks-president-obama-and-president-komorowski-poland-joint-press-conf> (accessed 17.12.2020).

²² Oliver Ch., Fontanella-Khan J., Parker G. Wagstyl S. EU sanctions push on Russia falters amid big business lobbying. *Financial Times*. April 16, 2014. URL: <https://www.ft.com/content/352f4f5c-c57c-11e3-97e4-00144feabdc0> (accessed 17.12.2020).

²³ Karnitschnig M. German Businesses Urge Halt on Sanctions against Russia. *The Wall Street Journal*. May 1, 2014. URL: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052702303948104579535983960826054> (accessed 17.12.2020).

канадского премьер-министра²⁴, с Владимиром Путиным встретились главы Франции, Германии и Великобритании (Menon, Charap 2015: 121-122).

«Принуждающие» санкции

Таким образом, к июню стал очевиден разлад между трансатлантическими партнёрами относительно масштабов санкционного давления, и выбранный Обамой курс на многосторонние действия очевидно заходил в тупик. К этому добавилось возросшее внутривластное давление на администрацию.

На фоне высокого внимания к событиям на Украине, за которыми следило порядка 68% американцев²⁵, поиск подходящего ответа на действия России занял центральное место во внутривластных дебатах. Демонстрацией межпартийной поддержки новому украинскому правительству стало принятие закона «О поддержке суверенитета, целостности, демократии и экономической стабильности Украины», подписанного президентом 2 апреля. Изначально содержащий исключительно положения о предоставлении Киеву финансовой помощи, законопроект в ходе дебатов в марте был расширен, и финальная версия предоставляла президенту полномочия для введения санкции в отношении лиц, причастных к коррупции, подрыву стабильности и насилию в ходе протестов на Украине. Символический характер данного шага подчёркивает тот факт, что, несмотря на обязательный характер санкций, Барак Обама так ни разу и не воспользовался законом.

Однако, как отмечалось в докладе исследовательской службы Конгресса, к концу апреля законодатели пришли к выводу, что ограниченные санкции уже проявили свою несостоятельность в качестве сдерживающего фактора, и перед ними встала серьёзная проблема, что делать дальше²⁶. В мае на Капитолийском холме развернулась дискуссия по новому законопроекту S.2277 «Акт о предотвращении агрессии со стороны России от 2014 г.». В ходе заседания Комитета по международным делам Конгресса, состоявшегося 6 мая 2014 г., межпартийное противостояние, усиливавшееся в преддверии промежуточных выборов в Конгресс в ноябре 2014 г., вылилось в жёсткую критику сотрудников администрации со стороны сенаторов-республиканцев и не разделяемые демократами призывы к поставкам вооружения Украине²⁷.

²⁴ Blanchfield M. Harper, Obama Opposed Meetings with Putin, But Urged Tough Messages. *Huffington Post*. June 5, 2014. URL: http://www.huffingtonpost.ca/2014/06/05/stephen-harper-vladimir-putin-d-day_n_5450322.html (accessed 17.12.2020).

²⁵ Most Americans Paying Close Attention to Crisis in Ukraine. *Gallup*. March 11, 2014. URL: <https://news.gallup.com/poll/167828/americans-paying-close-attention-crisis-ukraine.aspx> (accessed 17.12.2020).

²⁶ Woehrel S. Ukraine: Current Issues and U.S. Policy. *Congressional Research Service*. May 8, 2014. P.16. URL: <https://www.refworld.org/pdfid/5375d3464.pdf> (accessed 17.12.2020).

²⁷ Rogers A. Senate Republicans Hammer Obama Officials on Ukraine. *Time*. May 6, 2014. URL: <https://time.com/90270/putin-obama-ukraine-russia-congress/> (accessed 17.12.2020).

Тезис об утрате Бараком Обамой инициативы во внешнеполитических вопросах был подхвачен американскими СМИ. «Политическая повестка дня ускользает из рук президента, – отмечал в начале июня журнал *Politico*. – Она всё больше диктуется республиканцами в Конгрессе и предвыборной борьбой за места в Сенате, в которой демократы не хотят видеть Обаму частью своих избирательных кампаний»²⁸. На фоне общего снижения рейтинга Барака Обамы особенно низкую оценку население страны давало его внешней политике (её одобряли всего 37%), при этом 54% американцев считали, что он «не способен быть лидером»²⁹. Таким образом, в условиях растущего внутривнутриполитического давления украинский кризис, превратившийся в риторику республиканцев в одно из основных направлений атаки, предоставил хорошую возможность продемонстрировать «лидерство» и «решительность» на международной арене.

Предприняв ещё одну безуспешную попытку убедить европейских союзников в ходе состоявшихся 14 июля телефонных переговоров с Ангелой Меркель, Франсуа Олландом и Дэвидом Кэмероном, Обама решил действовать в одиночку, и 16 июля Белый дом ввёл секторальные санкции, содержащиеся в четырёх Директивах, подготовленных Казначейством в рамках Е.О. 13662. В результате был ограничен доступ к американским рынкам компаниям «Роснефть», «Новатэк» (энергетический сектор), Газпромбанк, ВЭБ (финансовый сектор) и концернам «Калашников», «Алмаз-Антей», Конструкторскому бюро приборостроения (оборонный сектор)³⁰. Обосновывая данный шаг, администрация сослалась на возросшие поставки вооружений из России непризнанным республикам, сбитый 14 июля украинский транспортный самолет Ан-26 («только продвинутые системы вооружений могли сбить самолет на такой высоте») и захват «сепаратистами» 15 июля нескольких мостов. «Поэтому мы пришли к выводу, что Россия не только не стремится использовать дипломатические каналы для деэскалации ситуации, но наращивает поддержку сепаратистов», – заявили сотрудники администрации на пресс-брифинге 16 июля³¹.

Одновременно администрация призвала следить за проходящим в это время саммитом ЕС, на котором европейские лидеры должны были решить, каким образом поддержать американские санкции. Заключительное коммюнике встречи отчётливо продемонстрировало нежелание Европы следовать примеру

²⁸ Budoff Brown C., Epstein J. The Obama Paradox. *Politico*. June 4, 2012 URL: <https://www.politico.com/story/2014/06/the-obama-paradox-107304> (accessed 17.12.2020).

²⁹ NBC/WSJ Poll: Obama's Foreign Policy Rating Plummet, Even without Iraq. *NBC News*. June 18, 2014. URL: <https://www.nbcnews.com/politics/first-read/nbc-wsj-poll-obamas-foreign-policy-rating-plummet-even-without-133461> (accessed 17.12.2020).

³⁰ Ukraine-related Sanctions; Publication of Executive Order 13662 Sectoral Sanctions Identifications List. *U.S. Department of the Treasury*. July 16, 2014. URL: <https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/OFAC-Enforcement/Pages/20140716.aspx> (accessed 17.12.2020).

³¹ Conference Call by Senior Administration Officials on Ukraine. *The White House*. July 16, 2014. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/07/16/conference-call-senior-administration-officials-ukraine> (accessed 17.12.2020).

Вашингтона, и ЕС ограничился расширением существующих санкционных списков, прекращением финансирования по линии Европейского инвестиционного банка и ЕБРР, а также обещанием «до конца июля согласовать первый список физических и юридических лиц, включая лиц из Российской Федерации, в отношении которых будут применены расширенные [санкции – прим. автора]»³².

Важно подчеркнуть, что и решение о ведении секторальных санкций США, и саммит ЕС произошли до появления сообщений о сбитом малазийском «Боинге». Новости об этой трагедии, в результате которой погибло 298 человек, преимущественно граждан Евросоюза, кардинально изменили настроения в Европе.

29 июля, через две недели после США, ЕС ввёл секторальные санкции («Tier 3»), ограничив доступ к своим рынкам капитала для «российских финансовых институтов, принадлежащих государству», запретив торговлю оружием с Россией и поставки в Россию товаров двойного назначения, предназначенных для военного сектора, а также ограничив доступ России к чувствительным технологиям, «в особенности в нефтяной отрасли»³³. Одновременно с ЕС секторальные санкции расширил³⁴ Вашингтон, что позволило Бараку Обаме заявить о «тесной координации» и «мобилизации международной общественности»³⁵ и тем самым опровергнуть подхваченный в начале июля американскими СМИ тезис о серьёзных политических разногласиях между союзниками в отношении политики санкций³⁶.

Для США вводимые секторальные санкции были достаточно безболезненными, чтобы оставить их без чётких целей. Декларируемая задача «международной изоляции» России в наказание за нарушение международных норм и эскалацию ситуации на Украине не только оказалась труднодостижимой, но и не имела чётких параметров выполнения. Однако этого и не требовалось. В данном контексте для Вашингтона санкции так и не вышли за рамки демонстрации лидерства США в мобилизации международного ответа, что было достигнуто, когда к секторальным санкциям подключились ЕС, и реакции на внутривнутриполитический запрос по реализации «решительной» внешней политики, который пропал после проведения выборов в ноябре 2014 г.

Проявив символическую «решительность» в июле и сентябре 2014 г., когда секторальные санкции были расширены, администрация Обамы на фоне сме-

³² Special meeting of the European Council (16 July 2014) – Conclusions. *European Council*. July 16, 2014. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-147-2014-INIT/en/pdf> (accessed 17.12.2020).

³³ EU restrictive measures in view of the situation in Eastern Ukraine and the illegal annexation of Crimea. *Council of the European Union*. July 29, 2014. URL: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/EN/foraff/144159.pdf (accessed 17.12.2020).

³⁴ Announcement of Additional Treasury Sanctions on Russian Financial Institution and on a Defense Technology Entity. *Department of the Treasury*. July 29, 2014. URL: <https://www.treasury.gov/press-center/press-releases/Pages/jl2590.aspx> (accessed 17.12.2020).

³⁵ Statement by the President on Ukraine. *The White House*. July 29, 2014. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/07/29/statement-president-ukraine> (accessed 17.12.2020).

³⁶ Baker P., Kanter J. Raising Stakes on Russia, U.S. Adds Sanctions. *The New York Times*. July 16, 2014. URL: <https://www.nytimes.com/2014/07/17/world/europe/obama-widens-sanctions-against-russia.html> (accessed 17.12.2020).

щения внимания на события в Ираке и Сирии вернула Украину на прежнее периферийное место в системе национальных интересов. Это продемонстрировал визит украинского президента Петра Порошенко в Вашингтон 18 сентября, который «был символичен, но не имел существенных последствий»: «Несмотря на то, что он приехал сюда за поддержкой для своей армии – поддержкой, к которой в Конгрессе призывали не только республиканцы, но и демократы, а также за тем, чтобы администрация Обамы признала Украину в качестве “стратегического союзника”, позиция американских властей по этому вопросу осталась такой же, какой она была и до визита украинского лидера», – отмечал тогда почётный профессор Колумбийского университета Роберт Легвольд³⁷. Когда же после промежуточных выборов президентство Обамы вышло на финишную прямую, на которой его политический рейтинг уже не имел существенного значения, администрация фактически проигнорировала вступивший в силу 18 декабря Акт в поддержку свободы Украины, «рекомендовавший» расширение санкций и призывавший поставить летальное вооружение. В риторике Госдепартамента к этому времени закрепились идея о том, что уже введённые санкции наносят достаточный экономический удар по России, осталось только дожидаться, когда она неизбежно изменит своё поведение³⁸. На практике это проявилось в передаче инициативы по выстраиванию политики санкционного давления в руки европейских партнёров, и впоследствии США «в нехарактерной для себя манере следовали, по крайней мере хронологически, за ЕС в принятии новых мер» (Moret et al. 2016: 31).

Совсем иная ситуация наблюдалась в Европе. Называя секторальные санкции «вынужденной» и «неизбежной» мерой³⁹, Брюссель оставил за рамками наиболее чувствительную для двустороннего экономического сотрудничества газовую сферу, а также разрешил реализацию уже заключённых контрактов в военной сфере. Более того, санкции предусматривали механизм продления, что оставило задел, хоть и пока не реализованный, для их отмены. Наконец, болезненность проводимой политики, обострившаяся после введения Россией ответных «продовольственных» санкций 7 августа, заставила искать пути решения украинского кризиса. Не отказываясь от риторической безапелляционной поддержки киевского руководства, Брюссель сел с Москвой за стол переговоров в рамках запущенного 26 августа так называемого «минского процесса» с целью определить дорожную карту разрешения кризиса, при реализации которой санкции могут быть сняты.

³⁷ Савченко Ю. Порошенко в США: американский взгляд. *Голос Америки*. 20.09.2014. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/poroshenko-in-the-us-american-perspective/2456174.html> (дата обращения 17.12.2020).

³⁸ Solo Press Availability at NATO Headquarters of John Kerry in Brussels, Belgium. *U.S. Department of State*. December 2, 2014. URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2014/12/234613.htm> (accessed 17.12.2020).

³⁹ Merkel says new EU sanctions against Russia were unavoidable. *Reuters*. July 29, 2014. URL: <https://in.reuters.com/article/us-ukraine-crisis-merkel/merkel-says-new-eu-sanctions-against-russia-were-unavoidable-idUSKBN0FY20Y20140729> (accessed 17.12.2020).

Санкционная политика США в отношении России в 2014 г. имела чётко выраженную динамику. Спровоцированный присоединением Крыма, воспринимаемым как грубое нарушение мирового порядка, ответ Вашингтона заключался в наращивании санкционного давления на Москву, которое, достигнув пика с введением секторальных санкций, было заморожено на текущем уровне. Традиционные подходы к введению санкций, связывающие степень давления с поведением объекта, не способны объяснить, почему, несмотря на примирительные шаги Москвы в мае, американская администрация продолжала настаивать на расширении санкций, а в декабре, несмотря на продолжающийся конфликт на востоке Украины, пошла против Конгресса, проигнорировав требования дальнейшей санкционной эскалации.

Однако поведение администрации становится более логичным, если изменить угол зрения и определить в качестве ключевой движущей силы стремление США показать себя в качестве гаранта мирового порядка, способного мобилизовать союзников для коллективного ответа и наказать нарушителей. Запрос на такую демонстрацию определяется не столько действиями России, сколько внутриполитическим дискурсом, обострившимся в преддверии промежуточных выборов, а способность по реализации данного курса – готовностью «ведомых» следовать за лидером.

«Оценка мотивов ключевых групп, имеющих ресурсы для выполнения лидерских функций, глубинных политических факторов внутри страны и соотношение действий со стратегическими приоритетами оказывается второстепенным, по сравнению с перекрывающим всё императивом по ответу на сиюминутные настроения», – отмечал в 2014 г. Генри Киссинджер, описывая современное состояние мирового порядка (Kissinger 2014: 357).

Санкционное давление на Россию стало ярким примером данной тенденции, которая будет усилена после победы Дональда Трампа. Пропавший конструктивизм в отношениях с Москвой выльется с подачи проигравшей на выборах команды Хиллари Клинтон в маниакальный поиск «русских хакеров». Проявившаяся после введения секторальных санкций зависимость России от американской финансовой системы будет подкреплена агрессивной торговой политикой Трампа, и об избавлении от «диктатуры доллара» задумаются даже американские союзники⁴⁰. Принуждение Европейского союза к демонстрации единства «Западного мира» и следованию в фарватере американской политики при Трампе превратится в гиперболизированное требование «оплачивать услуги США по обеспечению безопасности».

В целом санкционная политика Обамы, в рамках которой отчуждение России стало самоцелью, а не инструментом решения международной проблемы, имела прямо противоположные результаты, и, как отметил в 2014 г. обладатель

⁴⁰ Johnson K. Europe's Dream: Escaping the Dictatorship of the Dollar. *Foreign Policy Magazine*. June 14, 2019. URL: <https://foreignpolicy.com/2019/06/14/europes-dream-escaping-the-dictatorship-of-the-dollar/> (accessed 17.12.2020).

Нобелевской премии по экономике Джозеф Стиглиц, привела к «созданию такого политического контекста, в котором Россия оказалась не аутсайдером, а частью команды, работающей над строительством новой глобальной архитектуры»⁴¹.

Об авторе:

Ольга Игоревна Ребро – старший эксперт Консалтингового агентства «Евразийские стратегии». Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: olgarebro@gmail.com

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (договор № 14.641.31.0002).

Received: October 10, 2020
Accepted: November 20, 2020

Signaling, Constraining and Coercing in US Sanctions Policy towards Russia in the Context of the Ukraine Crisis

Olga I. Rebro

[DOI 10.24833/2071-8160-2020-6-75-77-98](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-6-75-77-98)

«Eurasian Strategies» consulting agency

Abstract: The development of the US foreign policy tools in the 20th century resulted in sanctions becoming one of the most convenient means for achieving administration's goals on the international arena, as well as a useful tool in domestic politics. Institutionally established within the scope of the executive branch, buttressed by the US dominance in the world economy and viewed as a "humane" way of influencing foreign elites, it does not demand significant political capital and, as a result, can be implemented without deep strategic thinking.

Current US policy towards Russia is constrained by the framework of the sanctions regime, created by Barak Obama Administration in 2014. This regime is inherently inert and is likely to determine the scope and methods of the US policy towards Russia for the foreseeable

⁴¹ Web Special: Joseph Stiglitz on TTP, Cracking Down on Corporate Tax Dodgers & New BRICS Bank. *Democracy Now!* July 17, 2014. URL: https://www.democracynow.org/2014/7/17/web_special_joseph_stiglitz_on_ttp (accessed 17.12.2020).

future regardless of the priorities of the country's leadership. This article seeks to study the creation of the regime and explain the logic of decision-making process regarding this issue. Utilizing the approach of Francesco Giumelli, who developed a system of factors to explain the logic of a sanctions policy, the author shows that the US sanction policy towards Russia was framed by the desire to demonstrate the ability to mobilize international community and reaffirm its commitments to the security of the Eastern Europe. Low profile of the Ukraine issue on the US foreign policy agenda as well as low political cost of the escalation towards Russia resulted in sanctions becoming a substitute for a foreign policy strategy and were not accompanied by the analysis of the situation, determination of goals and the parameters for evaluating the success of the policy. The deficiency of such an approach is accentuated by the comparison with the European Union who paid a higher price for its sanctions and, despite a popular in Russia notion of a unified "West", not only resisted the will of the US, but acted as a deterrent for its actions.

Keywords: US sanctions policy, the logic of sanctions policy, coercing sanctions, constraining sanctions, signaling or symbolic sanctions, US-Russia relations, EU sanctions policy towards Russia, the Ukraine crisis

About the author:

Olga I. Rebro – senior analyst at «Eurasian Strategies» consulting agency. Russia, 119454, Moscow, prospekt Vernadskogo, 76. E-mail: olgarebro@gmail.com

Conflict of interest:

The author declares the absence of conflict of interest.

Acknowledgements:

Research is accomplished with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement № 14.641.31.0002).

References:

- Alexander K. 2009. *Economic Sanctions: Law and Public Policy*. London: Palgrave Macmillan. 359 p.
- Allen S.H. 2005. The Determinants of Economic Sanctions Success and Failure. *International Interactions*. 31(2). P. 117-138. DOI: 10.1080/03050620590950097
- Ang A.U-J., Peksen D. 2007. When do Economic Sanctions Work? Asymmetric Perceptions, Issue Salience, and Outcomes. *Political Research Quarterly*. 60(1). P. 135-145.
- Baldwin D.A. 1985. *Economic Statecraft*. Princeton University Press. 409 p.
- Baldwin D.A., Pope R.A. 1998. Evaluating Economic Sanctions. *International Security*. 23(2). P. 189-195.
- Bazoobandi S., Biersteker T., Connolly R., Giumelli F., Portela C., Secieru S., Seeberg P., Van Bergeijk P.A.G. 2015. *On Target? EU Sanctions as Security Policy Tools*. Ed. by Iana Dreyer and Jose Luengo-Cabrera. European Union Institute for Security Studies. 99 p.
- Coates, B.A. 2018. The Secret Life of Statues: A Century of the Trading with the Enemy Act. *Modern American History*. 1(2). P. 151-172. DOI: 10.1017/mah.2018.12
- Cortright D., Lopez G. 1999. Are Sanctions Just? The Problematic Case of Iraq. *Journal of International Affairs*. 52(2). P. 753-755.
- Dashti-Gibson J., Davis P., Radcliff B. 1997. On the Determinants of the Success of Economic Sanctions: An Empirical Analysis. *American Journal of Political Science*. 41(2). P. 608-618.

- Giumelli F. 2011. *Coercing, Constraining and Signalling: Explaining and Understanding International Sanctions after the End of the Cold War*. Colchester: ECPR Press. 226 p.
- Gosnell R. 2018. Economic Sanctions: A Political, Economic, And Normative Analysis. *International Relations and Diplomacy*. 6(3). P. 152-170. DOI: 10.17265/2328-2134/2018.03.002
- Hufbauer G., Schott J., Elliott K., Oegg B. 2009. *Economic Sanctions Reconsidered*. Third Edition. Peterson Institute for International Economics. 248 p.
- Jack D.T. 1940. *Studies in Economic Warfare*. London: P. S. King & Son, Ltd.. 178 p.
- Kissinger H. 2014. *World Order*. Penguin Books. 432 p.
- Kunz J.L. 1960. Sanctions in International Law. *The American Journal of International Law*. 54(2). P. 324-347.
- Larson D.W. 2018. Outsourced Diplomacy: The Obama Administration and the Ukraine Crisis. *Triangular Diplomacy among the United States, the European Union, and the Russian Federation*. Birchfield V., Young A. (eds.). Palgrave Macmillan, Cham. 241 p.
- Likhacheva A.B. 2019. Unilateral sanctions in a multipolar world: Challenges and opportunities for Russia's strategy. *Russia in Global Affairs*. 17(3). P. 109-131.
- Menon R., Charap E.B. 2015. *Conflict in Ukraine: The Unwinding of the Post-Cold War Order*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press. 240 p.
- Moret E., Biersteker Th., Giumelli F., Portela C., Veber M., Bastiat-Jaros D., Boboceca C. 2016. *The New Deterrent? International Sanctions against Russia over the Ukraine Crisis*. 43 p.
- Pape R.A. 1997. Why Economic Sanctions Do Not Work. *International Security*. 22(2). P. 90-136.
- Pestova A., Mamonov A. 2017. Should we Care? On the Economic Effect of Western Sanctions against Russia. *INFER 19th Annual Conference*. Bordeaux, 9 June.
- Pifer S. 2017. *The Eagle and the Trident: U.S.-Ukraine Relations in Turbulent Times*. Washington, D.C., Brookings Institute Press. 366 p.
- Pyke H.R. 1915. *The Law of Contraband of War*. Oxford: The Clarendon Press. 314 p.
- Sakwa R. 2016. *Frontline Ukraine: Crisis in the Borderlands*. I.B. Tauris & Co. Ltd. London, New York. 297 p.
- Solomon T. 2015. *The Politics of Subjectivity in American Foreign Policy Discourses*. University of Michigan Press. 246 p.
- Tama J. 2019. Forcing the President's Hand: How the US Congress Shapes Foreign Policy through Sanctions Legislation. *Foreign Policy Analysis*. 16(3). P. 397-416.
- Whang T. 2011. Playing to the Home Crowd? Symbolic Use of Economic Sanctions in the United States. *International Studies Quarterly*. 55(3). P. 787-801. DOI: 10.1111/j.1468-2478.2011.00668.x
- Zarate J.C. 2009. Harnessing the Financial Furies: Smart Financial Power and National Security. *The Washington Quarterly*. 32(4). P. 43-59. DOI: 10.1080/01636600903235890
- Ekimova N.A. 2018. Mezhdunarodnyesanktsii v otnosheniiRossii: neyavnyevygody [International Sanctions against Russia: Implicit Benefits]. *The World of New Economy*. 12(4). P. 82-92. DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-4-82-92. (In Russian)
- Fituni L.L. 2019. «Sanktsionnoe targetirovanie»: instrument vneshney politiki, nechestnoj konkurentсии ili global'nogo sotsial'nogo inginiringa? [Targeted Sanctions: a Tool of Foreign Policy, Unfair Competition or Global Social Engineering?]. *MGIMO Review of International Relations*. 3(66). P. 17-41. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-3-66-17-41. (In Russian)

Gurvich E., Prilepskiy I. 2016. Vliyanie finansovyh sanktsii na rossijskuyu ekonomiku [The Impact of Financial Sanctions on the Russian Economy]. *Voprosy Ekonomiki*. №1. P. 5-35. DOI: 10.32609/0042-8736-2016-1-5-35. (In Russian)

Knobel A.Yu., Bagdasaryan K.M., Loshchenkova A.N., Proca K.A. 2019. *Sanktsii: vser'yez i nadolgo* [Sanctions: Serious and Long-Term]. Moscow: Delo Publ. 80 p. (In Russian)

Politika sanktsii: tseli, strategii, instrumenty [Sanctions Policy: Goals, Strategies, Tools]. 2018. Timofeev I.N., Mahmutov T.A. (eds.) Khrestomatiya. RSMD. Moscow. 280 p. (In Russian)

Timofeev I.N. 2018. Economicheskie sanktsii kak politicheskoe ponyatie [Economic Sanctions as a Concept of Power Politics]. *MGIMO Review of International Relations*. 2(59). P. 26-42. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-2-59-26-42 (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Екимова Н.А. 2018. Международные санкции в отношении России: неявные выгоды. *Мир новой экономики*. 12(4). С. 82-92. DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-4-82-92

Гурвич Е.Т., Прилепский И.В. 2016. Влияние финансовых санкций на российскую экономику. *Вопросы экономики*. №1. С. 5-35. DOI: 10.32609/0042-8736-2016-1-5-35

Кнобель А.Ю., Багдасарян К.М., Лощенкова А.Н. Прока К.А. 2019. *Санкции: всерьёз и надолго*. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 80 с.

Политика санкций: цели, стратегии, инструменты: хрестоматия. 2018. [сост. И.Н. Тимофеев, Т.А. Махмутов]; Российский совет по международным делам (РСМД). Москва: НП РСМД. 280 с.

Тимофеев И.Н. 2018. Экономические санкции как политическое понятие. *Вестник МГИМО-Университета*. 2(59). С. 26-42. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-2-59-26-42

Фитуни Л.Л. 2019. «Санкционное таргетирование»: инструмент внешней политики, нечестной конкуренции или глобального социального инжиниринга? *Вестник МГИМО-Университета*. 3(66). С. 17-41. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-3-66-17-41

Новое лицо Евросоюза: феномен правого популизма на примере отдельных стран ЕС

Е.В. Хахалкина, К.П. Андреев, А.В. Мунько

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В настоящее время Европейский союз переживает болезненный переход в качественно новое состояние по ряду позиций: меняется внешний облик его жителей, происходят необратимые изменения в характере системных партий и действующих политических механизмов, и структур, усиливаются центробежные тенденции на фоне Брекзита и продолжающейся иммиграции. Все эти процессы как слабо очевидные, так и вызывающие широкий общественный резонанс, вывели на передний план политической жизни Евросоюза феномен правого популизма. Это явление стало реакцией как на внутренние, так и внешние вызовы для «Единой Европы». В статье ставится цель выявить составляющие природы правого популизма на примере отдельных стран Евросоюза, показать его угрозы и риски, а также пути для возможной минимизации его воздействия на все стороны жизни интеграционного объединения. Для реализации поставленной цели были привлечены программные документы политических (прежде всего, популистских) партий, данные о национальных и европейских выборах, материалы Евробарометра и других служб общественного мнения, выступления и интервью ведущих политиков и другие материалы. Методологический подход строится на принципах междисциплинарности и использовании сравнительно-типологического, функционального и структурно-диахронного методов. Обращение к цивилизационной концепции А.Дж. Тойнби может помочь в объяснении остроты иммиграционной проблемы в целом и сюжетов, связанных с исламофобией, в частности.

Структура статьи предусматривает изучение феномена правого популизма через такие переменные как отрыв элит от населения (включая еврократию и дефицит демократии), иммиграция (и исламофобия) и идентичность ЕС (и евроскептицизм). В качестве примера выступают Великобритания, Австрия, Германия, Италия, Испания, Франция, Швеция, страны Восточной Европы и другие. Были сделаны выводы о дуальной природе правого популизма, его возрастающем значении в отдельных странах Евросоюза и глубокой интегрированности в партийно-политический и парламентский механизм европейских демократий.

Ключевые слова: правый популизм, Европейский союз, дефицит демократии, иммиграция, исламофобия

УДК: 329.4

Поступила в редакцию: 23.12.2019 г.

Принята к публикации: 12.10.2020 г.

В мае 2019 г. британское издание «Проспект» вышло с таким заголовком «Готова ли Британия к премьер-министру-популисту?». Речь шла о нынешнем премьер-министре Б. Джонсоне, кампанию за лидерство которого называют самой популистской за всю историю Консервативной партии¹.

Страсти по Брекситу, не прекращающиеся уже более трёх лет, высветили глубокий раскол населения Соединённого Королевства по широкому спектру вопросов – от иммиграции до отношения к Европейскому проекту в целом. Брекзит как явление обнажил шаткость партийно-политической системы Великобритании: отсутствие единства внутри ведущих партий и острую потребность в осмыслении самой роли премьер-министра, функции которого регулируются традицией и прецедентным правом, ставшими уже недостаточными в изменившихся условиях.

Брекзит, превратившись в нарицательное понятие, является одним из звеньев в цепи вызовов внесистемного характера, с которыми в последнее время регулярно сталкивается Европейский союз и которые трудно поддаются прогнозированию, контролю и разрешению. Особое значение среди них имеет правый популизм, громко заявивший о себе в ряде стран Евросоюза и поразивший страны с высоким уровнем политического и экономического развития. Речь идёт об Австрии («Австрийская партия свободы» (АПС)), Бельгии («Новый Фламандский альянс» и «Фламандский интерес»), ФРГ («Альтернатива для Германии» («АдГ»)), Италии («Лига Севера» и «Движение пяти звёзд»), Испания (Vox), Швеции («Шведские демократы») и странах Восточной Европы – прежде всего, Польши («ПиС»), Чехии (ANO-2011, «За свободу и прямую демократию»), Венгрии (партия «Фидес», «Йоббик») и других.

В центре программ правопопулистских партий находятся такие вопросы, как борьба с коррумпированностью политических элит и местного истеблишмента, противопоставление правящим кругам по принципу «мы и они», а также определение общества как культурно-гомогенного целого (Falkner, Plattner 2018: 2). О росте популистских настроений в странах Евросоюза свидетельствуют и опросы общественного мнения. Согласно данным Европейского фонда прогрессивных исследований (FEPS) и венгерской организации Policy Solutions, в конце 2018 г. 30,3% вероятных избирателей в Европе были готовы проголосовать за популистскую партию. Годом ранее это соотношение составляло 26,5%². Этим данным вторит исследование британской газеты «Гардиан», согласно которому каждый четвёртый житель Европы предпочитает голосовать за представителей правых популистских партий, хотя ещё недавно в большинстве государств эти партии не представляли собой серьёзной политической силы³.

¹ Bloomfield S. Is Britain ready for a populist prime-minister? *Prospect*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prospectmagazine.co.uk/magazine/boris-johnson-populism-conservatives-far-right> (accessed 20.12.2020)

² The State of Populism in Europe 2018. *Policy Solutions*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.policysolutions.eu/en/news/484/the-state-of-populism-in-europe-2018> (accessed 20.12.2020)

³ Revealed: One in Four Europeans Vote Populist. *The Guardian*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/ng-interactive/2018/nov/20/revealed-one-in-four-europeans-vote-populist> (accessed 20.12.2020)

По итогам выборов в Европарламент (ЕП) в мае 2019 г., примечательных высокой явкой избирателей (более 50 %), четверть голосов получили популистские силы, что на 5% больше прошлых выборов 2014 г.⁴ Свыше 30% голосов получила накануне созданная «Партия Брекзита» Н. Фараджа, 11% голосов – «АдГ», 11,7% – «Фламандский интерес» и другие⁵. Правопопулистские силы влились в такие партии как «Идентичность и демократия», «Европа свободы и прямой демократии» и другие. Во Франции на первое место в Европарламент вышло крайне правое «Национальное объединение» (бывший «Национальный фронт»), сформулировавшее задачу в сотрудничестве с другими странами не покинуть ЕС, а трансформировать его изнутри «в пользу Европы свободных наций» (Клинова 2019: 37; Швейцер, Квашнин 2019: 151). В общей сложности 10% членов парламента, избранных на майских выборах, представляют крайне правые партии⁶.

Правый популизм усиливается в целом по Евросоюзу и в отдельных его регионах, в частности. Например, до 2018 г. чёткая и очевидная линия отделяла Средиземноморский регион с сильным влиянием в нём левопопулистских сил от остальной Европы. По итогам же указанного года стало ясно, что этого разделения больше не существует – правые популисты усилились в Италии и Испании, в то время как положение левых популистов либо осталось неизменным, либо ухудшилось⁷. Такой вектор развития соответствует наметившемуся в последние десятилетия движению «партий социал-демократов и консерваторов Европы (и Запада в целом) к политическому центру» (Семененко, Прохоренко 2015: 34-35). На их месте появляются новые политические силы гибридного типа, определить принадлежность которых становится затруднительно по причине пестроты их лозунгов и программ.

В данной статье выдвигается гипотеза о правом популизме как дуалистическом явлении. С одной стороны, он имеет ситуативный эффект – как реакция на резкое ухудшение базовых показателей стандартов жизни или её привычного характера (экономические трудности, включая безработицу и усиление имущественной дифференциации; вызовы иммиграции, дефицита демократии и другие), с другой стороны, стал органической частью демократических механизмов

⁴ European Elections Results Show Growing Split Over. *The New York Times*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2019/05/26/world/europe/european-elections-results.html> (accessed 20.12.2020)

⁵ EuropeanParliament 2019. Elections Results. *Bloomberg*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bloomberg.com/graphics/2019-european-parliament-elections/> (accessed 20.12.2020)

⁶ Far-right parties form new group in European Parliament [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dw.com/en/far-right-parties-form-new-group-in-european-parliament/a-49189262> (accessed 20.12.2020)

⁷ The State of Populism in Europe 2018. *Policy Solutions*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.policysolutions.hu/en/news/484/the-state-of-populism-in-europe-2018> (accessed 20.12.2020)

в странах Евросоюза.

Природа правого популизма

Природа популизма (в левом или правом его выражении) отличается подвижным характером. Авторы статьи разделяют тезис о «вирусном» характере популизма⁸, охватившего разные слои населения практически всех стран Евросоюза и глубоко внедрившегося в партийно-политический ландшафт «Единой Европы». Популизм как явление находит жизнь в естественно возникающих лакунах – между обещаниями демократии и невозможностью их полной и постоянной реализации. Этот разрыв между ожидаемым и реальным в странах Евросоюза в последние годы только усиливается, приобретая непредсказуемые формы развития.

Относительно устойчивыми маркерами правого популизма, при поправке на отсутствие чётко закреплённых в мировом экспертном сообществе характеристик, остаются антииммиграционная риторика и евроскептицизм. Неустойчивыми критериями в ряде стран можно считать экономические проблемы, имущественную дифференциацию и отрыв элит от населения. Политолог из Йельского университета П. Асланидис называет популизм «дискурсом» – «не набором убеждений», а способом разговора о политике, который формирует политику с точки зрения «верховенства народного суверенитета» (Aslanidis 2018). Исследователь из Австралийского католического университета Б. Моффитт рассматривает популизм как «политический стиль», наличие которого «очень мало говорит о демократическом содержании любого политического проекта» (Moffit 2013). Согласно определениям этого типа, главный вопрос не в том, является ли данный политический актор или группа политиков популистами, а как и с какими намерениями они «реализуют» популизм, и какое воплощение он находит в их конкретных действиях после прихода к власти.

Ниже в статье представлены кейсы понимания правого популизма через такие переменные, как отрыв элит от населения, иммиграция (в том числе исламофобия) и евроскептицизм (и отношение как к европейскому проекту в целом, так и европейской идентичности в частности).

Правый популизм, отрыв элит от народа и размывание значения демократии

В качестве одного из главных и наиболее существенных признаков правого популизма исследователи выделяют дихотомическое разделение между «элитами» и «народом», где первые действуют независимо от населения, опираясь преимущественно только на свои интересы (Мусихин 2009: 41; Рябов 2018: 46).

⁸ «We the people»: The Battle to define populism. *The Guardian*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/news/2019/jan/10/we-the-people-the-battle-to-define-populism> (accessed 20.12.2020)

Такое поведение правые популисты склонны представлять как безразличие политического и экономического истеблишмента в отношении стандартов и качества жизни населения (Баранов 2015: 29). В то же время народ в данном случае понимается как гомогенная аморфная масса, с общими целями и интересами, от лица которой ведётся (или не ведётся) диалог с руководством страны (Антонов, Корнева 2017: 5).

Для правых популистов характерны нападки на демократию как гражданский механизм и политический режим. Неудивительно, что в сложившейся общественно-политической лексике правый популизм противопоставляется демократии и имеет уничижительный оттенок. Однако следует заметить, что эти два понятия тесно связаны между собой – термин «популизм» происходит от лат. *populus* – «народ»; «демократия» – от древнегреч. «народ» и «власть», или «народовластие». Оба понятия, несмотря на их явную смысловую связь, по сути, противостоят друг другу. В этой логике срабатывает дихотомия «мы и они». Согласно одному из положений дискурсивной теории философов Ш. Муффа и Э. Лакло, «конфликт является неизбежной и определяющей чертой политической жизни» любого общества. По их мнению, демократия – это постоянная борьба между условными «нами» и «другими»⁹. Развивая данный тезис, Ш. Муфф подчёркивает, что как «только мы признаем антагонистическое измерение “политического”, мы начинаем понимать, что одна из главных проблем демократической политики состоит в том, чтобы попытаться разрядить потенциальный антагонизм, который существует в человеческих отношениях» (Mouffe 2016).

На практике «разрядке» такого антагонизма мешает потеря связей между политическими элитами и населением и противопоставление популистскими силами себя действующей власти и существующим парламентско-демократическим установкам, функционал которых популисты начинают подвергать сомнению. Как следствие, популизм (в его «правом» и «левом» значениях) воспринимается на официальном общественно-политическом уровне как безусловная угроза демократии, для противодействия которой создаются общественные и политические организации, сам факт существования и функционирования которых призван как бы дополнительно подчеркнуть «опасный» характер популизма. Например, бывший премьер-министр Великобритании от Лейбористской партии Т. Блэр в настоящее время возглавляет Институт глобальных изменений (IGC), созданный для «противодействия разрушительному воздействию популизма». В 2017 г. проведённое этой организацией исследование показало, что большинство популистских партий в Европе принадлежит к правому крылу: 72 из 102 в программных документах определяют себя как правых популистов (Eirmann et al. 2017: 13). Другая организация – «Хьюман Райтс Вотч» – в

⁹ Цит. по: «We the people»: The Battle to define populism. *The Guardian*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/news/2019/jan/10/we-the-people-the-battle-to-define-populism> (accessed 20.12.2020)

своём ежегодном отчёте за 2018 г. предостерегла мировые демократии от «капитуляции» перед «популистским вызовом»¹⁰.

Всплеск научного интереса к популизму относится к концу первого десятилетия нынешнего века. В 2004 г. голландский учёный К. Мюдде опубликовал работу «Популистский дух времени» (Mudde 2004), которая поначалу не привлекла широкого внимания научной и общественной аудитории и которую в 2005 г. процитировали только девять раз. После начала мирового финансового кризиса в 2008-2009 г. и роста популистских настроений, количество цитирований выросло кратно.

После того, как в 2017 г. Кембриджский словарь объявил популизм «словом года» К. Мюдде язвительно заметил в своей колонке в газете «Гардиан», что такая мода объясняется главным образом тем, что термин «часто плохо определяется и неправильно используется»¹¹. «Популизм, – утверждал Мюдде, – это больше, чем просто демагогия или оппортунизм. Но это не полностью сформировавшаяся политическая идеология, ... “тонкая” идеология, состоящая из нескольких основных убеждений. Во-первых, наиболее важным разделением в обществе является антагонистическое разделение между “людьми”, понимаемыми как принципиально хорошие, и “элитами”, понимаемыми как принципиально коррумпированные и не имеющие отношения к повседневной жизни. Во-вторых, все популисты считают, что политика должна быть выражением “всеобщей воли” – совокупности желаний, которые, как предполагается, разделяются как здравый смысл всеми “простыми людьми”»¹².

Левый популизм идёт рука об руку с правым популизмом, для которого характерным является направление социального протеста против иммигрантов как дешевой рабочей силы, тормозящей рост заработных плат для местного населения. Крах финансового рынка в 2008 г. привёл к появлению движений против жёсткой экономии, таких как левопопулистская Podemos в Испании, Syriza в Греции, левое движение протеста Оссиру в странах Евросоюза, Оссиру Wall Street и Tea Party Movement в США. Эти движения были направлены против узкой группы наиболее богатых людей, которые получали сверхдоходы.

С начала 2000-х гг. темпы иммиграции в развитые страны ЕС увеличились. В 2014-2016 гг. страны ЕС пережили самый внушительный за несколько десятилетий наплыв беженцев в связи с «арабской весной». Произошедшее наложение экономических проблем на пласт иммиграционных трудностей вызвало эффект «усталости» среднего класса от «проекта глобализации», в то время как именно рост среднего класса является основным показателем «устойчивости демократических систем национальных государств» (Сергеев и др. 2018: 138).

¹⁰ Baker P.C. «We the People»: the battle to define populism. *The Guardian*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/news/2019/jan/10/we-the-people-the-battle-to-define-populism> (accessed 20.12.2020)

¹¹ Цит. по: Baker P.C. «We the People»: the battle to define populism. *The Guardian*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/news/2019/jan/10/we-the-people-the-battle-to-define-populism> (accessed 20.12.2020)

¹² Ibid.

Исследователи, развивая и дополняя этот тезис, обращают внимание на последствия внедрения неолиберальной платформы, которую в своё время проводили в своих странах Р. Рейган, М. Тэтчер и Г. Шрёдер (Белинский 2018).

Комплекс принятых ими мер, направленный на активизацию и индивидуализацию рынка, подготовил почву для выхода или возвращения на политическую арену популистских партий, обозначавших в своих повестках борьбу с негативными последствиями проводимых реформ.

Среди них, например, усиление социального расслоения и выхолащивание демократических институтов, вызвавших «восстание против элит» (Белинский 2017: 9). Популисты использовали наметившиеся тенденции в своих интересах, прибегнув к вбросу громких привлекательных лозунгов, апеллирующих к чувствам и эмоциям электората, а не к рациональным доводам (Харкевич, Музалевский, Осколков 2018; Осколков 2019b; Белинский 2018: 8). В целом, в 2017 г. популистские партии в общей сложности набрали 24,1% голосов на местных выборах в странах ЕС, причём доля голосов, отданная за правопопулистские силы, составила почти 18% (в Восточной Европе 90% голосов были отданы таким партиям) (Eiermann et al. 2017: 13). Например, в Венгрии на фоне экономического кризиса продолжила набирать обороты правопопулистская партия «Фидес» во главе с В. Орбаном и активизировалась более радикальная партия «Йоббик», в идеологию которой входит резкая критика Евросоюза, его бюрократического аппарата и системы управления. На парламентских выборах 2014 г. «Фидес» набрала 66% голосов, «Йоббик» показала третий результат, набрав 11%¹³. На следующих выборах в 2018 г. правопопулистские силы сохранили свои позиции, сделав упор на защите христианских идей и европейской идентичности. Эта риторика обеспечила «Фидес» 49%, а «Йоббик» – 19% голосов¹⁴.

В Польше в силу географических и исторических аспектов, евроскептицизм направлен на критику самой идеи интеграции и репрезентации ЕС как «сверхгосударства». Критика Евросоюза содержится в программах самых разных политических сил, например, в 2019 г. в платформе правопопулистской партии «Конфедерация независимой Польши» провозглашалась необходимость усиления контроля за главными органами ЕС¹⁵. Также на примере Польши видны симптомы дефицита демократии внутри самой страны. Их наличие отражает борьба правопопулистских партий с коррупцией, судебным произволом и ограничениями деятельности СМИ¹⁶.

¹³ Országgyűlési képviselők választása 2014. április. 6 [Электронный ресурс]. URL: <https://static.valasztas.hu/dyn/pv14/szavossz/hu/150.html> (accessed 20.12.2020).

¹⁴ Országgyűlési képviselők választása 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.valasztas.hu/ogy2018> (accessed 20.12.2020).

¹⁵ Piątka Konfederacji. Program Konfederacji Wolności Niepodległość [Электронный ресурс]. URL: <https://konfederacja.net/wp-content/uploads/2019/09/KONFEDERACJA-Program-Wyborczy-Polska-dla-Ciebie.pdf> (accessed 20.12.2020).

¹⁶ Польша отказалась от судебной реформы по требованию ЕС [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/world/638869> (дата обращения: 20.12.2020); Суд ЕС обязал Польшу приостановить реализацию судебной реформы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/world/634180> (accessed 20.12.2020).

В Чехии проявлением дефицита демократии служит ситуация с главой партии АНО («Действия недовольных граждан») А. Бабишем, который стал премьер-министром, находясь под следствием по статье «растрата государственных средств»¹⁷. Нехватка демократии выражается также в усложнении бюрократической системы чешского государства и увеличении числа министерств, которые искусственно раздувают аппарат управления. В программах партий поднимается вопрос и о необходимости введения прямого голосования для большинства выборов (по аналогии с президентом республики), что свидетельствует о запросе общества на большую демократизацию внутри Чешской Республики.

Определённый недостаток демократии наблюдается и на уровне союза. Дело в том, что сам механизм принятия решений в Евросоюзе выстроен таким образом, что по ряду вопросов национальные государства вынуждены подчиняться воле Брюсселя, что вызывает сопротивление как у национальных элит, так и у населения. В Белой книге 2017 г., изданной к 60-летию подписания Римских договоров, акцентировалось внимание на таком феномене: в трудностях экономического, социально-политического или иммиграционного характера национальные правительства склонны винить Брюссель, в то время как достижения Евросоюза преподносятся как успехи национальных государств¹⁸.

К этому следует добавить проблему еврократии, которая выражается как в неизбежном увеличении бюрократического аппарата ЕС, так и замедлении принятия и выполнения решений. Европейская бюрократия уже два десятилетия фигурирует в отчётах социологической службы «Евробарометр» как одна из ставших «хроническими» проблем Евросоюза. Брюссель реагирует на этот вызов посредством развития «ассоциаций гражданского общества» для налаживания «диалога на уровне Евросоюза» (Лэйн 2012: 102-103). Однако такой курс приходит в столкновение с взглядом некоторых политических элит на демократию как таковую. По их мнению, «процессы демократизации общества» на практике ведут лишь к усилению «кризисных процессов в государстве» и общей дестабилизации обстановки внутри страны (Косов, Вовенда 2014: 172).

На фоне «дефицита демократии» популисты представляют себя в качестве рупора, транслирующего волю народа в борьбе с коррумпированными элитами (Mudde, Kaltwasser 2017: 2), причём в данном случае под элитами могут пониматься СМИ, правительство, экономическая и культурная верхушка стран. Они часто представляются как «однородная коррумпированная группа, чьи цели либо не совпадают, либо полностью противоречат общим потребностям» (Müller 2017: 12).

¹⁷ Kompletní obvinění zkauzy Čapí hnízdo: prostudujtesidůkazy, které spustilystíhání AndrejeBabiše *irozhlas.cz*. [Электронный ресурс]. URL: https://www.irozhlas.cz/zpravy-domov/babis-kompletni-sdeleni-obvineni-dukazy-capi-hnizdo-dokument_1909300600_cib (accessed 20.12.2020).

¹⁸ White Paper on the Future of Europe. Reflections and Scenarios for the EU27 by 2025 [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/white_paper_on_the_future_of_europe_en.pdf (accessed 20.12.2020).

Например, в одном из основных программных заявлений «АдГ» в рамках предвыборной кампании 2017 г. в Бундестаг содержалось обвинение коалиционных партий в формировании «политической олигархической верхушки», возникшей из политического объединения ХДС/ХСС. «АдГ» выдвигала требования пересмотра системы народного голосования и применения швейцарской выборной модели, суть которой заключается в возможности внесения законодательных инициатив избирателями, а также невозможности изменения статей конституции без одобрения народным голосованием. В частности, в документах партии особый акцент делался на том, что «демократия – это не документы, подписываемые в рамках маленьких коалиционных соглашений»¹⁹.

Критика ЕС содержится в программе правопопулистской «АПС». Евросоюз определяется в платформе как «центристский бюрократический молот», который угрожает суверенитету Австрии, а должен являть собой сообщество автономных «народов и отечеств»²⁰. На выборах в Бундестаг в 2017 г. «АПС» призвала к строительству плебисцитной демократии: «Прямая демократия – лучший путь для возвращения веры в политику и реализацию столь необходимых стране мер, которые уже долгое время блокируются определённой группой, использующей политическую систему в своих интересах»²¹.

Результаты последних независимых опросов демонстрируют запрос рядовых австрийцев на усиление демократизации: 83% считают, что соблюдение демократических принципов в стране является важной задачей нового правительства, 82% сходятся во мнении о необходимости реформ в сфере юстиции. Другим немаловажным фактором является реакция на разрыв между взглядами на государственное устройство со стороны рядовых граждан и правящей политической элиты – 61% опрошенных считает, что данный разрыв оказывает существенное влияние на политическую и экономическую обстановку в стране, 58% считают, что стране необходим новый сильный лидер во главе правительства²².

Аналогичных взглядов придерживаются и «Шведские демократы», которые рассматривают понятия «демократия» и «народ» как действующие только в связке: по их мнению, функционирующая демократия – это народ с сильной культурной и национальной идентичностью, которую следуют защищать от массовой иммиграции²³.

¹⁹ Programm für Deutschland. Wahlprogramm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum Deutschen Bundestag am 24. September 2017 [Электронный ресурс]. URL: https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2017/06/2017-06-01_AfD-Bundestagswahlprogramm_Onlinefassung.pdf (accessed 20.12.2020)

²⁰ Österreicher verdienen Fairness. Freiheitliches Wahlprogramm zur Nationalratswahl 2017 [Электронный ресурс]. URL: https://www.fpo.e.at/fileadmin/user_upload/Wahlprogramm_8_9_low.pdf (accessed 20.12.2020)

²¹ Österreicher verdienen Fairness. Freiheitliches Wahlprogramm zur Nationalratswahl 2017 [Электронный ресурс]. URL: https://www.fpo.e.at/fileadmin/user_upload/Wahlprogramm_8_9_low.pdf (accessed 20.12.2020)

²² ÖGfE-Umfrage: EU und demokratische Werte – Was die Ungarn und Österreicher eint und trennt [Электронный ресурс]. URL: https://oefge.at/2018/04/hu_at_umfrage/ (accessed 20.12.2020)

²³ Vi väljer välfärd. Sverigedemokraternas valmanifest – valet 2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://sd.se/wp-content/uploads/2014/08/Valmanifest.pdf> (accessed 20.12.2020)

Эксперты справедливо отмечают, что развитие демократии «во многом носит субъективный характер, и, в первую очередь, укрепляет власть политическими элитами и лидерами». В истории практически всех стран Евросоюза случались эпизоды, когда именно парламентско-демократический механизм позволял безболезненно, легальным путём при поддержке большинства, прийти к власти праворадикальным силам. Поэтому демократия во многих государствах является зачастую «искусно воссозданной формой скрытой тирании» (Косов, Вовенда 2014: 173).

Даже если оставить в стороне такую крайнюю точку зрения, объективное возрастание ожиданий населения от демократии, усложнение её понимания как политического режима и гражданского механизма усиливает трудности регулирования интересов разных стран внутри Европейского союза и их соотнесения с потребностями самого объединения. Брюссель пытается достигнуть «консенсуса ... позиций вокруг общего видения и текущих приоритетов развития между теми группами интересов, которые считают себя в выигрыше от интеграции, и теми, кто числит себя проигравшими», что в результате приводит к нарастанию «конфликтной европеизации» массовой политики (Семененко, Прохоренко 2015: 30).

Именно этот пласт трудностей создает благодатную почву для проявлений правого популизма в формате «новых протестных партий гибридного типа». Например, усиление влияния в Европарламенте таких партий как Партия независимости Соединённого Королевства (ПНСК) на выборах 2014 г. и фактической её преемницы Партии Брекзита под руководством Н. Фараджа в 2019 г., создаёт ситуацию, при которой решения подобных правопопулистских сил, принятые на уровне ЕС, вынуждены выполнять национальные правительства. Такое положение дел провоцирует возникновение кризисов, подобных Брекзиту.

Опасность популизма в данном случае кроется в размывании представлений о традиционных демократических партиях, которые в ответ на угрозу популизма начинают заимствовать его лозунги, подретушировав их и встроив в свои избирательные платформы. Такая ситуация привела к тому, что «разделение на “правых” и “левых” не отражает современных реалий потому, что стирается роль идей и идеологий, их вытесняют сиюминутные политические предпочтения и актуальная социальная повестка» (Семененко 2019: 17).

В Брюсселе, понимая наличие указанных проблем, проводят анализ общественного мнения по названным показателям. Например, по данным «Евробарометра» 2004 г., когда состоялось самое масштабное расширение ЕС, именно «новички» указали бюрократию в качестве «побочного продукта» Евросоюза – 27 % против 22% из ЕС-15²⁴. В 2010 г. произошло незначительное снижение значимости этого показателя – до 21% опрошенных²⁵.

²⁴ Eurobarometer Spring 2004 [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb61/eb61_en.pdf (accessed 20.12.2020)

²⁵ Eurobarometer 74. Autumn 2010 [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb74/eb74_publ_en.pdf (accessed 20.12.2020)

В последующие годы бюрократия, что симптоматично, уже не фигурировала в качестве самостоятельного элемента в «Евробарометре», уступив место другим более значимым, с точки зрения Еврокомиссии, элементам, ослабляющим единство Союза. Среди других переменных для выявления общественного мнения выступает задаваемый службой «Евробарометра» вопрос о том, как жители стран Евросоюза оценивают влияние голоса своей страны при принятии решений на уровне объединения. По данным «Евробарометра» за 2009 г., когда большинство стран уже ощутили на себе влияние экономического кризиса, на 8% (с осени 2008 г.) до 53% увеличилась доля тех респондентов, по мнению которых голос их страны не учитывается на уровне ЕС²⁶.

Тройку стран, в которых отмечен такой результат, представляют Великобритания (19%), Чехия (22%) и Румыния (24%); среди стран с обратным результатом Дания (65%), Швеция (58%) и Нидерланды (56%)²⁷. Экономические трудности, помноженные на традиционный скептицизм (Великобритания) и трудности вступления и адаптации (Чехия, Румыния и другие) обусловили отмеченные итоги, однако, увеличение пропорции тех граждан, которые указали на «разрыв» интересов Брюсселя и их национальных государств, представляется показательным.

Концепт демократии в динамике в указанной социологической службе Евробарометра в целом вызывает стабильную поддержку населения. Например, осенью 2013 г. респонденты назвали «демократию» третьей по значимости ценностью (30%), связанной с Европейским союзом, хотя позиции этого элемента стали на 7% ниже по сравнению с весенним опросом 2012 г.²⁸ В 2018 г. «демократия» получила 27%²⁹, что продемонстрировало устойчивый, но невысокий уровень поддержки этой ценности населением ЕС.

Согласно предварительным данным «Евробарометра» за 2019 г., ситуация заметно изменилась. 55% европейцев заявили, что они удовлетворены тем, как работает демократия. Это самый высокий показатель с осени 2004 г., в то время как число «неудовлетворённых» сократилось до 36%³⁰. Хотя рост наметился не только по обозначенному, но и по другим показателям ЕС, с уверенностью констатировать преодоление Евросоюзом кризисных тенденций в этой области возможно только в динамике.

²⁶ Eurobarometer 71. Public Opinion in the European Union. 2009 [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb71/eb71_std_part1.pdf (accessed 20.12.2020)

²⁷ Ibid.

²⁸ Standard Eurobarometer 80. Autumn 2013. European Citizenship [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb80/eb80_citizen_en.pdf (accessed 20.12.2020)

²⁹ Standard Eurobarometer 89. Spring 2018. European Citizenship [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_18_4148 (accessed 20.12.2020)

³⁰ Spring 2019 Standard Eurobarometer: Europeans upbeat about the state of the European Union – best results in 5 years. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_19_4969 (accessed 20.12.2020)

Правый популизм, иммиграция и исламофобия

На сегодняшний день антииммиграционная риторика является ведущим двигателем правопопулистской пропаганды и отражает возросшую значимость фундаментального противопоставления в контексте «мы и они». Популисты критикуют национальные власти и Брюссель, обвиняя их в «необдуманной» иммиграционной политике и попытках заработать голоса за счёт приезжих (Yimlaz 2012) и требуя «сплотить ряды» перед «противником» (Осколков 2019а: 85; Функе, Ренсманн 2004: 76).

Проблема иммиграции является одной из важнейших для стран Евросоюза и находится как в плоскости ограничения и регулирования потоков въезжающих людей (и определении предпочтительности их квалификации для экономики страны и численности с точки зрения демографических трудностей), так и в плоскости интеграции мигрантов. Продолжающийся приток мигрантов вызывает негативную реакцию населения – от враждебно сдержанной до агрессивно-воинственной. Согласно одному из отчётов социологической организации Nat Cen, более четверти британцев, например, признают, что они имеют «расовые предрассудки» и, как отмечается в докладе, эта цифра, скорее всего, занижена, учитывая, что «предубеждение обычно не воспринимается как положительная характеристика»³¹. Более того, 40% британцев считает, что некоторые этнические группы «рождаются менее трудолюбивыми», а каждый пятый убеждён, что они «рождаются менее умными»³².

Иммиграция вызывает культурные проблемы и проблемы безопасности, а также страх перед массовым перемещением. Диспропорции в экономическом и демографическом развитии Севера и Юга, и, как следствие, усиление миграционных потоков актуализируют вопросы, связанные с будущим ЕС (Седлов 2016: 18-19). Особое неприятие, транслируемое посредством правопопулистских лозунгов и риторики, вызвано ростом численности мусульманского населения. Эксперты даже призывают сделать антиисламскую риторику одним из маркеров правого популизма (Hamid 2019).

Следует заметить, что от антиисламских настроений страдают не только страны с выраженным колониальным прошлым, но и достаточно гомогенные государства (Eatwell, Goodwin 2018: 113). Так, если в 2010 г. численность лиц иностранного происхождения, исповедующих ислам, в странах ЕС составляла 3,8% от общего состава населения союза, то в 2016 г. – 4,9%³³. Такой рост количества иммигрантов объясняется последствиями «арабской весны»: беспорядки

³¹ Bloomfield S. Is Britain ready for a populist premier-minister? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prospectmagazine.co.uk/magazine/boris-johnson-populism-conservatives-far-right> (accessed 20.12.2020)

³² Ibid.

³³ Europe's Growth Muslim Population [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pewforum.org/2017/11/29/europes-growing-muslim-population/> (accessed 20.12.2020)

и боевые действия в странах Ближнего Востока вызвали массовую эмиграцию. Это, в свою очередь, добавило утечку квалифицированных кадров в развитые европейские страны к существовавшим проблемам региона (безработица, низкий уровень жизни, экологические проблемы и др.).

В сознании европейцев сложился и укоренился ряд страхов, связанных с исламом и выходцами из арабских стран, исповедующих эту религию. К таковым относится её восприятие как воинствующей религии, угрожающей потерей национальной идентичности, усилением социально-экономических трудностей и увеличением проблем безопасности. В политический и общественный обиход в странах ЕС вошёл термин «социальный туризм», применяемый к тем категориям граждан, которые не работают, а живут на пособия. Реакция общества и неспособность или невозможность самих иммигрантов включиться в принимающее сообщество приводят к их маргинализации, в том числе через методичную и последовательную дискредитацию их образа, несмотря на господствовавшую в странах ЕС в течение длительного времени концепцию мультикультурализма.

Мультикультурализм был направлен на социализацию в европейском сообществе представителей разных этнических и религиозных групп на основе принципов взаимного уважения и свободы совести (Канарш 2011: 36). В реальности такой подход привёл к созданию «общества в обществе» или феномену «самосегрегации». Мигранты не чувствовали необходимости интегрироваться, так как общались с единоверцами на родном для них языке, работали у «своих», посещали «свои» кафе и магазины, свободно исповедовали свою религию, придерживались своих традиций, постоянно держали связь с родиной посредством технических средств и социальных сетей (Абдулрахман 2012: 44). Доступные же мигрантам преимущества европейского образа жизни часто оказываются недостаточной компенсацией за физический разрыв с родной культурой. Например, в Великобритании 70% мусульманских женщин – это безработные, во Франции, если женщины носят платок, то им сложно получить работу в государственных учреждениях из-за запрета на ношение «заметных религиозных символов» (Hamid 2019). Происходит разрыв между невозможностью полностью отказаться от своих религиозных практик мигрантами мусульманского происхождения и способностью европейских государств принять эти нормы на юридическом и ценностном уровне.

Острота и важность иммиграционной проблемы актуализирует возможность обращения к теории «вызов-ответ» британского историка и философа А.Дж. Тойнби. В этой концепции выделяются такие этапы развития цивилизации как генезис, рост, надлом и упадок. Движущей силой развития является ситуация «вызова», с которой «творческое меньшинство» должно справиться, то есть найти «ответ» для дальнейшего развития своей культуры. Если наплыв мигрантов рассматривать как «вызов» Западной цивилизации, то современная ситуация может выступать как непосредственный поиск «ответа» «творческим меньшинством» или евроэлитой, благодаря которому общество движется впе-

рѣд, пока не встретит очередной «вызов». На данный момент всплески антииммиграционных настроений и исламская радикализация молодежи в отдельных странах ЕС являются показателем того, что «ответ» на такой серьёзный «вызов» для европейской цивилизации пока ещё не найден. Это объясняется во многом тем, что «творческое меньшинство» как движущая сила развития ещё не сформировалось.

Прибытие же новых беженцев, несмотря на спад их численности в последние годы, не всегда находит понимание и оправдание в глазах европейского населения. Отчасти сохраняющееся неприятие объясняется медленной социализацией мигрантов, которой дополнительно препятствуют культурные «установки» самих мигрантов. Так, отказ от социализации и агрессивное поведение по отношению к принимающей стороне можно рассматривать как «ответ» или «мсть» европейским странам, лидеры которых поддержали военные действия на территории Ближнего и Среднего Востока (Добаев 2008: 137-138; Захарова 2018: 249).

Европейские страны отреагировали на происходящие процессы не только отказом от мультикультурной стратегии, но и смещением акцентов в миграционной политике с «либеральных принципов и предпочтений» (Седлов 2016: 18-19) к защитным методам регулирования миграции и ужесточению политики по получению пособий. Такой курс вряд ли сможет дать ожидаемый эффект в краткосрочной перспективе, но в средне- и долгосрочной динамике изменения возможны, однако, на фоне демографических проблем в странах ЕС предсказать их темпы и характер является труднодостижимой задачей.

В 2017 г. Еврокомиссия провела специальное исследование, опубликованное под названием «Интеграция иммигрантов в Европейском союзе»³⁴. Согласно его результатам, только 37% европейцев считают, что «хорошо осведомлены о вопросах, связанных с иммиграцией и интеграцией». Респонденты также склонны переоценивать число иностранцев из стран, не входящих в ЕС: в 19 из 28 государств-членов оценочная доля иммигрантов вдвое превышала фактическую долю, а в некоторых странах это соотношение оказалось намного выше³⁵.

Отчёт зафиксировал также наличие предрассудков против мигрантов. В среднем по ЕС, 23% опрошенных заявили, что не хотели бы иметь дело с иммигрантом-менеджером, 23% – как с членом семьи, 20% – как с врачом, 18% – как с соседом, 14% – как с коллегой, 14% – как с другом. Наиболее сильными эти предрассудки оказались в Венгрии (73%), Болгарии (67%) и Чехии (64%)³⁶.

³⁴ Special Eurobarometer 469. Integration of immigrants in the European Union [Электронный ресурс]. URL: file:///T:/Users/%D1%87%D0%B8%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C/Downloads/ebs_469_en.pdf (accessed 20.12.2020)

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid.

Такое критическое отношение к иммигрантам в странах Восточной Европы, в которых доля иностранцев крайне низка³⁷, связано как с последствиями введения системы квот при попытке разрешить миграционный кризис в 2015 г., так и с попытками руководством этих стран играть на сложившейся ситуации в своих интересах. Например, в Венгрии на парламентских выборах 2010 г. «Фидес» успешно разыграла антииммиграционную карту наряду с националистической риторикой о великой Венгрии. В последующий период лидер партии и страны В. Орбан продолжил акцентировать христианские ценности как интегрирующий фактор не только венгерского населения, но и «Единой Европы»³⁸. Из такой установки следует оградительная и антииммиграционная политика венгерского государства. Мигранты репрезентируются в обществе как фактор, который при определённых обстоятельствах способен разрушить мирную повседневность страны. Показательным является строительство стены на границе с Сербией в самый пик миграционного кризиса в 2015 г. и возведение новых заграждений в 2017 г.³⁹.

В Чехии миграционный вопрос также вызывал острую реакцию руководства и населения. Война в Сирии и общая напряжённость в регионе Ближнего и Среднего Востока вызвала наплыв мигрантов. В середине 2015 г. в стране прошла серия пикетов и маршей протеста. Одной из громких акций стал баннер футбольной команды «Яблонец», в которой в метафоричной форме транслировался призыв к репатриации мигрантов (Терновая, Багаева 2016: 294). Доминирующие в парламенте правопопулистские партии разной степени радикальности занимают резко негативную позицию в отношении иммиграции. В частности, АНО декларировало закрытие границы в качестве главной меры по урегулированию миграционной проблемы⁴⁰. Другая правопопулистская партия «СПД» в программе 2018 г. заявляла об опасности для чешской нации со стороны иммигрантов, а также призывала к полному отказу от принятия беженцев, обосновывая это возможностью создания «пятой колонны» в рядах прибывающих сирийцев⁴¹.

В Польше проблема мигрантов стоит не так остро. Хотя в силу географического положения страны основные потоки миграционного кризиса 2015 г. не оказали существенного влияния на внутреннюю жизнь страны, правопопу-

³⁷ По данным Евростата, в 2017 г. в Чехии насчитывалось 51 тыс. мигрантов, в Венгрии – 68 тыс. мигрантов, в Польше – 209 тыс. иностранцев. Immigration by age group, sex and citizenship [Электронный ресурс]. URL: https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=migr_imm1ctz&lang=en (accessed 20.12.2020).

³⁸ Orbán Viktor beszéde a keresztényüldözésről szóló nemzetközi konferencián [Электронный ресурс]. URL: <http://www.miniszterelnok.hu/orban-viktor-beszede-a-keresztenyuldozesrol-szolo-nemzetkozi-konferencian/> (accessed 20.12.2020).

³⁹ Hungary plans new border fence to stop migrants [Электронный ресурс]. URL: <https://www.euronews.com/2017/02/27/hungary-plans-new-border-fence-to-stop-migrants> (accessed 20.12.2020).

⁴⁰ TednebonikdyTenediný program, kterýpotřebujete [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20180912131308/https://www.anobudelip.cz/cs/volby/program/> (accessed 20.12.2020).

⁴¹ Politickýprogram SPD. *spd.cz*. [Электронный ресурс] URL: <https://www.spd.cz/program> (дата обращения: 20.12.2020).

листские силы пытаются играть на этом вопросе. Так, в программе коалиции «Свобода и независимость» содержались призывы к ограничению потока иммигрантов, их ассимиляции в польском обществе и резкая критика мультикультурализма⁴².

Что касается исламского фактора, то мусульманская община в Польше традиционно одна из самых малочисленных в Европе (35 тыс. верующих или 0,1% от всего населения⁴³), поэтому в польской культурной памяти не сложилось резко отрицательной коннотации по отношению к представителям ислама. Более того, доминирование католической церкви на территории Польши сыграло важную роль в процессе урегулирования миграционного кризиса 2014-2016 гг. В отличие от других европейских стран, в Польской Республике прислушались к Ватикану и призыву Папы Римского Франциска к мирному урегулированию конфликта и помощи беженцам. В частности, ряд епископов Римской церкви принимали в своих домах мигрантов, пытаясь наладить связи между приезжими и местным населением (Шабацюк 2018: 97).

Однако на фоне резкого увеличения беженцев в 2015 г. изменилось отношение к ним со стороны населения. Если мае 2015 г. только 14% респондентов выступали за приём беженцев, а 58% давали согласие на предоставление им временного убежища, то в январе 2016 г. рейтинг социального доверия к нелегалам резко упал: их были готовы принять только 4% респондентов и 37% считали возможным временное пребывание мигрантов на территории Польши (Шабацюк 2018: 94).

В странах Евросоюза со значительным процентом иностранного населения ситуация обстоит несколько иначе. Например, в Великобритании ПНСК с самого начала своего существования выступала против иммиграции не в связи с мусульманским фактором как таковым, а увязывала выход из Евросоюза с выходом из миграционной политики ЕС в целом. С этим же тезисом выступал лидер Консервативной партии Д. Кэмерон, перехвативший этот популярный среди населения лозунг и использовавший его в качестве одного из аргументов в решении о проведении референдума о Брекзите.

Следует заметить, что традиционные партии Великобритании уже не первый год выступают с требованиями сокращения темпов миграции и привлечения в страну не низко-, а высококвалифицированных кадров, однако, в целом стараются воздерживаться от праворадикальных лозунгов. Хотя встречаются исключения: например, в преддверии парламентских выборов 2001 г. лидер Консервативной партии У. Хейг позволил себе ряд двусмысленных высказываний (например, что Британия становится «чужой страной»⁴⁴), которые вызвали

⁴² Piątka Konfederacji. Program Konfederacji Wolności Niepodległość [Электронный ресурс]. URL: <https://konfederacja.net/wp-content/uploads/2019/09/KONFEDERACJA-Program-Wyborczy-Polska-dla-Ciebie.pdf> (accessed 20.12.2020).

⁴³ Bayrakli E., Hafez F. European islamophobia report 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www.islamophobiaeurope.com/reports/2015/en/EIR_2015_POLAND.pdf (accessed 20.12.2020). P. 426.

⁴⁴ Hague's foreignland' speech. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2001/mar/04/conservatives.speeches> (accessed 20.12.2020)

обвинения его в расизме и нативизме⁴⁵. В 2009 г. действующий тогда премьер-министр Г. Браун пообещал «британские рабочие места для британских рабочих», – лозунг, ранее встречавшийся на листовках крайне правой Британской национальной партии.

При этом следует заметить, что у правых партий Соединённого Королевства практически нет шансов на получение значительного количества мест в Палате общин из-за существующей в стране мажоритарной системы, которая, согласно закону Дюверже (Duverger 1972), ведёт к двухпартийности. По итогам выборов 2015 г. ПНСК провела в Палату общин всего лишь одного депутата, хотя набрала почти 4 млн голосов. В 2017 г. поддержка партии заметно снизилась (по причине ухода с поста лидера Н. Фараджа, заявившего, что он выполнил свою миссию, имея в виду итоги референдума 23 июня 2016 г.) – за неё проголосовало 600 тыс. чел., но в Палату общин провести депутатов не удалось⁴⁶.

Партия Брекзита, созданная в начале 2019 г. как фактическая преемница ПНСК, шла на недавние выборы в Европарламент с привлекательной программой правопопулистского толка. Лидер партии Н. Фарадж выступил с активной социальной повесткой, увязав её с миграционным курсом. С одной стороны, он сформулировал задачу «покончить с нелегальной иммиграцией и ограничить легальный въезд до 50 тыс. чел. в год», с другой стороны, предложил создать систему «справедливых баллов» при оплате труда, «слепой к этническому происхождению» и обеспечивающей «гуманный приём для настоящих беженцев»⁴⁷.

В ФРГ партия «АдГ» также увязывает социальную политику с миграционным вопросом. Согласно программным установкам партии, социальное государство может существовать только в том случае, если «его общество будет иметь чёткие границы и национальные черты»⁴⁸. Иначе говоря, граждане других европейских государств могут рассчитывать на социальные блага, доступные немецким гражданам, в равной мере лишь в том случае, если они на протяжении четырёх лет были официально трудоустроены на территории Германии и сами могут покрыть нужды на своё проживание⁴⁹.

Критика «АдГ» современной миграционной политики как Европейского союза, так и Германии, в первую очередь направлена на чёткое разделение понятий «легальный» и «нелегальный» иммигрант. В частности, речь идёт о том, что убежище в стране могут получать лишь те люди, которые являются полити-

⁴⁵ Bloomfield S. Is Britain ready for a populist premier-minister? [Электронный ресурс] URL: <https://www.prospectmagazine.co.uk/magazine/boris-johnson-populism-conservatives-far-right> (accessed 20.12.2020)

⁴⁶ Election 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.co.uk/news/election/2017/results> (accessed 20.12.2020)

⁴⁷ Brexit Party manifesto 2019: A Summary of key policies [Электронный ресурс]. URL: <https://www.telegraph.co.uk/politics/0/brexit-party-manifesto-2019-summary-general-election/> (accessed 20.12.2020)

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ Programm für Deutschland. Wahlprogramm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum Deutschen Bundestag am 24. September 2017. Beschlossen auf dem Bundesparteitag in Köln am 22./23. April 2017 [Электронный ресурс]. URL: https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2017/06/2017-06-01_AfD-Bundestagswahlprogramm_Onlinefassung.pdf (accessed 20.12.2020)

ческими или военными беженцами, а также могут подтвердить свою личность. Если ни один из этих критериев не соблюдается, иностранцы должны быть немедленно депортированы на родину⁵⁰. Другим важным предложением в данном контексте является требование о закрытии внешних границ ЕС, а также создание локальных центров приёма потенциальных иммигрантов на территории Северной Африки⁵¹.

Эта риторика отражает рост исламофобии: в 2017 г. 49% опрошенных скептически отнеслись к идее об интеграции мусульман в немецкое общество, а 23% отметили, что «она невозможна»⁵². Для сравнения: в 2014 г. лишь 21% респондентов поддерживал принудительную депортацию, тогда как 78% был настроены в отношении иммигрантов оптимистично⁵³.

Показательной является и реакция сторонников политических партий Германии за аналогичный период: 48% в целом высказались за ограничение численности мигрантов, «АдГ» – 84%, ХДС/ХСС – 51%, Левые – 42%, СДПГ – 39%, Зелёные – 29%⁵⁴. Однако накануне выборов в Бундестаг в 2017 г. лишь 17% респондентов по всей стране ожидали ухудшения миграционной ситуации⁵⁵. Эти данные соотносятся с отчётом «Евробарометра». Согласно данным 2018 г., 45% опрошенных назвали иммиграцию в числе самых важных направлений политики страны (годом ранее – 36%), на 15% опередив пункт «Вопросы экономики ЕС» и в значительной степени «Изменение климата» (21%)⁵⁶.

Австрийские правопопулистские силы разделяют единый принципиальный тезис: Австрия не является страной иммигрантов и должна отказаться от политики «слепого и бесконтрольного их приёма»⁵⁷. При этом партия не выступает за полный отказ от приёма иностранных граждан на территорию страны. Те, кто вынужден покинуть свою родину по религиозным или политическим соображениям, могут найти убежище в Австрии, но лишь на период, необходимый

⁵⁰ Programm für Deutschland. Das Grundsatzprogramm der Alternative für Deutschland. Beschlossen auf dem Bundesparteitag in Stuttgart am 30.04./01.05.2016. [Электронный ресурс]. URL: https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2018/01/Programm_AfD_Druck_Online_190118.pdf (accessed 20.12.2020)

⁵¹ Ibid.

⁵² Einstellungen gegenüber Nationaler Identität, Einwanderung und Flüchtlingen in Deutschland. More in Common. Berlin: Morein Common. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.moreincommon.com/media/bbhpjzo0/more-in-common-deutschland-zusammenfassung.pdf> (accessed 20.12.2020)

⁵³ Umfrage: Was die Deutschen über Migration denken. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fes.de/themenportal-flucht-migration-integration/umfrage-was-die-deutschen-ueber-migration-denken> (accessed 20.12.2020)

⁵⁴ Würden Sie in einer Volksabstimmung für oder gegen eine Begrenzung der Zuwanderung nach Deutschland stimmen? [Электронный ресурс]. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/289427/umfrage/umfrage-zu-einer-begrenzung-der-zuwanderung-nach-deutschland/> (accessed 20.12.2020)

⁵⁵ Einstellungen gegenüber Nationaler Identität, Einwanderung und Flüchtlingen in Deutschland. More in Common. Berlin: Morein Common. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.moreincommon.com/media/bbhpjzo0/more-in-common-deutschland-zusammenfassung.pdf> (accessed 20.12.2020)

⁵⁶ Standard Eurobarometer 91.Report.Public opinion in the European Union, Fieldwork, June 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/2215> (accessed 20.12.2020)

⁵⁷ Parteiprogramm der Freiheitlichen Partei Österreichs (FPÖ). Beschlossen vom Bundesparteitag der Freiheitlichen Partei Österreichs am 18. Juni 2011 inGraz [Электронный ресурс]. URL: https://www.fpoe.at/fileadmin/user_upload/www.fpoe.at/dokumente/2015/2011_graz_parteiprogramm_web.pdf (accessed 20.12.2020)

для обеспечения защиты сохранности жизни иммигрантов⁵⁸. После победы коалиции на выборах 2017 г. эти планы нашли своё отражение в ужесточении законодательства в отношении беженцев и других категорий мигрантов⁵⁹.

«АПС» обозначает в своей платформе и резко антиисламскую позицию («Ислам не является частью Австрии»)⁶⁰, которая соответствует общим настроениям населения и даже их усиливает. Отношение к исламу в стране претерпело стремительные изменения на волне финансового кризиса 2008 г. В 2010 г. более половины респондентов (54%) были обеспокоены ситуацией с мигрантами из арабских стран, причем 75% из них считали, что ислам представляет угрозу для австрийского общества из-за своей жёстко регламентированной религиозной составляющей, коррумпированности и реакционности. Почти 10 лет спустя настороженное отношение к исламу сменилось на резко критичное: около 80% опрошенных газетой *Kleine Zeitung* не только резко негативно воспринимают ислам, но и считают, что мигранты-мусульмане не должны иметь равные права с гражданами, исповедующими другие религии⁶¹.

Аналогичная ситуация наблюдается в Швеции. Одним из центральных элементов программы «Шведских демократов» является активная критика политики мультикультурализма, толерантности и либеральных ценностей, которые повлекли за собой разрушение шведской социальной модели через поощрение массовой иммиграции⁶². В 2014 г. 44% респондентов отмечали, что количество иностранцев в стране очень выросло в последние годы, а 16% опрошенных отмечали, что взгляды и идеи «Шведских демократов» в отношении иммиграционной политики являются наиболее удачным решением назревшей проблемы⁶³.

Симптоматично, что «Шведские демократы» рассматривают именно мигрантов-мусульман как основных виновников роста преступности в стране. В исследовании Университета Евле 2019 г. 95% опрошенных отметили, что ислам является религией, которая оказывает негативный эффект на гражданские права и свободы в стране. 87% выразили мнение, что мигранты должны прикладывать больше усилий к скорейшей адаптации и интеграции в местные сообщества⁶⁴. На парламентских выборах 2018 г. 18% голосов было отдано за «Шведских демократов», ставших третьей по численности партией Риксдага с

⁵⁸ Österreicher verdienen Fairness. Freiheitliches Wahlprogramm zur Nationalratswahl 2017 [Электронный ресурс]. URL: https://www.fpoe.at/fileadmin/user_upload/Wahlprogramm_8_9_low.pdf (accessed 20.12.2020)

⁵⁹ Ibid.

⁶⁰ Österreicher verdienen Fairness. Freiheitliches Wahlprogramm zur Nationalratswahl 2017 [Электронный ресурс]. URL: https://www.fpoe.at/fileadmin/user_upload/Wahlprogramm_8_9_low.pdf (accessed 20.12.2020)

⁶¹ Mehrheit der Österreicher sieht Islam kritisch [Электронный ресурс]. URL: <https://www.derstandard.at/story/2000109103695/mehrheit-der-oesterreicher-sehen-islam-kritisch> (accessed 20.12.2020)

⁶² Sweden Democrats tap into immigration fears [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-29202793> (accessed 20.12.2020)

⁶³ Survey: Swedes split on immigration [Электронный ресурс]. URL: <https://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=2054&artikel=5855850> (accessed 20.12.2020)

⁶⁴ Over 90 Percent of Swedes think Islam is incompatible with human rights [Электронный ресурс]. URL: <https://voiceofeurope.com/2019/06/over-90-percent-of-swedes-think-islam-is-incompatible-with-human-rights/> (accessed 20.12.2020)

62 представителями – всего на два места их опережают представители умеренных сил, а лидируют по этому показателю социал-демократы – 101 место⁶⁵.

Антииммиграционную риторику давно и успешно использует правая партия М. Ле Пен во Франции. Заметное усиление позиций лидера «Национального фронта» в первом туре президентских выборов во Франции в апреле 2017 г. заставило некоторых экспертов предполагать её победу. Хотя во втором туре в мае 2017 г. произошло резкое сокращение голосов, поданных за правых, в пользу либерально-центристского движения Э. Макрона «Вперед, Республика!», такая заявка на лидерство в первом туре просигнализировала о запросе общества на радикальные реформы, которые содержались в программе Ле Пен. В предвыборной платформе шла речь о выходе из Еврозоны, сокращении иммиграции как неременного условия повышения уровня безопасности Франции и необходимости возвращения суверенитета на национальный уровень по таким вопросам как границы и экономическое регулирование⁶⁶. Среди одной из значимых причин популярности правопопулистских сил во Франции является провал интеграционной политики в целом и миграционный кризис 2014–2016 гг. в частности (Захарова 2018: 249; Рубинский 2017).

Летом 2018 г. лидер «Национального фронта» заявила о переименовании партии в «Национальное объединение». Такое решение М. Ле Пен объяснила необходимостью сплотить ряды в преддверии очередных выборов в Европарламент. Такая стратегия частично оправдала себя – на выборах в ЕП-2019 г. правые набрали 23,5% голосов против 22,5% у центристских сил⁶⁷. Впрочем, примерно такой же процент голосов партия набрала на выборах 2014 г., что свидетельствует об отсутствии заметных изменений и необходимости обновления стратегии.

В сентябре 2017 г. во Франции была основана ещё одна правопопулистская партия «Патриоты» во главе с Ф. Филиппо, занимавшим пост вице-президента в «Национальном фронте». Новая партия с численностью несколько тысяч человек выступает за прекращение массовой иммиграции и полный выход из Евросоюза. Развивая эти идеи, лидер партии указывает на необходимость более глубокого сотрудничества с африканскими странами с тем, чтобы содействовать снижению эмиграции их населения⁶⁸. Как видно, новое движение выстраивает свою риторику на основе сплава умеренных и правопопулистских ло-

⁶⁵ Sweden Democrats tap into immigration fears [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-29202793> (accessed 20.12.2020)

⁶⁶ French Presidential Elections 2017. Macron-Le Pen Presidential Platform Comparison [Электронный ресурс]. URL: <http://graphics.france24.com/macron-le-pen-platform-comparison-presidential/> (accessed 20.12.2020)

⁶⁷ French far-right National Rally beats Emmanuel Macron's centrists at European elections [Электронный ресурс]. URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/europe-election-results-france-marine-le-pen-macron-national-front-rally-latest-a8931361.html> (accessed 20.12.2020)

⁶⁸ Les patriots: What you need to know about France's newest far-right party [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thelocal.fr/20180219/les-patriotes-florian-philippot-what-you-need-to-know-france-newest-far-right-party> (accessed 20.12.2020)

зунгов, чтобы отколоть электорат как от традиционных партий, так и от своих главных конкурентов.

По предварительным данным «Евробарометра» за 2019 г., 34% опрошенных считают иммиграцию главной проблемой ЕС. За ней следуют экономическая ситуация (18%), состояние финансовой системы (18%), терроризм (18%) и защита окружающей среды (13%)⁶⁹. Таким образом, миграционный фактор по-прежнему занимает важное место в правопопулистской риторике, и его ослабление в кратко- и долгосрочной перспективе не ожидается. Скорее наоборот, можно прогнозировать усиление его важности в повестке дня не только в Великобритании, Франции, ФРГ и других странах с заметной долей мигрантов, но также в государствах, для которых миграционная проблема является инструментом укрепления своего влияния на национальном уровне или уровне ЕС. В то время как традиционные политические силы пребывают в состоянии раскола и затянувшегося поиска новой стратегии, правопопулистские силы заполняют возникшую паузу, интегрируясь в ядро партийно-политических систем и властные структуры.

Правый популизм и европейская идентичность

Среди других важных составляющих популистской риторики выступает европейская идентичность. В данном случае правый популизм выступает как фактор, препятствующий формированию и укреплению общеевропейского самосознания, или, более корректно, идентичности Европейского союза⁷⁰.

Еврокомиссия с начала 1970-х гг. проводит замеры этой системообразующей категории на основе среза самоотождествления населения с Европейским союзом. В Белой книге Евросоюза 2017 г. было зафиксировано, что только две трети жителей идентифицируют себя с «Единой Европой», и эта поддержка больше не является безусловной⁷¹. Ряд внутри- и внешнеполитических кризисов на фоне растущего этнического разнообразия, исламофобии, демографического кризиса и кризиса сложившейся после Второй мировой войны социальной модели вызывают дискомфорт и растерянность у значительной части электората.

Другие причины кроются в проблеме коллективной памяти. Существование не до конца отрефлексированной в разных странах Евросоюза исторической травмы является благодатной почвой для популистских настроений. В ри-

⁶⁹ Spring 2019 Standard Eurobarometer: Europeans upbeat about the state of the European Union – best results in 5 years [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_19_4969 (accessed 20.12.2020)

⁷⁰ Оговоримся, что европейская идентичность – понятие весьма широкое, она не является характеристикой, присущей лишь жителям ЕС, поскольку не все европейские страны входят в состав Евросоюза. Поэтому нам представляется наиболее уместным и корректным использование термина «идентичность ЕС».

⁷¹ White Paper on the Future of Europe. Reflections and Scenarios for the EU27 by 2025 [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/white_paper_on_the_future_of_europe_en.pdf (accessed 20.12.2020)

торике практически всех правых сил прослеживается обращение к событиям в истории государств, спровоцировавших историческую травму. В частности, в Германии радикальные правопопулистские партии в своих программах поднимают тему забвения событий Второй мировой войны и Холокоста. Например, по мнению немецких политологов Х. Функе и Л. Ренсмманна, распространение стереотипов о «еврейском поведении» провоцирует антисемитизм в обществе и искажает историческую память немцев по отношению к событиям Второй мировой войны (Функе, Ренсманн 2004: 87-88).

В странах Восточной Европы распространённой является демонизация советского наследия, прослеживается желание руководства этих стран, оттолкнувшись от негативного опыта и «образа врага» в лице не только СССР, но и его правопреемницы РФ, сконструировать свою собственную идентичность и встроиться в западный блок. Для этого правопопулистские силы используют реваншистскую риторику об «избранности и величии» восточноевропейских народов (Tismaneanu 2009: 36) и рисуют в сознании граждан отдельных стран региона идеальную модель досоветского прошлого, которая подаётся как «золотое время» для народа. В силу усложнения социальной, экономической и политической систем общества для части населения такая реконструкция прошлого является притягательной в риторике правопопулистов. В результате правый популизм направлен на «восстановление» прошлого, а не на совершенствование настоящего.

На руку правопопулистским силам работает и усиление национального начала в противовес общеевропейскому. Сам проект «Единой Европы» должен был стать ответом на кризис национального государства, однако, в последние годы наблюдается ренессанс наций и национализма как ответ на быстрые темпы и агрессивное проявление глобализации, а также рост негативных тенденций внутри интеграционного проекта ЕС. Включение защитных механизмов национальных государств привело к обострению национальных чувств, в том числе в их крайнем проявлении, выраженном в росте сепаратистских и евро-скептических настроений.

Всё это свидетельствует о глубоком кризисе европейской цивилизации, катализатором которого является приход к власти правопопулистских партий в ряде стран Евросоюза, играющих на противоречиях между национальными государствами и Брюсселем. По меткому замечанию Ал.А. Громыко, «история Европейского союза является историей кризисов», которые до первой половины 2000-х гг. рассматривались как «созидательное разрушение» (Громыко 2017: 209). Со временем Брюссель столкнулся с лавинообразным характером кризисных тенденций, связанных с центробежными тенденциями, усилением популистских сил, сохраняющейся угрозой террористических атак и проблемой Брекзита. На этом фоне можно говорить об определённом «надломе» европейской цивилизации при внятном отсутствии «ответа» на миграционный, интеграционный и системный вызовы Евросоюза.

Возникают фундаментальные по своей значимости вопросы: кто должен непосредственно распутывать этот клубок противоречий: руководство ЕС или лидеры отдельных стран? Кто станет движущей силой, которая сможет найти «необходимый ответ» европейской цивилизации и избежать усиления её надлома? Каким образом можно безболезненно совместить для обеих сторон интересы как Брюсселя, так и национальных государств и избежать появления подобных Брекзиту событий?

Требуется координация усилий всех заинтересованных сторон при опоре на уже имеющийся опыт, который Брюссель стремится использовать, отслеживая реакцию населения как на достижения, так и на проблемы Евросоюза. Так, в динамике отношение жителей союза к идентичности ЕС остается практически стабильным и заметно уступает идентификации с другими уровнями коллективного самосознания. Например, в «Евробарометре» за 2012 г. подавляющее большинство европейцев (91%) соотносили себя со своим национальным государством. Это отождествление наиболее сильным являлось в Греции (99%), Дании (98%) и Польше (97%)⁷². С Евросоюзом себя ассоциировали только 46% населения против 52% опрошенных⁷³. В 2018 г. эти данные заметно не изменились. 93% населения в среднем по ЕС отнесли себя к гражданам своей страны и только 56 % – к Европейскому союзу⁷⁴.

На примере экономического и политического локомотива Евросоюза – ФРГ прослеживается усиление правопопулистских сил на фоне кризиса традиционных партий и до сих пор не преодоленной исторической травмы немецкого общества (Камкин 2015; Щербаков 2016; Подрезов 2017: 152-165). Риторика о величии нации соотносится с реваншистскими тенденциями к забвению негативных для общества воспоминаний, что характерно также и для Австрии (Бадаева 2018).

Отношение «АдГ» к вопросам миграции в контексте немецкой идентичности на современном этапе многими исследователями описывается как «неприкрытый расизм и ксенофобия» не только по отношению к приезжим, но также и к гражданам Германии с иммигрантским прошлым (Gaisbauer et al. 2019: 113; Захарова 2019: 227). Такого рода настроения в партийных кругах выражают лозунги об «уничтожении немецкого народа», «разрушении нации», «смерти германской нации» из-за наплыва иностранцев (Hamid 2019: 110). «АдГ» понимает немецкий народ как единую нацию с общей судьбой, которая находится на грани вымирания из-за воздействия на него разных культур⁷⁵.

⁷² Standard Eurobarometer 77. Spring 2012. European Citizenship Report. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb77/eb77_citizen_en.pdf (accessed 20.12.2020)

⁷³ Ibid.

⁷⁴ Standard Eurobarometer 89. Spring 2018. European Citizenship [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_18_4148 (accessed 20.12.2020)

⁷⁵ Soldt R. Ein Beamter mit geringer Neigung zur Mäßigung [Электронный ресурс]. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/inland/afd-abgeordneter-thomas-seitz-geringe-neigung-zur-maessigung-15736301.html> (accessed 20.12.2020)

Эта риторика поддерживается населением. Согласно одному из опросов общественного мнения, незадолго до начала активной деятельности «АдГ», в 2012 г. 2% респондентов социологического агентства *Statista* называли себя «немцами» и только 19% – «европейцами»⁷⁶. Стоит отметить, что эти показатели на протяжении последующих лет претерпели незначительные изменения, которые ещё отчетливее заметны на фоне национальных докладов Европейской комиссии: на волне финансового и миграционного кризиса вера в институты и ощущение значимости голоса своей страны в ЕС колебалась лишь в период наиболее острой фазы иммиграционного кризиса (весной 2015 г. 58% немецких респондентов позитивно оценивали себя и свой голос в рамках ЕС, тогда как в течение года, осени 2015 и весны 2016 гг., кредит доверия упал сначала до 49%, а затем до 47%)⁷⁷. В течение последующих лет был замечен позитивный эффект: осень 2016 г. – 55%, осень 2017 г. – 65%, а осенью 2018 г. число достигло 70%⁷⁸.

Например, в Австрии приверженность ценностям Сообщества остаётся высокой на протяжении всего последнего десятилетия. После относительного падения во время мирового финансового кризиса 2008 г. процент опрошенных, считающих себя частью ЕС, неуклонно рос вплоть до начала миграционного кризиса 2015 г., когда приверженность ценностям Сообщества снизилась на 9%⁷⁹, однако уже в 2016 г. наметился новый рост солидарности с Европейским союзом. Весной 2018 г. 77% респондентов ответили, что чувствуют себя частью ЕС⁸⁰.

Пример Франции демонстрирует устойчивое сопротивление большей части населения праворадикальному вызову, однако, периодические всплески поддержки партии М. Ле Пен и других правопопулистских сил выступают не только как сигналы властям о недовольстве в обществе, но и совпадают с глубокими общественными кризисами (экономическим, политическим и кризисом идентичности) (Канинская 2018). Реакцией на рост влияния популистов стала консолидация партий, «выступающих с позиции здравого смысла» и развития интеграционных процессов. Наиболее показательным в данном случае является пример стран Восточной Европы (в первую очередь, Польши и Венгрии), в которых пребывание популистов у власти способствовало росту евроскептических настроений с 24 до 44% (Борко 2017: 141).

⁷⁶ Fühlen Sie sich eher als Deutscher oder eher als Europäer? [Электронный ресурс]. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/235690/umfrage/umfrage-zum-identitaetsgefuehl-der-deutschen/> (accessed 20.12.2020)

⁷⁷ Standard Eurobarometer 90 – Nationaler Bericht, Deutschland. Herbst 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/search/national%20report/surveyKy/2215> (accessed 20.12.2020)

⁷⁹ Ibid.

⁷⁹ Standard Eurobarometer 83 – European Citizenship, Spring. 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/2099> (accessed 20.12.2020)

⁸⁰ Standard Eurobarometer 89. Spring. 2018. European Citizenship [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_18_4148 (accessed 20.12.2020)

Страны Бенилюкс представляют не менее любопытный и показательный, чем другие страны, пример усиления популистских настроений. Уникальность исторического пути и особая идеологическая направленность политических элит каждой из стран (Осколков 2017) обусловила их движение – с разной степенью интенсивности и проявления – к радикализации массовых настроений и укреплению правых сил. В Бельгии, например, такая ситуация стала возможной на фоне процессов сецессионизма, примером которого является стремление правых популистов добиться независимости Фландрии (Осколков 2019с).

«Молодые» участники ЕС из восточноевропейского региона до сих пор в полной мере не встроились в политический и идейно-философский ландшафт «Единой Европы» (Медушевский 2007; Медушевский 2018). Именно на этих временных трудностях интеграции успешно играют партии правопопулистского толка. Например, в Венгрии длительное время партии «Фидес» и «Йоббик» являются жёсткими евроскептиками, увязывая свою позицию с антимиграционной риторикой⁸¹. Хотя за последнее десятилетие позиция венгерского лидера претерпела заметную эволюцию от жёстких заявлений (объявление войны ЕС, «битва с Брюсселем») до относительно умеренной критики миграционного вопроса.

Качественно другая ситуация наблюдается в Польше, на политической арене которой идет борьба между евроскептиками и партиями, выступающим за углубление интеграционных процессов в рамках ЕС. Выборы весной 2019 г. показали как способность польских партий разного толка к объединениям, так и наличие серьёзной оппозиции для партии «Право и справедливость» со стороны объединения левых сил и левоцентристской (проевропейской) партии «Гражданская платформа». Однако согласно центру политических опросов Польши Stanpolityki.PL, 37% жителей поддерживают правопопулистские взгляды, в то время как 20% граждан выступают за «левых» и 23% считают себя центристами⁸². Такой расклад репрезентирует успешность правых популистов в глазах местного населения за счёт широкой поддержки социально уязвимых слоёв населения (многодетные, пенсионеры и т.д.) и соответствующей риторики.

Правый популизм быстро реагирует на происходящие изменения, и включение в политические программы лозунгов традиционных партий маскирует их сущность, помогает гибче адаптироваться к периодам благоприятной политической и экономической ситуации, когда, казалось бы, должно произойти ослабление их активности и популярности. На практике картина сложнее и варьируется от страны к стране, затрудняя понимание феномена правого популизма как целостного явления.

⁸¹ Orbán Viktor beszéde az európai parlamenti választás éjszakáján [Электронный ресурс]. URL: <http://www.miniszerelnok.hu/orban-viktor-beszede-az-europai-parlamenti-valasztas-ejszakajan/> (accessed 20.12.2020).

⁸² Poglądy polityczne Polaków [Электронный ресурс]. URL: <https://stanpolityki.pl/> (accessed 20.12.2020).

Демографические и иммиграционные процессы в странах Евросоюза, обостряющая интенсификация мобильности людей в мире стремительно меняют внешний облик городов и стран, затрудняют определение их этнической и социальной структуры и усложняют прогнозирование будущих изменений в контексте «сохранения себя» европейскими странами перед лицом глобальных вызовов. На вопрос «что есть Европа» и «кто такой европеец» становится всё сложнее ответить, ещё сложнее определить основной вектор движения «Единой Европы» и понять, не прошла ли она точку невозврата в потере национальной идентичности и самобытности.

Существующие в Евросоюзе угрозы множат страхи населения, вызывают к жизни политиков и движения либо откровенно спекулирующих на реальных и мнимых трудностях стран Евросоюза, либо пугающих скорым возникновением новых. Популисты крепко держат руку на пульсе Евросоюза и используют демократические механизмы для вхождения во власть и закрепления своих позиций. Такое положение дел актуализирует экспертные дискуссии внутри Евросоюза и за его пределами о дефиците демократии, проблеме еврократии и отрыве элит от народа. Политкорректность не срабатывает на фоне плохо скрываемой нетерпимости населения против мигрантов; наблюдается разочарование политической и экономической элиты разных уровней и от устаревших лозунгов традиционных партий, многие из которых в отдельных странах ЕС находятся в состоянии раскола и поисков нового инструментария и смыслового поля для «перезагрузки», и от действий Брюсселя.

На сегодняшний день отсутствует внятный рецепт как по минимизации угроз правопопулистских сил в политическом истеблишменте Евросоюза, так и по сокращению их давления на Брюссель и национальные правительства в средне- и долгосрочной перспективе. Некоторые эксперты считают, что как «в Салеме не было настоящих ведьм, так и в политике нет настоящих популистов – есть только люди, взгляды и движения, которых политический центр неправильно понимает и боится»⁸³. На этом основании делается вывод, что популизм обречён на провал, потому что большинство избирателей не поддержит правопопулистскую политику в действии, аргументируя это тем, что для многих жителей Евросоюза голосование за популистов во многом имеет функцию выпуска пара.

Подобного рода рассуждения имеют право на существование, однако, убедительная победа Б. Джонсона на парламентских выборах 12 декабря 2019 г. в Великобритании свидетельствует как о непредсказуемости силы правопопулистских настроений, так и многосоставном характере самого феномена. Проведённое исследование подтверждает высказанный в начале статьи тезис о том, что популизм стал органической частью демократии, проник в ткань существу-

⁸³ Baker P.C. "We the People": the battle to define populism. [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/news/2019/jan/10/we-the-people-the-battle-to-define-populism> (accessed 20.12.2020)

ющей партийно-политической системы, стал неотъемлемой частью всех дискуссий на тему миграционной политики и ее идеологии и важным элементом евроскептицизма. Такой взгляд на сложившийся феномен может быть полезен с точки зрения его практического осмысления и выбора более эффективного инструментария для работы с правым популизмом как с явлением, возникновение которого оправдано и понятно, но цели которого могут поставить под сомнение само будущее европейского проекта под названием «Европейский союз».

Об авторах:

Елена Владимировна Хахалкина – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений, Факультет исторических и политических наук, Национальный исследовательский Томский государственный университет. Томск, 634050, пр. Ленина, 36. E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

Константин Павлович Андреев – преподаватель, аспирант кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского Государственного университета. Томск, 634050, пр. Ленина, 36. E-mail: andrejew92@mail.ru

Анастасия Васильевна Мунько – магистрант кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского Государственного университета. Томск, 634050, пр. Ленина, 36. E-mail: nastyamun@mail.ru

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект «Экспансия» № 19-111-50244 «Новое лицо Европы: феномен правого популизма на примере отдельных стран Евросоюза».

Received: December 23, 2019.
Accepted: October 12, 2020.

New Face of European Union: Right-Wing Populism in the EU-Countries

Elena V. Khakhalkina, Konstantin P. Andreev, Anastasiya V. Munko
[DOI 10.24833/2071-8160-2020-6-75-99-132](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-6-75-99-132)

National Research Tomsk State University

Abstract: The European Union undergoes several qualitative transformations. Today it faces major demographic changes, the distance between the EU and national states is growing because of Brexit and high rates of immigration to Europe. The configuration of mainstream parties is also transforming in an unpredictable way. All these processes bring the phenom-

phenomenon of right-wing populism to the forefront of political life of the European Union. This phenomenon was an answer both to internal and external challenges. The aim of the article is to identify the components of right-wing populism using the examples of some member-states, to show its threats and risks, as well as ways to minimize the impact of this phenomenon on all aspects of the EU life. To achieve this goal, party programs (primarily right-wing populist ones), national and European elections data, materials from the Eurobarometer and other public opinion services, speeches and interviews of leading politicians, and other materials are used. The methodological approach is based on the principles of interdisciplinarity. The authors used comparative-typological, functional and structural methods. The problems of immigration and Islamophobia in the EU are explained with the help of the civilizational concept of A.J. Toynbee. The structure of the article provides the study of the phenomenon of right-wing populism through such indicators as separation of elites from the population (including European democracy and lack of democracy), immigration (and Islamophobia), as well as the EU identity. The article provides a detailed analysis of the member-state cases including the United Kingdom, Austria, Germany, Italy, France, Sweden, the countries of Eastern Europe and others. The authors conclude that right-wing populism has dual nature, its significance in individual countries of the European Union increases, and it is deeply integrated into the party and parliamentary mechanism of European democracies.

Keywords: right-wing populism, European Union, democratic deficit, immigration, Islamophobia

About the authors:

Elena V. Khakhalkina – Dr. Sc. (History), Professor, Associate Professor, Department of New, Contemporary History and International Relations, Faculty of Historical and Political Studies, National Research Tomsk State University. 634050, Tomsk, pr. Lenina, 36. E-mail: ekhakhalkina@mail.ru.

Konstantin P. Andreev – Post-graduate student, Lecturer, Department of New, Contemporary History and International Relations, Faculty of Historical and Political Studies, National Research Tomsk State University. 634050, Tomsk, pr. Lenina, 36. E-mail: andrejew92@mail.ru.

Anastasiya V. Munko – Master's degree student, Department of New, Contemporary History and International Relations, Faculty of Historical and Political Studies, National Research Tomsk State University. 634050, Tomsk, pr. Lenina, 36. E-mail: nastyamun@mail.ru

Conflict of interests:

The authors declare absence of conflict of interests.

Acknowledgment:

The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR/RFFI). Project № 19-111-50244 «The New face of Europe: the phenomenon of right-wing populism on the example of individual EU countries».

References:

- Aslanidis P. 2018. Measuring Populist Discourse with Semantic Text Analysis: an Application on Grassroots Populist Mobilization. *Quality and Quantity: International Journal of Methodology*. 52(3). P. 1241-1263. DOI: 10.1007/s11135-017-0517-4
- Duverger M. 1972. *Factors in a Two-Party and Multiparty System*. Party Politics and Pressure Groups. New York: Thomas Y. Crowell.
- Eatwell R., Goodwin M. 2018. *National Populism: The Revolt against Liberal Democracy*. New York: Pelican. 384 p.
- Eiermann M., Mounk Y., Gultchin L. 2017. *European Populism: Trends, Threats and Future Prospects*. London: Tony Blair Institute for Global Change Press. 27 p.
- Falkner G., Plattner G. 2018. Populist Radical Right Parties and EU Policies: How coherent are their claims? *European University Institute – Robert Schuman Centre for Advanced Studies*. Badia Fiesolana: San Domenico di Fiesole. 45 p.
- Gaisbauer S., Korkmaz B., Jung M. 2019. Dossier: Rechtspopulismus. *Bundeszentrale für politische Bildung*. Bonn – Bundeszentrale für politische Bildung / bpb. 188 s. (In German)
- Hamid Sh. 2019. *The Role of Islam in European Populism: How refugee flows and fear of Muslims drive right-wing support*. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2019/02/FP_20190226_islam_far_right_hamid.pdf
- KopkeCh. 2017. Verschwörungsmymen und Feindbilder in der AfD und in der neuen Protestbewegung von rechts. *Neue Kriminal politik*. 29. Baden-Baden: Nomos Verlag. 110 s.
- Mudde C. 2004. The Populist Zeitgeist. *Government and Opposition*. 39(4). P. 541-563.
- Moffitt B. 2013. Rethinking Populism: Politics, Mediatization and Political Style. *Political Studies*. 62(2). Iss. 2. P. 381-397. DOI: 10.1111/1467-9248.12032
- Mouffe C. 2016. Democratic Politics and Conflict. *Politica Comun*. №9. URL: <https://quod.lib.umich.edu/p/pc/1232227.0009.011?view=text;rgn=main>
- Müller J.W. 2017. *What is Populism?* Princeton: University of Pennsylvania Press. 136 p.
- Mudde C., Kaltwasser C.R. 2017. *Populism: A Very Short Introduction*. New York, Oxford: Oxford University Press. 131 p.
- Tismaneanu V. 2009. *Fantasies of Salvation: Democracy, Nationalism, and Myth in Post-Communist Europe*. V. Tismaneanu. Princeton: University of Pennsylvania Press. 256 p.
- Yimlaz F. 2012. Right-Wing Hegemony and Immigration: How the Populist Far-Right Achieved Hegemony Through the Immigration Debate in Europe. *Current Sociology*. 60(3). P. 368-381. DOI: 10.1177/0011392111426192
- Abdulrahman F.M. 2012. Problema adaptacii musul'manskih migrantov v Germanii: religioznyy aspect [The Modern Problems Connected with Religious Adaptation of Muslim Migrants in Germany]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region. University news. North-Caucasian Region*. Seriya: Obshchestvennyenauki. №4. P. 43-45. (In Russian)
- Antonov A.E., Korneva L.N. 2017. Pravo-populistskieregional'nyedvizheniya v FRG [Right-Wing Populist Regional Movements in Germany]. *Vestnik KemGU- Bulletin of Kemerovo State University*. 4(72). P. 5-10. (In Russian) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-4-5-10
- Badaeva A.S. 2018. Avstriyskaya partiya svobody: mezhdru pravym populizmom, avstriyskim patriotizmom i nemeckim nacionalizmom [Freedom Party of Austria: between Right-wing Populism, Austrian Patriotism and German Nationalism]. *Konturyglobal'nyh transformaciy: politika, ekonomika, pravo - Outlines of global transformations: politics, economics, law*. №3. P. 53-68 (In Russian) DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-53-66

Baranov N.A. 2015. Vozrozhdenie populizma: Evropejskiy opyt i rossiyskie praktiki [The Revival of Populism: European Experience and Russian Practices]. *Vestnik SPbGU - Bulletin of St. Petersburg University*, Seriya 6. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya. №3. P. 25-36 (In Russian)

Belinskiy A.V. 2017. Zreyut «grozd'ya gneva»: vsplesk pravogo populizma v Evrope i krizis liberal'noy demokratii [Grapes of Wrath: The Surge of Right-Wing Populism in Europe and the Crisis of Liberal Democracy]. *Evropejskaya bezopasnost': sobytiya, ocenki, prognozy – European Security: Events, Estimates, Forecasts*. 46(62). P. 9-6. (In Russian)

Belinskiy A.V. 2018. Pravyj populizm i krizis starogo miroporyadka [Right-wing Populism and Crisis of the Old World Order]. *Evropejskaya bezopasnost': sobytiya, ocenki, prognozy – European Security: Events, Estimates, Forecasts*. 51(67). P. 8-11. (In Russian)

Borko Yu.A. 2017. Evrosoyuz v XXI v.: ot triumfa k vyzhivaniyu? [The EU in the 21st Century: From Triumph to Survival?]. *Evropa XXI veka. Novye vyzovyi i riski*. Pod obshchey redakciey Al.A. Gromyko, V.P. Fyodorova. Moscow, Saint Petersburg. P. 123-144. (In Russian)

Gromyko Al.A. 2017. O nasushchnom: Evropa i sovremenniy mir [On the Urgent: Europe and the Modern World]. Moscow, Saint Petersburg: Nestor Istoriya. 232p. (In Russian)

Dobaev I. 2008. Islamizatsiya Evropy: mif ili real'naya ugroza? [Islamization of Europe: Myth or Real Threat?]. *Rossiya i musul'manskij mir – Russia and the Moslem world*. №9. P. 131-144. (In Russian)

Kamkin A.K. 2015. "Alternativdlya Germanii" kak novyy element partiynogo landshafta ["Alternative for Germany" as a New Element of Party Landscape]. *Sovremennaya Evropa - Contemporary Europe*. 2(62). P. 118-122. (In Russian)

Kanarsh G.Y. 2011. Filosofskie teorii mul'tikult'uralizma [Philosophical Theories of Multiculturalism]. *Znanie. Ponimanie. Umenie - Knowledge. Understanding. Skill*. №2. P. 33-41. (In Russian)

Kaninskaya G.N. 2018. Metabolizmy pravogo populizma vo Francii XXI veka [The Metabolism of the Right Populism in France of the 21st Century]. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo - Outlines of global transformations: politics, economics, law*. №3. P. 85-101 (In Russian) DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-85-101

Klinova M.V. 2019. Nacionalisticheskie sily v Evroparlamente-2019 [Nationalist forces in the European Parliament 2019]. *Vybory v Evroparlament - 2019. Nacional'nye otvety na dilemmy evropeyskoy integratsii* [European Parliament Elections 2019: National Responses to the Dilemmas of European Integration]. Pod red. Yu.D. Kvashnina, A.K. Kudryavtseva, N.S. Plevako, V.YA. Shveytsera. Moscow: IMEMORAN, IERAN. P. 36-42. (In Russian)

Kosov Yu.V., Vovenda A.V. 2014. Narodovlastie na sluzhbe u elit [Democracy in the Service of Elites]. *Polis. Politicheskie issledovaniya - Polis. Political Studies*. №4. P. 171-174. DOI: 10.17976/jpps/2014.04.12 (In Russian).

Leyn D. 2012. Grazhdanskoe obshchestvo v stranah ES: ideologiya, instituty i prodvizhenie demokratii [Civil Society in the EU Countries: Ideology, Institutions and Democracy Promotion]. *Polis. Politicheskie issledovaniya - Polis. Political Studies*. №2. P. 98-116. (In Russian)

Medushevskiy A.N. 2007. Perekhod k demokratii i noviy konstitutsionalizm v stranah Central'noy Vostochnoy Evropy [Transition to Democracy and New Constitutionalism in the Countries of Central and Eastern Europe]. *Russian and Modern World*. №2. P. 32-51. (In Russian)

Medushevskiy A.N. 2018. Populizm i konstitutsionnaya transformatsiya: Vostochnaya Evropa, postsovetское prostranstvo i Rossiya [Populism and Constitutional Transformation: Eastern Europe, Post-Soviet Space and Russia]. *Politiya – Politeia*. 3(90). P. 113-139. (In Russian) DOI: 10.30570/2078-5089-2018-90-3-113-139

Musihin G.I. 2009. Populizm: strukturnaya kharakteristika politiki ili "ushcherbnaya ideologiya"? [Populism: A Structural Characteristic of Politics or a "Flawed Ideology"?]. *Zhurnal*

politicheskoy filosofii i sociologii politiki "Politiya. Analiz.Hronika.Prognoz" - Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia. 4(55). P. 40-53. (In Russian)

Oskolkov P.V. 2017. Praviy populizm v stranah Benilyuks v sravnitel'noy perspektive [Right-Wing Populism in Benelux Countries: Comparative Perspective]. *Sovremennaya Evropa - Contemporary Europe. 5(77). P. 54-62 (In Russian). DOI: 10.15211/soveurope*

Oskolkov P.V. 2019. Mul'tikul'turalizm i evropeyskie pravye: v poiskah Drugogo [Multiculturalism and the European Far-Right: Looking For the Other]. *Sovremennaya Evropa - Contemporary Europe. 3(88). P. 83-91. DOI: 0.15211/soveurope320198391 (In Russian)*

Oskolkov P.V. 2019b. Praviy populizm v sovremennom Evropeyskom soyuze: formy i tendentsii razvitiya: [Right-Wing Populism in the Contemporary European Union: Forms and Developmental Trends] dissertatsiya ... kandidata politicheskikh nauk: 23.00.02. Moscow. 206 p. (In Russian)

Oskolkov P.V. 2019c. Bel'giya: konec «shvedskojkoalitsii» [Belgium: Collapse of the «Swedish Coalition»]. *Nauchno-analiticheskiy Vestnik Instituta Evropy RAN - Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS. №1. P. 65-69. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestniki-eran120196569> (In Russian)*

Podrezov M.V. 2017. Russkogovoryashchee naselenie v ritorike pravyyh populistov FRG [Russian-Speaking Population in the Rhetoric of the Right-Wing Populists of the FRG]. *Rusin. 4(50). P. 152-165. DOI: 10.17223/18572685/50/10 (In Russian)*

Rubinskij Yu. 2017. Franciya: smena paradigmy [France: a Paradigm Shift]. *Analiticheskaya zapiska IE RAN № 17 - Analytical papers of IE RAS. №90. P. 108-117. (In Russian)*

Ryabov A. 2018. Prichiny pod'ema populizma v razvitykh stranah i ego otsutstviya na post-sovetskom prostranstve [Reasons for the Rise of Populism in the Developed Countries and its Absence in the Post-Soviet Space]. *Populizm kak obshchiy vizov. Otv. red. K. Krouford, B.I. Makarenko, N.V. Petrov. Moscow: Politicheskaya enciklopediya. P. 37-46.*

Sedlov A. 2016. Smena migracionnoy paradigmy v stranah ES i v Rossii [The Change of the Migration Paradigm in the EU and in Russia]. *Obshchestvo i ekonomika - Society and Economy. №12. P. 18-27. (In Russian)*

Semenenko I., Prohorenko I. 2015. Ot proekta elit k massovoy politike: vyzovypolitizatsii evropeyskoy integratsii [From Elitist Project to Mass Politics: Challenges of Politicization to European Integration]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya - World Economy and International Relations. №7. P. 29-40. (In Russian)*

Semenenko I.S. 2019. Identichnost' v povestkednyaevrovyborov [The Identity of the Agenda on the EU Elections]. *Vybory v Evroparlament - 2019. Nacional'nye otvety na dilemmy evropeyskoy integratsii. Pod red. Yu.D. Kvashnina, A.K. Kudryavceva, N.S. Plevako, V.Ya. Shvejsera. Moscow. P. 14-18. (In Russian)*

Sergeev V.M., Kazancev A.A., Petrov K.E., Medvedeva S.M. 2018. Krizis partiyno-politicheskoy sistemy v SSHA i stranah ES: prichiny i harakteristiki [The Crisis of Contemporary U.S. and EU Party Systems: Causes and Characteristics]. *Polis. Politicheskie issledovaniya - Polis. Political Studies. №2. P. 130-149. (In Russian)*

Ternovaya L.O., Bagaeva A.V. 2016. *Geopoliticheskayasud'ba Vostochnoy Evropy: Monografiya. [Geopolitical Fate of in Eastern Europe: Monograph]. Moscow: Mezhdunarodny izdatel'skiy centr «Etnosocium». 324 p. (In Russian)*

Funke H., Rensmann L. 2004. Noviy praviy populizm v Evrope: sravnitel'niy analiz politicheskikh partiy i dvizheniy [New Right Populism in Europe: A Comparative Analysis of Political Parties and Movements]. *Actual Problems of Europe. №2. P. 74-98. (In Russian)*

Harkevich M.V., Muzalevskiy V.A., Oskolkov P.V. Arhaika i sovremenniy praviy populizm v Evrop e [Archaism and the Contemporary Right-Wing Populism in Europe]. *Sovremennaya Evropa - Contemporary Europe. 2018. 1(80). P. 59-68. DOI: 10.15211/soveurope120185968 (In Russian)*

Shabacyuk A. 2018. Rimsko-katolicheskaya cerkov' v Pol'she: poziciya po problem bezhencev v Evrope [The Roman Catholic Church in Poland on the Issue of Refugees in Europe]. *Sovremennaya Evropa - Contemporary Europe*. 2(81). P. 94-104. DOI: 10.15211/sov-europe2201894104 (In Russian).

Shvejcer V., Kvashnin Yu. 2019. Itogi vyborov v Evroparlament v 2019 g. [Results of Elections to the European Parliament in 2019 (The Conference in Primakov Institute of World Economy and International Relations)]. *Nauchno-analiticheskiy vestnik IE RAN - Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*. №3. P. 148-155. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran32019148155> (In Russian).

Shcherbakov V.Yu. 2016. Evroskepticizm: Germaniya protiv evro? [Euroscepticism: is Germany against the euro?]. *Manuskript – Manuscript*. 11-2(73). P. 203-206. (In Russian).

Zakharova E.A. 2018. Sovremenniy terrorizm v zerkale francuzskoy politiki [Modern Terrorism through the Prism of French Politics]. *Politicheskaya nauka – Political Science*. №4. P. 241-257. (In Russian). DOI: 10.31249/poln/2018.04.12

Zakharova E.A. 2019. Faktory elektoralnogo uspekha "Alternativi dlya Germanii" [Reasons for Alternative für Deutschland's Electoral Success]. *Politicheskaya nauka - Political Science*. №2. P. 219-244. (In Russian). DOI: 10.31249/poln/2019.02.11.

Список литературы на русском языке:

Абдурахман Ф.М. 2012. Проблема адаптации мусульманских мигрантов в Германии: религиозный аспект. *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки*. №4. С. 43-45.

Антонов А.Е., Корнева Л.Н. 2017. Право-популистские региональные движения в ФРГ. *Вестник КемГУ*. 4(72). С. 5-10. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-4-5-10

Бадаева А.С. 2018. Австрийская партия свободы: между правым популизмом, австрийским патриотизмом и немецким национализмом. *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. №3. С. 53-68. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-53-66

Баранов Н.А. 2015. Возрождение популизма: Европейский опыт и российские практики. *Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения*. №3. С. 25-36.

Белинский А.В. 2017. Зреют «гроздь гнева»: всплеск правого популизма в Европе и кризис либеральной демократии. *Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы*. 46(62). С. 8-11.

Белинский А.В. 2018. Правый популизм и кризис старого миропорядка. *Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы*. 51(67). С. 8-11.

Борко Ю.А. 2017. Евросоюз в XXI в.: от триумфа к выживанию? *Европа XXI века. Новые вызовы и риски*. Под общей редакцией Ал.А. Громыко, В.П. Фёдорова. Москва, Санкт-Петербург. С. 123-144.

Громыко Ал.А. 2017. *О насущном: Европа и современный мир*. Москва, Санкт-Петербург: Нестор История. 232 с.

Добаев И. 2008. Исламизация Европы: миф или реальная угроза? *Россия и мусульманский мир*. №9. С. 131-144.

Захарова Е.А. 2018. Современный терроризм в зеркале французской политики. *Политическая наука*. №4. С. 241-257. DOI: 10.31249/poln/2018.04.12

Захарова Е.А. 2019. Факторы электорального успеха «Альтернативы для Германии». *Политическая наука*. №2. С. 219-244. DOI: 10.31249/poln/2019.02.11.

Камкин А.К. 2015. «Альтернатива для Германии» как новый элемент партийного ландшафта. *Современная Европа*. 2(62). С. 118-122.

Канарш Г.Ю. 2011. Философские теории мультикультурализма. *Знание. Понимание. Умение*. №2. С. 33-41.

Канинская Г.Н. 2018. Метаболизмы правого популизма во Франции XXI века. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. №3. С. 85-101. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-85-101

Клинова М.В. 2019. Националистические силы в Европарламенте-2019. Выборы в Европарламент – 2019. *Национальные ответы на дилеммы европейской интеграции*. Под ред. Ю.Д. Квашнина, А.К. Кудрявцева, Н.С. Плевако, В.Я. Швейцера. Москва: ИМЭМО РАН, ИЕ РАН. С. 36-42.

Косов Ю.В., Вовенда А.В. 2014. Народовластие на службе у элит. *Полис. Политические исследования*. №4. С. 171-174. DOI: 10.17976/jpps/2014.04.12

Лэйн Д. 2012. Гражданское общество в странах ЕС: идеология, институты и продвижение демократии. *Полис. Политические исследования*. №2. С. 98-116.

Медушевский А.Н. 2007. Переход к демократии и новый конституционализм в странах Центральной и Восточной Европы. *Россия и современный мир*. №2. С. 32-51.

Медушевский А.Н. 2018. Популизм и конституционная трансформация: Восточная Европа, постсоветское пространство и Россия. *Полития*. 3(90). С. 113-139. DOI: 10.30570/2078-5089-2018-90-3-113-139

Мусихин Г.И. 2009. Популизм: структурная характеристика политики или «Ущербная идеология»? *Полития*. №4. С. 40-53.

Осколков П.В. 2017. Правый популизм в странах Бенилюкс в сравнительной перспективе. *Современная Европа*. 5(77). С. 54-62. DOI: 10.15211/soveurope

Осколков П.В. 2019а. Мультикультурализм и европейские правые: в поисках Другого. *Современная Европа*. 3(88). С. 83-91. DOI: 0.15211/soveurope320198391

Осколков П.В. 2019б. *Правый популизм в современном Европейском союзе: формы и тенденции развития: диссертация кандидата политологических наук*. Москва.

Осколков П.В. 2019с. Бельгия: конец «шведской коалиции». *Научно-аналитический Вестник Института Европы РАН*. №1. С. 65-69. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran120196569>

Подрезов М.В. 2017. Русскоговорящее население в риторике правых популистов ФРГ. *Русин*. 4(50). С. 152-165. DOI: 10.17223/18572685/50/10

Рубинский Ю. 2017. Франция: смена парадигмы. *Аналитическая записка ИЕ РАН* №17. №90. С. 108-117.

Рябов А. 2018. Причины подъёма популизма в развитых странах и его отсутствия на постсоветском пространстве. *Популизм как общий вызов*. Отв. ред. К. Кроуфорд, Б.И. Макаренко, Н.В. Петров. Москва. С. 37-46.

Седлов А. 2016. Смена миграционной парадигмы в странах ЕС и в России. *Общество и экономика*. №12. С. 18-27.

Семененко И., Прохоренко И. 2015. От проекта элит к массовой политике: вызовы политизации европейской интеграции. *Мировая экономика и международные отношения*. №7. С. 29-40.

Семененко И.С. 2019. Идентичность в повестке дня евровыборов. *Выборы в Европарламент – 2019. Национальные ответы на дилеммы европейской интеграции*. Под ред. Ю.Д. Квашнина, А.К. Кудрявцева, Н.С. Плевако, В.Я. Швейцера. Москва: ИМЭМО РАН, ИЕ РАН. С. 14-18.

Сергеев В.М., Казанцев А.А., Петров К.Е., Медведева С.М. 2018. Кризис партийно-политической системы в США и странах ЕС: причины и характеристики. *Полис. Политические исследования*. №2. С. 130-149.

Терновая Л.О., Багаева А.В. 2016. *Геополитическая судьба Восточной Европы*. Москва: Международный издательский центр «Этносоциум». 324 с.

Функе Х., Ренсманн Л. 2004. Новый правый популизм в Европе: сравнительный анализ политических партий и движений. *Актуальные проблемы Европы*. №2. С. 74-98.

Харкевич М.В., Музалевский В.А., Осколков П.В. 2018. Архаика и современный правый популизм в Европе. *Современная Европа*. 1(80). С. 59-68. DOI: 10.15211/soveurope120185968

Шабациук А. 2018. Римско-католическая церковь в Польше: позиция по проблеме беженцев в Европе. *Современная Европа*. 2(81). С. 94-104. DOI: 10.15211/soveurope2201894104

Швейцер В., Квашнин Ю. 2019. Итоги выборов в Европарламент в 2019 г. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. №3. С. 148-155. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran32019148155>

Щербаков В.Ю. 2016. Евроскептицизм: Германия против евро? *Манускрипт*. 11-2(73). С. 203-206.

Проблемы и перспективы малого и среднего бизнеса в Германии

Б.Е. Зарицкий

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье рассматриваются современные проблемы развития малого и среднего предпринимательства (МСП) в Германии, его место и роль в экономике страны. Проанализирован механизм взаимодействия госструктур, предпринимательских союзов и экспертного сообщества в формировании и проведении политики содействия МСП. Показано, что реальные условия ведения бизнеса в Германии существенно отличаются от той картины, которую обычно рисуют потенциальным инвесторам в рекламных проспектах и на официальных *roadshow*. По индексу предпринимательской активности *TEA-Quote (Total early-stage Entrepreneurial Activity)* Германия значительно уступает своим конкурентам; уже несколько лет подряд количество ликвидируемых малых и средних предприятий превышает число вновь созданных; молодёжь предпочитает искать работу в крупных компаниях или на госслужбе. В Германии утрачен *грюндерский дух*, утверждают эксперты. Сами предприниматели жалуются на обилие бюрократических барьеров, растущую нехватку квалифицированной рабочей силы, высокие цены на электроэнергию, трудности с доступом к банковскому кредитованию. Слабо развитый рынок венчурного капитала тормозит рост инновационных стартапов. Успешная кластерная политика, давшая импульс развитию ряда территорий, не может компенсировать серьёзных изъянов предпринимательского климата в стране. Автор считает малопродуктивной распространённую в некоторых отечественных публикациях манеру представлять рамочные условия ведения бизнеса в Германии как близкую к идеалу модель, которую достаточно прилежно скопировать, чтобы добиться успеха.

В статье проанализированы основные тенденции идущих в Германии дискуссий по проблемам малого и среднего бизнеса, обобщены претензии предпринимателей к властям и показана реакция властей на эти претензии. Рассмотрены ключевые положения принятой в 2019 г. правительственной *Стратегии развития малого и среднего бизнеса*, а также антикризисные меры по поддержке экономики в связи с пандемией вируса COVID-19. Главный вывод исследования: к опыту Германии следует относиться избирательно, с учётом всей совокупности политических и социально-экономических условий, в которых формируется и проводится там политика содействия малому и среднему предпринимательству. Сильная сторона этой политики – системность, стремление увязать её с промышленной, инновационной, социальной, научной, образовательной политикой.

УДК: 334.021

Поступила в редакцию: 05.02.2020 г.

Принята к публикации: 15.10.2020 г.

Ключевые слова: малые и средние предприятия, предпринимательский климат, бизнес-ассоциации, банковское кредитование, налоговое стимулирование, стартапы, венчурный капитал, инновации

Призывы к изучению зарубежного опыта поддержки малых и средних предприятий (МСП) постоянно раздаются от представителей российских государственных структур, отвечающих за проведение политики в этой сфере. Часто ссылаются при этом на рекомендации экспертов ОЭСР, использованные при разработке *Стратегии развития малого и среднего предпринимательства* в Российской Федерации до 2030 г. За минувшие после принятия этого документа четыре года заметных сдвигов, с точки зрения вклада отечественных малых и средних предприятий в ВВП страны, создание новых рабочих мест, экспорт, НИОКР, не произошло.

Обращение к германскому опыту поддержки МСП даёт повод задуматься, почему «лучшие зарубежные практики» далеко не всегда приносят ожидаемый эффект, будучи пересаженными на отечественную почву. Немногочисленные российские научные публикации о роли малого и среднего бизнеса в Германии зачастую сводятся к рассмотрению существующих там организационно-правовых форм МСП и перечислению основных мер их государственной поддержки. Из поля зрения выпадает институциональная среда, в рамках которой проводится политика содействия малому и среднему предпринимательству, региональные особенности этой политики, роль механизма взаимодействия между госструктурами, бизнес-ассоциациями и экспертным сообществом. Не получает должного отражения и эволюция самой политики в сторону большего учёта эффективности расходования общественных ресурсов, понимания того факта, что *не всякий* новый бизнес и *не любая* предпринимательская активность заслуживают поддержки.

Данная статья не претендует на исчерпывающее освещение всех вопросов, связанных с особенностями современного этапа развития малого и среднего предпринимательства в Германии. Цели настоящего исследования скромнее:

- представить анализ действительного положения дел и существующих проблем, связанных с условиями ведения бизнеса в Германии;
- показать роль предпринимательских союзов в процессе формирования государственной политики поддержки МСП;
- обобщить основные претензии немецкого бизнес-сообщества к властям и проанализировать их реакцию на эти претензии;
- сформулировать уроки, которые следовало бы извлечь из германского опыта.

В своей работе автор опирался на публикации исследователей МГИМО, Института Европы РАН, Института экономики роста им. П.А. Столыпина и НИУ «Высшая школа экономики». Из зарубежных авторов следует назвать А. Лунд-

стрема и Л. Стивенсона, давших теоретическое обоснование политики содействия предпринимательству и систематизацию соответствующих инструментов и методов её проведения (Lundstroem, Stevenson 2005). В работе над статьёй использованы публикации сотрудников боннского Института исследований проблем малого и среднего предпринимательства (*IfM*) и мюнхенского Института экономических исследований (*Ifo*), а также рамочные документы, регулирующие политику содействия предпринимательству и МСП в ЕС, статистические и отчётные материалы ОЭСР, Министерства экономики и энергетики ФРГ (*BMWi*), государственного Банка развития (*KfW*), головных предпринимательских союзов, публикации деловой печати.

Корпоративный ландшафт

В Германии особое отношение к малому и среднему бизнесу. Его часто называют «мотором» немецкой экономики, фундаментом социально-экономической системы страны. В заслугу ему ставят не только быстрый подъём экономики ФРГ в 1950–1960-е гг. и нынешнее благосостояние немцев, но и способность Германии удерживать свои позиции в узкой группе мировых экономических лидеров (Wolter 2017).

Действительно, малый и средний бизнес в Германии является главным работодателем и налогоплательщиком, вносит весомый вклад в ВВП страны, её экспорт и финансирование научных исследований, создаёт основную массу рабочих мест и мест для подготовки квалифицированных кадров на предприятиях (см. рис. 1).

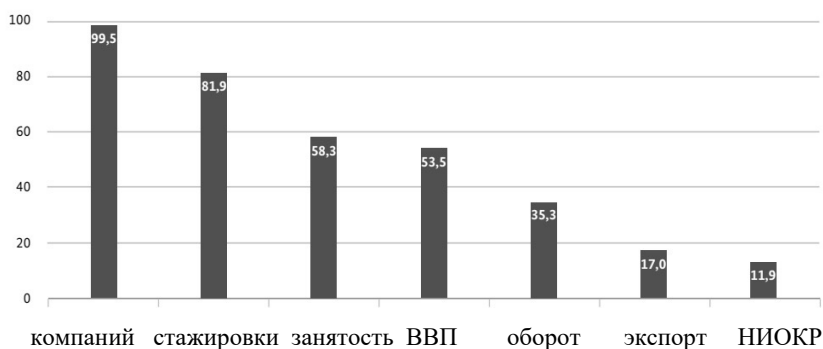

Рис. 1. МСП в экономике ФРГ (доля в %)

Fig. 1. SME in the German economy (%)

Источник: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bmwi.de/Redaktion/DE/Publikationen/Mittelstand/wirtschaftsmotor-mittelstand-zahlen-und-fakten-zu-den-deutschen-kmu.html> (accessed 10.12.2020)

Статистическая методика классификации предприятий в Германии несколько отличается от принятой в ЕС: к категории «средних» в ФРГ относят фирмы с количеством занятых от 50 до 499 чел., а не до 249 чел., как принято в Евросоюзе (см. табл. 1). Соответственно отличаются и статистические показатели роли МСП в экономике, что особенно заметно по доле занятых – 58% от общего количества занятых (в абсолютных цифрах почти 17,5 млн чел., что на 1,7 млн чел. больше, чем по методике ЕС).

Табл. 1. Классификация предприятий в Германии

Table 1. SME definition in Germany

Тип предприятия	Количество занятых (чел.)	Оборот (млн евро)	Количество предприятий
Микро	менее 10	до 2-х	2 126 937
Малые	менее 50	до 10	392 298
Средние	менее 249	до 50	65 921
Крупные	более 249	более 50	15 769

Источник: Statistisches Bundesamt [Электронный ресурс]. URL: <https://www-genesis.destatis.de/genesis/online?sequenz=tabelleErgebnis&selectionname=48121-0001#ab> (accessed 10.12.2020) Данные по методике ЕС.

Наряду с термином «малое и среднее предпринимательство» (*klein- und mittelständisches Unternehmertum*) в Германии часто используется труднопереводимое на русский язык понятие *миттельштанд* (*Mittelstand*). Это не средний класс в социологическом смысле. Скорее, речь идёт о предпринимательском сословии – владельцах независимых фирм, которыми они сами управляют и за хозяйственную деятельность которых несут полную ответственность. Как правило, это собственники семейных, часто ремесленных предприятий. В такой интерпретации круг немецких МСП сужается: из него выпадают небольшие фирмы, создаваемые нередко крупными компаниями, например, для оптимизации налогообложения. Не относятся к категории *миттельштанд* и владельцы предприятий, которые передоверили управление фирмой наёмному менеджменту и утратили контроль за его действиями. Иными словами, принадлежность к *миттельштанду* предполагает сосредоточение в одних руках права собственности (не менее 50% доли в уставном капитале), функции управления и ответственности за коммерческие риски (Welter 2019). Таким образом, *малое и среднее предпринимательство* и *миттельштанд* не синонимы, хотя в политическом вокабуляре и даже в специальной литературе эти термины часто используются как равнозначные.

Структура предпринимательского ландшафта ФРГ имеет свои особенности. Как правило, немецкие МСП крупнее европейских: на немецких МСП занято в среднем 7,5 чел., а в ЕС – 3,9¹. В Германии существенно меньше микропредпри-

¹ IfM Bonn: Unternehmensbestand. KMU im EU-Vergleich [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ifm-bonn.org/statistiken/mittelstand-im-einzelnen/#accordion=0&tab=8> (accessed 10.12.2020).

ятий и больше средних, а за последние пять лет наблюдается уменьшение числа первых и рост вторых.

Крупные «средние» предприятия с числом занятых до 499 чел. играют в Германии особую роль. В некоторых отраслях (например, в машиностроении) именно они определяют лицо отрасли и вносят основной вклад в экспорт и финансирование научных исследований. В то же время участие малых предприятий с числом занятых менее 50 человек в расходах на НИОКР и в экспорте постоянно сокращается. С учётом укрупнения немецких МСП вполне объяснимо, что ряд европейских стран по абсолютному количеству предприятий этой категории заметно опережает Германию.

Плотность МСП в Германии тоже существенно ниже, чем в среднем по ЕС: 2 962 предприятия на 100 тыс. населения, а в ЕС – 4 778. По территории немецкие МСП распределены весьма неравномерно: почти половина сосредоточена в землях Северный Рейн-Вестфалия, Бавария и Баден-Вюртемберг². По отраслям картина такая: в обрабатывающей промышленности – 21,5% от общего количества предприятий (33% занятых), в торговле – 25,1% (23,7% занятых), в других секторах сферы услуг – 53,4% (43,4% занятых). По обороту лидируют МСП в обрабатывающей промышленности, в торговле и в строительной отрасли – почти 62% совокупного оборота (Berlemann et al 2019). МСП представлены в самых многообразных сферах: продовольственные магазины, ремонтные и ремесленные мастерские, аптеки, прачечные, ателье по пошиву одежды, парикмахерские, небольшие строительные и транспортные фирмы, фермерские хозяйства, производители узлов и комплектующих для крупных автомобильных и электротехнических концернов, адвокатские конторы, турагентства и т.д.

Роль предпринимательских союзов

Немецкий бизнес вообще и малый бизнес в частности хорошо организован. По количеству предпринимательских объединений и уровню координации их действий в Европе Германия – безусловный лидер. Это в значительной степени объясняется исторической традицией самоуправления в рядах немецкого предпринимательского сословия, что было настоятельной необходимостью в условиях разобщённости германских земель вплоть до 1870-х гг.

Германию заслуженно называют «страной союзов». Многочисленные отраслевые союзы предпринимателей, объединения работодателей, торгово-промышленные палаты, банковские союзы, объединения предприятий оптовой и розничной торговли, экспортёров и импортёров, владельцев недвижимости, ремесленнические палаты, ассоциации лиц свободных профессий – эти и многие другие структуры, представляющие интересы бизнеса, обеспечивают взаимо-

² Ibid.

действие с госучреждениями, пытаются оказывать влияние на экономическую и социальную политику органов власти.

Корпоративные интересы МСП представляет созданный в 1975 г. Федеральный союз малого и среднего бизнеса (*BVMW*) со штаб-квартирой в Бонне, который объединяет 32 отраслевых предпринимательских союза. В Союзе состоят 900 тыс. предприятий (многие эксперты считают эту цифру сильно завышенной). *BVMW* имеет представительства во всех федеральных землях, в 40 зарубежных странах (в России сотрудничает с правительством Калининградской области и с Санкт-Петербургским государственным экономическим университетом), а также в Брюсселе. Благодаря тому, что многолетний президент Союза М. Оховен (погиб 31 октября 2020) одновременно возглавлял и Европейское объединение союзов малых и средних предприятий (*CEA-PME*), *BVMW* был способен лоббировать интересы немецкого бизнеса на европейском уровне.

Помимо лоббистской деятельности, *BVMW* оказывает своим членам информационные и консалтинговые услуги, осуществляет мониторинг состояния хозяйственной конъюнктуры и отраслевых рынков, проводит мероприятия по обмену опытом и повышению квалификации руководящих кадров, оказывает помощь в организации выставок и ярмарок за рубежом, поддерживает регулярные контакты с прессой, доводит до сведения властей и общественности свою позицию по тем или иным актуальным вопросам социально-экономической политики³.

Характерный эпизод: когда в феврале 2019 г. министр экономики ФРГ П. Альтмайер (ХДС) представил концепцию Национальной промышленной стратегии (*Nationale Industriestrategie 2030*), почти все предпринимательские союзы обрушились на него с критикой; даже ориентированный на интересы крупных компаний Федеральный союз немецкой промышленности (*BDI*) заявил, что в промышленной стратегии «забыт малый и средний бизнес»⁴.

Дело в том, что П. Альтмайер призвал полагаться не только на рыночные механизмы, если Германия хочет сохранить свои позиции в группе мировых лидеров. Обострение международной конкуренции, выход на сцену новых игроков в лице Китая, растущий протекционизм, мол, ставят Германию перед необходимостью вернуться к «вертикальной» промышленной политике, когда долгосрочные приоритеты экономического развития определяет государство. Поддержку следует сфокусировать на «национальных и европейских чемпионах», т.е. крупных концернах, способных выдержать международную конкуренцию⁵.

³ См. Der deutsche Mittelstand [Электронный ресурс] URL: <https://www.bvmw.de/darum-bvmw/> (accessed 10.12.2020).

⁴ BDI. Industriestrategie vergißt Mittelstand – Eine kritische Bewertung [Электронный ресурс] URL: <https://bdi.eu/artikel/news/industriestrategie-vergisst-mittelstand-eine-kritische-bewertung/> (accessed 10.12.2020).

⁵ BMWi. Nationale Industriestrategie 2030. Strategische Leitlinien für eine deutsche und europäische Industriepolitik. Februar 2019. 8 p. [Электронный ресурс] URL: https://www.bmwi.de/Redaktion/DE/Publikationen/Industrie/nationale-industriestrategie-2030.pdf?__blob=publication (accessed 10.12.2020).

Такая постановка вопроса не могла понравиться малому и среднему бизнесу. Последовали резкие заявления руководителей предпринимательских союзов, обвинивших П. Альтмайера в «заигрывании с плановой экономикой», попрании правил честной конкуренции, покровительстве крупнейшим концернам и т.д. В итоге уже в начале октября 2019 г. Минэкономики представило *Стратегию развития малого и среднего бизнеса (Mittelstandstrategie)*, в которой были учтены многие пожелания представителей МСП. Месяцем позже был опубликован существенно переработанный вариант *Промышленной стратегии*, воспринятый в предпринимательской среде значительно спокойнее, чем предыдущий.

Предпринимательские союзы быстро отреагировали на кризисную ситуацию в экономике, возникшую с началом пандемии вируса COVID-19. Чтобы определить характер и остроту возникших проблем, BVMW в кооперации с отраслевыми союзами провёл серию опросов среди владельцев и руководителей МСП, по результатам которых эксперты IfM подготовили рекомендации по поддержке предприятий в зависимости от их величины, профиля деятельности, возможности перевода бизнеса в онлайн-режим, оснащённости собственным капиталом, вовлечённости в экспортно-импортные операции и т.д. (Welter, Wolter, Holz 2020). На базе этих рекомендаций BVMW опубликовал перечень требований к правительству, включая предоставление МСП широких налоговых льгот, упрощение процедуры перевода работников на сокращённый график, право на отсрочку платежей по обслуживанию кредитной задолженности, предоставление индивидуальным предпринимателям, микро- и малым предприятиям единовременных выплат на оплату текущих счетов и др.⁶. Учитывая мнение деловых кругов, власти Германии внесли коррективы в принятый в конце марта 2020 г. масштабный пакет антикризисных мер.

Результативный (как правило) диалог между государством и бизнесом в Германии ведётся не всегда публично, а чаще – в рамках разнообразных комиссий и консультативных комитетов, в которых парламентарии, чиновники и представители предпринимательских союзов согласовывают вопросы экономической политики.

Проблемы финансирования

Формально все МСП имеют возможность использовать широкий набор предусмотренных законом льгот и мер государственной поддержки. Общее количество федеральных, земельных и муниципальных программ, инструментов и механизмов поддержки малого и среднего бизнеса насчитывает в Германии несколько сотен. Наиболее существенные из них подробно рассмотрены в ряде

⁶ Politische Forderungen zur Bewältigung der Corona-Krise. [Электронный ресурс] URL: <https://www.bvmw.de/news/5561/politische-forderungen-zur-bewältigung-der-corona-krise/> (accessed 10.12.2020).

работ российских авторов (Комарова 2018)⁷. В последние годы государство особенно активно поощряет предприятия к внедрению инновационных технологий (Зарицкий 2018).

В общем виде набор инструментов поддержки МСП в Германии включает: а) институциональные (права и свободы граждан, включая гарантии права собственности, свободы предпринимательской деятельности, устойчивое правовое регулирование, независимый и справедливый суд), б) организационные (упрощение процедур создания и ведения бизнеса, сокращение сроков принятия административных решений, консультационная поддержка), в) инфраструктурные (обустройство необходимой инженерной, транспортно-логистической, социальной инфраструктуры), г) финансовые (налоговые и кредитные льготы, гарантии, субсидии, компенсации).

Несмотря на этот впечатляющий перечень, реальные условия ведения бизнеса в Германии сильно отличаются от той благостной картины, которую обычно представляют власти. Например, в рейтинге *Doing Business 2019*⁸ по критерию «Начать бизнес» Германия получила 114-е место из 190. По всем основным показателям (количество административных барьеров, время на регистрацию собственности, стоимость преодоления бюрократических процедур и т.д.) оценки ухудшились по сравнению с 2010 г., когда Германия оказалась на 84-м месте. Нельзя считать удовлетворительной и оценку по критерию «Доступ к кредитованию» – 44-е место⁹.

Теоретически, для получения кредита («инвестиционной субсидии») МСП и лица, создающие собственное дело, могут воспользоваться одной из федеральных или региональных программ поддержки малого и среднего бизнеса. Операторами таких программ выступают на федеральном уровне государственный Банк развития (KfW), а на региональном – земельные банки. На практике именно «домашний» банк клиента проводит обработку заявок, выдаёт денежные средства, контролирует их целевое использование и т.д.

Последние шесть – семь лет были периодом крайне низких процентных ставок, что, казалось бы, должно было привести к росту спроса на заёмные ресурсы. Однако немецкие МСП всё реже прибегают к внешнему финансированию¹⁰, а банки всё менее охотно предоставляют займы, ссылаясь на сокращение притока депозитов. Труднее всего получить кредит микро- и малым предприятиям с числом занятых менее 50 человек, которые и составляют основную массу МСП¹¹.

⁷ Маркварт Э. 2017. Поддержка малого бизнеса в Германии. *Бюджет.ru*. №4 [Электронный ресурс] URL: <http://bujet.ru/article/319541.php> (accessed 10.12.2020)

⁸ Рейтинг составляет Всемирный банк. В 2020 г. публикация рейтинга приостановлена.

⁹ *Doing Business 2019. Training for Reform. A World Bank Group Flagship Report*. P. 173 [Электронный ресурс] URL: https://www.doingbusiness.org/content/dam/doingBusiness/media/Annual-Reports/English/DB2019-report_web-version.pdf (accessed 10.12.2020).

¹⁰ Welter F. (2019) Diese Herausforderungen erwarten den deutschen Mittelstand. *Handelsblatt*. 6. Januar.

¹¹ The big Business of small Business. 2019. London: *Oxford Economics*. 72 p. [Электронный ресурс] URL: <https://www.oxfordeconomics.com/recent-releases/the-big-business-of-small-business> (accessed 10.12.2020).

Главные претензии владельцев этой группы предприятий к банкам таковы: бюрократическая волокита, длительные сроки рассмотрения кредитных заявок, жёсткие требования к целевому использованию кредитов и гарантиям платёжеспособности клиентов, дискриминационные по сравнению с крупными предприятиями процентные ставки. Почти 20% владельцам микро- и малых предприятий вообще не удалось получить доступ к льготному банковскому кредитованию, а 40% указали, что сумма предоставленного займа была меньше указанной в заявке¹².

Ещё сложнее найти источники внешнего финансирования физическим лицам, планирующим создать новый бизнес. Этот факт признаёт и банк KfW – главный оператор федеральных программ финансовой поддержки МСП. По его данным, в 2019 г. только 15% стартапов сумели привлечь капитал со стороны, из них 6% получили банковские кредиты, 9% воспользовались помощью родственников и знакомых, 56% начали бизнес на собственные средства¹³.

Отечественные авторы (Зарицкий 2019; Ходов 2017) считают одной из главных проблем недостаточно развитый рынок венчурного капитала. В 2018 г. его объём оценивался в США – 118 млрд долл., в Китае – 107 млрд долл., а в Германии – 1,4 млрд евро¹⁴. При этом больше половины средств на немецком рынке вложили американские инвестфонды, а почти 10% от общей суммы – финансовые компании из Китая¹⁵.

Даже перспективные стартапы из сферы информационных и телекоммуникационных технологий испытывают постоянную нехватку притока капитала для развития бизнеса. Как утверждают эксперты профильного объединения компаний этой отрасли BITKOM, в 2018 г. об этом заявили 79% стартапов. Не надеясь получить доступ к льготным банковским кредитам, большинство из них пытаются найти «бизнес-ангелов», некоторые пробуют собрать средства через краудфандинг, 32% планируют в перспективе выход на биржу, а 27% собираются перебраться за границу, прежде всего, в США, где шире возможности финансирования, меньше бюрократических препон, налажена практика взаимодействия с другими стартапами и набрать квалифицированных сотрудников проще. 78% начинающих предпринимателей из немецкой ИТ-отрасли считают, что политики муссируют модную тему стартапов только ради собственного пиара¹⁶.

¹² Ibid.

¹³ KfW – Gründungsmonitor 2020. KfW Research. Frankfurt am Main: KfW Bankengruppe. P. 7. [Электронный ресурс] URL: <https://www.kfw.de/PDF/Download-Center/Konzernthemen/Research/PDF-Dokumente-Gr%C3%BCndungsmonitor/KfW-Gruendungsmonitor-2020.pdf> (accessed 10.12.2020).

¹⁴ Wagniskapitalinvestitionen in Deutschland, China und den USA. 2019. Wissenschaftliche Dienste. Berlin: Deutscher Bundestag. S.10 [Электронный ресурс] URL: <https://www.bundestag.de/resource/blob/645668/656144bbb0b27a72f38a360263a162c4/WD-5-040-19-pdf-data> (accessed 10.12.2020).

¹⁵ Venture Capital in Deutschland: in der Mitte liegt die Lücke. 2019 [Электронный ресурс] URL: <https://dezernatzukunft.org/2019/11/10/venture-capital-in-deutschland-in-der-mitte-liegt-die-luecke/> (accessed 10.12.2020).

¹⁶ BITKOM Startup Report 2019. Berlin. 45 P. URL: https://www.bitkom.org/sites/default/files/2019-12/bitkom_startups_2019.pdf (accessed 10.12.2020).

Симптомы заболевания

Трудности с привлечением кредитных ресурсов – не единственная и не всегда главная проблема немецких МСП. Чем крупнее предприятие и чем дольше оно находится на рынке, тем лояльнее отношение к нему кредитных менеджеров банка. К тому же средние предприятия могут использовать альтернативные инструменты финансирования: лизинг, факторинг, выпуск долговых бумаг и др.

Развитие рынка пирингового кредитования через создание онлайн-платформ, предоставляющих P2P займы без участия традиционно дорогих посредников, создало новые возможности для микропредприятий и молодых развивающихся компаний (Казаченок 2018). Популярность этого вида привлечения средств в Германии быстро растёт: с августа 2015 г. по январь 2019 г. среднемесячное число запросов, связанных с P2P-кредитованием, выросло в 6,5 раз, хотя количество выданных кредитов и их размеры пока невелики¹⁷. Всё это не снимает проблему доступности банковского кредитования, которое 39% владельцев немецких МСП по-прежнему рассматривают в качестве основного внешнего источника финансирования¹⁸.

Но даже если вынести тему финансирования за скобки, то среда обитания малого и среднего бизнеса в Германии мало напоминает райские кущи. Оценки рамочных условий ведения предпринимательской деятельности в Германии в рейтинге *Doing Business* в течение последних пяти лет менялись следующим образом (табл. 2).

Табл. 2. Германия в рейтинге *Doing Business*

Table 2. The rank of Germany in *Doing Business*

Год	2015	2016	2017	2018	2019
Место по совокупности критериев	14	15	17	20	24
Место по критерию «Начать бизнес»	114	107	114	113	114
Место по критерию «Доступность кредита»	23	28	32	42	44
Место по критерию «Налоговая система»	68	72	48	42	43

Источник: *Doing Business* за 2015–2019 гг.

В Германии уже несколько лет подряд количество ликвидируемых МСП превышает количество вновь созданных. Молодёжь не хочет продолжать семейный бизнес – слишком высоки налоги на наследство при относительно низкой рентабельности большинства МСП, плюс к этому ненормированный рабочий день, постоянный стресс и риск разориться. Число желающих создать новый бизнес тоже постоянно сокращается – молодые люди предпочитают искать работу в

¹⁷ С 2015 года популярность P2P кредитования в Германии выросла в 6,5 раз. [Электронный ресурс] URL: https://robo.cash/ru/novosti/s_2015_goda_populyarnost_p2p_kreditovaniya_v_germanii_vyroslo_v_6,5_raz (accessed 10.12.2020).

¹⁸ The big Business of small Business 2019...

крупных компаниях или на госслужбе, где гарантированный заработок, выходные дни, отпуск, социальные гарантии. Указывая на эти обстоятельства, исполнительный директор Федерального союза среднего и малого бизнеса (BVMW) М. Ергер делает вывод: в Германии утрачен грюндерский дух, а это грозит подорвать конкурентоспособность национальной экономики (Jerger 2019).

Германия значительно уступает своим конкурентам и по индексу предпринимательской активности *TEA-Quote* (*Total early-stage Entrepreneurial Activity*)¹⁹ (см. рис. 2).

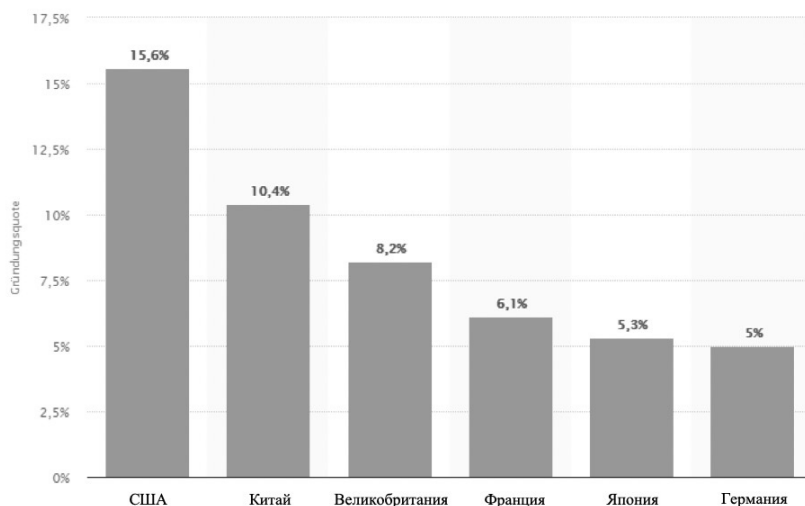

Рис. 2. Индекс предпринимательской активности в 2018 г.

Fig. 2. TEA-Quote 2018

Источник: Statista 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/159918/umfrage/existenzgründungen-in-führenden-wirtschaftsnationen/> (accessed 10.12.2020)

Общую картину дополняет исследование, проведенное сотрудниками института Ifo (Ragnitz 2019).

Устойчивый спад грюндерской активности в Германии был зафиксирован уже в начале 2000-х гг. Стоит отметить региональные различия: больше всего новых предприятий было создано в Берлине и в Гамбурге, неплохо выглядит статистика в Баварии и в земле Северный Рейн-Вестфалия, удручающие показатели на востоке страны – в Тюрингии, Саксонии-Анхальт и в земле Мекленбург-Передняя Померания.

Исследователи выделяют две группы причин, по которым «готовность начать собственный бизнес в Германии заметно ослабла». Первая – длин-

¹⁹ Индекс *TEA-Quote* (*Total early-stage Entrepreneurial Activity*) определяется как процентное соотношение количества созданных за последние 42 месяца или находящихся в процессе создания предприятий к численности населения в возрасте от 18 до 64 лет.

ный список претензий к рамочным условиям ведения бизнеса в Германии. Вторая – особенности культурных традиций и национального менталитета: немцы предпочитают стабильность неопределённости, молодёжь хочет свободы, но избегает ответственности и риска. К этому примешивается якобы генетически заложенный в немецком характере страх перед банкротством, неудачей в бизнесе – в отличие от Америки, где подобная неудача рассматривается как полезный урок. Занятие бизнесом не относится к числу популярных и пользующихся уважением профессий. Рекомендации авторов исследования тривиальны: надо популяризировать предпринимательство, учить основам бизнеса со школьной скамьи.

Отражает ли такая интерпретация истинные причины происходящего, однозначно сказать трудно. Национальная психология – материя тонкая, и здесь могут быть разные точки зрения. В своих претензиях к правительству предприниматели больше говорят о налогах, ценах на электроэнергию, растущей нехватке квалифицированной рабочей силы, бюрократических барьерах и проблемах с финансированием (Rathje, Hannich 2019).

Для такой постановки вопроса есть основания. Вот данные мониторингов, проведённых банком KfW. В 2018 г. количество вновь созданных малых предприятий сократилось по сравнению с 2016 г. на 125 тыс.; в 2019 г. оно впервые за пять лет несколько увеличилось, но в 2020 г. снова ожидается спад. Многолетние наблюдения показывают, что средняя «продолжительность жизни» МСП в Германии не превышает 10 лет. Около трети из них прекращают существование в течение первых трёх лет. Причины разные, но в зоне риска находятся, прежде всего, микро-предприятия: львиная доля банкротств приходится на компании с числом занятых менее пяти человек. В удачном с точки зрения хозяйственной конъюнктуры 2018 г. только 700 тыс. из 3,5 млн немецких МСП имели уровень прибыли, достаточный для беспроblemного продолжения бизнеса²⁰.

Новая стратегия

Свои рецепты решения назревших проблем федеральное правительство изложило в упомянутой выше *Стратегии развития малого и среднего бизнеса*²¹. В этом документе обещан широкий набор мер, направленных на улучшение условий жизнедеятельности МСП, в т.ч.:

²⁰ KfW – Gründungsmonitor 2019. *KfW Research*. Frankfurt am Main: KfW Bankengruppe. S. 2, 9 [Электронный ресурс] URL: <https://www.kfw.de/PDF/Download-Center/Konzernthemen/Research/PDF-Dokumente-Gr%C3%BCndungsmonitor/KfW-Gruendungsmonitor-2019.pdf> (accessed 10.12.2020), а так же KfW – Gründungsmonitor 2020. Op. cit. S. 1, 7, 11.

²¹ Wertschätzung, Stärkung, Entlastung. Mittelstandstrategie. 2019. Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie (BMWi). 27 S.

- ввести новые налоговые послабления;
- снизить социальные отчисления для предпринимателей и законодательно гарантировать верхний предел их возможного повышения в будущем;
- придать больше гибкости регулированию на рынке труда;
- упростить разрешительные процедуры для использования иностранных специалистов с целью смягчения дефицита рабочей силы;
- повысить эффективность использования собственного потенциала рабочей силы путём реформирования и модернизации системы профориентации и профобучения, прививать молодёжи «грюндерский дух»;
- обеспечить доступность цен на электроэнергию;
- ускорить развитие транспортной и цифровой инфраструктуры, предоставить широкий доступ к скоростным сетям интернет;
- облегчить доступ к банковскому кредитованию путём адаптации рекомендаций Базельского комитета по банковскому надзору (Базель-3 и Базель-4) к потребностям малого и среднего бизнеса;
- усилить финансовую поддержку инновационным стартапам;
- содействовать развитию рынка венчурного капитала;
- использовать не только проектное финансирование, но и налоговое стимулирование НИОКР;
- обеспечить организационную и финансовую поддержку более активному внедрению цифровых технологий;
- расширить и облегчить доступ к госконтрактам;
- усилить поддержку внешнеэкономической деятельности, прежде всего, на азиатском направлении;
- предусмотреть дополнительные льготы в депрессивных и структурно слабых регионах;
- создать межведомственный комитет на уровне статс-секретарей для координации практических шагов по реализации предусмотренных в *Стратегии* мер.

Предпринимательские союзы и деловая пресса в целом благожелательно встретили появление нового документа. В некоторых комментариях, правда, прозвучали сомнения относительно реализуемости всех перечисленных мер с учётом потенциальных конфликтов межведомственных и межпартийных интересов. В самом деле, последовала критика – прежде всего от представителей СДПГ: министр финансов О. Шольц выразил озабоченность в связи выпадающими поступлениями в бюджет; министр труда Х. Хайль возразил против дальнейшей либерализации регулирования на рынке труда; в том же духе заместитель фракции СДПГ в бундестаге З. Бартоль заявил о недопустимости решения проблем бизнеса за счёт наёмных работников. Член правления Союза немецких

²² Loer J. 2019. Altmaier umgarnt Mittelstand mit Steuerdeckel. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 29. August.

профсоюзов (DGB) Ш. Кёрцель назвал представленную Министерством экономики концепцию реформ «подарком богатым»²³.

Как будут развиваться события, предсказать трудно. Пандемия коронавируса нанесла тяжёлый удар по немецкой экономике. Начавшаяся рецессия создаёт угрозу массовых банкротств и сокращения рабочих мест. Правительство всячески демонстрирует готовность оказать массированную поддержку экономике и населению: создан Фонд экономической стабильности (ФЭС) с капиталом 600 млрд евро, в рамках которого на 400 млрд евро предусмотрена возможность предоставления государством кредитных гарантий, открывающих предприятиям дополнительный доступ к финансовым ресурсам. На 100 млрд евро выделен кредитный лимит для проведения операций с МСП банку развития KfW.

Впервые после 2013 г. решено увеличить бюджетные ассигнования за счёт займов на сумму 156 млрд евро, из которых 50 млрд пойдут на прямые выплаты оказавшимся в сложном финансовом положении самозанятым, микро- и малым предприятиям. Они могут претендовать на сумму до 15 000 евро в зависимости от размера фирмы. До двух лет увеличен срок, на протяжении которого государство частично компенсирует потери в заработке наёмным работникам при переходе на сокращённый график. Министр труда Х. Хайль заявил об отсутствии финансовых ограничений для преодоления кризисных явлений на рынке труда²⁴.

В дополнение к мерам центрального правительства свои антикризисные программы приняли федеральные земли. Одной из первых и самой «щедрой» оказалась Бавария, которая выделила на поддержку малого и среднего бизнеса 10 млрд евро. В Берлине с конца марта в рамках первого пакета помощи 144 тысячи индивидуальных предпринимателей получили возможность через городской инвестбанк получить финансовую поддержку на сумму 1,4 млрд евро²⁵.

Официально объявленная стоимость антикризисного пакета мер поддержки бизнеса (кредиты, гарантии по кредитам, прямые выплаты, выкуп государством долей в компаниях для предотвращения их поглощения иностранными фирмами) составляет 750 млрд евро²⁶. По оценке *Forbes*, с учётом социальных программ, налоговых льгот и прочих недополученных бюджетом платежей общая стоимость заявленных властями фискальных мер может превысить

²³ Altmaier will Sozialabgaben für Unternehmen deckeln 2019. *Der Tagesspiegel*. 1. Oktober.

²⁴ Corona-Krise wirft gewaltige Last auf den Arbeitsmarkt [Электронный ресурс]. URL: <https://www.insüdthüringen.de/deutschlandwelt/wirtschaft/Corona-Krise-wirft-gewaltige-Last-auf-den-Arbeitsmarkt> (accessed 10.12.2020).

²⁵ Rettungsbeihilfe Corona – Soforthilfe-Paket I [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ibb.de/de/foerderprogramme/liquiditaetshilfen-berlin.html> (accessed 10.12.2020)

²⁶ Germany launches 750 billion euro package to fight coronavirus. 2020. *Reuters*. March 23.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-germany-budget-idUSKBN21A2XU> (accessed 10.12.2020).

1,3 трлн евро, что составляет около 37% ВВП страны – это абсолютный рекорд среди стран «большой семёрки»²⁷.

Подобный оценочный подход имеет право на существование, но во многом носит спекулятивный характер и проверить его достоверность сложно, поскольку неизвестно, какую сумму в действительности составят недополученные бюджетом платежи, какой объём обещанных государственных кредитных гарантий будет востребован на практике и т.д. При всех обстоятельствах Германия находится в более предпочтительном положении по сравнению со своими партнёрами по «семёрке»: только она имела в последние годы бездефицитный бюджет, уровень её государственной задолженности опустился ниже 60% ВВП, фонд страхования по безработице имеет резервы более 20 млрд евро. В этой ситуации даже запланированный объём новых заимствований не выглядит слишком обременительным для немецкой финансовой системы.

С наступлением второй волны пандемии правительство ФРГ в конце октября 2020 г. приняло ряд дополнительных мер по поддержке малого бизнеса и самозанятых. Вынужденным приостановить работу предприятиям с менее чем 50 сотрудниками государство в ноябре окажет разовую безвозмездную помощь в размере до 75% их месячной выручки. Предприятия с менее чем 10 работниками смогут получить в государственном банке KfW льготный экспресс-кредит. Бюджету эти меры обойдутся в 10 млрд евро²⁸.

Сумеет ли федеральное правительство «залить» кризис деньгами – большой вопрос. После обвального падения во II квартале 2020 г. (-9,8%) в III квартале против всяких ожиданий ВВП страны вырос на 8,2%. Это замедлит, но не предотвратит сокращения производства товаров и услуг по итогам года. Ориентированная на экспорт немецкая экономика не в состоянии решить свои проблемы в одиночку. Падение продаж на зарубежных рынках, сбой в глобальных производственных цепочках бьют не только по крупным концернам, но и по их многочисленным субпоставщикам – малым и средним предприятиям. Когда в мировой экономике начнётся «поствирусный» подъём, неизвестно. Осенние прогнозы относительно глубины экономического спада в Германии в 2020 г. варьировались в диапазоне от 5,4 до 6% ВВП²⁹.

²⁷ По объёму обещанной для поддержки экономики помощи в абсолютном выражении лидируют США (2,6 трлн долл.), но по доле ВВП американцы только шестые (12,4% ВВП). См.: Пандемия со скидкой: Россия выделила на помощь населению и бизнесу в 70 раз меньше Германии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/396629-pandemiya-so-skidkoy-rossiya-vydela-na-pomoshch-naseleniyu-i-biznesu-v-70-raz-menshe> (accessed 10.12.2020).

²⁸ Ausserordentliche Wirtschaftshilfe November-Details der Hilfen stehen [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bmwi.de/Redaktion/DE/Pressemitteilungen/2020/11/20201105-ausserordentliche-wirtschaftshilfe-november-details-der-hilfe-stehen.html> (accessed 10.12.2020)

²⁹ Konjunkturprognosen fuer Deutschland [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tagesschau.de/wirtschaft/konjunkturprognose114.html> (accessed 10.12.2020)

В этих условиях главную задачу своей политики по отношению к МСП правительство видит в минимизации ущерба и обеспечении их выживания всеми доступными, в том числе и нетипичными для рыночной экономики, методами. Не у всех в Германии такой подход находит понимание. Те, кто продолжает верить, что «невидимая рука» рынка сама всё расставит по своим местам, заговорили о «покушении на рыночную экономику и демократию»³⁰. Но сохранение *миттельштанда* – не чисто экономический вопрос: речь идёт о поддержании социально-политической стабильности в стране.

Делая выводы, можно утверждать, что:

1. Система поддержки малого и среднего предпринимательства в Германии имеет давние традиции; она формировалась в определённых исторических условиях, существует в своеобразной социокультурной среде. Эта система имеет свои сильные и слабые стороны, многие её элементы не являются инвариантными и не могут быть воспроизведены в другой политической и экономической реальности.

2. Опыт Германии показывает, что разумную политику содействия малому и среднему бизнесу можно выстраивать только при наличии эффективных институтов, стабильной правовой системы и адекватной правоприменительной практики, а при высоком уровне региональной неоднородности непременным условием является децентрализация ресурсов (в первую очередь финансовых) и компетенций, отказ от попыток «тиражирования» моделей господдержки бизнеса, т.е. дифференцированный подход к выстраиванию политики в этой сфере.

3. Постоянная корректировка политики поддержки МСП эффективна благодаря наличию устойчивых каналов обратной связи между госструктурами, бизнес-ассоциациями и экспертным сообществом. От сотрудников госструктур, помимо желания к сотрудничеству, требуется компетентность, от бизнеса – высокий уровень организованности и навыки цивилизованной лоббистской деятельности, от экспертов – знание не только теории, но и практики ведения бизнеса.

4. Государственная поддержка малого и среднего бизнеса не может и не должна носить фронтальный характер. Многие МСП изначально имеют низкий потенциал роста, создают незначительное количество рабочих мест и быстро исчезают. В Германии постоянно дискутируется вопрос о методах оценки реального вклада малого и среднего бизнеса в экономическое и социальное развитие страны. В качестве критериев такой оценки наряду с традиционными показателями (доля МСП в ВВП, в обороте, занятости) всё шире используются показатели, характеризующие роль МСП в поддержании конкурентной среды, улучшении структуры экономики, повышении благосостояния

³⁰ Tichy R. Angriff auf Marktwirtschaft und Demokratie [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ludwig-erhard.de/erhard-aktuell/standpunkt/angriff-auf-marktwirtschaft-und-demokratie/> (accessed 10.12.2020).

населения, решении фискальных задач государства, ускорении инновационного развития.

5. В последние годы особое значение придаётся вкладу малого и среднего бизнеса в инновационное развитие. Проблема в том, что немецкие МСП не стали драйверами инновационного роста: и по доле расходов на НИОКР, и по патентной активности доминируют крупнейшие концерны. Более того, немецкие МСП отстают от главных зарубежных конкурентов по темпам внедрения передовых технологий (цифровизация и искусственный интеллект).

6. В настоящее время политика в отношении МСП нацелена на поддержку инноваций. Принятая в 2019 г. правительственная *Стратегия развития малого и среднего бизнеса* намечает общие контуры решения этой задачи, но оставляет много вопросов по поводу практических шагов по её реализации, тем более в условиях нынешнего кризиса, вызванного пандемией коронавируса. Для ликвидации наметившегося отставания Германии в области высоких технологий требуется не просто усиление селективной поддержки определённой группы компаний, но широкий круг мер по модернизации инфраструктуры (в первую очередь, обеспечение доступа к скоростному интернету), развитию рынка венчурного капитала, изменению регулятивных норм в области трудового, налогового, миграционного законодательства, приспособление системы образования к потребностям нового экономического уклада. Политика содействия малому и среднему бизнесу должна быть ещё сильнее увязана с промышленной, инновационной, научной, социальной, экологической, образовательной политикой.

Об авторе:

Борис Ефимович Зарицкий – доктор исторических наук, профессор кафедры мировой экономики МГИМО МИД России, почётный работник высшего профессионального образования России. 119454, г. Москва, проспект Вернадского д. 76. E-mail: borsar@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: February 05, 2020.
Accepted: October 15, 2020.

Problems of Small and Medium Business in Germany

B.E. Zaritskiy

[DOI 10.24833/2071-8160-2020-6-75-133-152](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-6-75-133-152)

Moscow State Institute of international Relation (university)

Abstract: The article deals with the problems of small and medium entrepreneurship (SME) in Germany, its role in the country's economy. It reveals the mechanism of interaction of government structures, political parties, business alliances and the expert community in formulating and carrying out policies aimed at supporting SME. It shows that real business conditions in Germany differ substantially from what is usually offered to potential investors in advertising brochures. The Total Early-Stage Entrepreneurial Activity Index (TEA-Quote) puts Germany far behind its competitors. For several consecutive years the number of liquidated small and medium enterprises has been higher than that of newly created ones. Germany's new generation prefers to seek jobs in big companies or in the civil service. Germany seems to have lost the Gründer spirit. Entrepreneurs complain about the great number of bureaucratic procedures, the growing shortage of skilled workforce, high electricity prices, and difficulties in accessing bank credits for micro and small enterprises. An underdeveloped market of venture capital has been a drag on innovative startups. A successful cluster policy, which gave a new impulse to the development of several territories, has not offset serious shortcomings in the country's entrepreneurial climate.

While not dramatizing the situation, the author considers as mistaken a common point of view found in Russian publications. This point of view holds that framework conditions for business in Germany constitute a near-ideal model, which leads to success as long as it is copied faithfully.

The article analyses public discussion in Germany about the problems of SMEs, complaints of small and medium business against the authorities. The key provisions of the government strategy to develop small and medium business adopted in 2019 and a sessionary package to mitigate damage of the coronavirus outbreak on the German economy adopted in 2020 are reviewed. The main conclusion of the author is that the German experience should be treated selectively, taking into account overall internal political, economic and social conditions under which the German policy of supporting SMEs is designed.

The strengths of this policy lie in its systemic nature and a commitment to align it with industrial, innovative, social, research, and educational policies.

Keywords: small and medium enterprises, framework conditions for business, bank credits, tax incentive, startups, venture capital, innovations

About the author:

Boris E. Zaritskiy – Doctor of History, Professor of the Department of World Economy, MGIMO of the MFA of Russia, Honored Worker of Higher Professional Education of Russian Federation. 119454, Moscow, prospect Vernadskogo, 76. E-mail: borsar@mail.ru

Conflict of Interests:

The author declares absence of conflict of interests.

References:

Berleemann M., Jahn V., Lehmann R. 2019. Wie ist der Mittelstand räumlich verteilt? Eine Analyse mit Befragungsdaten. Ifo-Institut, München: *ifo Dresden berichtet*. №1. S. 26–28. (In German)

Jerger M. 2019. Sterben uns die Unternehmer aus? *Der Mittelstand*. Verlag Mattheis Werbeagentur, Berlin. №6. S. 10–12. (In German)

Lundstroem A., Stevenson L. 2005. *Entrepreneurship Policy: Theory and Practice*. New York: Springer. 310 p.

Ragnitz J. 2019. Zu wenig unternehmerische Initiative: Gründungen und Gründerneigung in Ostdeutschland. Ifo-Institut, München: *ifo Dresden berichtet*. №3. S. 18–22. (In German)

Rathje A.-C., Hannich U. 2019. Was erwarten die deutschen Unternehmer von einer Industriepolitik? Ifo-Institut, München: *ifo Schnelldienst*. №22. S. 22–26. (In German)

Welter F. 2019. The Mittelstand: a Specific Entrepreneurial Profile of the Social Market Economy. *Journal for Markets and Ethics*. 6(1). P. 99–106.

Welter F., Wolter H.-J., Holz M. 2020. Exit aus dem Shutdown – wie der Mittelstand die Coronavirus-Pandemiekrise optimal überstehen kann. Bonn: *IfM-Hintergrundpapier*. Stand: 7. April 2020. 21 s. (In German)

Wolter H.-J. 2017. Die Bedeutung der eigentümer- und familiengeführten Unternehmen in Deutschland. Bonn: *IfM-Materialien*. № 253. S. 6–12. (In German)

Kazachenok O.P. 2018. Vzaimnoye (P2P) kreditovaniye kak sovremennyy instrument al'ternativnogo finansirovaniya [Mutual (P2P) Lending as a Modern Tool for Alternative Financing]. *Vestnik Universiteta imeni O.Ye.Kutafina* №10. P. 147–155. (In Russian). DOI: 10.17803/2311-5998.2018.50.10.147-155.

Khodov L.G. 2017. Kak finansiruyutsya startapi v Germanii? [How Start-Ups in Germany are Financed?]. *Sovremennaja Evropa* №5. P. 86–91. (In Russian)

Komarova O.V. 2018. Institut podderzhki malogo i srednego biznesa: opyt Germanii i urokidlya Rossii [Institute for Small and Medium Business Support: German Experience and Lessons for Russia] *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravleniye*. 7(3(24)). P. 125–129. (In Russian)

Zaritskiy B.Ye. 2018. Natsional'nyye innovatsionnyye sistemy v usloviyakh global'noy konkurentsii (na primere Germanii) [National Innovation System in the Time of Global Competition: German Case]. *Ekonomicheskiye nauki*. № 169. P. 123–130. (In Russian)

Zaritskiy B.Ye. 2019. *Ekonomika Germanii* [German Economy]. Moscow: Izdatel'stvo «MGIMO-Universitet». 487 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Зарицкий Б.Е. 2018. Национальные инновационные системы в условиях глобальной конкуренции (на примере Германии). *Экономические науки*. №169. С. 123–130.

Зарицкий Б.Е. 2019. *Экономика Германии*. Москва: Издательство «МГИМО-Университет». 487 с.

Казаченок О.П. 2018. Взаимное (P2P) кредитование как современный инструмент альтернативного финансирования. *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина*. №10. С. 147–155. DOI: 10.17803/2311-5998.2018.50.10.147-155.

Комарова О.В. 2018. Институт поддержки малого и среднего бизнеса: опыт Германии и уроки для России. *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 7(3(24)). С. 125–129.

Ходов Л.Г. 2017. Как финансируются стартапы в Германии? *Современная Европа*. №5. С. 86–91.

Факторы международной активности российских городов

Р.С. Мухаметов

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Международная деятельность правительств на субнациональном уровне стала широко распространённой практикой. Сотрудничество между городскими органами власти, начавшись в Европе с целью содействия миру, международному взаимопониманию, примирению между народами в послевоенный период, со временем распространилось по всему миру. Международные партнёрские отношения между городами, также известные как побратимские отношения, превратились в инструмент содействия экономическому развитию. Движение городов-побратимов рассматривается не только как форма трансграничного межмуниципального сотрудничества, но и как один из аспектов парадипломатии. Одним из последствий регионализации, охватившей постсоветскую Россию в 1990-е гг., стал рост внешнеэкономической деятельности, международных контактов как субъектов федерации, так и отдельных городов. Это нашло отражение в подписании соглашений об установлении побратимских отношений. Данное исследование направлено на определение факторов, от которых зависит международная активность российских городов. Теоретико-методологической основой работы выступила концепция парадипломатии в целом и городской дипломатии в частности. Автор выдвинул несколько гипотез в рамках существующих в научной литературе подходов к высокой международной активности городов. Базой данных выступил список породнённых городов, включающий 150 российских муниципальных образований, составленный Международной ассоциацией «Породнённые города». Статистические вычисления были произведены методом множественной линейной регрессии. В результате исследования было обнаружено, что большое количество городов-побратимов наблюдается у российских городов, которые можно отнести к мегаполисам и крупным городам. Выявлено, что высокий уровень международной активности российских городов характерен для муниципальных образований, которые расположены в приграничных регионах. Показано, что экономические характеристики напрямую влияют на число городов-побратимов. Автор подчёркивает, что наличие статуса административного центра субъекта России позитивно сказывается на количестве городов-побратимов. В работе отмечается влияние исторического наследия территорий на развитие межмуниципального культурного сотрудничества. В заключении отмечено, что влияние демографических, географических, экономических, политико-правовых и культурно-исторических особенностей муниципальных образований на количество городов-побратимов объясняет не все случаи. Автор полагает, что определённой объяснительной силой обладает политический фактор.

УДК: 327.35

Поступила в редакцию: 29.04.2020 г.

Принята к публикации: 12.10.2020 г.

Ключевые слова: внешняя политика, внешнеэкономическая деятельность регионов, парадипломатия, городская дипломатия, города-побратимы, города-близнецы, трансграничное межмуниципальное сотрудничество.

За последние десятилетия наметилась чёткая тенденция, свидетельствующая о том, что поддержание международных отношений не является больше исключительной прерогативой национальных правительств. На международной арене появились новые негосударственные субъекты (Афонцев 2008; Лебедева 2013; Цыганков 2013). Некоторые из этих акторов носят не территориальный характер. Например, международные неправительственные организации или транснациональные компании. Другие имеют территориальный характер. В частности, «микрорегионы», такие как Квебек и Каталония, или «макрорегионы», такие как Европейский союз (Crikemans 2007: 118). Эксперты отмечают, что на международной арене стали заметны и субнациональные участники, т.е. регионы и города (Лебедева 2019; Савкин 2009; Саямов 2008). Дипломатия как средство защиты внешнеполитических интересов также используется местными органами власти, которые накопили большой опыт в налаживании международных связей за счёт сотрудничества с муниципальными органами власти зарубежных государств, создания лоббистских сетей для продвижения местных интересов.

Необходимо отметить, что существующая литература в целом до недавнего времени страдала определённым западным уклоном из-за её постоянного и почти исключительного внимания к европейским и североамериканским выражениям этой реальности¹. Однако в последнее время все большее количество литературы свидетельствует о том, что участие субнациональных единиц во внешней политике не является исключительной прерогативой экономически развитых государств. Данная практика распространена по всему миру, в том числе и на постсоветском пространстве (Гиматдинов, Насыров 2018; Шаймарданова, Макашев 2018).

Появление российских регионов в качестве новых акторов на международной арене отражает как общемировые процессы глобализации, так и регионализацию внутри России. Активное участие субнациональных правительств России в налаживании внешних связей является феноменом, возникшим в 1990-е гг. (Плотникова 2005; Толстых 2004). Теоретическое осмысление парадипломатии российских регионов получило широкое распространение среди отечественных исследователей (Александров 2005; Вардомский, Скатерщикова 2002; Макарычев 2000).

¹ Cornago N. 2000. *Exploring the global dimensions of paradiplomacy. Functional and normative dynamics in the global spreading of subnational involvement in international affairs*. Workshop on Constituent Units in International Affairs Hanover, Germany, October. URL: <http://www.forumfed.org/libdocs/ForRelCU01/924-FRCU0105-int-cornago.pdf> (accessed 16.12.2020).

Помимо регионов на международной арене проявляют активность и города. Одним из направлений развития российских муниципалитетов является заключение соглашений о культурном, экономическом и деловом сотрудничестве с другими городами (как российскими, так и зарубежными) в рамках отношений побратимства. Межмуниципальное сотрудничество является общей стратегией городов по повышению их международного статуса и глобальной конкурентоспособности посредством содействия обмену информацией, идеями, инвестициями и, в целом, людьми. Так, например, город Ижевск связан побратимскими связями и особыми соглашениями о сотрудничестве с одиннадцатью городами², Нижний Новгород – с 17³, а Кострома – с 20⁴. Почему одни города более активны на международной арене, а другие менее? От каких факторов зависит международная активность российских городов? От чего зависит уровень развития международного межмуниципального сотрудничества? В данной статье мы намерены дать ответы на эти вопросы.

Целью статьи является определение факторов высокой активности российских городов на международной арене. В рамках данного исследования тестируются существующие в научной литературе теории, объясняющие большое количество городов-побратимов. Первая часть работы посвящена теоретической рефлексии понятий «парадипломатия» и «городская дипломатия». Во второй части статьи описаны наиболее значимые подходы к объяснению причин высокого уровня трансграничного сотрудничества городов. Далее выдвинуты, обоснованы и операционализированы гипотезы исследования, а затем представлены результаты эмпирического анализа, проведенного с использованием метода множественной линейной регрессии. Главные выводы работы отражены в заключении.

Выбор подходящей теоретической базы является важным и необходимым этапом, с которым сталкивается каждый исследователь. Теоретическая основа состоит из существующих концепций, которые, наряду с основными понятиями и категориями, а также ссылками на важную научную литературу, имеют отношение к конкретному исследованию. Избранные теории и концепции создают концептуальную основу для понимания и анализа исследовательских вопросов (Marczyk et al. 2005). В настоящем исследовании теоретической базой являются концепции парадипломатии и городской дипломатии.

² Международные и региональные связи. *Муниципальное образование город Ижевск* [официальный сайт]. Электронный ресурс. URL: <http://www.izh.ru/i/info/16265.html> (дата обращения 16.12.2020).

³ Города-побратимы. *Нижний Новгород* [официальный сайт]. Электронный ресурс. URL: <https://xn--b1acdjbh2acclca1a.xn--p1ai/Gostyam/Goroda-pobratimy> (дата обращения 16.12.2020).

⁴ Побратимские связи муниципальных образований Костромской области. *Инвестиционный портал Костромской области* [официальный сайт]. Электронный ресурс. URL: <http://investkostroma.ru/vneshneekonomicheskaya-deyatelnost/mezhdunarodnye-svyazi-kostromskoy-oblasti/pobratimskie-svyazi-municipalnyh-obrazovaniy-kostromskoy-oblasti-itogi-za-2011-god> (дата обращения 16.12.2020).

В последние годы наблюдается взрыв международной активности со стороны регионов, особенно в Европе⁵. В настоящий период международная активность субнациональных единиц не является исключительным феноменом западных федеративных (США, Канада, Германия) и регионалистских (Испания, Италия) государств. Парадипломатия становится поистине глобальным феноменом. В научной литературе действия регионов (областей, штатов, провинций и т. д.) обозначались и назывались по-разному на протяжении многих лет. Некоторые из наиболее широко используемых понятий – «парадипломатия», «многослойная дипломатия», «учредительная дипломатия» и т. д. (Dickson 2014; Jackson 2017). Необходимо отметить, что в академических кругах нет окончательного консенсуса относительно того, какой термин удобнее использовать. Определяя внешнюю деятельность субнациональных правительств, исследователи обычно предпочитают не тратить своё время на терминологические споры и предпочитают использовать концепции, которые выглядят для них более удобными (Bursens, Deforche 2010; Crieckemans 2007). С такой точкой зрения трудно согласиться. Международную активность субнациональных территориальных единиц чаще всего называют «парадипломатией».

Первая попытка включения термина «парадипломатия» в общественно-научную литературу была сделана, по мнению А. Кузнецова (Kuznetsov 2015: 26), Роаном Батлером в 1961 г., когда он опубликовал в коллективной монографии главу под названием «Парадипломатия». Батлер отождествлял её с неофициальными или секретными переговорами, которые могут иметь место в тени официальной дипломатии, «за спиной». Большинство авторов апеллируют именно к данному термину⁶. Понятие «парадипломатия» – это сокращение от термина «параллельная дипломатия». Однако первыми авторами, кто под этим термином понимал описание деятельности региональных органов власти на международной арене, были Иво Духачек (Duchacek 1990) и Панайотис Солдатос (Soldatos 1990). Эти учёные определяли парадипломатию как внешние контакты, деятельность, отношения и действия нецентральных органов власти (федеральных единиц, провинций, кантонов, земель и т. д.) с такими международными субъектами, как национальные государства, другие местные правительства, транснациональные предприятия, международные организации и институты гражданского общества (Duchacek 1990; Soldatos 1993). Ноэ Корнаго (Cornago 1999: 40) определяет парадипломатию как вовлечение субнациональных единиц

⁵ Keating M. 2000. Paradiplomacy and Regional Networking. *Forum of Federations: an International Federalism*. Hanover, October. URL: <http://www.forumfed.org/libdocs/ForRelCU01/924-FRCU0105-eu-keating.pdf> (accessed 16.12.2020).

⁶ Keating M. 2000. Paradiplomacy and Regional Networking. *Forum of Federations: an International Federalism*. Hanover, October. URL: <http://www.forumfed.org/libdocs/ForRelCU01/924-FRCU0105-eu-keating.pdf> (accessed 16.12.2020).

Lecours A. 2008. *Political Issues of Paradiplomacy: Lessons from the Developed World*. URL: https://www.clingendael.org/sites/default/files/pdfs/20081217_cdsp_diplomacy_paper_paradiplomacy.pdf

Magone J.M. 2006. *Paradiplomacy Revisited: The structure of Opportunities of Global Governance and Regional Actors*. URL: https://pdfs.semanticscholar.org/f7dd/8b5325b4a29a5cfb6ef4b3379c6718683c89.pdf?_ga=2.172344611.1060754876.1587364002-1912827481.1586944256 (accessed 16.12.2020).

в международные отношения посредством установления постоянных или специальных контактов с иностранными государственными или частными организациями с целью содействия решению социально-экономических или культурных проблем.

Необходимо отметить, что некоторые ученые, например, Брайан Хокинг (Hocking 1993; Hocking 1996), для обозначения того же явления используют термин «многослойная дипломатия», утверждая, что субнациональные единицы участвуют в широкой и сложной дипломатической сети с несколькими уровнями правительств и другими акторами как внутри, так и вне своей внутренней системы. Американский исследователь Джон Кинкейд (Kincaid 1990) предпочитает использовать термин «учредительная дипломатия», понимая под ней участие региональных и местных правительств в международных делах и разработке внешней политики. Франсиско Альдекоа (Aldecoa 2013) вводит концепцию «плюранациональной дипломатии» для описания новых форм субгосударственного участия в формулировании и осуществлении внешней политики в поликультурных или политэтнических государствах, входящих в Евросоюз.

Необходимо отметить, что когда говорят о парадипломатии, подразумевают участие во внешней политике таких субнациональных единиц, как регионы (в российском варианте — субъекты РФ). Выход на международную арену городов называют городской дипломатией⁷ (необходимо подчеркнуть, что города Москва и Санкт-Петербург, являющиеся с правовой точки зрения субъектами РФ, в рамках данного исследования относятся к понятию городская дипломатия, а не парадипломатия). Несмотря на ограниченное признание данного термина, практику трансграничного сотрудничества городов можно назвать устоявшейся (Furmankiewicz 2005). Понятие городской дипломатии имеет множество измерений и до сих пор использовалось для обозначения широкого спектра видов деятельности (Kaisto 2017). Стоит отметить, что городская дипломатия – не единственное понятие, обозначающее трансграничное сотрудничество городов. В литературе встречаются такие термины, как «муниципальная внешняя политика», «местная внешняя политика», «муниципальные международные отношения», «международное сотрудничество муниципальных органов» (Jaune et al. 2013). Таким образом, в литературе нет единого концептуального предпочтения. Однако в настоящей работе используется понятие «городская дипломатия».

Одной из форм международного сотрудничества муниципалитетов, которая характеризуется формальными соглашениями о взаимодействии, является институт побратимства или посестримства (Joenniemi, Jańczak 2017). На постсоветском пространстве прижился термин «города-побратимы», в то время как в англоязычной литературе для обозначения установления между города-

⁷ Beall J., Adam D. 2017. *Cities, prosperity and influence. The role of city diplomacy in shaping soft power in the 21st century*. URL: https://www.britishcouncil.org/sites/default/files/g229_cities_paper.pdf (accessed 16.12.2020).

ми отношений партнерства используется термин «*sister cities*» (Xingjian, Xiaohui 2018). Согласно Международной организации городов-побратимов, города-побратимы – это города в разных странах, которые имеют общее соглашение, направленное на развитие торгово-экономических и культурных связей⁸. Однако практика показывает, что такие отношения могут устанавливаться не только между городами, расположенными в разных странах, но и в рамках одного государства. Исходя из вышесказанного, данный термин используется в настоящей работе для обозначения расположенных на расстоянии друг от друга в рамках одного государства или в разных странах городов, между которыми налажены торгово-экономические и культурно-гуманитарные связи через подписание соглашений о сотрудничестве. Важно подчеркнуть, что отношения побратимства (посестримства) официально признаются после того, как высшие выборные или назначенные должностные лица из обоих городов подпишут соответствующий документ. Эти отношения предполагают, как правило, осуществление визитов небольших групп муниципальных чиновников для обмена опытом и участия в запланированных мероприятиях. Большинство из этих усилий имеют ограниченный эффект для среднего жителя города.

Города-побратимы следует отличать от городов-близнецов (Twin cities). Под последними понимают два соседних, но разных муниципалитета, расположенных на противоположных берегах одной и той же реки или по разные стороны государственной границы (Анищенко, Сергунин 2012; Jańczak 2017; Mikhailova, Wu 2017). Кроме географической близости, у таких городов должны быть координирующие стратегии, а также планы развития с целью построения совместного будущего в сочетании с низовыми сетями и взаимной эмпатией жителей (Mikhailova 2017), должна ощущаться общность интересов и принадлежность друг к другу (Garrard, Mikhailova 2019). В качестве примеров обычно приводят такие пары городов, как Ивангород – Нарва, Светогорск – Иматра, Никель – Киркенес, а также Благовещенск – Хэйхэ (Михайлова 2015: 11). Существенный вклад в осмысление феномена городов-близнецов внёс российско-финский исследовательский коллектив А.А. Сергунина и П. Йоенниemi (Joenniemi, Sergunin 2011; Joenniemi, Sergunin 2013; Joenniemi, Sergunin 2017).

Надо отметить, что интерес к побратимству городов, который имел место после Первой мировой войны, оставался довольно ограниченным и не развился в широкое движение. Как показало время, потребовалось ещё одна мировая война, чтобы побратимство действительно утвердилось и созрело как движение, стремящееся к отношениям, направленным на исцеление, примирение и долгосрочное братство. Хотя побратимство имеет долгую историю, восходящую к XIX в. или ещё ранее, его расцвет начался после Второй мировой войны (Zelinsky 1991). Франция и ФРГ стремились восстановить дружеские и культурные связи

⁸ What-is-a-sister city? *Sister Cities International* [Official Site]. URL: <https://sistercities.org/about-us/what-is-a-sister-city-3/> (accessed 16.12.2020).

между собой с целью укрепления мира. Данная практика имела целью починить повреждённые отношения между западноевропейскими государствами, была направлена на исцеление негативного прошлого путём более тесного сотрудничества между городами, прерванного Второй мировой войной. Эта практика впоследствии превратилась в инструмент сближения европейских народов, более глубокого понимания друг друга и продвижения трансграничных проектов, приносящих взаимную выгоду. Развитие побратимских отношений было возглавлено западноевропейскими городами, но затем постепенно распространилась на восточную часть континента и на другие регионы планеты (Clarke 2011).

Следует отметить, что сущность побратимства со временем изменилась. В прошлом оно было направлено на выражение солидарности и взаимности с городами-друзьями, но с окончанием холодной войны эта практика сместила своё внимание в сторону экономического развития (Vion 2002). Побратимство превратилось (особенно в Европе) в одну из городских стратегий, направленных на повышение конкурентоспособности на международной арене (Clarke 2010).

Таким образом, теоретическая рамка данного исследования строится на основе концепции парадипломатии и городской дипломатии. В следующем разделе статьи мы используем эти теоретические положения для тестирования различных подходов к объяснению международной активности городов.

Факторы высокой международной активности субнациональных акторов: рабочие гипотезы

Вопрос о причинах высокой международной активности субнациональных единиц – один из классических в рамках парадипломатических исследований. Для ответа на него в политической науке выработан ряд подходов. Так, П. Солдатос (Soldatos 1990) выделяет следующие детерминанты парадипломатической деятельности: экономический подход (рост региональных бюджетов), политический подход (существование региональных националистических партий), правовой подход (конституционная неопределённость в распределении полномочий), внешнеполитический подход (ошибки и неэффективность федерального правительства в проведении внешней политики) и т. д. Надо заметить, что вышеназванные подходы были разработаны на материале, во-первых, западных федеративных и регионалистских государств, и, во-вторых, регионов. В нашем случае речь идёт, с одной стороны, о городах, а с другой, как подчёркивают исследователи, российский федерализм в настоящее время носит условный и символический характер, своеобразие национальной модели федеративного устройства выражается в доминировании институтов унитарно-централизованного политического устройства, за фасадом федерализма лежат унитарные практики (Бусыгина, Таукебаева 2015; Ковалёв 2018).

Отсюда следует, что факторы, объясняющие высокую международную активность российских городов, будут иметь несколько иную природу. Чтобы

ответить на этот вопрос, мы рассмотрим набор «контекстуальных», а не внутривластных факторов. Последним посвящено исследование, например, Н.И. Мироновой, которая утверждает, что уровень развития межмуниципального сотрудничества, в том числе и международного, зависит от степени политической автономии института местного самоуправления и его финансово-экономической самостоятельности. С её точки зрения, в условиях политической и экономической зависимости от федеральных и/или региональных государственных органов управления местные органы власти не имеют мотивации развивать межмуниципальные связи (Миронова 2004). В другом исследовании утверждается, что демократия, этническая принадлежность и губернатор-варяг связаны с более высоким уровнем региональной международной активности⁹. Однако повторимся, что мы рассматриваем именно «контекстуальные» факторы, то есть те, которые вряд ли изменятся в краткосрочной перспективе. Они более или менее стабильны и могут создавать впечатление определённого детерминизма¹⁰.

В научной литературе можно встретить несколько групп факторов, которые оказывают влияние на высокий уровень международной вовлечённости городов в побратимские отношения.

Одним из ключевых детерминантов принято считать *географический фактор*, связанный положением территории. Регионы и города должны быть расположены непосредственно на границе или рядом с границей, то есть быть приграничными. Другими словами, на активность международных связей территорий влияет их положение относительно государственной границы. Приграничное положение позволяет территориям принимать активное участие в процессах трансграничного сотрудничества. На периферийных же территориях государственная граница может выполнять барьерную функцию. По мнению российских экспертов, «важнейшей особенностью геополитического положения приграничных территорий является их непосредственный выход к территории соседней страны» (Бакланов, Романов 2010: 60). Необходимо также отметить, что границы разделяют единые в природном отношении территории, что предопределяет необходимость сотрудничества в использовании природных (водных, биологических, минеральных, земельных и пр.) ресурсов и их охране, либо единые или близкие в культурном отношении народы, что создаёт предпосылки для широкого гуманитарного сотрудничества. Другими словами, географическая близость выступает одним из основных условий более тесного и плотного трансграничного межмуниципального сотрудничества.

⁹ Stremoukhov D. When Governors Go Abroad: Factors of Paradiplomacy in Russia. *Working Papers. Ser. Political Science*. WP BRP 66/PS/2019. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/332988561> (accessed 16.12.2020).

¹⁰ Obydenkova A. The Paradiplomacy of Russia's Regions and the European Union: Lessons from the Institutional Framework of The Regime Transition In the 1990s. *Congreso Las Relaciones Internacionales de las regiones: actores-subnacionales, paradiplomacia y gobernanza multinivel*. Zaragoza: Fundación Manuel Giménez Abad and Friedrich Ebert Stiftung

В связи с этим «географическая» гипотеза состоит в том, что *высокая международная активность характерна для городов, которые находятся в приграничных регионах.*

Второй подход – *экономический*. Существенное влияние на степень активности субнациональных единиц на международной арене оказывает общий уровень экономического развития территории. Благополучное состояние городской экономики способствует расширению торгово-экономического сотрудничества и реализации совместных промышленных и инфраструктурных проектов в областях, представляющих взаимный интерес, а также развитию сотрудничества между хозяйствующими субъектами (установлению и расширению деловых контактов между субъектами малого и среднего предпринимательства муниципалитетов). Наличие высокой деловой активности и уровня экономического развития делают некоторые территории более привлекательными для инвестиций при прочих равных условиях. По мнению китайских исследователей, экономические и коммерческие факторы являются одним из самых важных критериев для отбора сестринских партнёров в Поднебесной (Xingjian, Xiaohui 2018).

Таким образом, в работе будет протестирована гипотеза о том, что *высокая международная активность характерна для экономически развитых городов.*

Другим фактором развития межмуниципального сотрудничества является *демографический*. Сюда включаются показатели, характеризующие демографическое состояние, трудовой потенциал территории. Следует отметить, что между экономическим фактором и демографической ситуацией существует взаимная обусловленность. Количество городского населения, его рост или сокращение, остаётся одним из основных индикаторов развития муниципального образования. Хотя по ряду исследований (Hefetz, Warner 2012) выявлена отрицательная связь между готовностью к межмуниципальной кооперации и численностью населения. Примечательно, что эти работы базируются исключительно на американских данных.

Опираясь на выводы исследователей, рассматривающих численность населения в качестве фактора активности международного межмуниципального сотрудничества, можно сформулировать следующую гипотезу: *уровень международной активности выше в более крупных городах.*

Четвёртый подход – *политико-правовой статус города*. Необходимо отметить, что в федеральных нормативных актах отсутствует определение понятия «город». В законодательстве существует термин «муниципальное образование» и его виды (например, городской округ, муниципальный район и т.д.). Для достижения цели исследования в данной работе используются такие статусы города, как город федерального значения и административный центр субъекта РФ. Расположение в городе региональных органов государственной власти, территориальных подразделений федеральных органов власти (например, представительств МИД России) и соответствующих должностных лиц повышает

шансы заключения международных соглашений об установлении побратимских отношений.

Политико-правовая гипотеза сформулирована следующим образом: *высокая международная активность характерна для административных центров субъектов РФ.*

Исторический подход связывает уровень международной вовлечённости городов с историей, культурой, традициями и обычаями другой территории. Исследователи (Vengesaŷi et al. 2009; Фролова, Кабанова 2017) отмечают, что культура и история конкретной территории являются важными факторами туристической привлекательности, главными активами для развития туризма, а также одними из основных бенефициаров этого развития. Сочетание туризма и культуры является чрезвычайно мощным фактором не только экономического развития, но и парадипломатии, что содействует укреплению и развитию культурных (гуманитарных) связей между территориями¹¹.

В рамках «исторической» гипотезы мы тестируем следующий тезис: *высокая международная активность характерна для городов, которые имеют привлекательное историко-культурное наследие.*

Но прежде чем приступить к тестированию этих гипотез, необходимо вкратце описать методологию нашего исследования и операционализировать переменные.

Операционализация переменных, метод и данные

На основе представленного выше обзора теоретических и эмпирических исследований мы формулируем модель, которая будет оценена на имеющейся базе данных.

Зависимая переменная, отражающая уровень международной активности российских городов, выражается в количестве городов-побратимов (переменная *INTAGR*). Базой данных выступил список породнённых городов, который включает 150 российских муниципальных образований, составленных Международной ассоциацией «Породнённые города»¹². То, что источником данных для зависимой переменной выступил список породнённых городов от вышеназванной организации, обусловлено двумя факторами. Во-первых, база данных от этой МНПО является наиболее полной из всех имеющихся. Во-вторых, эту базу данных можно считать заслуживающей доверия в силу бэкграунда Ассоциации: под разными названиями она существует с 1964 г. (сначала как Ассоциация по связям советских и зарубежных городов в составе Союза советских обществ

¹¹ The Impact of Culture on Tourism. 2009. URL: https://www.mlit.go.jp/kankochonaratourismstatisticsweek/statistical/pdf/2009_The_Impact.pdf (accessed 16.12.2020).

¹² Породнённые города. Международная ассоциация «Породнённые города» [Официальный сайт]. Электронный ресурс. URL: <http://goroda-pobratimy.ru/porodnennye-goroda> (дата обращения 16.12.2020).

дружбы и культурной связи с зарубежными странами, а с 1991 г. – как самостоятельная международная неправительственная организация).

Ниже приведены переменные, использованные в модели в качестве объясняющих, а также обоснована логика включения каждой переменной в модель.

Операционализация географического фактора (переменная GEO) выполнена на основе статуса территории. Если регион, где находится город, являлся приграничным, переменная получает значение 1, а если нет – 0. При операционализации независимой переменной, отражающей влияние экономического фактора (переменная ECON), было решено использовать показатели товарооборота розничной торговли. Это обусловлено одной причиной. Уровень развития экономики территории определяется, как правило, через объём валового регионального продукта (ВРП) в целом или ВРП на душу населения. Однако база данных муниципальных образований Росстата не содержит такой информации. В этих условиях пришлось использовать другой показатель (товарооборот розничной торговли), который из имеющихся в распоряжении в большей степени отражает уровень экономического развития городов. В случае гипотезы об обусловленности международной активности городов от численности местного населения (переменная DEMOGR) в качестве независимой переменной выступило количество городских жителей (используются сведения из Базы данных показателей муниципальных образований Росстата). При проверке гипотезы об обусловленности международной активности городов от политико-правового фактора (переменная STATUS) переменной выступил статус города. Если город являлся административным центром субъекта России, переменная получает значение 1, а если нет – 0. Независимая переменная, относящаяся к историческому фактору международной активности городов (переменная HISTORY), представлена количеством объектов культурного наследия. Источником данных выступили сведения из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов России Министерства культуры России.

Описательная статистика переменных представлена в табл. 1.

Таблица 1. Описательная статистика

Table 1. Descriptive statistics

Переменные	Среднее	Медиана	Минимум	Максимум
INTAGR	5,346667	3	1	74
GEO	0,413333	0	0	1
ECON	62054203	22812768	807891	2401666441
DEMOGR	434948	6409	9618	12615279
STATUS	0,42	0	0	1
HISTORY	147,9333	57,5	1	1204

Статистические вычисления произведены методом множественной линейной регрессии. Подсчёты производились с помощью статистического программного пакета *Stata*.

Результаты исследования и обсуждение

В табл. 2 представлены шесть регрессивных моделей, сконструированных для объяснения причин высокой международной активности российских городов.

Таблица 2. Множественная линейная регрессия (зависимая переменная – количество соглашений российских городов о побратимских отношениях с зарубежными муниципалитетами)

Table 2. Multiple linear regression (dependent variable – number of agreements between Russian cities on twinning relations with foreign municipalities)

Независимая переменная	Нестандартизированные коэффициенты	Стандартизированная ошибка	T	Значимость F
GEO	2,248987	1,062287	2,12	0,03
ECON	6,49	1,83	3,54	0,001
DEMOGR	-8,36	3,57	-2,34	0,02
STATUS	4,848725	1,290933	3,76	0,00
HISTORY	3,038	0,003	6,083	0,001
Константа	1,428302	2,923978	0,49	0,62
Количество случаев = 150				
R-квадрат = 0,47				
Скорректированный R-квадрат = 0,45				

Как видно из таблицы 2, большое количество городов-побратимов наблюдается у российских муниципальных образований, которые можно отнести к мегаполисам (городам-миллионникам) и крупным городам. Результаты исследования показывают, что высокий уровень международной активности российских городов характерен для тех из них, которые расположены в приграничных регионах. Полученные расчёты свидетельствуют о том, что характеристики, показывающие экономический статус российских городов, напрямую влияют на количество городов-побратимов. Как видно из данных таблицы 2, наличие статуса административного центра субъекта РФ позитивно сказывается на числе городов-побратимов. Наконец, высокое культурно-историческое наследие территорий также способствует развитию культурного и гуманитарного сотрудничества. Таким образом, на статистически значимом уровне получили подтверждение все выдвинутые выше гипотезы, на что конкретно указывают во второй таблице данные столбца «Значимость F» (согласно правилам интерпретации регрессионной статистики, модель является значимой, когда критерий Фишера – Значимость F – меньше 0,05). Другими словами, высокая международная

активность российских городов, выраженная через количество городов-побратимов, детерминируется демографическими, географическими, экономическими, политико-правовыми и культурно-историческими особенностями муниципальных образований.

Если говорить о степени влияния того или иного фактора на международную активность городов, то результаты регрессионного анализа для этой цели не совсем подходят, в отличие, например, от корреляционного анализа. Тем не менее при сравнении Значимости F можно отметить, что наибольшее влияние (согласно правилам интерпретации регрессионной статистики, чем ниже показатель, тем выше значимость) из рассматриваемых факторов оказывает политико-правовой. В данном случае речь идёт о наличии у города статуса административного центра. Это объясняется тем, что региональная столица, по сравнению с другими муниципальными образованиями субъекта РФ, является, как правило, наиболее экономически развитым и густонаселённым городом. Иными словами, политико-правовой фактор агрегирует другие (экономический и демографический).

Нужно подчеркнуть, что в целом эти результаты находятся в соответствии с выводами более ранних исследований. Однако при детальном рассмотрении настоящая работа и её результаты выходят за рамки предыдущих трудов как в части географического охвата, так и в используемых методов анализа данных. Факторы, определяющие высокую международную активность городов в данном исследовании, частично рассматривались другими авторами в качестве детерминант развития побратимских отношений, но на примере европейских¹³ или азиатских городов (Xingjian, Xiaohui 2018). Что касается методологии исследования, то авторы большинства предшествующих работ (например, Fritsch et al. 2019; Mikhailova, Nemeth 2019; Mikhailova et al. 2019) пришли к своим выводам на основе применения качественных методов, в то время как результаты настоящей статьи получены благодаря количественным (статистическим) расчётам. Необходимо отметить, что у данного подхода есть свои преимущества и ограничения. Говоря о первых, это позволяет сделать обобщающие выводы. Рассматриваемые в настоящей работе факторы высокого трансграничного межмуниципального сотрудничества, как было отмечено выше в статье, являются, во-первых, «контекстуальными», и, во-вторых, они показывают общие закономерности. К одному из ограничений настоящего исследования относится наличие исключений из общих правил. На это указывают два обстоятельства. Первое – значение R -квадрат, которое описывает степень точности описания моделью процесса. Из таблицы 2 видно, что он равен 0,47, что говорит о не очень высокой точности описания. Второе обстоятельство связано с практикой. Например, как следует из данных, содержащихся на сайте

¹³ Schultz H. 2002. Twin Towns on the Border as Laboratories of European Integration. *F.I.T. Discussion Paper 4/02*. URL: https://www.europa-uni.de/de/forschung/institut/institut_fit/publikationen/discussion_papers/2002/04-02-Schultz.pdf (accessed 16.12.2020).

Международной ассоциации «Породнённые города», ряд экономически развитых и густонаселённых городов имеют достаточно скромное количество побратимских отношений (Екатеринбург – девять, Нижний Новгород – девять, Новосибирск – семь, Пермь – четыре). Однако в то же самое время менее экономически развитые и населённые муниципальные образования обладают более разветвлёнными международными связями (Красногорск – 11, Мытищи – 11, Серпухов – 14, Щёлково – 11). Исходя из вышеназванных двух обстоятельств, можно предположить, что высокая международная деятельность городов определяется и другими факторами, которые в настоящей статье не рассматривались по двум причинам: во-первых, они выходят за рамки «контекстуальных» факторов, во-вторых, в силу ограниченности объёма данной работы. Как показывают исследования, успех в установлении побратимских отношений зависит и от политических факторов. На развитие межмуниципального сотрудничества влияет фактор лидерства, т.е. профессионализм местных руководителей, от которых зависит проводимая политика, в том числе международная и внешнеэкономическая (Rochman, Hudalah 2020). В ряде исследований (De Villiers 2009; Tjandradewi, Marcotullio 2009) говорится, что ключ к успешному сотрудничеству между городами лежит в политической поддержке со стороны более высоких уровней власти и управления (региональных и/или общенациональных), в наличии благоприятной среды для содействия развитию побратимских отношений. Иными словами, политика и позиция национального (или областного) правительства в отношении городской дипломатии будут в значительной степени влиять на масштабы и успех межмуниципального сотрудничества. Ганс Буис подчёркивает роль институтов городской дипломатии, в том числе и ассоциаций органов местного самоуправления, в развитии межмуниципального сотрудничества, особенно в развивающихся странах (Buis 2009). Таким образом, можно сказать, что воздействие политического фактора происходит на нескольких уровнях – индивидуальном (местных политиков и чиновников), институциональном (подразделений местных администраций, отвечающих за развитие международных связей) и общенациональном (отношения руководства вышестоящих органов власти к городской парадипломатии). Данное исследование имеет и другие ограничения, о которых также необходимо сказать. В частности, результаты исследования, к которым мы пришли, основываются на анализе данных 150 российских муниципальных образований из 20846 (данные Росстата на 1 января 2020 г.)¹⁴. Увеличение объёма выборки теоретически может скорректировать основные результаты. Несмотря на обозначенные выше ограничительные рамки работы, её выводы могут стать фундаментом для дальнейших эмпирических исследований, где будут применяться как количественные, так и качественные методы анализа эмпирических данных.

¹⁴ Число муниципальных образований по субъектам Российской Федерации на 1 января 2020 г. Росстат [официальный сайт]. Электронный ресурс. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения 16.12.2020).

* * *

Данное исследование было продиктовано стремлением разобраться в причинах активности российских городов в установлении побратимских отношений. Непосредственной целью статьи был поиск ответов на несколько важных вопросов. Почему одни города более активны на международной арене, а другие менее? От каких факторов зависит международная активность российских городов? От чего зависит уровень развития международного межмуниципального сотрудничества? В рамках настоящего исследования было произведено тестирование существующих в научной литературе теорий, объясняющих большое количество городов-побратимов.

Данное исследование опиралось на основные положения и выводы российских и зарубежных учёных. Необходимо подчеркнуть, что в последнее время много внимания исследователи уделяли изучению городов-близнецов в рамках пограничных исследований (*Boundary Studies*). Как показывал анализ этих работ, предпочтение отдавалось применению качественных методов анализа данных. Отличие настоящей работы от предыдущих исследований состоит в двух моментах. Во-первых, объектом изучения выступают города-побратимы, общее количество которых в России превышает число городов-близнецов. Во-вторых, анализ эмпирических данных в статье осуществлялся количественными (статистическими) методами.

В результате проведённого исследования можно сделать следующие выводы. Уровень развития межмуниципального сотрудничества зависит от множества «контекстуальных» факторов. Проведённый анализ показывает, что основными детерминантами большого числа городов-побратимов являются демографические, географические, экономические, политико-правовые и культурно-исторические характеристики городов. Положительно влияет на побратимскую активность количество жителей муниципалитетов (чем больше численность, тем выше число городов-побратимов), географическое расположение городов (приграничные территории), уровень экономического развития, наличие статуса административного центра субъекта РФ, а также присутствие на территории большого числа памятников истории и культуры.

Выводы настоящей работы получены в результате использования регрессионного анализа эмпирических данных. Однако выявленные детерминанты объясняют не все случаи, то есть даже при поверхностном обзоре можно легко обнаружить ряд нестыковок, исключений, что обусловлено влиянием других (например, каких-то сугубо локальных или политических) факторов, которые не являлись предметом рассмотрения в данной работе. Если говорить о направлениях дальнейших исследований, то можно сосредоточиться на изучении именно политических факторов международной (внешнеэкономической) активности российских городов.

Об авторе:

Руслан Салихович Мухаметов – кандидат политических наук, доцент Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. Россия, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19. E-mail: muhametov.ru@mail.ru.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Свердловской области (грант № 20-414-660001 p_a)

Received: April 29, 2020.
Accepted: October 12, 2020.

Factors of International Activity of Russian Cities

R.S. Mukhametov
[DOI 10.24833/2071-8160-2020-6-75-153-174](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-6-75-153-174)

Ural Federal University

Abstract: The international activities of governments at the subnational level have become widespread practice. Cooperation between local authorities, which began in Europe with the aim of promoting peace, international understanding, and reconciliation between peoples in the post-war period, has spread throughout the world over time. International city-to-city partnerships, also known as sister cities, have become an instrument for promoting economic development. The movement of sister cities is considered not only as a form of cross-border intermunicipal cooperation, but also as one of the aspects of paradiplomacy. One of the consequences of regionalization that swept post-Soviet Russia in the 1990s was the growth of foreign economic activity, international contacts of both Russian regions and cities. This is reflected in the signing of intermunicipal agreements. This research is aimed at determining the factors on which the international activity of Russian cities depends. The theoretical and methodological basis of the work was the concept of paradiplomacy in general and city diplomacy in particular. The author put forward several hypotheses in the framework of the approaches to high international activity of cities existing in the scientific literature. The database was a list of sister cities, including 150 Russian municipalities compiled by the International Association of Related Cities. Statistical calculations were performed by multiple linear regression. As a result of the study, it was found that a large number of sister cities are observed in Russian cities, which can be attributed to megacities and large cities. It was revealed that a high level of international activity of Russian cities is characteristic of municipalities located in border regions. It is shown that economic characteristics directly affect the number of contracts. The author came to the conclusion that the status of the administrative center of Russian regions positively affects on the number of sister cities. The article emphasizes the influence of the historical heritage of territories on the development of inter-municipal cultural cooperation. In conclusion, it is noted that the influence of demographic, geographical, economic, political, legal, and cultural-historical

features of municipalities on the number of sister cities does not explain all cases. The author believes that the political factor has a certain explanatory power.

Keywords: foreign policy, foreign economic activity of regions, paradiplomacy, city diplomacy, sister cities, twin cities, cross-border inter-municipal cooperation

About the author:

Ruslan S. Mukhametov – Candidate of Political Sciences, assistant professor of Ural Federal University. 620002, Mira street, 19, Ekaterinburg, Russia. E-mail: muhametov.ru@mail.ru

Conflict of Interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

Acknowledgments:

The reported study was funded by RFBR and Sverdlovsk Oblast (project № 20-414-660001 r_a)

References:

Aldecoa F. 2013. Towards Plurinational Diplomacy in the Deeper and Wider European Union (1985-2005). *Paradiplomacy In Action. The Foreign Relations of Subnational Governments*. Alcedoa F., Keating M. (eds). London: Routledge. P. 82–94.

Buis H. 2009. The Role of Local Government Associations in Increasing the Effectiveness of City-to-City Cooperation. *Habitat International*. 33(2). P. 190–194. DOI: 10.1016/j.habitatint.2008.10.017

Bursens P., Deforche. J. 2010. Going Beyond Paradiplomacy? Adding Historical Institutionalism to Account for Regional Foreign Policy Competences. *The Hague Journal of Diplomacy*. 5(1–2). P. 151–171. DOI: 10.1163/187119110X12574289877281

Clarke N. 2011. Globalising Care? Town Twinning in Britain since 1945. *Geoforum*. №42. P. 115–125. DOI: 10.1016/j.geoforum.2010.10.006

Clarke N. 2010. Town Twinning in Cold-War Britain: (Dis)continuities in Twentieth-Century Municipal Internationalism. *Contemporary British History*. 24(2). P. 173–191. DOI: 10.1080/13619461003768272

Cornago N. 1999. Diplomacy and Paradiplomacy in the Redefinition of International Security: Dimensions of Conflict and Cooperation. *Paradiplomacy in Action: The Foreign Relations of Subnational Governments*. Aldecoa F., Keating M. (eds). London: Frank Cass Publishers. P. 40–57.

Criekemans D. 2007. The Case of Flanders (1993–2005): How Subnational Entities Develop Their Own 'Paradiplomacy'. Foreign Ministries: Managing *Diplomatic Networks and Optimizing Value*. Rana K.S. (ed) Geneva, Switzerland: DiploFoundation. P. 118–156.

De Villiers J.C. 2009. Success Factors and the City-to-City Partnership Management Process – from Strategy to Alliance Capability. *Habitat International*. 33(2). P. 149–156. DOI: 10.1016/j.habitatint.2008.10.018

Dickson F. 2014. The Internationalisation of Regions: Paradiplomacy or Multi-level Governance? *Geography Compass*. 8(10) P. 689–700. DOI: 10.1111/gec3.12152

Duchacek I. 1990. Perforated Sovereignities: towards a Typology of New Actors in International Relations. *Federalism and international Relations. The role of subnational units*. Michelmann H.J., Soldatos P. (eds). Oxford University Press. P. 1–34.

Fritsch M., Nemeth S., Eskelinen H. 2019. The Finnish-Russian Border as a Developmental Resource: the Case of Imatra and Svetogorsk. *Twin Cities: Urban Communities, Borders and*

Relationships over Time. Garrard J., Mikhailova E. (eds.). London and New York: Routledge. P. 259–271.

Furmankiewicz M. 2005. Town-twinning as a Factor Generating International Flows of Goods and People – the Example of Poland. *BELGEO*. №1-2. P. 145–162. DOI: 10.4000/belgeo.12466

Garrard J., Mikhailova E. 2019. Introduction and Overview. *Twin Cities. Urban Communities, Borders and Relationships over Time*. Garrard J., Mikhailova E. (eds.). Abingdon: Routledge. P. 3–18.

Hefetz A., Warner M.E. 2012. Contracting or Public Delivery? The Importance of Service, Market, and Management Characteristics. *Journal of Public Administration Research and Theory*. 22(2). P. 289–317. DOI: 10.1093/jopart/mur006

Hocking B. 1996. Bridging Boundaries: Creating Linkages. Non-Central Governments and Multilayered Policy Environments. *WeltTrends*. №11. P. 36–51.

Hocking B. 1993. *Localizing Foreign Policy: Non-Central Governments and Multi-layered Diplomacy*. London: Palgrave Macmillan UK. 249 p.

Hocking B. 1999. Patrolling the «Frontier»: Globalisation, Localisation and the 'Actorness' of the Non-Central Governments. *Paradiplomacy in action: The foreign relations of the subnational governments*. Aldecoa F., Keating M. (eds.). London: Frank Cass. P. 17–39.

Jackson T. 2017. Paradiplomacy and Political Geography: The Geopolitics of Substate Regional Diplomacy. *Geography Compass*. 12(1). P. 1–11. DOI: 10.1111/gec3.12357

Jańczak J. 2017. Town Twinning in Europe. Understanding Manifestations and Strategies. *Journal of Borderlands Studies*. 32(4). P. 477–495. DOI: 10.1080/08865655.2016.1267589

Jayne M., Hubbard P., Bell D. 2013. Twin Cities: Territorial and Relational Geographies of 'Worldly' Manchester. *Urban Studies*. №50. P. 239–254. DOI: 10.1177/0042098012450480

Joenniemi P., Sergunin A. 2017. City-Twinning in IR Theory: Escaping the Confines of the Ordinary. *Journal of Borderlands Studies*. 32(4). P. 443–458. DOI: 10.1080/08865655.2016.1257361

Joenniemi P., Sergunin A. 2013. Kirkenes-Nikel: Catching a Second Wind of Twinning? Heininen L. (ed.). *Arctic Yearbook 2013*. P. 143–163.

Joenniemi P., Sergunin A. 2011. When Two Aspire to Become One: City-Twinning in Northern Europe. *Journal of Borderlands Studies*. 26(2). P. 231–242. DOI: 10.1080/08865655.2011.641323

Kaisto V. 2017. City Twinning from a Grassroots Perspective: Introducing a Spatial Framework to the Study of Twin Cities. *Journal of Borderlands Studies*. 32(4). P. 459–475. DOI: 10.1080/08865655.2016.1238315

Kincaid J. 1990. Constituent Diplomacy in Federal Politics and the Nation-state: Conflict and Cooperation. *Federalism and International Relations: the role of subnational units*. H. Michelmann M., Soldatos P. (eds.). Oxford: Oxford University Press. P. 54–75.

Kincaid J. 1984. The American Governors in International Affairs. *The Journal of Federalism*. №14. P. 95–114.

Kuznetsov A. 2015. *Theory and Practice of Paradiplomacy: Subnational Governments in International Affairs*. New York: Routledge. 174 p.

Marczyk G., DeMatteo D., Festinger D. 2005. *Essentials of Research Design and Methodology*. Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons. 290 p.

Mikhailova E. 2017. City Twinning on the Russian-Norwegian Border: from Neighbours to Twin Cities and Back. *Border Bites*. №7. P. 1–10.

Mikhailova E., Nemeth S. 2019. Impacts of Town-Twinning on the Communities of Imatra and Svetogorsk through Different Fields of Cross-Border Cooperation. *Twin Cities: Urban Communities, Borders and Relationships over Time*. Garrard J., Mikhailova E. (eds.). London and New York: Routledge. P. 272–287.

Mikhailova E., Wu C.-T., Chubarov I. 2019. Blagoveshchensk and Heihe: (Un)Contested Twin Cities on the Sino-Russian Border? *Twin Cities: Urban Communities, Borders and Relationships over Time*. Garrard J., Mikhailova E. (eds.). London and New York: Routledge. P. 288–300.

Mikhailova E., Wu C. 2017. Ersatz Twin City Formation? The Case of Blagoveshchensk and Heihe. *Journal of Borderlands Studies*. 32(4). P. 513–533. DOI: 10.1080/08865655.2016.1222878

Rochman G., Hudalah D. 2020. How Does Leadership Factors Spur the Success of Sister City Cooperation? *Journal of Physics: Conference Series*. №1469. P.1–6. DOI: 10.1088/1742-6596/1469/1/012032

Soldatos P. 1990. An Explanatory Framework for the Study of Federated States as Foreign-Policy Actors. *Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units*. Michelmann H.J., Soldatos P. (eds.). Oxford: Clarendon Press Publ. P. 34–53.

Soldatos P. 1993. Cascading Sub-National Paradiplomacy in an Interdependent and Transnational World. *States and provinces in the international economy*. Brown M. Douglas E., Fry H. (eds.). Berkeley: Institute of Governmental Studies Press. P. 65–91.

Tjandradewi D.I., Marcotullio P.J. 2009. City-to-City Networks: Asian Perspectives on Key Elements and Areas for Success. *Habitat International*. 33(2). P. 165–172. DOI: 10.1016/j.habitatint.2008.10.021

Vengesayi S., Mavondo F., Reisinger Y. 2009. Tourism Destination Attractiveness: Attractions, Facilities, and People as Predictors. *Tourism Analysis*. 14(5). P. 621–636. DOI: 10.3727/108354209X12597959359211

Vion A. 2002. Europe from the Bottom Up: Town Twinning in France during the Cold War. *Contemporary European History*. 11(4). P. 623–640. DOI: 10.1017/S096077730200406X

Xingjian L., Xiaohui H. 2018. Are Sister Cities from Sister Provinces? An Exploratory Study of Sister City Relations (SCRs) in China. *Networks and Spatial Economics*. №18. P. 473–491. DOI: 10.1007/s11067-018-9408-z

Zelinsky W. 1991. The Twinning of the World: Sister Cities in Geographic and Historical Perspective. *Annals of the Association of American Geographers*. 81(1). P. 1–31.

Aleksandrov O.B. 2005. *Regiony vo vneshnej politike Rossii. Rol' Severo-Zapada* [Regions in Russia's Foreign Policy. The Role of the North-West]. Moscow. 186 p. (In Russian)

Anishhenko A.G., Sergunin A.A. 2012. «Goroda-bliznecy»: novaja forma prigranichnogo sotrudnichestva v Baltijskom regione? [«The Twin Cities»: a New Form of Cross-Border Cooperation in the Baltic Sea Region?]. *Baltiiskij region*. №1. P. 27–38. (In Russian)

Afoncev S.A. 2008. Transnacional'nye kompanii v mirovoj politike [Multinational Companies in World Politics]. «Privatizacija» mirovoj politiki lokal'nye dejstviya – global'nye rezul'taty. Moscow. 279 p. P. 234–253. (In Russian)

Baklanov P.Ja., Romanov M.T. 2010. Geopoliticheskie faktory razvitija transgranichnyh regionov [Geopolitical Factors of Development of Cross-Border Regions]. *Tamozhennaja politika Rossii na Dal'nem Vostoke*. 2(51). P. 60–71. (In Russian)

Barabanov O.N. 2000. Vnutrigosudarstvennye regiony kak aktory v mezhdunarodnyh otnoshenijah: zarubezhnye tendencii i polozhenie sub#ektov RF [Intra-State Regions as Actors in International Relations: Foreign Trends and the Situation of Russian Regions]. *Obshhestvo, politika, nauka: novye perspektivy*. Moscow. 664 p. P. 78–93. (In Russian)

Busygina I.M. 2004. Rossijskie regiony v mezhdunarodnom sotrudnichestve [Russian Regions in International Cooperation]. *Sovremennye mezhdunarodnye otnoshenija i mirovaja politika*. Moscow. P. 963–968. (In Russian)

Busygina I.M., Taukebaeva Je. 2015. Federalizm ili unitarizm kak strategicheskij vybor i ego posledstviya (sravnitel'nyj analiz Rossii i Kazahstana) [Federalism or Unitarianism as a

Strategic Choice and its Consequences (Comparative Analysis of Russia and Kazakhstan)]. *Sravnitel'naja politika*. 6(1(18)). P. 101–110. (In Russian)

Cygankov P.A. 2013. Negosudarstvennye uchastniki v mirovoj politike XXI veka [Non-State Actors in World Politics of the 21 Century]. *Observer*. №9. P. 5–17. (In Russian)

Frolova E.V., Kabanova E.E. 2017. Faktory razvitiya turisticheckoj privlekatel'nosti municipal'nyh obrazovanij Rossii [Factors of Development of Tourist Attractiveness of Russian Municipalities]. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija*. №3. P. 112–128. (In Russian)

Gimatdinov R.R., Nasyrov I.R. 2018. K voprosu ocenki i povyshenija jeffektivnosti dejatel'nosti zarubezhnyh predstavitel'stv sub'ektov Rossijskoj Federacii [On the Issue of Evaluating and Improving the Effectiveness of Foreign Representative Offices of the Russian Federation Subjects]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2(59). P. 125–144. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-2-59-125-144 (In Russian)

Kovalev V.A. 2018. Izderzhki federalizma i administrativnoj vertikali v Rossii: popytka sravnenija [The Costs of Federalism and Administrative Authorities in Russia: Comparison Attempt]. *Politicheskaja jekspertiza: POLITJeKS*. 14(4). P. 104–121. (In Russian)

Lebedeva M.M. 2013. Aktory sovremennoj mirovoj politiki: trendy razvitiya [Actors in Contemporary World Politics: Trends of Development]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. №1. P. 38–42. (In Russian)

Lebedeva M.M. 2019. Transformacija roli gorodov i vnutrigosudarstvennyh regionov v mirovoj politike [Transformation of the Role of Cities and Intra-State Regions in World Politics]. *Otkumena. Regionovedcheskie issledovanija*. №1. P. 7–16. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/7-16 (In Russian)

Makarychev A.C. 2000. *Rossijskie regiony kak mezhdunarodnye aktory* [Russian Regions as International Actors]. Nizhnij Novgorod. 114 p. (In Russian)

Mikhailova E.V. 2015. Formirovanie terminologicheskogo apparata v sfere izuchenija transgranichnykh territorial'nykh obrazovanij [Formation of Terminological Apparatus in the Field of Studying Cross-Border Territorial Formations]. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta, Seriya Ekonomika*. №2. P. 7–16. (In Russian)

Mironova N.I. 2004. Mezhmunicipal'noe sotrudnichestvo v Rossii [Inter-Municipal Cooperation in Russia]. *Politija*. №4. P. 98–108. (In Russian)

Plotnikova O.V. 2005. *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo regionov: konceptual'nye podhody* [International Cooperation of Regions: Conceptual Approaches]. Novosibirsk. 356 p. (In Russian)

Sajamov Ju.N. 2008. Diplomatiya gorodov [City Diplomacy]. *Mezhdunarodnaja Zhizn'*. №8–9. P. 129–145. (In Russian)

Savkin D.A. 2009. K voprosu ob «aktornosti» global'nyh gorodov v mirovoj politike [On the Issue of «Actorship» of Global Cities in World Politics]. *Vestnik SPbGU. Ser. 6*. №4. P. 176–184. (In Russian)

Shajmardanova Z.D., Makashev Zh.K. 2018. Usilenie roli subnacional'nyh aktorov [Strengthening the Role of Subnational Actors]. *Politicheskaja nauka*. №2. P. 234–251. (In Russian)

Tolstyh V.L. 2004. *Mezhdunarodnaja dejatel'nost' sub'ektov Rossijskoj Federacii* [International Activity of the Subjects of the Russian Federation]. Moscow. 173 p. (In Russian)

Turovskij R.F. 2011. Subnacional'nye regiony v global'noj politike (na primere Rossii) [Subnational Regions in Global Politics (using the Example of Russia)]. *Polis. Politicheskie issledovanija*. № 2. P. 99–117. (In Russian)

Vardomskij L.B., Skatershnikova E.E. 2002. *Vneshnejekonomicheskaja dejatel'nost' regionov Rossii* [Foreign Economic Activity of the Regions of Russia]. Moscow. 319 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

- Александров О.Б. 2005. *Регионы во внешней политике России. Роль Северо-Запада*. Москва: МГИМО МИД России. 186 с.
- Анищенко А.Г., Сергунин А.А. 2012. «Города-близнецы»: новая форма приграничного сотрудничества в Балтийском регионе? *Балтийский регион*. №1. С. 27–38.
- Афонцев С.А. 2008. *Транснациональные компании в мировой политике. «Приватизация» мировой политики локальные действия – глобальные результаты*. Москва: Голден Би. 279 с. С. 234–253.
- Бакланов П.Я., Романов М.Т. 2010. Геополитические факторы развития трансграничных регионов. *Таможенная политика России на Дальнем Востоке*. 2(51). С. 60–71.
- Барабанов О.Н. 2000. Внутригосударственные регионы как акторы в международных отношениях: зарубежные тенденции и положение субъектов РФ. *Общество, политика, наука: новые перспективы*. Москва: МОНФ. 664 с. С. 78–93.
- Бусыгина И.М., Таукебаева Э. 2015. Федерализм или унитаризм как стратегический выбор и его последствия (сравнительный анализ России и Казахстана). *Сравнительная политика*. 6(1(18)). С. 101–110.
- Вардомский Л.Б., Скатерщикова Е.Е. 2002. *Внешиэкономическая деятельность регионов России*. Москва: АРКТИ. 319 с.
- Гиматдинов Р.Р., Насыров И.Р. 2018. К вопросу оценки и повышения эффективности деятельности зарубежных представительств субъектов Российской Федерации. *Вестник МГИМО-Университета*. 2(59). С. 125–144. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-2-59-125-144
- Ковалев В.А. 2018. Издержки федерализма и административной вертикали в России: попытка сравнения. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК*. 14(4). С. 104–121
- Лебедева М.М. 2013. Акторы современной мировой политики: тренды развития. *Вестник МГИМО-Университета*. №1. С. 38–42.
- Лебедева М.М. 2019. Трансформация роли городов и внутригосударственных регионов в мировой политике. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. №1. С. 7–16. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/7-16
- Макарычев А.С. 2000. *Российские регионы как международные акторы*. Нижний Новгород: НГЛУ. 114 с.
- Миронова Н.И. 2004. Межмуниципальное сотрудничество в России. *Полития*. №4. С. 98–108.
- Михайлова Е.В. 2015. Формирование терминологического аппарата в сфере изучения трансграничных территориальных образований. *Вестник Астраханского государственного технического университета. Сер. Экономика*. №2. С. 7–16.
- Плотникова О.В. 2005. *Международное сотрудничество регионов: концептуальные подходы*. Новосибирск: Изд-во СОР АН. 356 с.
- Савкин Д.А. 2009. К вопросу об «акторности» глобальных городов в мировой политике. *Вестник СПбГУ. Сер. 6*. №4. С. 176–184.
- Саямов Ю.Н. 2008. Дипломатия городов. *Международная жизнь*. №8–9. С. 129–145.
- Толстых В.Л. 2004. *Международная деятельность субъектов Российской Федерации*. Москва: Междунар. Отношения. 173 с.
- Туровский Р.Ф. 2011. Субнациональные регионы в глобальной политике (на примере России). *Полис. Политические исследования*. №2. С. 99–117.

Фролова Е.В., Кабанова Е.Е. 2017. Факторы развития туристической привлекательности муниципальных образований России. *Вопросы государственного и муниципального управления*. №3. С. 112–128.

Цыганков П.А. 2013. Негосударственные участники в мировой политике XXI века. *Обозреватель-Observer*. №9. С. 5–17.

Шаймарданова З.Д., Макашев Ж.К. 2018. Усиление роли субнациональных акторов. *Политическая наука*. №2. С. 234–251.

Эконометрические оценки «поворота России на Восток»: опыт многофакторного анализа

А.А. Байков, В.А. Гневашева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Отмечающиеся во внешнеэкономической деятельности России тенденции переориентации нашей страны с активного межгосударственного и социально-экономического взаимодействия с государствами «коллективного Запада» на страны, составляющие Азиатский макрорегион, приобретают всё более устойчивый характер. В статье обсуждаются социально-экономические и в меньшей степени политические предпосылки данной перебалансировки. Исследование направлено на качественную и количественную оценку отношений России и стран Востока, а именно стран АСЕАН, Северо-Восточной Азии и Индо-Тихоокеанского трансрегиона. Предполагая, что предпосылки усиления подобных взаимосвязей между странами должны найти отражение в динамике торговых отношений, усилении миграционных потоков, изменении политики в части военных расходов стран, авторы предприняли попытку оценить эти изменения эконометрически. Для этого используются методы построения множественной линейной регрессии, в том числе с изменением временного лага, а также показатели оценки пострановой корреляции и кластерный анализ. Объектом исследования выступают страны Северо-Восточной Азии (Китай, Япония, Республика Корея); страны АСЕАН (Таиланд, Индонезия, Вьетнам, Малайзия, Сингапур); Индия; Австралия и Океания. Эмпирическая база исследования представлена панельными данными официальной статистики World Bank, SIPRI, ФЦГС. Результаты свидетельствуют о реальности поворота России на Восток. Выводы сопровождаются качественными характеристиками полученных эконометрических оценок. На основе эмпирического анализа и проведения корреляционных оценок даётся описание кластеров по степени тесноты взаимосвязи с Россией. Проведённый многофакторный анализ позволил выявить ряд устойчивых особенностей, указывающих на возможность моделирования веера обоснованных прогностических сценариев дальнейшего межгосударственного взаимодействия. Предложенные оценки также могут быть использованы для дальнейшего изучения направлений взаимодействия России и Востока, методологическом и эмпирическом уточнении формирующихся взаимосвязей, определении значимых факторов усиления отмеченных взаимодействий.

Ключевые слова: Россия, страны АСЕАН, страны Северо-Восточной Азии, Индо-Тихоокеанский регион, многофакторный анализ, регрессионный анализ

УДК: 339.9

Поступила в редакцию: 20.12.2019 г.

Принята к публикации: 10.12.2020 г.

Макроэкономический контекст «поворота России на Восток»

В связи с изменением политико-правовых рамок взаимодействия России со странами «коллективного Запада» начиная с 2014 г., приведших к существенному снижению темпов (а в ряде случаев и абсолютных показателей торговли, промышленной кооперации и финансово-инвестиционного сотрудничества) взаимного сближения в технико-технологической и экономической сферах, Россия стала решительнее обозначать Азиатский макрорегион в качестве одного из приоритетных направлений своей внешнеэкономической деятельности, как минимум на среднесрочную перспективу. Вместе с тем утверждённый ещё в 2013 г. «Прогноз долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 г.» (далее – Прогноз), будучи одним из основных документов стратегического планирования развития государства, в которых определяются основные ожидания, риски, результаты социально-экономического развития РФ в долгосрочной перспективе, содержал акцент на странах Восточноазиатской подсистемы и шире – Азиатско-Тихоокеанского региона – как на важнейшей сфере приложения российских усилий.

В Прогнозе азиатские страны определены как главный двигатель роста мировой экономики. Отмечалось, что прежде всего в этом регионе будет возрастать роль Китая, Индии, которые, вместе с Японией и новыми индустриальными странами Азии, способны со временем обеспечивать более трети мирового ВВП. Подобные тенденции дают возможность расширения российского экспорта и развития торгово-экономических отношений с регионом. Делался вывод о том, что для России формируются экономические предпосылки наращивания экспорта отечественной наукоемкой продукции в связи с реализуемыми в странах региона программ промышленной реструктуризации, в частности в отраслях энергетики, металлургии, машиностроения.

По данным Всемирного банка, в прогнозных значениях до 2019 г., ожидалось, что дальнейший рост в развивающихся странах Восточной Азии и Тихого океана (англ. ЕАР) сохранится на уровне текущих значений (6,3% в 2018 г.). Вместе с тем на фоне интенсивного роста предыдущих лет, ожидалось, что темпы роста в развивающихся странах ЕАР останутся стабильными, в то время как в Китае могут несколько замедлиться. Но даже согласно консервативному сценарию, величина этого показателя, по всей вероятности, не опустится ниже 5,4 %, что отражает устойчивые соотношения внутреннего и внешнего спроса.

За обозреваемый период времени (1990-2019) фиксируются наиболее быстрые темпы роста ВВП в Китае, на момент 2010 г. рост ВВП Китая составлял чуть больше 10%, в период с 2012 г. рост ВВП сохраняется, но более медленными темпами, около 5 % ежегодно.

Мировая экономика характеризуется схожей тенденцией с Китаем, но меньшим ростом – на уровне 3-4%.

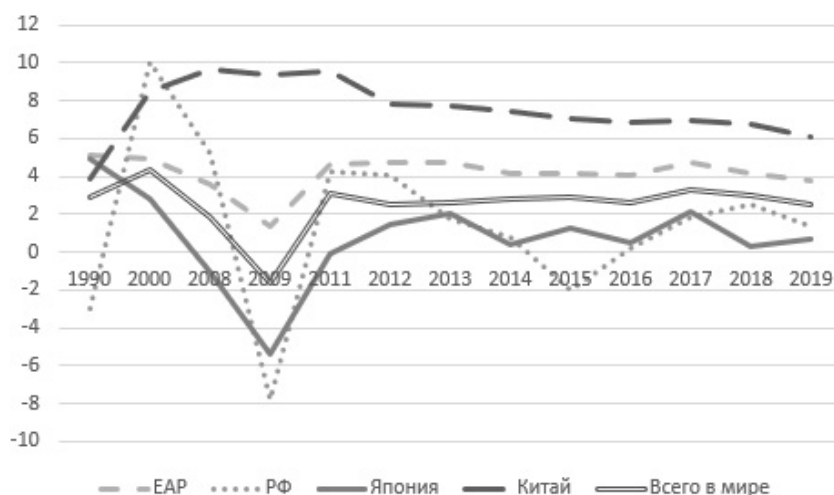

Рисунок 1. Изменение ВВП (в %)

Figure 1. Change in GDP (in%)

Источник: Всемирный банк

Россия имеет менее стабильный характер изменений объёма экономики, характеризующаясь выраженными пиками значимого роста и ощутимого сокращения экономики при современных темпах роста на уровне 2-3%.

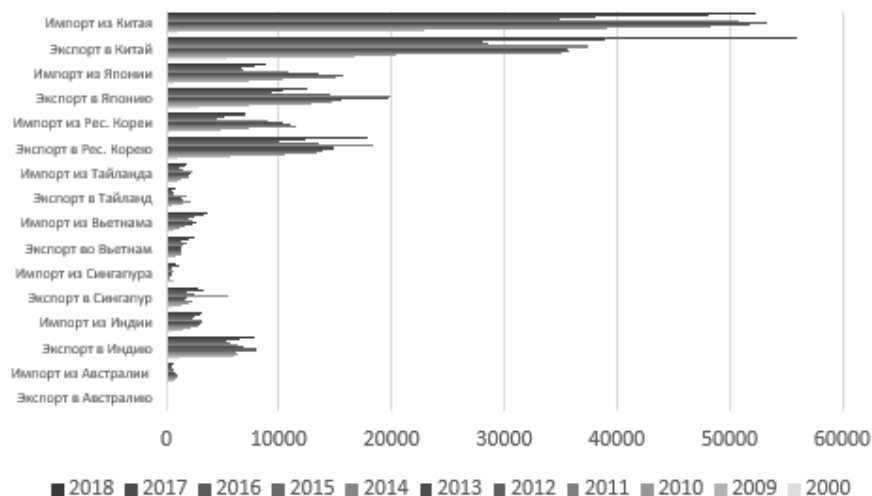

Рисунок 2. Динамическое сопоставление объёмов экспорта и импорта стран Азии и Австралии в отношении России (млн долл.)

Figure 2. Dynamic comparison of export and import volumes of Asian and Australian countries in relation to Russia (mln USD)

Источник: Федеральная служба государственной статистики

По существующим в литературе прогнозным оценкам, доля *стран Азиатского макрорегиона в российском экспорте* увеличится к 2030 г. до 28% г.¹. Предполагается, что взаимная торговля с течением времени будет увеличиваться как минимум из-за улучшения её условий, так как рост качества продукции азиатских стран, а также их относительная дешевизна увеличит их долю в российском импорте.

Вместе с тем две крупные страны региона Индонезия и Малайзия, по официальным данным Федеральной службы государственной статистики, не представлены в торговых отношениях с Россией.

Среди рисков во внешнеэкономической деятельности России прогнозом определяются нестабильность мировых рынков энергоносителей, а также угроза вытеснения России с традиционного европейского рынка углеводородов, ослабление её роли в качестве транзитной страны по мере развития альтернативных энергоносителей. Данный фактор также способствует социально-экономической переориентации России на рынки Азиатских стран.

В то же время многие эксперты различны в своих оценках интенсивности и направлений региональной интеграции России и Востока. Так, предпосылки восточной экспансии описываются С.А. Спартак (2019). В исследовании Е.Ф. Авдокушина (2015) отмечается, что поворот России в сторону Китая происходит гораздо медленнее, но зато планомерно, однако эксперт видит необходимость более существенного прорыва в экономических отношениях двух стран. В этой связи необходимость улучшения инвестиционного климата в отношениях России и Китая подчёркивается в исследовании Л.В. Новосёловой (2017).

Бордачёв Т. В. и Пятачкова А. С. (2018) в концепции Большая Евразия отмечают, что последние два-три года стали временем беспрецедентного роста интереса к Евразии, в этот период активно формируется российская инициатива по созданию Большой Евразии, которая предполагается основой для продвижения различных проектов сотрудничества в рассматриваемом регионе.

В определении России между двух систем М.В. Братерский и Г.И. Кутырев размышляют над перспективой транзита из Атлантического мира в мир Евразийско-Тихоокеанский (Братерский, Кутырев 2019), анализируя политику России с точки зрения правительственных целей в ответ на вызовы в области международной политики, экономики, безопасности, а также на те вызовы, которые связаны с угрозой изменения статуса держав.

Современные политические перспективы поворота России на Восток определяются в работе В.П. Сальникова (Сальников 2015), а проблема вызовов в отношениях России и Востока уточняются А.Н. Федоровским (2016).

Говоря о повороте России на Восток, Л.О. Вардомский (2016) указывает на необходимость преодоления двойного европоцентризма России, используя по-

¹ Министерство экономического развития РФ. URL: <http://old.economy.gov.ru/minec/about/structure/depSvod/2015020513>. (дата обращения: 15.12.2020).

тенциал Сибири для сотрудничества в рамках ЕАЭС, ШОС, Экономического пояса Шёлкового пути. Проблемы развития Дальнего Востока и Сибири в этой связи также подчёркиваются в исследовании С.А. Карганова (2015).

Риски взаимоотношений, в частности риски либерализации торговли товарами со странами Азии в рамках российской политики поворота на Восток подчёркиваются Лихачёвой А. Б. и Калачиным Г. М. (2018).

В целом большинство экспертов подтверждают необходимость и перспективность сотрудничества России и Востока как историческую, экономическую и политическую неизбежность

На момент прогнозных оценок 2020 г. важно отметить возникновение провалов мирового рынка, вызванное отрицательной экстерналией – пандемией Covid-19, что, несомненно, оказало понижающее влияние на объёмы и отчасти структуру экономических взаимосвязей субъектов. Прогнозные значения изменения объёмов экономик ожидаемо и существенно снижаются по сравнению с ранее определяемыми. Вместе с тем выявляется необходимость усиления форм интеграции стран как важный фактор роста устойчивости их восстановления и развития. Оценки влияния отрицательной экстерналии на рынки рассматриваемых стран и характер их взаимосвязи могут быть рассмотрены по мере выхода глобальной экономики из кризиса. В то же время нет оснований утверждать вероятность кардинальных изменений характера сформировавшихся взаимосвязей между рассматриваемыми странами.

Многофакторный анализ: методология проведения

Цель настоящего исследования состоит в выявлении значимых факторов экономического сближения ряда стран Северо-Восточной Азии, Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, Индии и России.

Предпринятый в исследовании многофакторный анализ «экономического поворота России на Восток» представляет собой исследование социальных, экономических, политических факторов, определяющих устойчивые тенденции комплексного развития территории.

Условный **«Восток»** в контексте данного исследования вбирает в себя следующие государства:

1. *Северо-Восточная Азия*: Китай, Япония, Республика Корея (группа 1)
2. *Юго-Восточная Азия*: страны АСЕАН (Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины) (группа 2)
3. *Австралия и Океания* (группа 3)
4. *Индия* (группа 4)

Для оценки взаимосвязей и выявления тенденций в экономическом взаимодействии России и Востока используем корреляционный метод и метод построения линейных регрессий.

Зависимой переменной (Y) выступает объём экономики России за период 2000-2019 гг., выраженный показателем ВВП (в текущих ценах, в долл. США). Независимые переменные: объём ВВП соответствующей страны за период 2000-2019 гг. (в текущих ценах, в млн долл. США) (X_1); показатели межстрановой торговли: экспорт и импорт между соответствующим государством и Россией за период 2000-2019 гг. (в млн долл. США) (X_2 и X_3 соответственно); объёмы миграционных потоков в обоих направлениях (эмиграция и иммиграция) между соответствующей страной и Россией за период 2000-2019 гг. (чел.) (X_4 и X_5 соответственно); объём военных расходов (в млн долл. США) (X_6).

Общий показатель оценки устойчивости социально-экономического развития определяется суммарным коэффициентом корреляции с включением экономической, военной и миграционной компонент.

Экономическая составляющая функции обусловлена изменением экономики, выраженной агрегированным показателем объёма экономики: ВВП, включёнными изменениями экспортно-импортных операций, интеграционной составляющей (в том числе рынка труда), определяемой через интенсификацию миграционных потоков, а также характером изменения военных расходов.

Опишем ход и результаты количественного анализ методом множественной регрессии и уточнения ряда показателей корреляции с целью определения интенсивности тенденций экономического сближения России и Востока для следующих групп:

Таблица 1. Региональные группы стран и модели парного взаимодействия
Table 1. Regional groups of countries and models of pair interaction

Группы	Модели
Страны Северо-Восточной Азии	Россия – Китай
	Россия – Япония
	Россия – Республика Корея
Страны АСЕАН	Россия – Таиланд
	Россия – Индонезия
	Россия – Вьетнам
	Россия – Малайзия
	Россия – Сингапур
Индия	Россия – Индия
Австралия и Океания	Россия – Австралия

Пары государств в моделях выбраны по критерию наибольших темпов взаимной экономической активности и наибольшему индивидуальному уровню экономического потенциала долгосрочного развития.

Проверяются следующие экспертно сформулированные гипотезы, выбор которых определялся в том числе предварительным, представленным в литературе анализом характера взаимодействия рассматриваемых стран, а также задачами исследования:

H_1 – существует устойчивая положительная взаимосвязь изменения объёма экономики России и изменения объёма экономики стран, включённых в анализ.

H_2 – существует устойчивая положительная взаимосвязь изменения объёма экономики России и торговых потоков между Россией и странами, включёнными в анализ.

H_3 – существует устойчивая положительная взаимосвязь изменения объёма экономики России и миграционных потоков между Россией и странами, включёнными в анализ.

H_4 – существует устойчивая положительная взаимосвязь изменения объёма экономики России и военных расходов стран, включённых в анализ.

Группа стран Северо-Восточной Азии: особенности экономического взаимодействия с Россией (регрессионный и корреляционный анализ)

Модель 1. Россия – Китай

Рассматривая характер экономического сотрудничества, рассчитаем степень корреляции уровня ВВП (млрд долл. США) за период 2000-2020 год.

Табл. 2. Изменения объёма ВВП России и Китая (млн долл., в текущих ценах)
Table 2. Changes in the volume of GDP in Russia and China (mln USD, in current prices)

Год	Россия	Китай
2000	259710,1	1211347
2009	1222644	5101702
2010	1524917	6087165
2011	2051662	7551500
2012	2210257	8532231
2013	2297128	9570406
2014	2059984	10438529
2015	1363594	11015542
2016	1282724	11137946
2017	1578624	12143491
2018	1657554	13608152
2019	1699876	14342902

Источник: Всемирный банк.

Оценивая степень корреляции (расчётные данные за период 2000, 2009-2018 гг.), получаем показатель корреляции ВВП России и ВВП Китая равным 0,54, что говорит об устойчивой положительной взаимосвязи. При этом степень корреляции показателей «военные расходы» двух стран составляет 0,89. Кроме того, на основе данных Всемирного банка был получен высокий агрегированный показатель корреляции для оценки взаимосвязи тенденций изменения ВВП между Россией и группой стран «Восточная Азия и Тихий Океан» (0,76).

Приведём регрессионный анализ ряда факторов для оценки характера изменения социально-экономической взаимосвязи России и Китая за период 2000-2019 гг.

Таблица 3. Некоторые данные сопоставления социально-экономического взаимодействия в паре Россия – Китай

Table 3. Some data comparing socio-economic interaction in the pair Russia - China

	ВВП Россия (млн долл.) (Y)	ВВП Китая (млн долл.) (X ₁)	Экспорт (млн долл.) (X ₂)	Импорт (млн долл.) (X ₃)	Эмиграция (чел.) (X ₄)	Иммиграция (чел.) (X ₅)	Военные расходы (млн долл.) (X ₆)
2000	259710,1	1211347	5248	949	658	1121	41264
2009	1222644	5101702	16687	22795	57	770	131063
2010	1524917	6087165	20325	39036	248	1380	143932
2011	2051662	7551500	35030	48202	507	7063	155169
2012	2210257	8532231	35727	51844	4358	8547	168514
2013	2297128	9570406	35631	53212	7527	8149	184209
2014	2059984	10438529	37492	50773	8607	10563	200023
2015	1363594	11015542	28601	34948	9821	9043	213526
2016	1282724	11137946	28012	38022	8837	8027	225558
2017	1578624	12143491	38917	48056	7600	8237	238476
2018	1657554	13894817	56019	52225	7544	7067	253492
2019	1699876	14342902	-	-	8627	15306	266449

Источник: Всемирный Банк, Федеральная служба государственной статистики, SIPRI.

Таблица 4. Описательная статистика

Table 4. Descriptive statistics

Регрессионная статистика				
Множественный R	0,988332			
R-квадрат	0,9768			
Нормированный R-квадрат	0,9304			
Стандартная ошибка	161511,7			
Наблюдения	10			
	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-Значение
Y-пересечение	57592,06	419654,4	0,137237	0,899536
X 1	-0,34684	0,426296	-0,81361	0,475443
X 2	4,631049	8,895552	0,520603	0,638626
X 3	46,23911	11,89851	3,886125	0,030199
X 4	30,74807	52,75418	0,582856	0,600909
X 5	48,09198	85,67138	0,561354	0,613759
X 6	12,47261	18,96373	0,657709	0,557687

приведён расчёт множественной регрессии за период 2000, 2009-2018 гг.

Для оценки полноты регрессии и значимости факторов приведём ряд дополнительных характеристик, в частности проведём проверку значимости факторов модели на основе t-критерия Стьюдента. Т-критическое для данного распределения (k (8;0,05)) равно 2,306; F значимость = 0,015 < 0,05, то есть по-

казатель R^2 значим при 5%-ном уровне значимости. R^2 равный 0.97 означает, что включённые в модель переменные на 97% объясняют зависимость.

Оценки p -значения и t -статистики позволяют говорить о значимости переменной X_3 – объём импорта из Китая в Россию.

Прочие переменные в соответствии с оценками коэффициентов имеют положительную связь с определяемой переменной Y за исключением показателя ВВП (X_1), что означает, что объём ВВП Китая и объём ВВП России изменяются разнонаправленно, в то время как все другие включённые в модель факторы изменяются сонаправленно объясняемой переменной, хотя степень влияния переменных на объём экономики России незначительна.

Модель 2 Россия – Япония

Рассмотрим особенности экономической взаимосвязи России и Японии.

Таблица 5. Изменения объёма ВВП России и Японии (млн долл., в текущих ценах)

Table 5. Changes in the volume of GDP of Russia and Japan (mln USD, in current prices)

Годы	Россия	Япония
2000	259710,1	4890000
2009	1222644	5230000
2010	1524917	5700000
2011	2051662	6160000
2012	2210257	6200000
2013	2297128	5160000
2014	2059984	4850000
2015	1363594	4390000
2016	1282724	4930000
2017	1578624	4860000
2018	1657554	4970000
2019	1699876	5081769

Источник: World Bank

Оценивая степень корреляции, то есть взаимосвязи изменений уровня ВВП России и уровня ВВП Японии, получаем показатель корреляции ВВП России и ВВП Японии за период 2000-2019 гг. равным 0,45. Степень корреляции показателей «военные расходы» двух стран составляет 0,65. Общие оценки говорят о том, что Россия выступает **одним из** экономических субъектов Японии, участвуя в экономическом пространстве данной страны на взаимовыгодных экономических условиях.

Приведём регрессионный анализ ряда факторов для оценки характера изменения социально-экономической взаимосвязи России и Японии за период 2000-2019 гг.

Таблица 6. Данные сопоставления социально-экономического взаимодействия Россия – Япония

Table 6. Comparing socio-economic interaction Russia - Japan

	ВВП Россия (млн. долл.) (Y)	ВВП Японии (млн. долл.) (X ₁)	экспорт (млн. долл.) (X ₂)	импорт (млн. долл.) (X ₃)	эмиграция (чел.) (X ₄)	иммиграция (чел.) (X ₅)	Военные расходы (млн. долл.) (X ₆)
2000	259710,1	4890000	2764	572	60	65	44307
2009	1222644	5230000	7251	7252	60	40	44341
2010	1524917	5700000	12835	10301	76	60	44496
2011	2051662	6160000	14643	15017	85	87	45095
2012	2210257	6200000	15590	15676	86	120	44552
2013	2297128	5160000	19649	13563	134	235	44363
2014	2059984	4850000	19854	10908	146	261	44836
2015	1363594	4390000	14483	6813	208	221	45627
2016	1282724	4930000	9346	6682	318	132	45351
2017	1578624	4860000	10418	7765	210	178	45387
2018	1657554	4954806	12437	8822	243	142	46618
2019	1699876	5081769	-	-	147	231	46562

Источник: Всемирный Банк, Федеральная служба государственной статистики РФ, SIPRI.

Таблица 7. Описательная статистика

Table 7. Descriptive statistics

Регрессионная статистика				
Множественный R	0,995916			
R-квадрат	0,991848			
Нормированный R-квадрат	0,975543			
Стандартная ошибка	95741,33			
Наблюдения	10			
	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-Значение
Y-пересечение	6298013	4825029	1,30528	0,282884
X 1	-0,35735	0,234688	-1,52264	0,225219
X 2	-17,6882	26,74488	-0,66137	0,555636
X 3	171,9528	37,88109	4,539278	0,020017
X 4	445,6725	700,9051	0,635853	0,570061
X 5	1116,92	1399,963	0,797821	0,483288
X 6	-99,493	103,6166	-0,9602	0,407788

Проверка значимости факторов модели на основе *t*-критерия Стьюдента. Т-критическое для данного распределения (*k* (8;0,05)) равно 2,306; F значимость = 0,003 < 0,05 < 0,01, то есть показатель R² значим при 5%-ном и 1% уровне значимости. R² равный 0,99 означает, что включённые в модель переменные на 99% объясняют зависимость.

Оценки Р-значения и *t*-статистики позволяют говорить о значимости переменной X₃ – объём импорта из Японии в Россию, так же как и при оценках Китая.

Среди прочих переменных в соответствии с оценками коэффициентов имеют положительную связь с определяемой переменной ВВП России (Y) такие как: импорт, эмиграция и иммиграция; а вот коэффициенты при переменных: ВВП, экспорт и военные расходы – отрицательны, что означает, что их изменение и изменение объёма ВВП России – разнонаправленны.

Модель 3 Россия – Республика Корея

Рассмотрим особенности экономической взаимосвязи России и Кореи.

Таблица 8. Изменения объёма ВВП России и Кореи (млн долл., в текущих ценах)

Table 8. Changes in the volume of GDP in Russia and the Republic. Korea (mln USD, in current prices)

Годы	Россия	Корея
2000	259710,1	562000
2009	1222644	902000
2010	1524917	1090000
2011	2051662	1200000
2012	2210257	1220000
2013	2297128	1310000
2014	2059984	1410000
2015	1363594	1465773
2016	1282724	1500111
2017	1578624	1623901
2018	1657554	1720578
2019	1699876	1642383

Источник: World Bank

Оценивая степень корреляции уровня ВВП России и уровня ВВП Республики Корея, получаем показатель корреляции ВВП России и ВВП Кореи за период 2000-2019 гг. равным 0,61. Степень корреляции показателей «военные расходы» двух стран составляет 0,87. Общие оценки схожи с оценками корреляционной взаимосвязи Россия – Япония и говорят о том, что Россия выступает одним из стабильных экономических партнёров Кореи.

Приведём регрессионный анализ ряда факторов для оценки характера изменения социально-экономической взаимосвязи России и Кореи за период 2000-2019 гг.

Таблица 9. Некоторые данные сопоставления социально-экономического взаимодействия России и Кореи

Table 9. Some data comparing socio-economic interaction between Russia and Korea

	ВВП Россия (млн долл.) (Y)	ВВП Р. Корея (млн долл.) (X ₁)	экспорт (млн. долл.) (X ₂)	импорт (млн. долл.) (X ₃)	эмиграция (чел.) (X ₄)	иммиграция (чел.) (X ₅)	Военные расходы (млн. долл.) (X ₆)
2000	259710,1	562000	972	359	690	71	21267
2009	1222644	902000	5664	4866	56	45	32181
2010	1524917	1090000	10435	7273	60	156	32449
2011	2051662	1200000	13360	11582	68	165	32893
2012	2210257	1220000	13883	10985	136	662	33731
2013	2297128	1310000	14868	10315	474	554	34753
2014	2059984	1410000	18278	9030	417	583	36120
2015	1363594	1465773	13482	4560	691	496	37523
2016	1282724	1500111	9998	5111	477	297	38463
2017	1578624	1623901	12256	6934	302	296	39171
2018	1657554	1720578	17825	7011	357	285	43070
2019	1699876	1642383	-	-	257	417	46281

Источник: Всемирный Банк, Федеральная служба государственной статистики РФ, SIPRI.

Таблица 10. Описательная статистика

Table 10. Descriptive statistics

Регрессионная статистика				
Множественный R	0,995558			
R-квадрат	0,991136			
Нормированный R-квадрат	0,973409			
Стандартная ошибка	99832,21			
Наблюдения	10			
	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-Значение
Y-пересечение	-735331	592277,8	-1,24153	0,302634
X 1	-1,15781	0,725483	-1,59591	0,208782
X 2	22,54117	24,46151	0,921495	0,424753
X 3	152,2549	32,06466	4,74837	0,017722
X 4	259,1764	338,3018	0,76611	0,499374
X 5	327,7382	306,9628	1,06768	0,363952
X 6	64,35022	34,73064	1,852837	0,16097

Проверка значимости факторов модели. Т-критическое для данного распределения (к (8;0,05)) равно 2,306; F значимость = 0,0036 < 0,05 < 0,01, то есть показатель R² значим при 5%-ном и 1% уровне значимости. R² равный 0,99 означает, что включённые в модель переменные на 99% объясняют зависимость.

Оценки Р-значения и t-статистики позволяют говорить о значимости переменной X₃ – объем импорта из Р. Корея в Россию, так же как и при оценках Японии и Китая.

Среди прочих переменных в соответствии с оценками коэффициентов имеют положительную связь с определяемой переменной ВВП России (Y), такие как: экспорт, импорт, эмиграция и иммиграция, военные расходы. Коэффициент при переменной ВВП – отрицательный, то есть изменение объёма ВВП России и ВВП Р. Корея – разнонаправленны, а векторы изменения всех прочих факторов, включённых в модель, для данной группы стран совпадают.

Экономические взаимосвязи России и стран Северо-Восточной Азии характеризуются усиливающимися экономическими взаимосвязями, преимущественно в разрезе импортных операций из данных стран в Россию. Важно отметить, что темпы экономического сотрудничества рассматриваемых групп имели тенденцию к постоянному росту на протяжении всего рассматриваемого периода лишь в отношении Китая, Японии и Р. Корея демонстрировали снижение темпов экономического взаимодействия, равно как и снижение темпов собственного экономического развития в период 2014-2016 гг. – как следствие мирового кризиса.

Таким образом, из введённых четырёх гипотез исследования подтвердилась вторая (H₂), а именно: существует устойчивая положительная взаимосвязь изменения объёма экономики России и торговых потоков между Россией и странами, включёнными в анализ.

Группа стран АСЕАН: особенности экономического взаимодействия с Россией

Модель 4. Россия – Таиланд

Рассмотрим особенности экономической взаимосвязи России и Таиланда.

Таблица 11. Изменения объёма ВВП России и Таиланда (млн долл., в текущих ценах)

Table 11. Changes in the volume of GDP in Russia and Thailand (mln USD, in current prices)

Годы	Россия	Таиланд
2000	259710,1	126000
2009	1222644	282000
2010	1524917	341000
2011	2051662	371000
2012	2210257	398000
2013	2297128	420000
2014	2059984	407000
2015	1363594	401000
2016	1282724	412000
2017	1578624	455000
2018	1657554	506514
2019	1699876	543649

Источник: World Bank

Оценивая степень корреляции уровня ВВП России и уровня ВВП Таиланда, получаем показатель корреляции за период 2000-2019 гг. равным 0,71. Степень корреляции показателей «военные расходы» двух стран составляет 0,82.

Приведём регрессионный анализ ряда факторов для оценки характера изменения социально-экономической взаимосвязи России и Таиланда за период 2000-2019 гг.

Таблица 12. Некоторые данные сопоставления социально-экономического взаимодействия Россия – Таиланд

	ВВП Россия (млн долл.) (Y)	ВВП Таиланд (млн долл.) (X ₁)	Экспорт (млн. долл.) (X ₂)	Импорт (млн. долл.) (X ₃)	Военные расходы (млн. долл.) (X ₆)
2000	259710,1	126000	80,2	89,2	3187
2009	1222644	282000	439	934	5552
2010	1524917	341000	1536	1370	5138
2011	2051662	371000	2126	1981	5292
2012	2210257	398000	1412	1971	5216
2013	2297128	420000	1273	2084	5422
2014	2059984	407000	1750	2231	5462
2015	1363594	401000	561	1491	5806
2016	1282724	412000	615	1145	6131
2017	1578624	455000	512	1718	6306
2018	1657554	506514	753	1856	6875
2019	1699876	543649	-	-	6970

Источник: Всемирный Банк, Федеральная служба государственной статистики РФ, SIPRI.

Таблица 13. Описательная статистика

Table 13. Descriptive statistics

<i>Регрессионная статистика</i>				
Множественный R	0,970126			
R-квадрат	0,941144			
Нормированный R-квадрат	0,894059			
Стандартная ошибка	199265,2			
Наблюдения	10			
	<i>Коэффициенты</i>	<i>Стандартная ошибка</i>	<i>t-статистика</i>	<i>P-Значение</i>
Y-пересечение	204420,1	555143,5	0,368229	0,727778
X 1	-0,78809	3,119332	-0,25265	0,810598
X 2	94,76068	197,0969	0,480782	0,650971
X 3	897,4434	377,0943	2,379891	0,063173
X 6	41,17943	218,4725	0,188488	0,857906

Проверка значимости факторов модели. Т-критическое для данного распределения (к (8;0,05)) равно 2,306; F значимость = 0,002 < 0,05 < 0,01, то есть показатель R² значим при 5%-ном и 1% уровне значимости. R² равный 0,94 означает, что включённые в модель переменные на 94% объясняют зависимость.

Оценки Р-значения и t-статистики позволяют говорить о значимости переменной X_3 – объем импорта из Таиланда в Россию, что совпадает со структурой эконометрических оценок в отношении стран Северо-Восточной Азии.

Важно отметить, что данные по миграционным потокам с Таиландом в официальной статистике миграционного движения отсутствовали, поэтому данные переменные были исключены из расчёта, при этом последнее не сказалось на качестве модели.

Оценивая коэффициенты при переменных, отметим, что все из них положительны, за исключением ВВП Таиланда. Преимущественное сотрудничество на основании импорта из Таиланда в Россию соответствующим образом и отражается на взаимозависимости показателей ВВП стран: они разнонаправленны.

Модель 5. «Россия – Индонезия и модель 7 Россия – Малайзия»

В отношении двух стран АСЕАН Индонезии и Малайзии в аспекте экономического сотрудничества с Россией необходимо обратить внимание на отсутствие в официальной статистике РФ данных по торговым операциям с этими странами, равно как и по миграционным потокам, что существенно сокращает число переменных, включённых в модель.

Таблица 14. Изменения объёма ВВП России, Индонезии и Малайзии (млн долл., в текущих ценах)

Table 14. Changes in the volume of GDP in Russia, Indonesia and Malaysia (million dollars, in current prices)

Годы	Россия	Индонезия	Малайзия
2000	259710,1	165000	93800
2009	1222644	540000	202000
2010	1524917	755000	255000
2011	2051662	893000	298000
2012	2210257	918000	314000
2013	2297128	913000	323000
2014	2059984	891000	338000
2015	1363594	861000	297000
2016	1282724	932000	297000
2017	1578624	1020000	315000
2018	1657554	1042240	358581
2019	1699876	1119190	364701

Источник: World Bank

Оценивая степень корреляции уровней ВВП России и ВВП Индонезии и Малайзии за период 2000-2019 гг., получаем показатели, равные 0,77 и 0,83 соответственно. Степени корреляции показателей «военные расходы» трёх стран составляют 0,9 и 0,82 соответственно. По общим оценкам – Россия выступает значимым участником развития экономик данных стран, однако данное взаимодействие строится на иных формах, нежели торговые отношения.

Проведём регрессионный анализ ряда факторов для оценки характера изменения социально-экономической взаимосвязи России и Индонезии за обозначенный период.

Таблица 15. Выборочная характеристика социально-экономического взаимодействия в паре Россия – Индонезия

Table 15. Selected characteristics of socio-economic interaction in the pair Russia - Indonesia

	ВВП Россия (млн долл.) (Y)	ВВП Индонезия (млн долл.) (X ₁)	Военные расходы (млн. долл.) (X ₆)
2000	259710,1	165000	2299
2009	1222644	540000	3840
2010	1524917	755000	4510
2011	2051662	893000	5170
2012	2210257	918000	5936
2013	2297128	913000	7981
2014	2059984	891000	7032
2015	1363594	861000	8523
2016	1282724	932000	7557
2017	1578624	1020000	8178
2018	1657554	1042240	7380
2019	1699876	1119190	7665

Источник: Всемирный Банк, Федеральная служба государственной статистики РФ, SIPRI.

Таблица 16. Выборочные данные сопоставления политико-экономического взаимодействия Россия – Малайзия

Table 16. Selected data comparing political and economic interaction Russia - Malaysia

	ВВП Россия (млн долл.) (Y)	ВВП Малайзия (млн долл.) (X ₁)	Военные расходы (млн. долл.) (X ₆)
2000	259710,1	93800	2004
2009	1222644	202000	3934
2010	1524917	255000	3437
2011	2051662	298000	3853
2012	2210257	314000	3969
2013	2297128	323000	4325
2014	2059984	338000	4359
2015	1363594	297000	4693
2016	1282724	297000	3776
2017	1578624	315000	3470
2018	1657554	358581	3827
2019	1699876	364701	3769

Источник: Всемирный Банк, SIPRI

Таблица 17. Описательная статистика (Россия – Индонезия)**Table 17. Descriptive statistics (Russia - Indonesia)**

<i>Регрессионная статистика</i>				
Множественный R	0,813633			
R-квадрат	0,661998			
Нормированный R-квадрат	0,577498			
Стандартная ошибка	377782,4			
Наблюдения	11			
	<i>Коэффициенты</i>	<i>Стандартная ошибка</i>	<i>t-статистика</i>	<i>P-Значение</i>
Y-пересечение	240677,1	406319,4	0,592335	0,569985
X 1	2,744751	0,929247	2,953738	0,018321
X 6	-140,884	116,5817	-1,20846	0,261376

Проверка значимости факторов модели. Т-критическое для данного распределения ($k(9;0,05)$) равно 2,26; F значимость = $0,01 < 0,05$, то есть показатель R^2 значим при 5%-ном уровне значимости. R^2 равный 0,66 означает, что включённые в модель переменные на 66% объясняют исследуемую зависимость. Оценки Р-значения и t-статистики позволяют говорить о значимости переменной X_1 .

Оценивая коэффициенты при применённых, отметим, что коэффициент при переменной «ВВП Индонезии» – положителен, тогда как коэффициент по переменной «военные расходы» – отрицателен. Россия, несомненно, участвует в экономическом развитии Индонезии и является значимым стратегическим партнёром для этой страны.

Таблица 18. Описательная статистика (Россия – Малайзия)**Table 18. Descriptive statistics (Russia – Malaysia)**

<i>Регрессионная статистика</i>				
Множественный R	0,838686			
R-квадрат	0,703394			
Нормированный R-квадрат	0,629243			
Стандартная ошибка	353893,3			
Наблюдения	11			
	<i>Коэффициенты</i>	<i>Стандартная ошибка</i>	<i>t-статистика</i>	<i>P-Значение</i>
Y-пересечение	-458546	645969,5	-0,70986	0,497958
X 1	5,90215	1,998256	2,95365	0,018323
X 6	107,9572	231,8862	0,465561	0,653941

Проверка значимости факторов модели. Т-критическое для данного распределения ($k(9;0,05)$) равно 2,26; F значимость = $0,007 < 0,05 < 0,01$, то есть показатель R^2 значим при 5%-ном и 1%-ном уровне значимости. R^2 равный 0,7 означает, что включённые в модель переменные на 70% объясняют исследуемую зависимость. Оценка Р-значения и t-статистики позволяет говорить о значимости переменной X_1 , то есть точно так же, как это было установлено для Индонезии.

Оценивая коэффициенты при применённых, отметим, коэффициент при переменной ВВП Малайзии и «военные расходы» Малайзии – положительны. Для переменной «военные расходы» это, в частности, означает, что при увеличении ВВП России на 1 усл. ед. военные расходы Малайзии увеличиваются на 107 усл. ед.

Модель 6. Россия – Вьетнам

Рассмотрим особенности экономической взаимосвязи России и Вьетнама.

Таблица 19. Изменения объёма ВВП России и Вьетнама (млн долл., в текущих ценах)

Table 19. Changes in the volume of GDP in Russia and Vietnam (million dollars, in current prices)

Годы	Россия	Вьетнам
2000	259710,1	31172
2009	1222644	106000
2010	1524917	116000
2011	2051662	135539
2012	2210257	155820
2013	2297128	171222
2014	2059984	186204
2015	1363594	193241
2016	1282724	205276
2017	1578624	223779
2018	1657554	245213
2019	1699876	261921

Источник: World Bank

Оценивая степень корреляции уровня ВВП России и уровня ВВП Вьетнама, получаем показатель корреляции за период 2000-2019 гг. равным 0,51. Степень корреляции показателей «военные расходы» двух стран составляет 0,87. Приведём регрессионный анализ ряда факторов для оценки характера изменения социально-экономической взаимосвязи России и Вьетнама за период 2000-2019 гг.

Таблица 20. Данные сопоставления социально-экономического взаимодействия Россия – Вьетнам

Table 20. Comparing socio-economic interaction Russia – Vietnam

	ВВП Россия (млн долл.) (Y)	ВВП Вьетнам (млн долл.) (X ₁)	экспорт (млн. долл.) (X ₂)	импорт (млн. долл.) (X ₃)	эмиграция (чел.) (X ₄)	иммиграция (чел.) (X ₅)	Военные расходы (млн долл.) (X ₆)
2000	259710,1	31172	168	36,8	33	182	1770
2009	1222644	106000	869	691	21	950	3126
2010	1524917	116000	1335	1112	32	921	3485
2011	2051662	135539	1339	1722	95	3294	3253
2012	2210257	155820	1389	2274	1258	3653	3765
2013	2297128	171222	1374	2599	2355	3852	3937

	ВВП Россия (млн долл.) (Y)	ВВП Вьетнам (млн долл.) (X ₁)	экспорт (млн. долл.) (X ₂)	импорт (млн. долл.) (X ₃)	эмиграция (чел.) (X ₄)	иммиграция (чел.) (X ₅)	Военные расходы (млн долл.) (X ₆)
2014	2059984	186204	1452	2295	3282	3854	4337
2015	1363594	193241	1842	2053	3008	4012	4729
2016	1282724	205276	1372	2469	3341	3735	5089
2017	1578624	223779	1903	3324	2718	3912	5074
2018	1657554	245213	2457	3624	3297	3981	-
2019	1699876	261921	-	-	3281	6742	-

Источник: Всемирный Банк, Федеральная служба государственной статистики, SIPRI.

Таблица 21. Описательная статистика

Table 21. Descriptive statistics

<i>Регрессионная статистика</i>				
Множественный R	0,865857			
R-квадрат	0,749708			
Нормированный R-квадрат	0,249123			
Стандартная ошибка	530498			
Наблюдения	10			
	<i>Коэффициенты</i>	<i>Стандартная ошибка</i>	<i>t-статистика</i>	<i>P-Значение</i>
Y-пересечение	2026746	1980366	1,02342	0,381431
X 1	28,08067	44,46793	0,631482	0,572561
X 2	361,4538	1168,762	0,309262	0,777357
X 3	-4,13286	764,9553	-0,0054	0,996028
X 4	-156,439	353,4265	-0,44264	0,687999
X 5	100,7088	469,9434	0,2143	0,844053
X 6	-1355,37	1742,007	-0,77805	0,493266

Оценки р-значения и t-статистики не позволяют говорить о значимых переменных из включённых. Оценивая коэффициенты при переменных, отметим положительные значения, которые характеризуют переменные, относящиеся к ВВП, экспорту и иммиграция, что позволяет говорить об определяющем значении торговых экономических отношений России с Вьетнамом при характеристике их двусторонних связей.

Модель 8. Россия – Сингапур

Рассмотрим особенности экономической взаимосвязи России и Сингапура.

Таблица 22. Изменения объёма ВВП России и Сингапура (млн долл., в текущих ценах)

Table 22. Changes in the volume of GDP in Russia and Singapore (mln USD, in current prices)

Годы	Россия	Сингапур
2000	259710,1	96100
2009	1222644	194000

Годы	Россия	Сингапур
2010	1524917	240000
2011	2051662	279000
2012	2210257	295000
2013	2297128	308000
2014	2059984	315000
2015	1363594	308000
2016	1282724	318000
2017	1578624	338000
2018	1657554	373217
2019	1699876	372062

Источник: World Bank

Оценивая степень корреляции уровня ВВП России и уровня ВВП Сингапура, получаем показатель за период 2000-2019 гг. равным 0,65. Степень корреляции показателей «военные расходы» двух стран составляет 0,70. Общие оценки схожи с оценками корреляционной взаимосвязи Россия – Таиланд и говорят о том, что Россия выступает одним из экономических партнёров Сингапура, участвуя в экономическом пространстве данной страны на взаимовыгодных экономических условиях.

Приведём регрессионный анализ ряда факторов для оценки характера изменения социально-экономической взаимосвязи России и Сингапура за период 2000-2019 гг.

Таблица 23. Некоторые данные сопоставления социально-экономического взаимодействия Россия – Сингапур

Table 23. Some data comparing socio-economic interaction Russia - Singapore

	ВВП Россия (млн долл.) (Y)	ВВП Сингапур (млн долл.) (X ₁)	Экспорт (млн. долл.) (X ₂)	Импорт (млн. долл.) (X ₃)	Военные расходы (млн долл.) (X ₆)
2000	259710,1	96100	477	43,5	7171
2009	1222644	194000	1327	693	9226
2010	1524917	240000	2008	332	9048
2011	2051662	279000	2250	386	8726
2012	2210257	295000	1589	414	8523
2013	2297128	308000	1886	553	8495
2014	2059984	315000	5550	604	8743
2015	1363594	308000	2491	517	9325
2016	1282724	318000	1796	496	9915
2017	1578624	338000	3290	1158	10490
2018	1657554	373217	2790	869	10835
2019	1699876	372062	-	-	11262

Источник: Всемирный Банк, Федеральная служба государственной статистики РФ, SIPRI.

Таблица 24. Описательная статистика**Table 24. Descriptive statistics**

<i>Регрессионная статистика</i>				
Множественный R	0,855903			
R-квадрат	0,73257			
Нормированный R-квадрат	0,518626			
Стандартная ошибка	424757,1			
Наблюдения	10			
	<i>Коэффициенты</i>	<i>Стандартная ошибка</i>	<i>t-статистика</i>	<i>P-Значение</i>
Y-пересечение	3473614	2263881	1,534362	0,185527
X 1	9,677928	3,213769	3,011395	0,029708
X 2	-38,3749	141,578	-0,27105	0,797186
X 3	423,2909	857,3847	0,4937	0,642438
X 6	-517,625	317,7673	-1,62894	0,164254

Проверка значимости факторов модели. Т-критическое для данного распределения ($k(8;0,05)$) равно 2,306; F значимость = 0,104, то есть показатель R^2 значим при 10%-ном уровне значимости. R^2 равный 0,73 означает, что включённые в модель переменные на 73% объясняют зависимость.

Оценки Р-значения и t-статистики позволяют говорить о значимости переменной X_1 – ВВП Сингапура, так же как и при оценках Малайзии, Индонезии, Вьетнама, правда, надёжность этого фактора невелика.

Среди прочих переменных в соответствии с оценками коэффициентов имеют положительную связь с определяемой переменной ВВП России (Y) такие как: ВВП, импорт.

Рассмотренные модели экономического взаимодействия России с рядом стран АСЕАН позволяют говорить о несколько ином векторе взаимодействия, нежели со странами Северо-Восточной Азии, где взаимодействие по преимуществу строилось по принципу торговых, в основном импортных в отношении России, операций. Из рассмотренных стран АСЕАН в контексте торгового партнёра по критерию импорта в Россию рассматривается Таиланд и Сингапур. В отношении Малайзии, Индонезии и Вьетнама формируются инвестиционные взаимосвязи, позволяющие России положительно влиять на объёмы экономик этих стран. Сотрудничество с Вьетнамом активно в направлении миграционных и инвестиционных потоков.

Для группы стран АСЕАН выполняются все четыре гипотезы по подгруппам стран среди рассмотренных: H_1 – существует устойчивая положительная взаимосвязь изменения объёма экономики России и изменения объёма экономики стран, включённых в анализ; H_2 – существует устойчивая положительная взаимосвязь изменения объёма экономики России и торговых потоков между Россией и странами, включёнными в анализ; H_3 – существует устойчивая положительная взаимосвязь изменения объёма экономики России и миграционных потоков между Россией и странами, включёнными в анализ; H_4 – существует

устойчивая положительная взаимосвязь изменения объёма экономики России и военных расходов стран, включённых в анализ.

Индия: особенности экономического взаимодействия с Россией (регрессионный и корреляционный анализ)

Модель 9. Россия – Индия

Рассмотрим особенности экономической взаимосвязи России и Индии.

Таблица 25. Изменения объёма ВВП России и Индии (млн долл., в текущих ценах)

Table 25. Changes in the volume of GDP in Russia and India (mln USD, at current prices)

Годы	Россия	Индия
2000	259710,1	468000
2009	1222644	1340000
2010	1524917	1680000
2011	2051662	1820000
2012	2210257	1830000
2013	2297128	1860000
2014	2059984	2040000
2015	1363594	2100000
2016	1282724	2290000
2017	1578624	2650000
2018	1657554	2713165
2019	1699876	2875142

Источник: World Bank

Оценивая степень корреляции, то есть взаимосвязи изменений уровня ВВП России и уровня ВВП Индии, получаем показатель корреляции за период 2000-2019 годов равным 0,54. Степень корреляции показателей «военные расходы» двух стран составляет 0,78. Общие оценки говорят о том, что Россия выступает одним из экономических субъектов Индии, участвуя в экономическом пространстве данной страны на взаимовыгодных экономических условиях.

Приведём регрессионный анализ ряда факторов для оценки характера изменения социально-экономической взаимосвязи России и Индии за период 2000-2019 гг.

Таблица 26. Некоторые данные сопоставления социально-экономического взаимодействия Россия – Индия

Table 26. Some data comparing socio-economic interaction Russia – India

	ВВП Россия (млн долл.) (Y)	ВВП Индия (млн долл.) (X ₁)	Экспорт (млн. долл.) (X ₂)	Импорт (млн. долл.) (X ₃)	Эмиграция (чел.) (X ₄)	Иммиграция (чел.) (X ₅)	Военные расходы (млн долл.) (X ₆)
2000	259710,1	468000	1082	557	110	203	29110
2009	1222644	1340000	5936	1525	9	72	51553
2010	1524917	1680000	6393	2142	17	110	51759
2011	2051662	1820000	6080	2786	43	1390	52261
2012	2210257	1830000	7916	3041	931	1068	52075
2013	2297128	1860000	6886	3091	1146	1451	51603
2014	2059984	2040000	6343	3172	1335	1850	54276
2015	1363594	2100000	5575	2258	1612	2194	54292
2016	1282724	2290000	5312	2402	3347	4768	59833
2017	1578624	2650000	6455	2903	4185	5622	64572
2018	1657554	2713165	7752	3225	5217	5032	66258
2019	1699876	2875142	-	-	5262	9588	70794

Источник: Всемирный Банк, Федеральная служба государственной статистики РФ, SIPRI.

Таблица 27. Описательная статистика

Table 27. Descriptive statistics

Регрессионная статистика				
Множественный R	0,994749			
R-квадрат	0,989526			
Нормированный R-квадрат	0,968578			
Стандартная ошибка	108522			
Наблюдения	10			
	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-Значение
Y-пересечение	-534894	608082,9	-0,87964	0,44382
X 1	-0,58782	0,4394	-1,33778	0,273339
X 2	34,95431	87,00303	0,40176	0,71477
X 3	858,1264	164,9788	5,201433	0,013808
X 4	-9,96312	43,47539	-0,22917	0,833474
X 5	-54,8562	58,33409	-0,94038	0,416397
X 6	19,96723	25,24677	0,790882	0,48677

Проверка значимости факторов модели на основе t-критерия Стьюдента. Т-критическое для данного распределения (k (8;0,05)) равно 2,306; F значимость = 0,004 < 0,05 < 0,01, то есть показатель R² значим при 5%-ном и 1% уровне значимости. R² равный 0,98 означает, что включённые в модель переменные на 98% объясняют зависимость.

Оценки P-значения и t-статистики позволяют говорить о значимости переменной X₃ – объем импорта из Индии в Россию, так же, как и при оценках стран Северо-Восточной Азии.

Среди прочих переменных в соответствии с оценками коэффициентов положительную связь с определяемой переменной «ВВП России (Y)» имеют такие, как: импорт, экспорт, военные расходы; а вот коэффициенты при переменных: ВВП, миграционные потоки – отрицательны, что означает, что их изменение и изменение объёма ВВП России – разнонаправленны.

Индия схожа в описательной статистике и по экономической сущности со странами Северо-Восточной Азии и выступает торговым партнёром России. Для взаимоотношений Россия – Индия, преимущественно, выполняется вторая гипотеза: H2 – существует устойчивая положительная взаимосвязь изменения объёма экономики России и торговых потоков между Россией и странами, включёнными в анализ.

**Группа стран Австралия и Океания:
особенности экономического взаимодействия с Россией
(регрессионный и корреляционный анализ)**

Модель 10. Россия – Австралия

Рассмотрим особенности экономической взаимосвязи России и Австралии.

Таблица 28. Изменения объёма ВВП России и Австралии (млн долл., в текущих ценах)

Table 28. Changes in the volume of GDP in Russia and Australia (million dollars, in current prices)

Годы	Россия	Австралия
2000	259710,1	415000
2009	1222644	928000
2010	1524917	1150000
2011	2051662	1420000
2012	2210257	1550000
2013	2297128	1580000
2014	2059984	1470000
2015	1363594	1350000
2016	1282724	1210000
2017	1578624	1330000
2018	1657554	1430000
2019	1699876	1392680

Источник: World Bank

Оценивая степень корреляции, то есть взаимосвязи изменений уровня ВВП России и уровня ВВП Австралии, получаем показатель корреляции за период 2000-2019 годов равным 0,93. Степень корреляции показателей «военные расходы» двух стран составляет 0,81. Общие оценки говорят о том, что Россия выступает значимым экономическим и инвестиционным партнёром Австралии.

Приведём регрессионный анализ ряда факторов для оценки характера изменения социально-экономической взаимосвязи России и Австралии за период 2000-2019 гг.

Таблица 29. Некоторые данные сопоставления социально-экономического взаимодействия Россия – Австралия

Table 29. Some data comparing socio-economic interaction Russia - Australia

	ВВП Россия (млн долл.) (Y)	ВВП Австралия (млн долл.) (X ₁)	Экспорт (млн. долл.) (X ₂)	Импорт (млн. долл.) (X ₃)	Эмиграция (чел.) (X ₄)	Иммиграция (чел.) (X ₅)	Военные расходы (млн долл.) (X ₆)
2000	259710,1	415000	5,6	172	176	27	14960
2009	1222644	928000	54,5	591	202	39	22189
2010	1524917	1150000	53,3	769	172	49	22447
2011	2051662	1420000	65,6	1013,4	184	83	22136
2012	2210257	1550000	106,7	899,5	220	78	21360
2013	2297128	1580000	72	815,2	255	113	21175
2014	2059984	1470000	126,7	673	308	71	22982
2015	1363594	1350000	102,6	582	226	89	25333
2016	1282724	1210000	64,5	469	183	82	27546
2017	1578624	1330000	120,7	510	222	123	27496
2018	1657554	1430000	141	671	187	113	26840
2019	1699876	1392680	-	-	191	108	27395

Источник: Всемирный Банк, Федеральная служба государственной статистики РФ.

Таблица 30. Описательная статистика

Table 30. Descriptive statistics

Регрессионная статистика				
Множественный R	0,988627			
R-квадрат	0,977384			
Нормированный R-квадрат	0,932151			
Стандартная ошибка	159466,8			
Наблюдения	10			
	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-Значение
Y-пересечение	-849274	841689,4	-1,00901	0,387293
X 1	0,74347	0,839556	0,885551	0,441081
X 2	-1340,02	3591,703	-0,37309	0,733886
X 3	1287,57	740,8564	1,737949	0,18061
X 4	3524,975	2852,784	1,235626	0,304534
X 5	1885,345	3884,15	0,485394	0,660637
X 6	-5,25106	29,20096	-0,17982	0,868751

Проверка значимости факторов модели. Т-критическое для данного распределения ($k(8;0,05)$) равно 2,306; F-значимость = 0,01 < 0,05, то есть показатель R^2 значим при 5%-ном уровне значимости. R^2 равный 0,97 означает, что включённые в модель переменные на 97% объясняют зависимость.

Оценки p -значения и t -статистики позволяют говорить о большей вероятности значимости переменной X_3 – объем импорта из Австралии в Россию, так же как и при, например, оценках Китая, хотя со статистической точки зрения ярко выраженных значимых коэффициентов не наблюдается.

Среди прочих переменных в соответствии с оценками коэффициентов имеют положительную связь с определяемой переменной – ВВП России (Y), – такие как: объем ВВП, импорт, миграционные потоки; а вот коэффициенты при переменных: экспорт и военные расходы – принимают отрицательное значение, что указывает на то, что их изменение и изменение объема ВВП России разнонаправленны. Россия выступает значимым торговым партнёром по критерию импорта, а также важным инвестиционным партнёром.

В отношении Австралии эконометрически не обнаруживается чётко выраженной значимости включённых в модель объясняющих переменных (регрессоров). Вместе с тем средний диапазон значений β -коэффициентов при независимых переменных позволяет говорить о наличии устойчивым торговых и инвестиционных взаимосвязей между двумя странами.

Оценки усреднённого показателя корреляции объёмов экономик стран и объёмов «военных расходов» позволяют представить корреляционные зависимости рассмотренных стран с Россией в виде диаграммы, отражающей значимость каждого региона и страны для стратегического развития экономических связей Россия – Восток.

Рисунок 3. Корреляционные связи Россия – Восток

Figure 3. Correlation links Russia - East

Произведённые эконометрические оценки основных условий и параметров взаимодействия России и групп стран Азиатского макрорегиона позволили подтвердить все из исходно выдвинутых гипотез в отношении отдельных государств и их групп и обосновать четыре частных вывода относительно перспектив экономического сотрудничества с регионом.

Во-первых, Россия выступает как стратегический торговый партнёр для всех стран Северо-Восточной Азии, а также Таиланда, Индии, Австралии и стран АСЕАН в целом.

Во-вторых, Россия выступает как инвестиционный партнёр для Малайзии, Индонезии, Сингапура.

В-третьих, Россия выступает как партнёр в области миграционных потоков в отношении Вьетнама.

В-четвёртых, общий характер взаимодействия с Восточным регионом описывается положительной тенденции всё более диверсифицированного взаимодействия России со странами Востока, что подчёркивает стратегический и комплексный характер «поворота на Восток». Более наглядно эти выводы подтверждаются сводом статистически значимых регрессионных оценок в сопровождении развёрнутого комментария.

Таблица 31. Сравнительная статистика оценок множественных регрессий
Table 31. Comparative statistics of multiple regression estimates

	Р-К	Р-Я	Р-Р.К.	Р-Т.	Р-И.	Р-В.	Р-М.	Р-С.	Р-Инд.	Р-А.
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)
X1	-0,34 (0,42)	-0,35 (0,23)	-1,15 (0,725)	-0,78 (3,11)	2,74** (0,929)	28,08 (44,47)	5,9** (1,99)	9,67** (3,213)	-0,587 (0,439)	0,74 (0,839)
X2	4,6 (8,89)	-17,68 (26,74)	22,5 (24,46)	94,76 (197,09)		361,45 (1168,7)		-38,37 (141,57)	34,95 (87,003)	-1340,02 (3591,7)
X3	46,2** (11,89)	171,9** (37,88)	152,25** (32,06)	897,44* (377,09)		-4,13 (764,95)		423,29 (857,38)	858,12** (164,97)	1287,57 (740,85)
X4	30,7 (52,75)	445,6 (700,9)	259,17 (338,3)			-156,4 (353)			-9,96 (43,475)	3524,97 (2852,7)
X5	48,09 (85,67)	1116,9 (1399,9)	327,7 (306,96)			100,7 (469,94)			-54,85 (58,37)	1885,345 (3884,15)
X6	12,47 (18,96)	-99,4 (103,6)	64,35 (34,73)	41,179 (218,47)	-140,88 (116,58)	-1355,37 (1742,007)	107,9 (231,8)	-517,6 (317,76)	19,96 (25,246)	-5,25 (29,2)
R2	0,97	0,99	0,99	0,94	0,66	0,749	0,7	0,73	0,989	0,97
df	9	9	9	9	10	9	10	9	9	9
F знач	0,015	0,003	0,003	0,002	0,01	0,39	0,007	0,104	0,004	0,014
R2 adj	0,93	0,97	0,97	0,89	0,58	0,249	0,62	0,518	0,96	0,93

где, взаимодействия России и стран Востока распределяется следующим образом: (1) Россия – Китай; (2) Россия – Япония; (3) Россия – Республика Корея; (4) Россия – Таиланд; (5) Россия – Индонезия; (6) Россия – Вьетнам; (7) Россия – Малайзия; (8) Россия – Сингапур; (9) Россия – Индия; (10) Россия – Австралия. Зависимая переменная (Y) – ВВП России (млн. \$); независимые переменные: X₁ – ВВП страны выбора (млн. \$); X₂ – экспорт в страну выбора (млн. \$); X₃ – импорт в Россию (млн. \$); X₄ – эмиграция в страну выбора (чел.); X₅ – иммиграция в Россию (чел.); X₆ – военные расходы страны выбора. В таблице представлены β - коэффициенты и в скобках стандартные ошибки. Значимость β -коэффициентов представлены по оценкам p – value, при p – value < 0,05 - **, p – value < 0,1 - *.

Комментарий: на основе кросс-оценок результатов множественной регрессии по отношению стран выбора и России можно выделить группу из пяти стран, характеризующуюся значимым коэффициентом при переменной «импорт из страны выбора» (X_3). Дополнительные оценки по значимой переменной импорта представлены в виде графиков подбора с обозначением трендов, отражающих характерную для взаимоотношений стран выбора и России отношения торговли с постоянной тенденцией к росту.

Оценивая наметившиеся тенденции, отражённые в том числе в графиках подбора, можно ещё раз подтвердить выполнение ранее заявленной гипотезы о наращивании торговых отношений между Россией и странами Востока.

Важно подчеркнуть, что по комплексным регрессионным оценкам выделяется устойчивая группа из Китая, Японии, Республики Корея, Таиланда и Индии, для которых значимой составляющей их экономического развития выступает экспорт продукции в Россию, причём доля экспорта из этих стран в Россию очевидно растёт, что подтверждается представленными трендами на графиках подбора и может быть дополнительно подкреплено уровнем β -коэффициентов и их значимостью в соответствии с оценками p -значений коэффициентов регрессии.

Ещё одна группа, которую можно определить по данным сравнительных статистических оценок множественной регрессии – это Индонезия, Малайзия и Сингапур, где значимыми являются коэффициенты при переменной «ВВП страны выбора» (X_1), подчёркивающие определяющее значение торгово-инвестиционной деятельности России в отношении этих стран.

Таким образом, обобщая полученные эмпирические результаты, можно отметить, что Россия выступает в качестве стратегического торгового партнёра для стран Северо-Восточной Азии, Таиланда, Индии, Австралии, стран АСЕАН в целом.

Кроме того, в отношении Малайзии, Индонезии и Сингапура Россия выступает и как инвестиционный партнёр для стран.

Наконец, Россия выступает и как «партнёр» в области миграционных потоков в отношении Вьетнама.

В целом для всех представленных стран очевидно расширение сфер взаимовлияния. В терминах множественной регрессии это видно по поведению экономических переменных, которые во многом определяют дальнейшее социально-экономическое и политическое развитие территории, влияют на устойчивость интегративных связей стран региона.

Предложенные оценки экономического взаимодействия не носят краткосрочного характера. Напротив, определяемые тренды развития отражают устойчивость сформировавшихся тенденций и предполагают и дальнейший рост взаимодействий в заявленных направлениях.

Рассмотренные эконометрические оценки условий взаимодействия России и стран Азиатского макрорегиона позволили подтвердить все из выдвинутых

гипотез в отношении отдельных стран и групп и сделать некоторые выводы по перспективам экономического сотрудничества с регионом.

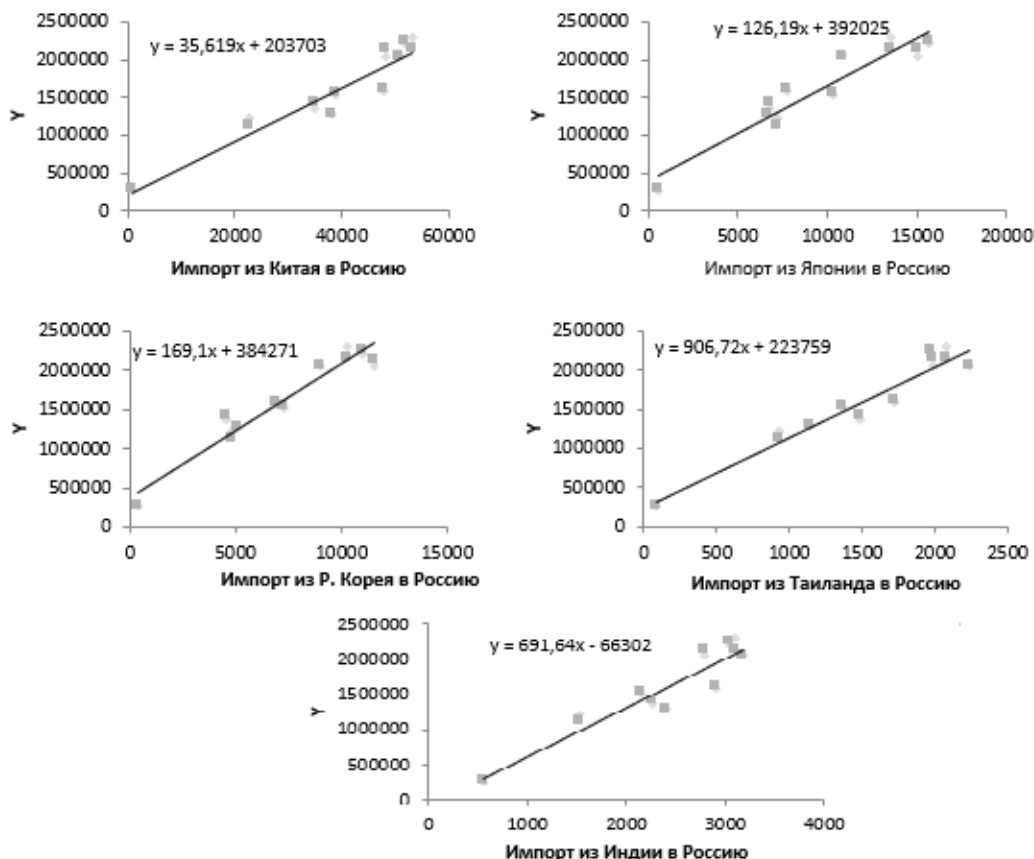

Рисунок 4. Графики подбора по значимой переменной: импорт из страны выбора в Россию

Figure 4. Selection plots for a significant variable: imports from the country of choice to Russia

Отвечая на предполагаемые гипотезы, заявленные в начале исследования, подчеркнём, что в результате оценок была отмечена устойчивая положительная взаимосвязь изменения объёма экономики России и изменения объёма экономики стран, включённых в анализ. В частности, эконометрически подобная взаимосвязь особенно отчётливо продемонстрирована для Индонезии, Малайзии и Сингапура, обосновывая гипотезу H_1 .

Кроме того, была выявлена устойчивая положительная взаимосвязь изменения объёма экономики России и торговых потоков между Россией и странами, включёнными в анализ, в частности это прослеживается для Китая, Японии, Республики Корея, Таиланда и Индии, что подтверждает гипотезу H_2 .

Была установлена устойчивая положительная взаимосвязь между изменением объёма экономики России и миграционных потоков между Россией и странами, включёнными в анализ, в частности это было отмечено для Вьетнама, что подтгипотезы Н₃.

Что касается четвёртой гипотезы о наличии устойчивой положительной взаимосвязи изменения объёма экономики России и военных расходов стран, включённых в анализ, то напрямую не удалось верифицировать значимость этого аспекта взаимодействия: коэффициенты при переменных не были отмечены как устойчивые в тенденции, вместе с тем направленность влияния изменения военных расходов в таких странах, как: Китай, Республика Корея, Таиланд, Малайзия, Индия имеют положительную динамику в сопоставлении с уровнем ВВП России, β -коэффициенты характеризуют положительную взаимосвязь между этими показателями.

Общий характер взаимодействия с Восточным регионом описывается положительной тенденции как частичной переориентации торгово-экономических и финансовых связей в сторону страны Азии, так и диверсификации структуры этого взаимодействия. Последнее выступает дополнительным основанием говорить о нарастании стратегической значимости этой части мира во внешней политике нашей страны, в том числе в аспекте расширения форм соучастия в развитии составляющих его территорий.

Об авторах:

Андрей Анатольевич Байков – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры прикладного анализа международных проблем, декан Факультета международных отношений, проректор по научной работе и международному сотрудничеству, МГИМО МИД России. 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: a.baykov@inno.mgimo.ru

Вера Анатольевна Гневашева – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры демографической и миграционной политики МГИМО МИД России. 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: vera_cos@rambler.ru

Благодарности:

Исследование выполнено по гранту РНФ № 19-18-00142 Многофакторный анализ «азиатского поворота» в российской внешней политике (достижения, проблемы, перспективы)".

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Received: December 20, 2019

Accepted: December 10, 2020

Econometric Estimates of Russia's Turn to the East

A.A. Baykov, V.A. Gnevasheva

[DOI 10.24833/2071-8160-2020-6-75-175-207](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-6-75-175-207)

Moscow State Institute of International Relations (university) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Abstract: The emerging trend in Russia's foreign policy is its reorientation from active inter-state and socio-economic interaction with the states of the "collective West" to the countries that make up the Asian macroregion. The article presents the qualitative and quantitative assessment of the emerging relations between Russia and the countries of the East, namely the ASEAN countries, Northeast Asia and the Indo-Pacific region. Assuming that the prerequisites for the strengthening of such relationships between countries should be reflected in changes in trade relations, increased migration flows, and changes in policy in terms of countries' military spending, the study attempts to evaluate such changes econometrically. We use the method of constructing multiple linear regression, as well as indicators for assessing country-by-country correlation and cluster analysis. The object of the research is the countries of Northeast Asia (China, Japan, Republic of Korea); ASEAN countries (Thailand, Indonesia, Vietnam, Malaysia, Singapore); India; Australia and Oceania. The empirical base of the study is the official statistics of World Bank, SIPRI, FSGS. The findings indicate the emerging conditions for Russia's turn to the East. The analysis reveals a number of stable features indicating the possibility of modeling a reasonable predictive scenario. The proposed estimates can also be used for further study of the directions of interaction between Russia and the East, methodological and empirical clarification of the emerging relationships, determination of significant factors strengthening the noted interactions.

Keywords: Russia; ASEAN countries; countries of North-East Asia; Indo-Pacific region; GDP; trade; migration; military expenses

About the authors:

Andrey A. Baykov – Candidate of Political Science, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Applied Analysis of International Problems, Dean of the Faculty of International Relations, Vice-Rector for Research and International Cooperation, MGIMO University. 119454, Russia, Moscow, Vernadsky prospect, 76. E-mail: a.baykov@inno.mgimo.ru

Vera A. Gnevasheva – Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Demographic and Migration Policy, MGIMO University. 119454, Russia, Moscow, Vernadsky prospect, 76. E-mail: vera_cos@rambler.ru

Acknowledgements:

The study was carried out under the grant of the Russian Science Foundation No. 19-18-00142 Multivariate analysis of the "Asian turn" in Russian foreign policy (achievements, problems, prospects)"

Conflict of Interests:

The authors declare absence of conflict of interests.

References:

- Diesen G. 2019. The Geoeconomics of Russia's Greater Eurasia Initiative. *Asian Politics & Policy*. 11(4). P. 566-585. DOI: 10.1111/aspp.12497
- Gabuev A. 2019. Unwanted but Inevitable: Russia's Deepening Partnership with China Post-Ukraine in *Sino-Russian Relations in the 21st Century*. Palgrave Macmillan. P. 41-66.
- İşeri E., Özdemir V. 2020. Geopolitical Economy of Russia's Foreign Policy Duality in the Eurasian Landmass in *Russia in the Changing International System*. Palgrave Macmillan. P. 113-131.
- Kuhrt N., Costa Buranelli F. 2019. Russia, Central Asia and China: regionalism or transregionalism? *Asian Survey*. 59(1). P. 44-53. DOI:10.1525/as.2019.59.1.44
- Lukin A. 2019. Russian-Chinese Cooperation in Central Asia and the Idea of Greater Eurasia. *India Quarterly*. 75(1). P. 1-14. DOI: 10.1177/0974928418821477
- Avdokushin Ye. F. 2015. Povorot Rossii na Vostok-strategiya XXI vek [Russia's Turn to the East-Strategy of the XXI century]. *Voprosy novoy ekonomiki*. №3. P. 4-10. (In Russian)
- Bordachev T. V., Pyatachkova A. S. 2018. Kontseptsiya Bol'shoy Yevrazii v povorote Rossii na Vostok [The Concept of Greater Eurasia in Russia's Turn to the East]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy: obrazovaniye, nauka, novaya ekonomika*. 13(3). P. 33-51. (In Russian)
- Braterskiy M.V., Kutuyev G.I. 2019. Rossiya mezhdv dvukh sistem: perspektiva tranzita iz Atlanticheskogo mira v mir Yevraziysko-Tikhookeanskiy [Russia between Two Systems: the Prospect of Transit from the Atlantic World to the Eurasian-Pacific World]. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*. 12(1). P. 220-240 (In Russian)
- Fedorovskiy A.N. 2016. Rossiya i vyzovy Vostochnoy Azii [Russia and the Challenges of East Asia]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. 60(3). P. 58-71. (In Russian)
- Karaganov S. A., Makarov I. A. 2015. Povorot na Vostok: itogi i zadachi [Pivot to the East: Results and Tasks]. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. Supplement*. №8. P. 6-10. (In Russian)
- Likhacheva A. B., Kalachigin G. M. 2018. Otsenka riskov liberalizatsii trgovli tovarami so stranami Azii v ramkakh rossiyskoy politiki povorota na Vostok [Assessment of the Risks of Liberalizing Trade in Goods with Asian countries within the Russian Policy of Turning to the East]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy: obrazovaniye, nauka, novaya ekonomika*. 13(3). P.52-69. (In Russian)
- Novoselova L. V. 2017. Rossiysko-kitayskoye investitsionnoye sotrudnichestvo v kontekste «povorota Rossii na Vostok» [Russian-Chinese Investment Cooperation in the Context of "Russia's Turn to the East"]. *Rossiya i sovremennyy mir*. 3(96). P. 149-163. (In Russian)
- Sal'nikov V. P. et al. 2015. Pochemu na Vostok: povorot Rossii v sovremennom politiko-pravovom prostranstve [Why to the East: Russia's Turn in the Modern Political and Legal Space]. *Pravovoye pole sovremennoy ekonomiki*. №9. P. 58-68. (In Russian)
- Spartak S.A. 2019. Vostochnaya ekspansiya Rossii na rubezhe XIX-XX vekov i otnosheniye k ney v Amerike [Eastern expansion of Russia at the Turn of the 19-20 Centuries and the Attitude towards it in America]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. №3. P. 137-151. (In Russian)
- Vardomskiy L. 2016. O povorote rossiyskoy ekonomiki na Vostok [On the turn of the Russian Economy to the East]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya*. №7. P. 21-29. (In Russian)

Литература на русском языке:

Авдокушин Е. Ф. 2015. Поворот России на Восток – стратегия XXI век. *Вопросы новой экономики*. №3. С. 4-10.

Бордачев Т. В., Пятачкова А. С. 2018. Концепция Большой Евразии в повороте России на Восток. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 13(3). С. 33–51.

Братерский М. В., Кутырев Г. И. 2019. Россия между двух систем: перспектива транзита из Атлантического мира в мир Евразийско-Тихоокеанский. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 12(1). С. 220-240.

Вардомский Л. 2016. О повороте российской экономики на Восток. *Проблемы теории и практики управления*. №7. С. 21-29.

Караганов С.А., Макаров И.А. 2015. Поворот на Восток: итоги и задачи. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. Supplement*. №8. С. 6-10.

Лихачева А.Б., Калачигин Г.М. 2018. Оценка рисков либерализации торговли товарами со странами Азии в рамках российской политики поворота на Восток. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 13,(3). С. 52-69.

Новоселова Л.В. 2017. Российско-китайское инвестиционное сотрудничество в контексте «поворота России на Восток». *Россия и современный мир*. 3(96). С. 149-163.

Сальников В.П. и др. 2015. Почему на Восток: поворот России в современном политико-правовом пространстве. *Правовое поле современной экономики*. №9. С. 58-68.

Спартак С.А. 2019. Восточная экспансия России на рубеже XIX–XX веков и отношение к ней в Америке. *Проблемы Дальнего Востока*. №3. С. 137-151.

Федоровский А.Н. 2016. Россия и вызовы Восточной Азии. *Мировая экономика и международные отношения*. 60(3). С. 58-71.

Factoring Central Asia in the Russia-India Energy Trade

A. Dhaka, M. Dmitrieva

Jawaharlal Nehru University, India
Far Eastern Federal University, Russia

Abstract: The article looks into the Russia-India energy trade potential and its strategic significance with a particular focus on the Central Asian energy trade. Russia has become a major player in the energy market and its handling of Syrian crisis has enhanced its position in the Middle East that has impact on oil market and production scenario. India has been growing at a rate of above 5% and its energy needs have been substantial. India and Russia share a very special relationship due to long-standing cultural and political ties and this has been a facilitator to India's energy security needs. The Central Asian Republics hold a special position for Russia and India in terms of strategic security across South and Central Asian region. The two countries not only deeply connect themselves with the region but also find it necessary to preserve the region from religious extremism and terrorism that is worsened by the narcotics and arms trade. The Central Asian republics are a house to some of the world's largest natural gas reserves and they have been exporting it large volumes through pipelines. However, the approach has not materialised as South Asia due to the Afghanistan situation. Therefore, Russia remains an important route to access energy resources from Eurasia and Central Asia in particular. India also has high exposure to the maritime energy trade with Africa and Latin America countries that contribute to the counting opportunity cost for accessing Central Asian energy. The paper highlights the significance of energy trade between Russia, India and Central Asian countries that could contribute to geopolitical stability across the region.

Keywords: Russia, India, Energy Trade, Central Asia, Afghanistan, South Asia, Geopolitics, International Cooperation, Strategic partnership

The energy security has been dealt by scholars both at the foreign policy level and also at the regional level identifying the economic organisation of regions and inter-regional networks. The year 2000 European Commission green paper on energy security outlined the challenges of energy supply with the expansion of the EU. The call for shifting energy relationship from bilateral framework to a multi-lateral or an inter-governmental institutional framework has competing perspectives both

УДК: 339.92

Received: May 15, 2020

Accepted: November 10, 2020

from the consumer and the supplier side. Russia has been reluctant to subscribe its energy interests under a global framework of energy trade such as Energy Charter Treaty and Kyoto Protocol (Belyi 2003). The neo-classical realist perspective can be applied to understand the policy choices outlined by Russia with its principal consumers. The institutional posture of the European nations encourages Russia to seek an alternative to a monopsony arrangement. And, to this effect Asia appears to be the most natural and lucrative destination for the supply of its energy products. The most notable consumers are China and India which have huge unsatiable demand for energy consumption. India also looks to unwind its energy priorities in a growing diverse market with a desire to reduce dependence on the Middle East suppliers as the region has always been a hotspot for the US sanctions and often a regional conflict upstaging the secure supply.

This paper looks into a particular dimension of the Russia-India economic relations with two variables. The first consideration is the energy trade and its sustainability as a proof of time-tested partnership between the two countries. Second, component is the possible capitalisation of this relationship to coordinate geopolitical interests in Central Asian region. Russia and India both consider stable and secure Central Asia vital to their interest as the potential dangers of extremist and violent tendencies have consequences for both the countries. Since, the Central Asian countries are rich in hydrocarbons, the Russia-India energy trade relations can always factor into the Central Asian energy resources as a part of their trade matrix. Energy relations reveal a kind of complex interdependence with consumer nations largely providers to energy technology and the consumer nations largely dependent upon such technological breakthroughs in order to enhance supplies of hydrocarbons. Thus, the hydrocarbon supplier states often are interested in attracting investments from the consumer states in refining and transport infrastructure for supplying resources. China represents a strong case where it has invested heavily in such technological and financial projects both in Central Asia and Russia. India, however, has been a modest partner of Russia and Central Asian republics in this regard. However, there is a multi-dimensional aspect of Russia-India relations that provide impetuous for forging a strategic energy partnership in the South and Central Asian region. This is also borne out by the fact that energy is one dimension of the multiple dimensions of security partnership. And, according to Copenhagen school, security can be comprehensive policy under a neo-classical framework with political stability, military capability, economic resourcefulness, environmental protection and technological sovereignty. Energy security definitely reveals a varying mix of these security concerns at different tiers of conventional to non-conventional energy security consideration. Just as Russia would try to adjust between its European and East Asian markets, the South Asian vector appears to be suave and humble in terms of geopolitical priorities. India and Russia offer each other much needed diversification amid the growing competition between the potential suppliers and the buyers. Central Asian countries too find themselves under the east-west predicament in terms of potential direction of supplies (Fredholm 2012).

India does not have direct land route with Central Asian countries and its dependence for access is either through Russia, a strong military power. India as an aspiring global player attaches great importance and shares a special bond with Russia since the past century. Russia has influenced the minds and thoughts of Indian intelligentsia and so has been the vice versa. This paper also emphasizes the case of Russia-India energy trade as a stimulus to the Central Asian economies that are essentially smaller with a major focus on energy exports. This has a strategic dimension because of the Afghan neighbourhood. The politically stable and economically sound Central Asian statehood is vital for inducing positive influence on Afghanistan from the north. This contributes the geopolitical dividends to both Russia and India.

Russia-India Energy Trade Relations

Russia and India share a special relationship that has evolved much through the cold war history based on mutually recognized principles and common global interests. The desire to see a balanced world with non-hegemonic architecture for economic and political interests is the founding principle of a long-trusted friendship between the two nations. The relations have survived the test of times particularly in the aftermath of the dissolution of USSR, which followed by the structuring of Indian economy under the IMF-World Bank prescribed reforms snapped many pre-existing arrangements of trade and finance. The present state of Russia-India relations demonstrates the newly acquired pragmatism by both the countries with an adjustment to the post-cold war realities. However, it is ironical that despite a long-standing relationship, Russia and India do not trade much. The Russia-India trade volume does not reflect the kind of strong partnership both the nations enjoy (Minina, Glekov 2019). It misses the 18th century legacy of strong economic ties that flourished between the Russian cities of Ufa, Astrakhan, and Orenburg with coastal towns of Gujrat or trade relations traversing through Gangetic plains up to Calcutta (Khusainova 2015). Some scholars point to the changed priorities of the Indian government in post-cold war period that has transformed the relationship from ideological to a more pragmatic one. The US gained importance in South Asia particularly after 9/11 and concomitantly the big powers made significant geopolitical adjustments. The US-India strategic partnership is a big change in the region. India has been a reluctant partner of the US in tackling China and at the same time, it has cautious approach towards growing dependence on the US for its military, nuclear, space and strategic programme (Garusova, Zhurbey 2018). It is also true that part of India's procurement of military supplies from Russia has shifted to the US arms industry in recent years (Zakharov 2016). The Russia-India arms trade is a narrow vision of the trade relations between the two countries. India and Russia are both big economies and there are numerous sectors where technology and product diversity remain unexploited.

Russia's trade orientation towards energy minerals is a consequence of the US-led sanctions imposed in the aftermath of Crimean parliament voting to join Rus-

sia in 2014 by an overwhelming majority; a democratic situation not acceptable to the West. This ordered a rethinking among the Russian policymakers to look towards Asian economies, which are as much burgeoning and robust as compared to the West. India, China, Northeast and the Southeast Asia offer a host of opportunity for Russia to expand its economic relations, which have been hitherto modest. Russia maintains a comparable trading volume with the US and India despite the fact that the US has a sanction regime against the Russian business. Its exports to both the countries were around 7.6 and 12.6 billion USD in 2018 respectively, while its imports were around 2.8 and 9.2 billion USD respectively. Similarly, Russia's trade with the ASEAN in 2018 was around 9 billion USD in exports and 8 billion USD in imports. Russia traded in high volumes with China measuring 56 billion USD in exports and 51 billion USD in imports in 2018. However, the strongest trading partner for Russia was the EU15 in 2018, which had a volume of 150 billion USD in exports and 75 billion USD in imports¹. This reveals that Russia has a strong continental trading regime spreading to the east and the west. It also signifies that the continental trade is relatively free from sanctions in comparison to the maritime trade. One of the important indicators of Russia-India trade situation is the lack of interest from the Indian partners into Russian business environment. There are gaps in sharing the business knowledge between the two countries and there is higher geographical opportunity cost that factor into overall trade potential. This also contributes to the scenario, where Russia-India-China trade potential remains deeply under-developed as far as their engagement under the BRICS framework is concerned (Guchmazova 2017). Over more than half of Russia's exports comprise of the energy minerals such as, petroleum crude, their distillates and natural gas, both gaseous and liquefied. The unclassified commodities under the Harmonised System of commodity classification accounts for second largest export group amounting to 14% of its export share². If one looks at Russia's energy mineral trade with India and China (Table 1), then it shows strong continentalism.

Table 1. Russia's hydrocarbon exports

Year	Share of India (%)	Share of China (%)
2009	0.26	4.99
2010	0.15	4.85
2011	0.1	8.07
2012	0.06	8.17
2013	0.06	8.34
2014	0.08	9.61
2015	0.18	10.97
2016	0.31	13.16
2017	0.88	14.74
2018	0.79	17.55

Source: UNComtrade.org

¹ Merchandise Trade indicators, annual, 1995-2018. *UNCTAD*. URL: <http://unctadstat.unctad.org/wds>. ReportFolders/reportFolders.aspx (accessed 21.12.2020)

² *United Nations commodity trade statistics database*. URL: <http://comtrade.un.org>

The Russian and Indian trade policies are protective in nature that act as obstacle in expansion of trading volumes. Russia's reliance on exports of primary goods has restricted its participation in global value chains. It has been inviting investments for harnessing its vast natural wealth, but sanctions have deterred from the further opening of economy. The Russian economic structure is more in accordance to its engagement with the EU countries (Sutyurin, Trofimenko, Koval 2019). Just as Russia needs investments for exploiting its vast natural resources, India too needs investments into its economy with huge pool of skilled work force. Therefore, India and Russia need to innovate their economic cooperation where the long-term complementariness can grow between the two. Both, India and Russia need to be part of multi-lateral trade regime that can work across geographical barriers. This paper aims at looking into the Russia-India energy trade potential as a geopolitical insurance to the Central Asian republics who are in neighbourhood of Afghanistan. Energy trade has a strategic value for landlocked countries and its use as an incentive to manage security challenge has been a common meeting ground for Russia-India strategic policies.

If we look into India's exports to Russia then it represents a significant legacy of colonial times when the British were keen to export tea, cotton and spices via Central Asia. The present scenario is no different as coffee, tea, mate and spices still constitute a major share of India's exports to Russia as of 2016-17 (Konovalova 2017). Petroleum imports constitute nearly one third of the total India's imports followed by precious stones and metals. The nuclear energy and electrical machinery is the next big segment of imports. Russia figures well in last three sectors but there are very little imports of energy minerals from Russia. India's energy imports share in Russian energy exports is less than one percent, while China's imports have grown steadily. China imports nearly 18 percent of Russian exports of energy minerals. This indicates the strong geopolitical barrier in the form of destabilised Af-Pak region, which prevents any smooth contact between Russia and India via land route. This is in addition to the immense geographical barrier of Hindu-kush Mountains, which straddle in the heart of Afghanistan. Central Asia's vulnerability to the situation in Afghanistan affects both Russia and India in a significant manner. This highlights the growing need for a common understanding on the fight against religious extremism and narco-terrorism, and finally, both Russia and India expect a multi-polar world system that is free from any hegemony of economic coercion and protectionist tendencies. The opportunity to trade and economic development on fairer terms are the global objectives of Russia-India partnership (Akarashov 2017).

Russia and India have made promising start in oil refining business based on oil-fields in Russia's Far Eastern Region. India received the cheapest LNG shipment under the long-term deal agreed by Russia's Gazprom and India's Petronet LNG for shipping \$25 billion worth of gas. The Dahej terminal received the shipment at \$1-1.5 per mBTU cheaper than Qatar, Australia and the US³. The Kochi terminal is also operated

³ India gets cheapest LNG as Russia's Gazprom begins supplies. *The Hindu*. URL: <https://www.thehindu.com/business/Industry/india-gets-cheapest-lng-as-russias-gazprom-begins-supplies/article24080583.ece> (accessed 21.12.2020)

by Petronet, while several Public Sector Units (PSUs) are operating other terminals such as Dabhol, Ennore, Chara etc. Several Private terminals are also coming up such as Adanis building Mundhra and Dhamra, Royal Dutch Shell operating Hazira, while Kolkatta/Dihga being built by H-Energy Global. In fact, H-Energy Global and Russia's Novatek signed long-term agreement for supplying to end-users in India and Bangladesh. Novatek has also signed MoU with Petronet for supplying LNG to electricity plants. The Russian shipping giant Sovcomflot will be delivering LNG for Novatek projects including from the Arctic LNG-2 (Griffin 2019). India has total LNG terminal capacity of 71.5 MMTPA according to Petronet.com. Russia and India can further expand cooperation with both public and private enterprises joining in shipping and piping LNGs to several towns and cities across the country. The problem arises when there is pricing and commission disputes between multiple partners in project. A case for instance was noted when the US origin LNG cargo was not allowed to be alighted at Mundhra port because of the dispute between Adanis and Gujrat State Petroleum Corporation (GSPC)⁴.

India is essentially a modest partner in Russia's Far East energy resources business, whereas the Chinese and European business have major stakes in many rich regions. This points to geographical factors as India is much closer to Iran, and Gulf nations who have vast resources of energy that is much cheaper to transport and even can be piped up to the Indian subcontinent. The huge gas discoveries in Bay of Bengal such as the Shwe project on offshore Myanmar and Bibiyana in Bangladesh also compete with the lucrativeness of Russian or the Central Asian gas (Dinakar 2020). This is important when the oil pricing is subject to geopolitical pressures that invariably bring down the crude prices making transportation an important component for the pricing of oil and gas supplies. The downward pressure on oil prices can be dealt with Indian investments in Russian refining business increases. This allows the export of higher value products from refinery points to consumer points at a much lower price. The Indian firms have committed more than \$10 billion investments in Sakhalin-1, Tass-Yuryakh and Vankorneft fields for exploration and production. The Indian companies Bharat Petroleum, Indian Oil and ONGC are working with Rosneft for expanding business ties in this region. The ONGC Videsh Limited has 20 percent stake in Sakhalin-1 group of fields. Russia has invited India to its Vostok project for exploitation of the Vankor group of fields (Vankor, Suzun, Tagul and Lodochnoe fields), and field in Payakha, West-Irkinsky and Krasnoyarsk region⁵. The October Vladivostok Summit in 2019 focussed on number of energy ties that are possible between Russia and India. India showed keenness of LNG imports from the Russia's Arctic region and there is

⁴ Mundra LNG Project: Mundra LNG terminal to be commissioned by December. *The Economic Times*. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/industry/energy/oil-gas/mundra-lng-terminal-to-be-commissioned-by-december/articleshow/71575407.cms> (accessed 21.12.2020)

⁵ India signs pact expressing interest in taking stake in Far East Russian oilfields. *The Economic Times*. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/industry/energy/oil-gas/india-signs-pact-expressing-interest-in-taking-stake-in-far-east-russian-oilfields/articleshow/71171981.cms> (accessed 21.12.2020)

also scope of importing high quality coking coal. The Sakhalin-2 has major share of Gazprom, which is mainly devoted to LNG exports. The other 2 projects of Yamal LNG and Arctic LNG-2 are also important source of Russia's exports of LNG. The February 2020 also saw another agreement signed for the supply of crude from the Novorossiysk port of Russia to India. The Indian Oil Corporation (IOC) will receive nearly 2 million tonnes of oil from the Rosneft.

Perhaps the most sustained cooperation between India and Russia has been in the field of nuclear energy power generation. The Kudankulam is an epitome of Russia-India trust in the field of nuclear energy cooperation. However, it had its share of ordeal too when Russia's rivals stoked up public unrest in 2011 against establishment of unit 3 and 4, which caused resetting of India-Russia nuclear cooperation in the light of Russia's constraints under NSG and India's risk liability rules (Parashar 2011). The project has become one of showcase of successful cooperation between Russia's Rosatom and India's Nuclear Power Corporation of India. The equipment and technology is being efficiently handled by the two companies. A serious concern had arisen in November 2019 as Russia-India rivals launched vociferous cyber attack that brought the two nations to setup a working group against such criminal attack⁶. Russia is keen to further enhance cooperation for second stage after having successfully completed 1-6 units of stage one of Kudankulam. Russia is increasing its footprint in Central Asian demand for nuclear energy. The experience of Kudankulam could be said to have provided rich experience in constructing the VVER-1200 reactors as the same are being planned by Rosatom together with Uzatom in Uzbekistan in Farishsky district near lake Tuzkan. India and Russia can forge a sustainable partnership with Central Asian republics who are rich in uranium for harnessing nuclear energy.

Central Asia in Russia-India Relations

The Central Asia figures as high priority in Russia's growing energy trade with the EU and East Asia. The first hypothesis looks into possibility of this expansion southwards towards the South Asian region. Moreover, the second investigation looks for the broader spectrum of relations with Central Asia that can be supported by the energy trade. Central Asia represents a strong range of geopolitical preferences for Russia and India. The India-Central Asia Business Council (ICABC) was launched in February 2020 with the aim of boosting trade. India's trade with Central Asia is low as two billion dollars. India approached Central Asia through its 'Connect Central Asia' policy in 2012 as a determined effort to maintain strategic depth beyond South Asia. It aimed at projecting India's soft power by investing in the sectors of education, medicine, information technology, telemedicine, tourism, joint scientific research and

⁶ Kudankulam nuclear plant is safe, India tells Russia. *The Hindu*. URL: <https://www.thehindu.com/news/national/kudankulam-nuclear-plant-is-safe-india-tells-russia/article29957732.ece> (accessed 21.12.2020)

security issues⁷. It was launched in 2012 in the wake of growing concerns about the situation in Afghanistan, which is a common concern for Central Asian countries and India. The first meeting of India-Central Asia foreign ministers was held in January 2019 in Samarkand, Uzbekistan, which was successive to the head of the state's meeting held in Astana in March 2018. It focussed on the industry-specific business forums and outlining means to establish sustained development of economic and cultural ties. It also welcomed India's inclusion in the Ashgabat agreement which can integrate with the existing international north-south transport corridor (INSTC) promoted by Russia and India. The two countries and Central Asian republics can greatly benefit from the expansion of trade under these schemes, which depend essentially on Iran for connectivity (Akarashov 2018). The INSTC has geoeconomic significance for Russia and India, and a vital strategic corridor to maintain regional balance in South and Central Asia, and the Caucasus. Many scholars are tempted to juxtapose this scheme with China's east-west run of transport lines under its Belt and Road Initiative (BRI). In the longer run, the east-west and the north-south transport corridors would complement each other for greater economic synergies. The various connectivity projects are the essence of the Great Silk road that traversed through the region since times anon. However, is affected by two regional factors. Firstly, the situation in Afghanistan and second, the India-Pakistan tensions, both of them have contributed to the killing of the Central Asian dream of reaching out to South Asia, which was so natural and so historical to the Asian people's heritage. Tolipov calls for the restoration of the dream that can disengage the region from its geopolitical chimera and transform the semiotics into substantial linkages (Tolipov 2015).

The Central Asian regimes have a unique dimension in the Russia-India engagement with the region. Russia's relations with these countries has treaded over a thin ice with tough bargain by these regimes. Uzbekistan's parliament approved to be the part of Eurasian Economic Union (EAEU) in April 2020. The question of joining was debated on the parallels of compromising Uzbek sovereignty. The growing demand for labour in Russia has been an important factor for Central Asian states in deciding on the membership of EAEU⁸. Russia finds the response of Central Asian republics contributing to the dialectical engagement at two different scales. Russia views the region keeping in mind the NATO presence in Afghanistan and the cold war legacy that could reignite trouble at any time. On the regional scale, Central Asia is a co-pivot to the Greater Central Asian region, which is a US policy paradigm that strongly links South Asia with post-Soviet Central Asia (Iazmuradov 2006). These trans-scalar geopolitics point India and Afghanistan as important concerns for Russia's Central Asia policy. India's engagement in Central Asia is strongly encouraged by Russia and it assures

⁷ India says Iran frees 9 crew from seized Panama-flagged tanker. Retrieved from India says Iran frees 9 crew from seized Panama-flagged tanker: <https://www.aljazeera.com/news/2019/07/india-iran-frees-crew-seized-panama-flagged-tanker-190726093040755.html>

⁸ Hashimova U. 2020. Uzbek Parliament Approves EAEU Observer Status. *The Diplomat*. URL: <https://thediplomat.com/2020/05/uzbek-parliament-approves-eaeu-observer-status> (accessed 21.12.2020)

curbing of security threats that are emerging from Afghanistan. On a trans-regional scale, it allows Russia to escape the binary of Russia-China competition in the Central Asian region.

The five Central Asian republics are in full consonance with Russian position as they feel there is a need to balance the growing Chinese influence in the region. The most significant aspect of Indian engagement in Central Asia lies in the energy security of India. The Indian interest in Central Asian energy sector demonstrates the desire of the former for a long-standing relationship with the region. A notable development in this direction took place in 2007, when similar to OPEC, an energy forum the SCO Energy Club was established in Moscow (De Haas 2010). This club is a significant communication forum between the producers and the buyers and it can be a vital agency for routing Central Asian energy to South Asia. The club can be a forum for engaging Iran to develop a comprehensive energy trade forum for pricing and transport of oil, gas and electricity. The geopolitical situation of South Asia prevents the full realisation of this potential. Moreover, the US sanctions on Iran prevents the extension of energy cooperation between South Asia and Iran, which is an important route for energy supplies in the resource exchange. China's strong financial investment in Central Asian energy sector and infrastructure influenced the initial orientation of energy trade. India was denied a share in Kashagan oil fields by Kazakhstan in 2013 and two years later when latter offered the Abai block, then India remained indolent. This had obvious influence from the growing footprints of the China National Petroleum Corporation (CNPC), who also bought Petro Kazakhstan in 2005⁹. Indian bid led by ONGC-Mittal Energy complained of the unfair treatment as they were not allowed to match the last minute alteration in bid by CNPC (Develi, Kaynak 2012: 211). Central Asian energy trade also has European component, as the resources are a point of geopolitical completion between Russia and the West. The Turkmen gas reserves are seen as a point of disenfranchisement of Central Asian republics whence they are transported to Europe bypassing Russia. Therefore, Russia has maintained a tight grip on Central Asian energy geopolitics to limit consequences of any European act (Tomberg 2012).

Russia has accepted China's support in maintaining collective balance in Central Asia that allows them to decide for the entire Eurasian region. The 'democratic' disruptions encouraged by the West in the form of colour revolutions are a common threat to both the powers. India represents entirely a different political set up with most diverse social-political structuring of national politics. Kazakhstan shows the ambition of great regional power, but the rest of the Central Asian states are more interested in diversification of economic and political relations that includes their preferences for South Asian linkages. The situation in Afghanistan and the India-Pak conflict prevents them access for the time being. This situation has forced most of the Central Asian re-

⁹ India rejects Kazakhstan's offer for Abai oil field. Retrieved from India rejects Kazakhstan's offer for Abai oil field. *The Economic Times* URL: <https://m.economictimes.com/industry/energy/oil-gas/india-rejects-kazakhstans-offer-for-abai-oil-field/articleshow/47705118.cms> (accessed 21.12.2020)

publics to look towards China or Russia for most of their economic interests. Central Asia can reach South Asia either through Afghanistan or Iran. The situation in Afghanistan depends on the success of negotiations between the US forces and Taliban. The US has not been able to disarm Taliban and there is little hope that agreements would allow a permanent peace between the Afghan government and Taliban without losing their respective power positions. Iran is the next probable hope for Central Asia who have already functional trade and transport arrangement with Iran. The movement of goods from Central Asia to Iran's Bander Abbas port and the Chabahar port is an important source of connectivity for these landlocked states. The US has put sanctions against both the schemes except for situations where it helps Afghanistan. Thus, Central Asia's reach to South Asia is also constrained by the US policies in the region.

India, Iran and Afghanistan concluded the Chabahar agreement for trade and transit in 2016. The pace could not pick up as India has special responsibility in its operationalisation, but India has little control over developments in Afghanistan and its Afghanistan policy has largely focussed on its security concerns emerging from Pakistan. Its interest in Afghanistan and Central Asia remain constrained by the possibilities of Islamist extremism getting foothold once the US forces decide to leave Afghanistan. India and Central Asia need to develop a comprehensive approach around Afghanistan that addresses a range of issues from trade, connectivity to regional security matters. This some later stage might take into account energy corridor being developed through either Pakistan or Iran. Russia's presence in this scenario can be of high importance. Russia and Pakistan are developing a new generation of political relations in post-cold war period. Russia's growing presence in the Middle East allows it to have special role in matters of Afghanistan and South Asia as well. This can be of vital importance for Central Asian energy corridor, as India would need a neutral arbiter for its energy reliance through the Pakistani route, which is favoured by the TAPI partners.

The nuclear energy is one sector where Russia-India have growing partnership with Central Asian republics. Russia has been the supplier of technology and machinery, whereas Kazakhstan has been supplying nuclear fuel to India for its power plants. This segment is unique and remains largely unaffected by geographical or commercial influences. Russia has limited success in Central Asia trying to sell its Nuclear Power Plants (NPPs). Kazakhstan has apprehension in accepting offer due to its inheritance of Soviet legacy of nuclear program. However, Kazakhstan is equally keen to take advantage of its large uranium reserves that can link up with Russian technology. Both the countries established International Uranium Enrichment Centre in Angarsk in 2007 for supplies to nuclear plants world over. India is a big customer of Rosatom, who already provides operational logistics to Kudankulam, Tamilnadu nuclear plants. Kazakhstan, Russia and India are already enjoying a tango in nuclear energy trade and there is proposal for further expansion of units¹⁰. India purchased from Kazakh-

¹⁰ Pannier B. 2019. Putin Offers Russian Help To Build Kazakh Nuclear Plant. *RadioFreeEurope/RadioLiberty*. URL: <https://www.rferl.org/a/kazakhstan-putin-offers-russian-nuclear-plant-help/29865177.html> (accessed 21.12.2020)

stan 2100 metric tonnes of uranium between 2010-2014, and another agreement was signed in 2015 to supply 5000 metric tonnes until 2019. Russia, India and Kazakhstan can use their experience to expand the nuclear energy industry to other countries. Nuclear energy production has an advantage of carbon emission free, which makes it competitive to hydrocarbon energy industry. Russia and India have come together to build Bangladesh's first nuclear power plant. Russia is expanding its footprint in Africa and Middle East, where the three countries can develop long-standing partnership for energy trade¹¹. India signed agreement in January 2019 for uranium ore from Uzbekistan. This shows that most of the Central Asian republics are on board with India's energy security paradigm. The CASA-1000 is not dealt here as it is not India specific and this project depends just like TAPI on access through Pakistan. Those Central Asian energy sources, which are competitive only when routed via Pakistan, are off the block for now as India-Pakistan remain in conflict due to low-intensity warfare in Kashmir. Pakistan is reaching out to Central Asia via Afghanistan. This is conditioned by the fact that Central Asia and Pakistan are both converging on China's Belt and Road Strategy. Pakistan tries to match New Delhi's influence by augmenting geopolitical levers however it is in the interest of Pakistan to curb the extremist tendencies emerging from its soil as it will ultimately hurt latter's relations with Central Asian states (Chulkov 2020).

India's Energy Security in Global Perspective

India has also emerged as a leading exporter of petroleum products. India's more than one tenth of exports fall under this category. Indian refining capacity is the fourth largest after the US, China and Russia. Its refineries at Koyali, Kochi, Mangalore, Panipat, Paradip, Mumbai, Bhatinda and Manali (TN) have capacities over 10 million metric tonne per annum (MMTPA). The biggest refineries are in private sector at Jamnagar by Reliance Industries having capacity of 68 MMTPA and Russia's Rosneft-purchased Essar Oil also in Gujrat (Vadinar) with capacity of 20 MMTPA. The coastal refineries are also the major exporters of refined products. The Vadinar refinery is the second largest unit in private sector and has wide range of product diversification in refined outputs. The Essar Oil Company was purchased by a consortium led by the Rosneft in 2017 and renamed it as Nayara Energy limited. This consortium has more than 7,000 retail fuel outlets in India to meet the domestic demand¹² (Abdi 2020). More than half of India's petroleum exports consists of HS 271019 class of products such as aviation kerosene, high speed diesel, light diesel oil, textile oil, gear oil, lubricants, hydraulic oil, transformer and circuit breaker oil, and oils needed by cosmetic industry. India also

¹¹ Abbasova V. 2020. 126). Indian Envoy To Russia Says Countries Could Build Nuclear Power Plants In Africa & Middle East. *Caspian News*. URL: <https://caspiannews.com/news-detail/indian-envoy-to-russia-says-countries-could-build-nuclear-power-plants-in-africa-middle-east-2020-1-25-24/> (accessed 21.12.2020)

¹² Abdi B. 2020. Nayara Energy to invest Rs 6,100 crore to set-up 450 KTPA polypropylene plant at Vadinar. *Energy World*. URL: <https://energy.economictimes.indiatimes.com/news/oil-and-gas/nayara-energy-to-invest-rs-6100-crore-to-set-up-450-ktpa-polypropylene-plant-at-vadinar/74676064> (accessed 21.12.2020)

leads in exporting aviation spirit. India's major clients are Netherlands and Singapore. However, India's major share of exports are located around Indian Ocean Rim (IOR) countries, which explains India's strategic location for catering the needs of IOR market. India exports in Africa to Kenya, Mauritius, Mozambique, South Africa, Egypt, Angola, and Tanzania. India's Asian importers are Bangladesh, China, Israel, Japan, Jordan, Malaysia, Nepal, Sri Lanka, Turkey, South Korea, UAE and Saudi Arabia. India's European partners are UK, France, Belgium, Gibraltar and Malta. India has been exporting to Australia also. It is interesting to note that even the oil producer countries are also importers of the refined products from India, which indicates the transport economics between the raw material location and consumer location are fully optimised to utilise the movement of carriers.

Russia has become a major player in oil markets with its increased presence in the Middle East. Russia's energy geopolitics is an important policy vector that needs to be understood for any meaningful connection between Russia and India in this sector. Russia has been deploying energy diplomacy aggressively to counter the US hegemony in Europe and at the same time, its relations with Middle East countries have become much comprehensive that has allowed it to influence the oil and gas production scenario in the Middle East as well. India does not afford that kind of ambition with its expanding energy exports, as India is not a significant crude oil producer country. India's refining capacity has a role for Russia's production geopolitics. If the two match in proper manner, then Russia and India can jointly manage the global energy situation to their advantage. This is also relevant given the fact that India's geographical location is ideally suited to cater to Asian and African markets, whereas Russia would be holding on Europe for a long-time to manage the US pressure. Russia has both crude oil and natural gas reserves that play important role in its energy geopolitics. However, they are disparate in nature of influence. Russia exported crude and refined oil products worth more than 200 billion USD in 2018.

Its gas exports were a little more than 6 billion USD in 2018, which included liquefied forms too. Thus, it is clear that Russia has prime focus on oil exports. Its major oil export destinations are Netherlands, China, South Korea, Poland and Italy. Japan has been an invariable beneficiary of the Russian gas exports. It has received almost half of the total Russian gas exports as per the UN Comtrade data for period 2009 to 2018. South Korea is another important recipient of Russian gas. This share is bound to alter as Russia has started exporting gas to China via its mega-project known as the Power of Siberia. France and Poland are the major European customers of Russian gas followed by Netherlands, Belarus and Ukraine. Russia's distribution of oil and gas exports demonstrates geopolitical thought process. It has disallowed resource competition among neighbouring recipients. This observation has relevance while factoring Central Asia into Russia-India trade relations. Since Russia has priority towards Europe in oil exports, it also means that India is more inclined to buy oil from Middle East. The Central Asian gas fits into this picture where Russia can play an important role by exploring this segment for export to India. This would not hurt its geopolitical

priorities in Europe and allow developing the South and Central Asian policy architecture in terms of energy geopolitics. India stands to gain with Russian involvement in Central Asian gas exports. It can be a reliable guarantor through Iran and Pakistan, which are the only two possible corridors for the Central Asia exports. India-Iran energy relations also have an important bearing on exploration of these possibilities. Iran is not only an important supplier of crude oil to India, but also a strategic facilitator for accessing Afghanistan and Central Asia. The US sanctions against Iran has affected energy relations between the two countries. The US pressure in Persian Gulf has affected India's shipping business adversely. The US-led West has adverse relations with Iran, which is detrimental to India-Iran energy relations. It was visible in the August 2019 incident when the Indian captain-led Iranian ship was abducted by the British marines in total violation of international law of seas¹³. India was also forced to stop buying crude from Iran and Venezuela in May 2019 after the waiver deadline expired¹⁴. The oil used to fund for most of the Iranian imports from India under the rupee-rial agreement. Iran has also been dissatisfied with India buckling under the pressure from the US.

India and Iran opened a new chapter of energy cooperation in 2005 when the two countries signed a long-term agreement for shipping LNG from the gigantic Iranian South Pars field. The ONGC was active in Farzad B gas field discovery, which could have expanded the Indian footprint in Iranian gas exploration in successive years. However, the US forced India to abandon all forms of energy trade with Iran after it left the Iranian Nuclear deal. The Trump administration obliterated the US's Iran policy by withdrawing from the Obama administration signed Joint Comprehensive Plan of Action (JCPOA) that hurt Indian interests in a significant way. India encouraged by this agreement had requested the Iranian government in 2016 to create a Chabahar SEZ for Indian petro-chemical industries that would include an LNG terminal and fertilizer plants for Indian markets¹⁵. Russia can be an important partner in Iranian energy sector as it can link the Central Asian gas network with the Gulf gas supplies. Russia has been consolidating its gas supplies in the Persian Gulf by collaborating with Qatar. Russia is offering Qatari gas to Pakistan, which would be an extended network for Iran, Saudi Arabia and other to join for transportation of Middle East gas via seabed pipelines to South Asia. Russia's experience both in terms of technology and pipeline geopolitics would come handy in exploring the successful connectivity across Middle East and South Asia. Russia's has gained significant leverage with OPEC due to its large

¹³ Gibraltar releases Iranian tanker, Indian crew despite US claim on vessel. *Business Standard India*. URL: <https://www.business-standard.com/topic/iranian-oil-tanker> (accessed 21.12.2020)

¹⁴ US deadline ends, India stops purchasing Iranian oil. *The Economic Times*. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/industry/energy/oil-gas/us-deadline-ends-india-stops-purchasing-iranian-oil/articleshow/69475495.cms?from=mdr> (accessed 21.12.2020)

¹⁵ India keen on setting up LNG terminal at Iranian port. *The Economic Times*. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/industry/energy/oil-gas/india-keen-on-setting-up-lng-terminal-at-iranian-port/articleshow/52078550.cms> (accessed 21.12.2020)

growing relations with Saudi Arabia. This has allowed Russia to steer the crude prices suitable to its economic interests in consumer nations. India stands benefitted with Russia's growing clout in the OPEC. The OPEC Secretary General emphasized the role of OPEC-India dialogue in promoting joint projects between India and OPEC at the India Energy Forum meeting held in October 2017. Russia can provide technological stimulus to these initiatives both at the point of production and to the point of consumption as well.

Russia-Pakistan energy cooperation is a significant dimension for its grand South Asian gas network strategy. Russia holds significant stakes in gas deposits of Bahrain and Qatar and its premier company Gazprom Gas Company signed 10-billion-dollar agreement with Pakistani state agency Inter-State Gas Systems (ISGS) for supplying the Gulf gas at the rate of 500 million cubic feet of gas per day¹⁶. This agreement is linked with another agreement signed by Moscow and Islamabad to build a North-South pipeline connecting Karachi and Lahore costing around two billion dollars. The Eurasian Pipeline Consortium (EPC) and Federal State Unitary Enterprise (FUSE) are the two Russian companies engaged in construction of this project¹⁷ (Yousufzai 2020). Russia plans to invest around 14 billion dollars in Pakistan for the expansion of its gas network in the region¹⁸. Russia and Pakistan have entered into a number of other agreements such as in July 2017, Gazprom and the Oil and Gas development company of Pakistan signed a joint venture agreement to assist in research and development. In 2018, the Russian and Pakistani energy ministries have agreed to cooperate on off-shore pipeline projects. According to the project, gas extracted from Iran's fields can be transported via Pakistan¹⁹.

Russia's energy drive in South Asia would remain bi-partisan for some time, as there is very little hope as of today for linking India and Pakistan energy network. This would have given great mileage for salvaging the South Asian energy situation as Afghanistan and Central Asia would have benefitted from such a transit opportunity between the two regions. There are great power relations that are also present in the region that need to be addressed. The US's dream of carving an energy corridor across Afghanistan as New Silk road remained largely defeated due to its tangled relations with Taliban and Pakistan. The US lost its foothold in Central Asia due to heightened insecurity from colour revolutions. The US secretary of the State in his most brazen display of China bashing went on propaganda tour to Central Asian republics in February 2020 almost warning them to desist from inviting Chinese Huawei for 5G in-

¹⁶ Khan I. 2019. Pakistan signs \$10 bn gas pipeline agreement with Russia. Retrieved from Pakistan signs \$10 bn gas pipeline agreement with Russia. *The News*. URL: <https://www.thenews.com.pk/print/428722-pakistan-signs-10-bn-gas-pipeline-agreement-with-russia> (accessed 21.12.2020)

¹⁷ Yousufzai F. 2020. Pakistan approves structure for \$2b North-South Gas Pipeline. *The Nation*. URL: <https://nation.com.pk/22-Jan-2020/pakistan-approves-structure-for-dollar-2b-north-south-gas-pipeline> (accessed 21.12.2020)

¹⁸ Russia plans to invest \$14 billion in Pakistan's energy sector. *Energy World*. URL: <https://energy.economictimes.indiatimes.com/news/oil-and-gas/russia-plans-to-invest-14-billion-in-pakistans-energy-sector/67883013> (accessed 21.12.2020)

¹⁹ Narkevsky D. 2019. Neftegazovye nadezhdy Pakistana. *Russian Council*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/neftegazovye-nadezhdy-pakistana/> (accessed 21.12.2020)

infrastructure. India remains sceptic as the Chinese infrastructure companies with their willingness to share technology and expertise at reasonable price are finding it difficult to do business under the US-China trade standoff. Russia and India too enjoy similar understanding. Russian companies have been willing to share their technology and expertise in nuclear energy production and LNG transportation with Indian counterparts. India has been able to secure licence from Russian companies in number of production lines, which it had been unable to secure from the Western 'democracies'. The growing trade war between the US and China would make transfer of technology increasingly difficult for third parties. India has benefited from trade openness where technology arrived for non-conventional sources such as solar, wind and nuclear energy. The refinery business that has expanded making it the fourth largest refining capacity nation shows rise in India's credibility with greater access to investments and technology. The geographical barriers between India and Central Asia are manageable only with newer technological breakthroughs. The LNG tankers technology developed by Hyundai and Daewoo enable maintaining of the gas temperature at minus 165 degree Celsius thereby allowing transport of LNG across the globe²⁰.

The globalisation of production chains has its impact on resource marketability. Most of the products in our daily lives are an assembly of components supplied by different countries. Energy fuels too have this kind of scenario. The Middle East countries are a big supplier of crude but the refineries have taken away the business to newer destinations and the intermediate countries are now having an important share deciding the production of crude and supply routes. Russia is a big producer of crude oil and natural gas, whereas India can hardly meet its domestic requirements, yet both are in the business of selling petroleum products to rest of the world. This augurs a cooperation between Russia and India on a supply chain so that India can produce the petroleum distillates and then they are exported to suited destinations. Russia's Rosneft has made a beginning by making a very promising start with Nayara refinery in Gujrat. Russia and India can work on coastal refinery such as in Kochhi or Mangalore that can provide products to Africa, Europe and the Southeast Asian countries. India and Russia also have an opportunity to view simultaneous expansion of oil and defence ties. India and Russia can do each other a great of favour if they do not limit their priorities to defence cooperation where Russia has been keen to provide S-400 defence architecture and modern Kamov helicopters coveted by Indian defence forces and in return India can partake its export earnings to buy Russian weapons. India's public sector has a growing presence in Russian energy resources exploration and production. The defence and energy can be synergised into a giant trans-continental territorial production complex, something that both Russia and India know since their earliest days of planned regional development.

²⁰ Paris C. 2019. Shipping Companies Banking on Gas Carriers as LNG Demand Grows. *Wall Street Journal*. URL: <https://www.wsj.com/articles/shipping-companies-banking-on-gas-carriers-as-lng-demand-grows-11552555800> (accessed 21.12.2020)

This brings into the question of locating Central Asia in the Russia-India energy trade matrix. One might well argue that Russia-India have vast opportunity to expand energy ties, so how prudent it would be to visualise the Central Asian energy resources as a part of their trade matrix. The geopolitical scenario of South Asia augurs that Russia and India get Central Asian countries into loop so as the regional politics is not disturbed by the great power geopolitics. The prioritizing of energy minerals is desirable as they are the biggest trading asset of the Central Asian countries. Therefore, it is wise that Russia and India allow a share of their trade potential harnessed by the Central Asian partners. This is also the most sustainable class of trade relations, as these constitute the biggest component of their exports too. The geopolitical rationale for economic argument might appear unsound but that is how the situation in Afghanistan unfolded after the withdrawal of the Soviet forces. The first thing that the US and Benazir Bhutto government in Pakistan did was to declare their intention to bring in the Central Asian energy resources to the South Asian markets. Therefore, the historic conditions are the best guiding path to make the most out of business opportunity. Russia and India can utilise their capacity to reinvent that energy trade in a more balanced format in present conditions. The Novorossiysk agreement of 2020 can be a harbinger to export Caspian oil and gas to India.

These geopolitical designs could have been deliberated further had there been not an unprecedented situation of pandemic from Covid-19. It has thrown all geopolitical assessment off the gear as the demand for energy resources plummeted world over. The producers are not able to decide what to do with oil and gas outpouring. The energy trade is under dramatic change due to Covid-19 pandemic as it has wiped off the demand for energy fuels due to worldwide halting of economic activities. The situation could be imagined with the fact that the US crude oil prices went negative at minus 40 USD in April 2020 for the first time in history, meaning that the producers were willing to pay for lifting the crude physically²¹. Russia appears to have endured the oil shock as the price largely affected the WTI crude oil, whereas it primarily exports Urals, which is tagged with the Brent crude oil. However, in terms of revenue from oil one can see a two-fold drop in prices and a 20-25% reduction in the volume of Russian exports of oil, gas and coal. This would be equivalent to a reduction of 60% in export earnings. The current shocks to the Russian energy sector appear to be temporary against the background of long-term interests in the energy trade. It is also possible that new technology paradigm might appear as a result of Covid-19 manifesting decarbonisation, decentralization and digitisation giving an additional impetus to the energy diversification, especially in the European market, which is the major one for Russia²².

²¹ Cordell J. 2020. Explainer: What Happened to Oil Prices and What Does it Mean for Russia? Retrieved from Explainer: What Happened to Oil Prices and What Does it Mean for Russia? *The Moscow Times*. URL: <https://www.themoscowtimes.com/2020/04/21/explainer-what-happened-to-wti-oil-prices-and-what-does-it-mean-for-russia-a70055>

²² Mitrova T. 2020. Korona-neftyanoi obval. Chto zhdet rossiiskuyu energetiku posle epidemii. Chto zhdet rossiiskuyu energetiku posle epidemii? *Carnegie*. (In Russian). URL: <https://carnegie.ru/commentary/81790> (accessed 21.12.2020)

The Indian energy scenario can gain more attention in wake of such transition. India's reliance on hydrocarbons as a primary source shall continue to remain for coming decades. It is going to play major role in expansion of economic activities in secondary towns and rural areas where most of the demand for fuel is going to shift. It is only well suited for Russia and India to look for a long-term partnership that can address the demand-supply match making in a geopolitically fragile environment. This cooperation certainly cannot bypass the technological challenge due to new imperatives of environment friendly consumption. The Russian oil and gas sector can take the lead by restructuring the industry and integrating hydrocarbons into the green agenda. A special focus can be towards decarbonizing oil and gas, which is a complex, expensive process that requires new technologies and competencies. The Central Asian countries have been quite conscious too of the impact of energy fuels on their fragile environment and they can take up multi-lateral partnership for better quality of products for export.

The most significant result of the trilateral energy trade would be the growing incentive to balance the geopolitical situation in Afghanistan. Afghanistan is a war-torn country and the politically fragile environment that is in constant need of economic sustenance. The energy could be the most fundamental and lasting measure to transform the conflict in Afghanistan towards reconciliation. The supply of electricity and crude distillates from Central Asian countries has already demonstrated positive impact in the countryside of Afghanistan. The warlords also understand the role of energy in influencing the lives of the common people. This enabler of Central Asia to intervene effectively in Afghanistan is dialectical process that would allow Central Asia to be more confident in its engagement with South Asia. Therefore, Russia-India energy trade relations are not confined to oil and gas, but they can be perceived for far reaching impact in the Greater Central Asian region. Countering terrorism and maintaining vital lines energy supplies from the region are part of a complex set of problems that would be solved over a period. The stability and peace in Afghanistan and Central Asia would allow Russia to develop relations with Pakistan on much better terms. They can do away with the bi-partisan necessity of dealing with Pakistan and India at different levels. It would give them an opportunity to connect with much larger good of the South Asian peoples. Russia and Central Asia would be highly benefitted with the decrease in confrontation between India and Pakistan. These positions can be visualised with increased benefit to Central Asian states via Russia-India trading linkages that can begin with energy but not limiting themselves to this only but getting more diversification with newer production chains.

About the authors:

Ambrish Dhaka – Associate Professor, School of International Studies, Jawaharlal Nehru University. 110067 New Mehrauli Road, Munirka, New Delhi, India. Email: ambijat@gmail.com

Marina Dmitrieva – Assistant Professor, The International Relations Department, School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University. 690922, Primorsky Territory, Vladivostok, Russky Island, Ajax, 10. Email: dmitrieva.mo@dvfu.ru

Conflict of interests:

The authors declare absence of conflict of interests.

Поступила в редакцию: 15.05.2020 г.
Принята к публикации: 10.11.2020 г.

Роль Центральной Азии в российско-индийском сотрудничестве в области энергетики

А. Дакка, М. Дмитриева

[DOI 10.24833/2071-8160-2020-6-75-208-227](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-6-75-208-227)

Университет Джавахарлала Неру, Индия
Дальневосточный федеральный университет, Россия

Россия стала крупным игроком на энергетическом рынке. Участие в решении сирийского кризиса укрепило позиции России на Ближнем Востоке, что отразилось на глобальном нефтяном рынке. Индия растёт темпами выше 5% в год, её энергетические потребности существенны. У Индии и России особые отношения, обусловленные давними культурными и политическими связями, они положительно влияют на энергетическую безопасность Индии. Центральнoазиатские республики имеют особое значение для России и Индии с точки зрения стратегической безопасности в регионе Южной и Центральной Азии. Оба государства связаны с этим регионом и защищают его от угроз религиозного экстремизма и терроризма, усугубляющихся проблемой незаконной торговли наркотиками и оружием. В Центральной Азии сосредоточены одни из крупнейших в мире запасов природного газа, который успешно экспортируются по трубопроводам. Этот подход невозможен в Южной Азии из-за ситуации в Афганистане. Поэтому Россия остаётся важным маршрутом доступа к энергоресурсам из Евразии и, в частности, из Центральной Азии. Индия также в значительной степени связана с морской торговлей энергоресурсами со странами Африки и Латинской Америки, что повышает альтернативные издержки доступа к энергоресурсам Центральной Азии. В статье подчёркивается значение энергетической торговли между Россией, Индией и странами Центральной Азии, которая могла бы способствовать геополитической стабильности во всём регионе.

Ключевые слова: Россия, Индия, торговля энергоресурсами, Центральная Азия, Афганистан, Южная Азия, геополитика, международное сотрудничество, стратегическое партнёрство

Об авторах:

Амбриш Дакка – доцент Школы международных исследований Университета Джавахарлала Неру. 110067 New Mehrauli Road, Munirka, New Delhi, Индия.
E-mail: ambijat@gmail.com

Марина Олеговна Дмитриева – старший преподаватель кафедры международных отношений Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета. 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10. Россия. Электронная почта: dmitrieva.mo@dvfu.ru

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

References:

- Belyi A. 2003. New Dimensions of Energy Security of the Enlarging EU and Their Impact on Relations with Russia. *European Integration*. 25(4). 351-369. DOI: 10.1080/0703633032000163193
- De Haas M. 2010. *Russia's Foreign Security Policy in the 21st Century: Putin, Medvedev and Beyond*. Taylor & Francis. DOI: 10.4324/9780203854402
- Develi A., Kaynak S. 2012. *Energy Economics*. Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaften.
- Iazmuradov A. 2006. Greater South Asia-America's New Regional Approach to Central and South Asia: How it is Developing And What Prompted it. *Central Asia and the Caucasus*. 4(40). P. 79-90.
- Fredholm M. 2012. *The Shanghai Cooperation Organization and Eurasian Geopolitics: New Directions, Perspectives, and Challenges*. M. Fredholm (Ed.). NIAS Press.
- Sutyurin S., Trofimenko O.Y., Koval A. 2019. *Russian Trade Policy: Achievements, Challenges and Prospects*. Taylor & Francis.
- Tomberg I. 2012. Central Asian gas in the changing geopolitical context. *Central Asia and the Caucasus*. 13(1). P. 7-20.
- Tolipov F. 2015. Micro-Geopolitical Semiotics of Central Asia: "crossroads" and "bridges". *Central Asia and the Caucasus*. №16. P. 35-42
- Akarashov I.S. 2017. Rossiya – Indiya: neobkhodimo povyshat' uroven' doveriya. [Russia – India: it is Necessary to Increase the Level of Trust]. *Bulletin of the peoples' friendship University of Russia. Series: universal history*. 9(3). P. 222-233. DOI: 10.22363 / 2312-8127-2017-9-3-222-233 (In Russian)
- Akarashov I. S. 2018. Rossiya – Indiya: novye gorizonty strategicheskogo al'yansa. [Russia – India: New Horizons of the Strategic Alliance]. *Bulletin of the peoples' friendship University of Russia. Series: International relations*. 18(1). P. 148-161. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-148-161 (In Russian)
- Garusova L. N., Zhurbey E.V. 2018. Strategicheskoe partnerstvo Indii i SShA v XXI veke: regional'nyi kontekst [Strategic Partnership of India and the United States in the 21st Century: Regional Context]. *Transbaikal State University Journal*. 24(10). 65-75. DOI: 10.21209/22279245201824106575 (In Russian)
- Guchmazova A. P. 2017. Sostoyaniye i perspektivy rossiisko-indiiskogo torgovo-investitsionnogo sotrudnichestva [State and Prospects of Russian-Indian Trade and Investment Cooperation]. *Skiff. Questions of student science*. 8(8). P. 168-174. (In Russian)

Konovalova Yu.A. 2017. Russia – India: osobennosti vzaimnoy trgovli na sovremennom etape [Russia – India: Features of Mutual Trade at the Present Stage]. *Bulletin of the peoples' friendship University of Russia. Series: Economics*. 25(3). P. 295-308. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-3-295-308 (In Russian)

Luzianin S. 2007. Kitaiskie «korni» i rossiiskie «vetvi» v Tsentral'noi Azii (k voprosu o sootnoshenii politiki KNR i RF v regione) [Chinese “Roots” and Russian “Branches” in Central Asia (On the Correlation of Chinese and Russian Policy in the Region)]. *Central Asia and the Caucasus*. 3(51). P. 99–106. (In Russian)

Minina T.I., Glekov E.Ya. 2019. Torgovaya integratsiya Rossii i Indii [Trade Integration of Russia and India]. *Chronosequence*. 2(15). P. 125-129. (In Russian)

Khusainova G.T. 2015. Uchastie Bashkortostana v razvitii svyazei Rossii i Indii [Participation of Bashkortostan in the Development of Relations between Russia and India]. *Problems of Oriental studies*. 2(68). P. 53-59. (In Russian)

Zakharov A.I. 2016. Strategicheskoe partnerstvo SShA i Indii: vyzovy dlya Rossii [US-India Strategic Partnership: Challenges for Russia]. *Power*. 24(8). P. 195-198. (In Russian)

Список литературы на русском языке.

Акарашов И.С. 2017. Россия – Индия: необходимо повышать уровень доверия. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история*. 9(3). С. 222-233. DOI: 10.22363/2312-8127-2017-9-3-222-233

Акарашов И.С. 2018. Россия – Индия: новые горизонты стратегического альянса. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 18(1). С. 148-161. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-148-161

Гарусова Л.Н., Журбей Е.В. Стратегическое партнёрство Индии и США в XXI веке: региональный контекст. *Вестник Забайкальского государственного университета*. 24(10). С. 65-75. DOI: 10.21209/22279245201824106575

Гучмазова А.П. 2017. Состояние и перспективы российско-индийского торгово-инвестиционного сотрудничества. *Скиф. Вопросы студенческой науки*. 8(8). С. 168-174.

Коновалова Ю.А. 2017. Россия – Индия: особенности взаимной торговли на современном этапе. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 25(3). С. 295-308. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-3-295-308

Лузянин С. 2007. Китайские «корни» и российские «ветви» в Центральной Азии (к вопросу о соотношении политики КНР и РФ в регионе). *Центральная Азия и Кавказ*. 3(51). С. 99-106.

Минина Т.И., Глеков Э.Я. 2019. Торговая интеграция России и Индии. *Хроноэкономика*. 2(15). 125-129.

Хусаинова Г.Т. 2015. Участие Башкортостана в развитии связей России и Индии. *Проблемы востоковедения*. 2(68). С. 53-59.

Захаров А.И. 2016. Стратегическое партнёрство США и Индии: вызовы для России. *Власть*. 24(8). С. 195-198.

Вестник МГИМО-Университета. 2020. 13(). С. 228-234
[DOI 10.24833/2071-8160-2020-6-75-228-234](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-6-75-228-234)

РЕЦЕНЗИИ

The Role of Coal in the International Energy Trade

F.Yu. Filimonov

Sumitomo Corporation Central Eurasia, LLC.

Abstract: Review of the second edition of the book by Lars Schernikau. *Economics of the International Coal Trade: Why Coal Continues to Power the World*. Springer, 2016. 497 p.

Key words: international coal trade, world coal market, coal gasification, shale oil and gas, environmental pollution

The first 2010 edition of the “Economics of the International Coal Trade”, subtitled “The Renaissance of Steam Coal” reflected a revival of the world coal market in 2006 – 2008. The second edition describes new historical period in coal industry influenced by shale gas revolution and increased attention towards climate change and sustainable development.

Despite the title of the book almost half of the content describes technical issues: mining, technological features of coal production and processing, coal sampling and analysis, coal preparation, modern global political environment, etc. This material also provides relevant data on innovative technologies. L. Schernikau analyzes in detail technologies for converting coal into liquid fuel, GTL (Gas to Liquid), underground coal gasification. Describing the features of the underground coal gasification technology, L. Schernikau does not mention that it was a Russian scientist D. Mendeleev who introduced the very idea of such a methane transformation in 1882, and in 1888 he was the first to publish the main elements of the technological scheme of the future process¹.

УДК: 339.9

Received: November 21, 2020.

Accepted: December 10, 2020.

¹ Dmitry Mendeleev: The teachings of a prophet. *The UNESCO Courier*. 2019-3. URL: <https://en.unesco.org/courier/2019-3/dmitry-mendeleev-teachings-prophet> (accessed 11.12.2020)

L. Schernikau presents all the details related to the “shale breakthrough” in a reliable manner. He stresses the high cost of this technology as well as acknowledges difficulties in expanding and scaling this technology in the United States. In fact, the situation is much more complicated. John Dizard, an analyst for the Financial Times, states that shale gas producers in the U.S. have spent more funds than their equity capital to acquire land, drill mines and develop their programs². According to J. Dizard, the ephemeral profitability of shale gas will certainly lead to the emergence of the so-called “gas bubble”. However, there is a lack of attention to the fact that through this technology the U.S. tries to impose their own energy resources strategy on their partners in Eastern Europe (Poland, Ukraine) (Weaving 2006).

The book broadens the description of environmental problems, such as temperature changes and climate transformation, environmental pollution due to uncontrolled emissions of CO₂ into the atmosphere. L. Schernikau argues that increased CO₂ emissions from coal mining and consumption are not a disaster. He believes that improving the technology of coal-fired power plants towards a more comprehensive neutralization of emissions could fundamentally help in solving this problem. Mr. Schernikau complains that most of the newly built power plants, primarily in the East, do not possess such modern technological equipment. This statement does not correspond to reality.

Firstly, Eastern countries, or rather Asian countries, and primarily China and India, build almost all new coal-fired power plants using licensed innovative equipment to significantly reduce CO₂ emissions into the atmosphere (Barack 2020). In addition, China has recently built several power plants based on Shell's technology with increased limitation of any emissions³. Shell supplies Chinese customers with similar mini-plants for the production of hydrogen, chemicals, fertilizers and electricity, operating on the technology of coal gasification.

Secondly, the problem of atmosphere oversaturation with carbon dioxide takes place on a larger scale. The concentration of carbon dioxide in the Earth's atmosphere has reached record levels. The available technologies for reducing CO₂ emissions from coal-fired power plants, natural gas processing plants, fertilizers and other industries combined do not give the desired result. Humanity produces so much carbon dioxide, methane and other greenhouse gases that simply reducing emissions from industrial sites is no longer enough, and new technologies are required to extract CO₂ from the air, and do so on a global scale. Such technologies are called “negative emission technologies” or NETs⁴. NETs allow removing CO₂ or other gases from the atmosphere

² Familiar echoes in shale gas boom. *The Financial Times*. Electronic resource. URL: <https://www.ft.com/content/75942e5c-944e-11e1-bb0d-00144feab49a> (accessed 11.12.2020)

³ Shell AndWison To Develop New Generation Gasification Technology. *Shell Media Release*. URL: https://www.shell.com.cn/en_cn/media/media-releases/2011-media-release/gasification.html (accessed 11.12.2020)

⁴ Negative emission technologies: What role in meeting Paris Agreement targets? *European Academies.Science Advisory Council*. URL: https://easac.eu/fileadmin/PDF_s/reports_statements/Negative_Carbon/EASAC_Report_on_Negative_Emission_Technologies.pdf (accessed 11.12.2020)

physically or chemically. NETs will not relieve the world of the need to reduce emissions but should help to achieve zero emissions by 2050. In this case, according to calculations of the UN Environment Program specialists, it will be possible to prevent a global temperature rise above 2°C – this is precisely the goal set out in the Paris Agreement on Climate Change (Weyman-Jones 2019).

Moving on to the discussion of the so-called “green energy” based on the use of renewable energy sources, Lars Schernikau positively assesses the idea of “Energiewende” (“energy transition”), but nevertheless, he is somewhat skeptical about the real possibility of achieving it fully. The course taken by the German government to abandon not only coal, but also nuclear energy implies a deadline to increase the share of electricity from alternative sources in the country's total energy balance. The course includes greenhouse gas reductions of 80 – 95% by 2050 (relative to 1990) and a renewable energy target of 60% by 2050⁵. This concept of energy transition was first outlined in 1980 in a publication by the Institute for Applied Ecology in Germany entitled “An Energy Transition. Growth and prosperity without oil and uranium”. In the context of energy supply, this concept envisages Germany's abandonment not only of coal and nuclear reactors, but also of gas and oil, with the final complete transition to renewable energy sources. We must agree with the author that Germany will face great difficulties on this journey: the German authorities are already talking about the emerging difficulties and the lack of time required to achieve planned results⁶.

The COVID-19 pandemic plays an important role in current trends in the global energy market. Due to widespread lockdowns and a decline in economic activity, global electricity demand in 2020 has decreased significantly. Coal-fired power plants accounted for a remarkable share of the decline in electricity generation. At the same time, many of the coal power plants that halted their operations will no longer be launched again. For example, the Escalante plant (USA, New Mexico) was shut down in August 2020 due to the effects of the pandemic and will not become operational again⁷.

The author states his views on political and geopolitical issues in the development of world energy markets in two paragraphs “Political Environment” and “Geopolitics”. L. Schernikau defines that the political environment in most Western countries is harmful for the development of the coal business due to the democratic principles, i.e. the need for key authority figures to be re-elected every four or five years. The author believes that only authorities with long-term managing rights can support further ad-

⁵ The Energy of the Future: Fourth “Energy Transition” Monitoring Report — Summary. Berlin, Germany. *Federal Ministry for Economic Affairs and Energy (BMWi)*. November 2015. URL: <https://www.bmwi.de/Redaktion/EN/Publikationen/vierter-monitoring-bericht-energie-der-zukunft-kurzfassung.pdf> (accessed 11.12.2020)

⁶ Climate protection, not coal. *Deutschland.de*. URL: <https://www.deutschland.de/en/topic/environment/climate-protection-not-coal> (accessed 11.12.2020)

⁷ Coal's endgame. The dirtiest fossil fuel is on the back foot. *The Economist*. 03.12.2020. URL: <https://www.economist.com/briefing/2020/12/03/the-dirtiest-fossil-fuel-is-on-the-back-foot> (accessed 11.12.2020)

vancement of coal related technologies. According to the author, the political situation in the United States, Russia, China, Indonesia, as well as some countries of the Middle East is aimed at optimizing the development and welfare of the nation.

The geopolitical importance of fossil fuels is increasing due to the fact that Asian consumers do not have any other choice in the segment of relatively inexpensive energy sources while politicians of the economically developed countries are promoting the concept of expanding the use of expensive and uneconomical renewable sources⁸.

The book provides a panoramic analysis of the global coal market in the context of regional segments, the dynamics of demand by type of coal, logistics, pricing and modern commercial instruments: transport tariffs, exchange transactions, derivatives, etc. The book does not analyze the situation with the domestic consumption of national coal reserves as well as the “green border trade” – the volumes transported across land borders. In other words, L. Schernikau studies global coal trade carried out by sea transportation exclusively. Although the marine segment is the most significant in the global coal market, such an approach limits the applicability of this study. Many coal producers worldwide, primarily Russian companies, use the railroad for their export shipments – 32% of Russian coal exports accounts to railway shipments⁹.

The book posits that over the past decade the traditional separation of thermal coal markets into the Atlantic and the Pacific has become completely irrelevant. However, it seems controversial. L. Schernikau states that the thermal coal market has become global and relatively unified from an economic point of view due to falling sea freight rates. Indeed, recently there has been a downward trend in the global sea freight prices. In 2020, during the coronavirus pandemic this trend continues and the rates for the transportation of coal along the routes Ust-Luga (Russia) – Rotterdam (the Netherlands) and Murmansk (Russia) – Rotterdam (the Netherlands) have dropped to a ten-year minimum: 6 USD/ton¹⁰. The author's position implies that if the cost of delivery does not have a significant share in total costs then there is no economic difference between various export markers, so the market becomes global. Nevertheless, it is difficult to agree with this statement, knowing the global commodity market development¹¹. There are many other factors which contribute to regional trading patterns such as infrastructural capacities and limitations as well as the political situation, so freight cost does not always play such a significant role for the exporter (Thurber 2020). In this regard, it is too early to make such a statement about the global coal market.

⁸ Crooks E. 2018. Coal fades in developed world but is far from dead in Asia Ed Crooks. *The Financial Times*. URL: <https://www.ft.com/content/cf717854-6818-11e8-ae1-39f3459514fd> (accessed 11.12.2020)

⁹ Coal of Russia and the world: production, consumption, export, import. *CDU TEK*. URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/articles/5/499/ (accessed 11.12.2020)

¹⁰ *Argus report on Russian coal*. URL: <https://www2.argusmedia.com/-/media/Files/methodology/argus-russian-coal-russian.ashx> (accessed 11.12.2020)

¹¹ Pospelov V.K. 2018. *Mirovie tovarnie rinki* [World Commodity Markets]. Centrkatolog. 238 p. (In Russian)

Such important topics as the logistics of coal await empirical explorations by the author. He dedicates only one page to this important topic in the section “Freight and logistics”. There is no analysis of integrated logistics, which is recognized by other specialists as one of the main factors that determine the level of competitiveness of any coal exporter¹². The author just indicates that coal logistics consists of domestic logistics and sea freight. This is followed by a statistical report on the volumes of bulk cargo shipped in 2015: coal – 40%, ore – 35%, metal – 12%, grain – 12% (p. 64).

India, China, Japan, South Korea and Taiwan cover 38% of all world coal imports in total. And the whole European imports account only for 16%, which is comparable to the volume of coal imports by Japan (p. 9). The author analyzes world leaders in terms of exports and ranks them in the following order: Indonesia, Australia, Russia, Colombia and South Africa. These five largest exporters account for almost 90% of all thermal coal exports.

The book offers a sufficient overview of the Russian coal industry. It studies in detail its strong sides (massive explored reserves, relatively cheap cost of labor, protectionism of the authorities) as well as weak sides (low quality, outdated equipment, high logistics costs, limitations of rail and port infrastructure). In conclusion, L. Schernikau states that Russian exporters have enough competitive advantages and are likely to retain leading positions in the world coal market in the long-term perspective.

One of the main conclusions of the book can cause a rather controversial reaction. The author indicates that coal can act as a “bridge” from the oil age to “the solar time” – this is how the author calls the era of large-scale use of alternative energy sources. World coal reserves are many times higher than the world's oil and gas reserves, but if the author believes that the global transition to active and widespread use of renewable energy sources will take place only after the final depletion of all oil and gas reserves after several years or decades of general coal domination, then only in this case, the coal period can be called a “bridge” to a new generation. It seems that such a transition may take place earlier during the period of the presence of both coal and gas with oil on the world energy market.

The author states that the coal supercycle may end in the period between 2016 to 2020, but despite this, demand for coal products will still be significant. Based on today's global coal market situation it is difficult to disagree with this argument. The developing regions of East Asia and Africa are showing increased demand for cheap energy, especially India and Mozambique.

The author uses definitions and key statistics from the German Association of Coal Importers (Hamburg) and the British Perret Associates (London). Sufficient information on the functioning of the world coal market as well as the author's extensive experience in the field of international coal trade distinguish the book among the other works in this field.

¹² Nozdreva R.B. 2005. *Mezhdunarodniy marketing* [International Marketing]. *Economist*. 990 p. (In Russian)

Similar to the first edition, the author maintains a style of writing that is accessible, concise, and well-organized. The book is written in a modern scientific and practical style with the use of extensive explanatory materials presented in the format of tables, graphs, figures, accompanied by practical examples, which make the work clear and give a sense of conviction to the conclusions of the author. This book offers an intellectually rich, cogently argued, and particularly valuable text, written in a clear and reader-friendly manner.

I consider the author's excessive commitment to the new European doctrine of complete rejection of coal-based electricity generation in favor of alternative energy development as a potential bias because this doctrine could not always be applied for non-European countries and especially developing countries. Another possible bias is the author's attitude to the Russian economy as a supplier of cheap energy carbon raw materials – Russian coal exporters supply not only cheap brands of coal, but also expensive brands of high-quality coal.

The author's research focus has its limitations. Firstly, the choice of time period – from 2010 to 2016 – and, secondly, L. Schernikau analyzes only international commercial operations with the transportation of coal by sea, without studying railway logistics.

In general, Lars Schernikau's book is a comprehensive study of the entire set of problems of coal business, international trade and world coal market. The strength of this work is the integrated approach to the analyzed subject and a large-scale array of information provided by the author for a more complete, comprehensive analysis of all related parameters of the coal business. The author reasonably presents the historical aspects of mining technologies development, the formation of price indicators, the mechanisms and specifics of international coal trade, as well as the general economics of complex processes of the coal business.

The drawbacks of this monograph includes a superficial description of a number of historical events, primarily of a political nature, as well as the author's one-sided position regarding the impact of coal use on the environmental problem of CO₂ emissions. At the same time, it is an authoritative source in the field of international coal trade, including statistics on supply and demand by country, technical parameters of coal assortment, recommendations for risk management at each step in the supply chain.

The target audience of the new peer-reviewed publication is quite large. Given its wide-ranging and rich content, it should therefore prove to be an invaluable and authoritative resource for economists, businessmen, politicians, as well as for employees of companies of the corresponding profile, as well as representatives of research organizations and the university community.

About the author:

Fedor Yu. Filimonov – senior specialist at Sumitomo Corporation Central Eurasia, LLC. Russia, 125009, Moscow, Vozdvizhenka Str., 4/7, build 2. E-mail: f.filimonov@gmail.com

Conflict of interests:

The author declares absence of conflict of interests.

Поступила в редакцию: 21.11.2020 г.
Принята к публикации: 10.12.2020 г.

Роль угля в международной торговле энергоресурсами: тенденции и перспективы

Ф.Ю. Филимонов

[DOI 10.24833/2071-8160-2020-6-75-228-234](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-6-75-228-234)

ООО «Сумитомо Корпорэйшн Центральная Евразия»

Рецензия на книгу Ларса Шерникау «Экономика международной торговли углем» («Economics of the International Coal Trade: Why Coal Continues to Power the World». 2016.)

Ключевые слова: международная торговля углем, мировой рынок угля, газификация угля, сланцевая нефть и газ, загрязнение окружающей среды.

Об авторе:

Фёдор Юрьевич Филимонов – старший специалист в ООО «Сумитомо Корпорэйшн Центральная Евразия». Россия, 125009, Москва, ул. Воздвиженка, 4/7, стр. 2.
E-mail: f.filimonov@gmail.com

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

References:

Barack O. 2020. *Powering Empire: How Coal Made the Middle East and Sparked Global Carbonization*. University of California Press.

Thurber M. 2020. *The Global Coal Market: Supplying the Major Fuel for Emerging Economies*. Cambridge University Press.

Weaving D. 2006. *Reform of Russian Power and Gas*. Derek Weaving & Co., McCloskey's 4th Annual Russian Coal Conference. St. Petersburg.

Weyman-Jones T.G. 2019. *Energy in Europe: Issues and Policies (Routledge Library Editions: Energy)*. Routledge.